

М68 Древняя Индия: Сборник. — М.: Литература; Мир книги, 2004. — 432 с.

ISBN 5-8405-0644-3

ББК 63.3(0)3

ISBN 5-8405-0644-3 © ООО «РИЦ Литература» состав, оформление серии, 2004 © ООО «Мир книги», 2004

Из необозримого числа вопросов, неизбежно встававших перед людьми, как фантом, еще в глубокой древности, наиболее жгучими и волнующими были те, которые касались происхождения и устройства Вселенной, равно как и возникновения рода человеческого, столь непохожего на мир иных живых существ. В донаучную эпоху в распоряжении человека могли быть только мысль и воображение, непосредственное наблюдение и возможность сопоставления разного рода природных явлений. Постепенно выводы, к которым приходили человеческие поколения относительно происхождения мира, приобрели форму мифов. Их, используя греческий термин «космос», принято называть космогоническими.

Древнейшие космогонические мифы индоарьев сохранились в ведах и восходят к представлениям о мироздании, сложившимся у индоевропейцев. «Действующие лица» индоевропейской космогонии, как и у многих других народов, — это Небо, Земля, Небесные светила, Водная и Воздушная стихии. Им в обликах богов приписывалась сверхъестественная творческая мощь, с загадочным проявлением которой люди сталкивались на каждом шагу. Все они мыслились владыками определенным образом упорядоченного ими же пространства и времени и создателями еще в незапамятные времена всего природного мира, включая и мыслящее существо — человека.

В индийских космогонических мифах явственней и ярче, чем в каких-либо других, формируется первоначальная форма логического мышления, уводящая человеческий ум от конкретного к абстрактному и направляющая его к выявлению скрытых от непосредственного наблюдения связей между человеком и миром, в котором он живет, и стоящими за этим миром могущественными силами. Этим силам, еще до создания ими человека, не было чуждо ничто человеческое — тщеславие, любовь, ненависть, коварство, но, разумеется, в масштабах, сопоставимых лишь с космическими величинами.

На почве Индии космогонические представления ариев претерпевали изменения, продиктованные как уникальностью географической и климатической среды этой страны с ее непостижимым богатством и пестротой фауны и флоры, так и развитием научных знаний. У богов-творцов появились противники, воплощавшие могущественные природные силы Индии в виде непроходимых лесов, избыточно полноводных рек, труднодоступных гор. В поздних космогонических мифах все явственнее ощущаются не только мощь индийской природы, ее необычайное разнообразие, но и напряженность духовных и религиозных исканий, пронизанных неотделимым от них духом восточной мудрости.

Кому ведома тайна

В Едином и Изначальном не было ни Сата, ни Асата. Не было и воздушного пространства с широко распростершимся сводом между ними. Что же тогда все покрывало? Что перемещалось туда и сюда? Где? Под чьей защитой? Что за вода была, — бездонная, глубокая?

Не было тогда ни смерти, ни бессмертия. Не было ничего, что отличало бы день от ночи. Единое, никем не одухотворенное, не колебля воздуха, дышало по собственному закону, и не было ничего иного, кроме него. Вначале мрак был сокрыт мраком. Единственное жизненное начало было порождено силой жара в пустоте и в ней пребывало.

Но на него снизошло вожделение, и стало оно первым семенем мысли. Происхождение Сата из Асата открыли мудрецы, обратившись мыслью к сердцу своему. И отделили они Сат от Асата, протянув между ними шнур. Где же был низ, а где верх? Что было оплодотворено и что возросло? Рывок вниз, насыщение — наверху.

Кому ведома тайна происхождения и кто ее провозгласит? Откуда это творение? Сотворенный мир породил богов. Но кто же знает, откуда и как он возник? Само или нет возникло это творение? Было или не было оно сотворено? Знает лишь Всезрящий на высшем небе. Или это неведомо и ему?

Вначале было яйцо

Вначале были только воды, неоглядное море вод. И овладело ими желание творить. Они столкнулись, и запылал жар, отчего возникло золотое яйцо.

Не существовало тогда точного времени, и плавало яйцо так долго, как долго длился год. И за время этого года появилось в яйце живое существо. Это был Праджапати. И если женщина, корова, кобылица производят жизнь в течение года, следовавшего за зачатием, то это потому, что Праджапати родился в течение года, следовавшего за появлением золотого яйца.

Он взломал его скорлупу, но, поскольку не было никакой точки опоры, золотое яйцо долго еще колебалось во мраке, пока длился год. И возникло в течение этого года у Праджапати желание что-нибудь произнести. И он испустил звук «Бхур» — и появилась Земля, «Бхувас» — и появилось Пространство, «Сувар!» — и появилось Небо.

И если верно то, что у ребенка возникает потребность говорить в течение года вслед за рождением, то это потому, что Праджапати заговорил в течение этого года. И если ребенок, впервые заговорив, произносит лишь слова, состоящие из одного или двух слогов, то это потому, что Праджапати, впервые заговорив, произнес слова лишь из одного и двух слогов. Из пяти слогов, которые он произнес, сотворилось также пять сезонов — и именно поэтому сезонов существует пять.

На протяжении года Праджапати выпрямился и встал на ноги, чтобы утвердиться в созданных им мирах. И если ребенок в течение года желает встать на ноги, то это потому, что подняться на ноги захотел в течение года Праджапати.

Праджапати рождался на тысячелетие: подобно тому как с берега реки издали виден противоположный берег, точно так же и он видел издалика противоположный берег своих лет.

Охваченный жаждой творчества, он шагал, напрягая мускулы и распевая гимны. Он вложил в свою душу творческую силу и из своего рта сотворил богов. Он создал их, чтобы заселить небо, отсюда и их название — боги. И поскольку он создал их для того, чтобы заселить небо, это стало для него как свет, сияющий днем.

Затем, подув вниз, он создал асуров, чтобы заселить землю. И когда он их таким образом создал, чтобы заселить землю, они сделались для него как мрак (тьма).

И он сказал себе: «Поистине я сотворил нечто дурное, поскольку это возникло, пусть это будет для меня так, словно сделалось темно». И он поразил их злом, и они от этого перемерли. Именно поэтому нужно считать ложными рассказы или легенды, касающиеся соперничества богов и асуров: ведь Праджапати поразил асуров злом и они немедленно погибли. Именно об этом поет риши:

Не имел ты противников, освободитель. На сражение с тобою кто бы мог выйти? Состязаться с тобой кто бы захотел? Никогда ты соперников не имел.

Между тем из того, что было для него светом дня, когда он создал богов, он создал День, а из того, что было для него как мрак, когда он создал асуров, создал он Ночь. И было положено начало дню и ночи. Вот какие боги созданы Праджапати: Агни, Индра, Сома, кроме сына его Парамештхин.

Рождены они на тысячелетие. И как с берега реки виден издалека противоположный берег, так и боги видели издали противоположный берег своих лет.

Они шагали, напрягая мускулы и распевая гимны и делая усилие. Между тем сын Праджапати, Парамештхин, имел видение — жертвоприношение, которое должны предложить дни Полной и Новой луны. Празднуя их, он пожелал: «Пусть станет для меня возможным сделаться всеми вещами в этом мире».

И стал он Водами, ибо Воды относятся ко всем вещам здесь внизу в той мере, в какой они находятся повсюду, даже в самых отдаленных местах. И в самом деле, если углубиться в любом месте на Земле, несомненно, найдешь воду. Что же касается Парамештхина, то он изливается дождем со своего верхнего местопребывания, то есть с Неба.

Когда сын его стал водами, Праджапати пожелал: «Пусть стану я всеми вещами в этом мире».

Вначале был Пуруша

Сначала не было ничего живого, кроме первочеловека, тысячеглазого, тысячеголового, тысяченогого исполина Пуруши. Родился он от Вираджу, которая от него родилась, и разлегся, прикрыв сушу своим необозримым туловищем спереди и сзади, не оставив на ней ни клочка пустого пространства и возвышаясь над ее поверхностью на десять пальцев. Ведь Пуруша — это вселенная, которая была и которая будет. Таково его величие.

Четверть его — все существа, три четверти, какими он взошел вверх, обрета бессмертие на небе.

Подступили к Пуруше боги, бросили его, как жертвенное животное, на солому, облили маслом, обложили дровами. Из этой жертвы, расчлененной на части, родились гимны и напевы, из нее кони родились и им подобные с двумя рядами зубов, быки родились из нее, а также козы и овцы. Его рот стал брахманом, руки сделались раджанья, бедра — вайшьей, из ног родился шудра. Луна возникла из его души, из глаз — солнце, из уст — Индра и Агни, из дыханья — ветер, из пупа — воздушное пространство, из головы — небо, из ног — земля, стороны света — из уха. Так из первочеловека возникли миры.

Вначале был Праджапати

Возвращаются ветры на круги своя, По своим же следам идет Праджапати — Ведь великая Рита не знает изъятий, И в объятиях Неба ликует Земля. И рождаются боги от Неба-отца, И от жара любви испаряется влага, Возвращаясь с небес благотворною Гангой, Чтобы страстью своей ослепить мудреца, Чтобы разумом не был наш мир обделен, Как враждой и любовью — такой же взаимной, Чтоб одни откровенья, рожденные гимном, Неизменно пылали во мраке времен.

Праджапати в сотворенном им мире был одинок как перст. И подумал он: «Как мне себя продолжить?» Напрягшись, Праджапати воспламенил свой дух и породил из своего рта Агни, пожирателя пищи. Был Агни первым из богов, ведь Агни все равно что Агри, а Агри — это «первый», «стоящий спереди». Пищи же в мире, могущей прокормить Агни, не нашлось, и понял Праджапати, что Агни сожрет его. От испуга он открыл рот и выронил свою Силу, сила же его — Речь — появилась после Агни второй. Чтобы принести жертву, Праджапати потер ладонью ладонь, и они лишились волос. Продолжал тереть Праджапати ладони, пока из них не вылились жертвенное масло и молоко, но они смешались с волосами, отделившимися от ладоней. Поэтому он опрокинул эту смесь в огонь, и превратились волосы в корни и стебли растений, и мир радостно зазеленел.

Так, принеся жертву, Праджапати продлил себя и спасся от обжоры Агни. Так же и тот, кто совершает всежожжение, спасает себя от Агни, готового его сожрать, а когда человек умирает, его возлагают на огонь, сжигающий лишь тело, и он возвращается к жизни из пепла.

После Агни были созданы Вайю и Сурья. Они сказали: «Давайте сотворим существо, и да будет оно четвертым». Очертив место, на котором стояли, боги начали слагать песнопения. Место, очерченное ими и услышавшее гимны, стало Землей, а проведенная ими черта — Океаном.

Совершив это, боги отправились на Восток, пообещав Земле вернуться. По пути им встретилась корова, возникшая из их песнопений. Агни ее возжелал, сказав: «Да будет она мне парой!» Он излил в нее свое семя, ставшее молоком. Оно и поныне белое у любой коровы, черной или бурой, и теплое от Агни.

И решили боги попробовать это молоко, принеся его в жертву. И возник между ними спор, кому это сделать первым. Тогда они явились к Праджапати и спросили: «Кому из нас отведать это молоко первым?»

— Агни! — ответил Праджапати не думая. — Ибо Агни возродит свое семя, а с ним вместе возродитесь и вы. Вторым пусть отхлебнет Сурья, а то, что останется, пусть допьет Вайю, который всюду веет.

Выпили боги молоко и вновь обрели рождение и жизнь.

Вначале было солнце

Земля одно время была неподвижной и бесплодной пустыней. Высились над нею голые, обожженные, не покрытые травами горы. Поэтому живые существа сильно страдали от жажды и голода. Тогда Солнечный бог, словно отец родной, проникся состраданием. Совершая оборот северным путем, он отовсюду собрал своими всепроникающими лучами водяные пары и, возвращаясь южным путем через внутренность земли, наполнил ее живительной влагой. Обернувшись она полем и проросла растениями.

Наделенные шестью вкусовыми качествами — сладким, кислым, острым, соленым, горьким, вяжущим, эти растения стали пригодны для жертвы богам и для пищи всем живым существам на земле. Воистину пища, дающая жизнь, сотворена Солнечным богом, а поскольку он и есть отец всех существ, моли его о помощи, называй одним из ста восьми его священных имен, встречай ликованием как бога среди богов, когда он выезжает на небо на золотой колеснице, запряженной семью рыжими кобылицами, рассекая днями ночи, обращая вспять звезды, которые разбегаются от его всевидящего ока, как застигнутые врасплох воры.

Речь

Река и речь, создал ГосподьИ вдохновением единым,Вас никому не побороть,Для вашей плоти нет плотины.

Боги так же, как и люди, поначалу могли видеть, но не умели говорить и объяснялись между собой знаками. Праджапати дал богам, а потом и людям слова, назвав их речью от реки Сарасвати, потому что слова стекаются в речь, как ручьи.

И стала Речь могущественной богиней, благосклонной к риши. Кудесник, жрец Речи был поющим и пьющим. Он пропускал Речь сквозь свое сердце и давал ей свободно течь к обиталищу небесных богов.

Была Речь женщиной, и к ней потянулись дочери богов. Первой из них была масляноногая Илу, рожденная в небесном океане. Илу не только ходила к Речи на водопой, но с ее помощью выиграла спор с богами.

Боги также возлюбили Речь и не уставали ее прославлять. Ближе всех к ней был Путан. При одном приближении к Речи он распускался, как цветок, и наполнял берега пухом своих деревьев. Также и Сомы, услада пьющих, воссиявший на небесах Луной, упивался красотой Речи. Своими напевами он возбуждал у риши вдохновение, подобное тому, с которым Праджапати создал Речь.

Где это было?

Вишвакарман, отец глаза, мудрый мыслью. Поддались ему эти два мира, как жертвенное масло, и он их породил. И он занял место, принес в жертву эти миры. Молитвою он проник к еще не выявившимся поколениям, сокрыв первое.

Где это было? Что ему служило опорой? Как ему удалось величием и всеохватывающим взглядом распахнуть небо? Единый бог, неоглядный, тысячеликий, тысяченогий, порождает небо и землю, он сплавил все, сбил все своими крыльями. Из чего он вытесал небо и землю? Что это была за древесина? Что за дерево? О, вы, способные мыслить, узнаете ли вы, на чем он стоял, укрепляя миры? Что было вверху, что внизу, а что — в середине? О, Вишвакарман! Сам принеси в жертву свое тело и этим его укрепи!

О, Вишвакарман! Укрепи себя возлиянием, сам принеси себе в жертву землю и небо! Повелителя речи, быстрого, как мысль, и призываем сегодня, при состязании на помощь. Пусть возликует, услышав наши призывы, он, приносящий всем благо и творящий добро!

День и ночь

Поначалу земля была распахнута Вивасвате, и длился бесконечный сияющий день. Поэтому первыми появились дети Вивасваты и Саранью Яма и Ями, поднявшие веки в один миг, чтобы лицезреть Солнце и под ним синий океан. Брат и сестра, близнецы, стали мужем и женой, и наполнилась земля от края до края их счастливыми голосами и смехом. От первой супружеской пары пошло потомство, привольно расселившееся по земле.

Яма и Ями были смертными, и пришло время им умереть, Яме — первому. Он был первым, кого взяла земля, а Ями оказалась первой, познавшей горе одиночества и разлуки. И небо, вместо радовавших богов голосов и смеха, заполнил разносимый ветром заунывный плач. Не стало покоя и Земле. Боги, собравшись, спустились к Ями и стали уговаривать ее успокоиться, объясняя, что исчезновение всех живущих, но не бессмертных — закон, что уйти от смерти дано только богам. Но прародительница не умолкала, продолжая причитать:

— Но ведь он умер сегодня! Только сегодня!

И на это богам нечего было возразить, ибо день рождения и день ухода, день смеха и день плача, день радости и день горя не были еще отделены друг от друга. Подумав, боги создали ночь, отделив ею свет от света, день от дня.

И появилась первая ночь. Выплыла на черное небо луна с бегущей по ней тенью зайца, засмотрелась на него вдова, успокоилась и уснула. Лишь тогда смогли смежить боги свои лотосовидные очи и наконец отдохнуть от стенаний, заполнивших все небо.

С тех пор день сменяется ночью, а ночь днем.

Происхождение смерти

Многие тысячи лет на земле не слышали о Смерти. Потомки Вивасват и другие живые существа рождались, счастливо жили, не зная греха, не умирая. Земля постепенно наполнилась до самых своих пределов людьми, и стали они ей в тягость. И взмолилась она Брахме, чтобы он избавил ее от непосильного бремени. И сел Брахма, положив голову на руку, задумавшись, как уменьшить число живущих в подвластных ему мирах, но мысль не приходила в его голову.

И как всегда в таких случаях, его объял гнев на самого себя и он вырвался из его тела со страшной силой. Запылал мир со всех концов. Страх и ужас объяли все живое, и миру грозило полное уничтожение. Никто из богов не решился приблизиться к творцу вселенной, и только бесстрашный Шива, представ перед грозным владыкой, сказал:

— Не гневайся, Прародитель, на созданных тобою тварей. Не допусти, чтобы из-за них опустела вселенная. Пусть они живут и умирают, но не иссякает их род.

Слыша это, Брахма ввернул в свое сердце животворящий пожирающий огонь. Из гнева Брахмы выступила женщина в багровом одеянии с венком из пышно цветущих лотосов на голове. Не задерживаясь, она направилась к Югу своим путем. Но Брахма ее остановил.

— Куда ты торопишься, Смерть? — сказал он ей. — У тебя в моем мире много дел. Иди и убивай живые существа. Ты возникла из моего гнева, из мысли об очищении бремени излишней жизни. Иди и истребляй неразумных и мудрых.

По мере того как Брахма вещал, лицо Смерти грустнело, а когда он кончил говорить, она разревелась, как простая женщина.

— Будь ко мне милостив, о Брахма, — проговорила она. — Каково мне будет губить ни в чем не повинные существа, разлучать близких и любящих друг друга, лишать родителей возвращенных и любимых ими сыновей, отнимать у детей матерей и отцов? Ведь те, кто останется жить проклянут меня и вечно будут меня жечь их слезы.

— Но уничтожение — это твое предназначение, госпожа, — сказал Брахма. — Ты для этого создана. Иди и действуй!

Смерть покорно наклонила голову и отправилась в путь, по назначению. Но Прародитель оказал ей милость. Слезы, которые она пролила, превратились в болезни, убивающие в положенный срок и дающие смертным время задуматься о смысле жизни. Поэтому на Смерти нет вины. Она госпожа справедливости, лишенная любви и ненависти, выполняющая волю Предвечного.

Бегство и возвращение Агни

Я на смерть порожден моим сознанием, Я ранен в сердце разумом моим, Я неразрывен с этим мирозданием, Я создал мир со всем его страданием, Струя огонь, я гибну сам, как дым.

Узрев золу и пепел у страшных для Агни вечных вод, боги поняли, что обманул их Агни. Опустился Варуна в свою стихию и увидел пылание тел Агни, притаившегося в прозрачной, непроницаемой для влаги оболочке. Агни, поняв, что его хитрость разгадана, спросил:

— Как ты нашел меня?

— По следу поленьев, служивших тебе дорогой, — ответил Варуна.

Опустились в воды и остальные боги. Их принял Яма, заметивший во мраке свечение тел Агни в десяти местах.

— Мы искали тебя повсюду, — проговорили боги. — Почему ты от нас бежал?

— Я боялся службы перевозчика жертв, — ответил Агни, обращаясь к Варуне. — Я не захотел быть в упряжке богов. Вот тела мои скрылись во многих местах, и у меня нет больше никаких забот.

— Иди сюда! — сказали боги все вместе. — Преданный нам человек готовится к принесению жертв, а ты пребываешь во мраке. Проложи же поленья, чтобы вернуться.

— Мне было страшно, — сказал Агни, обращаясь к Варуне. — Я еще молод, и мне тяжело быть колесничим и возить жертвы для богов. Я ушел далеко от страха, я отпрянул, как бык от лука стрелка.

— Не бойся! — сказали боги. — Мы готовим для тебя жизнь, которая не знает старения, чтобы ты, прекраснорожденный, не понес вреда в упряжке. Ведь ты должен принять на себя часть наших забот.

— Я согласен, — отозвался Агни. — Но пусть мне принадлежат безраздельно начатки и конечные части всего твердого из приносимого в жертву, а из возлияний — доля, наделенная питательной силой, жар вод и суть растений и да будет долгим, о боги, мое бытие.

— Будут, о Агни, твоими безраздельно начатки и конечные части всего твердого из приносимого в жертву, а из возлияний — доля, наделенная питательной силой, будет, о Агни, жертва целиком твоею. Да склонятся перед тобою четыре стороны света!

И вернулся Агни, и с тех пор надежно пылает, сияет, освещает, наблюдает за всем на свете, перескакивая с места на место, правит законом, сотрясает горы, поражает тьму и болезни, проникает в глубины душ всех созданий, но никогда не входит в воды, в которых скрывался. Он дружелюбен к людям, особенно к тем, в чьих сердцах от его искр разгорается вдохновение, возвышающее их дух.

Буян Химаваты

Когда на исходе Критаюги словно бы от подземного толчка заколебалась добродетель, Брихаспати решил во искупление грехов провести первое жертвоприношение по известным ему уставам. На Химават были приглашены все пьющие сому и питающиеся дымом жертвенных костров во главе с Индрой, божественные риши и предки вместе с Брахмой. И прибыли они в назначенное время. К их прибытию Дакша уже собрал сучья для костра и привел назначенную для заклания антилопу. Не было лишь Рудры, ибо Дакша не считал его богом, да и жил он где-то на севере, куда никто не знал пути. Узнав об этом, его супруга, добродетельная Сати, бросилась в костер и себя сожгла.

Пылая гневом, как небесный вепрь, Рудра поспешил к месту сборища богов. Он был молод, силен, быстр, неуязвим. Спутанные волосы падали на его покрасневшее лицо. Синяя шея вызывала ужас. Под могучей стопой быка мира, великого асуры небес, колебалась земля, дрожали горы, в низины с грохотом сыпались скалы и огромные камни, уничтожая все на своем пути, неслись снежные лавины. Изменилось течение рек.

Еще издали Рудра пустил в антилопу стрелу. Она поднялась на небо и стала созвездием с этим именем. Если присмотреться, и теперь можно увидеть в ночном небе голову антилопы с запрокинутыми рогами и преследующего ее охотника.

Затем он стал затапывать огонь и наносить увечья богам. Устрашенные буйством, в поту, боги пустились наутек, подгоняемые угрозами Рудры. Только Пушан как ни в чем не бывало уплетал жертвенное приношение. Рудра вышиб у обжоры челюсть, а у Савитара вырвал и разбросал руки.

Пришлось вмешаться Брахме. Он распорядился о выделении Рудре большей части жертвенных даров. Гнев буяна испарился столь же быстро, сколь возник. Боги стали возвращаться на Химават. У Дакши не оказалось головы. Как ни искали, найти ее не удалось, и пришлось ему дать голову горного козла. Рудра вставил взамен выбитых зубов золотые, и он стал улыбаться во весь рот. Савитару отыскивали золотые руки. Они пришли к нему впору.

Обретя привычный облик и успокоившись, Рудра вступил в брак с Землей, одевшейся в шкуру пятнистой коровы. От этого союза произошли тридцать семь воинов-богатырей Марутов (или Рудриев), принятых на службу Индрой. К Рудре- «1мужеубийце» обращались с молитвой — не убивать ни большого, ни малого, ни отца, ни матери, не наносить вреда телу, семени, коровам и лошадям. Но как супруг Земли, посылающий оплодотворяющий дождь, он мог мыслиться исцелителем, и его молили о даровании плодородия, о лекарствах, дарующих долгую жизнь. Таким образом, в Рудре сочетались, казалось бы, совершенно несоединимые черты. Возможно, это объяснялось тем, что он был божеством «лунарного цикла», связанным с культом плодородия и в то же время олицетворяющим идею смерти.

Брахма — бог-творец

Будучи одним из богов вед, Рудра впоследствии сливается со сходным ему по функциям Шивой, и это в нем усиливает космические черты. В нем видят космического правителя, повелителя и творца богов, великого мудреца, создающего «золотой зародыш».

Наказание Дьяуса

Так наряду с 11 рудрами, 12 адитьями, Дьяусом и Притхиви появились восемь Васу — дружных, близких Земле братьев-богов. Как-то они вместе с женами бродили по лесу, богатому сладкими кореньями, плодами и водой, услаждаясь на восхитительных холмах и в рощах. И там супруга Дьяуса увидела прекраснейшую корову с полным выменем, с пушистым хвостом и красивой мордой и показала ее своему супругу.

— Я давно наблюдаю за этим превосходнейшим из животных, — сказал Дьяус. — Это дочь Дакши, а пасет ее отшельник Васиштха. Видишь, он сидит на опушке и насыщается. Эту еду ему дает корова, выполняющая любое желание. Тот из смертных, кто вкусит ее молока, будет жить десять тысяч лет, сохраняя юность.

— О мой супруг! — воскликнула Притхиви. — У меня есть в земном мире подруга Джанавати, совершенная по красоте. Ради нее приведи мне эту корову, ибо я хочу, чтобы Джанавати радовала мой взор десять тысяч лет.

Услышав это, Дьяус, желая сделать супруге приятное, похитил волшебную корову с помощью своих братьев. Васиштха же, завершив трапезу, отправился к корове, но не нашел ее. Обладая всеведением, он понял, что животное похитили Васу по наущению Дьяуса. И он проклял их. Семь Васу как пособники были обречены жить среди людей год, Дьяус же обречен жить в земном мире многие столетия.

Восемь Васу

Не выветрилось из памяти певцов гимнов имя Пратипа, наделенное величайшим блеском. Носил его благочестивый царь, отказавшийся от власти ради размышлений и молитв на берегу Ганги. И сама река, им восхищенная, приняла соблазнительный женский облик богини красоты. Погруженный в размышления, Пратипа поначалу не заметил женщину, но, почувствовав жаркое прикосновение к своему правому бедру, обратил к ней лицо.

— Что я могу для тебя сделать, красавица? — спросил он ее.

— Обладай мною, о царь, — ответила Ганга, не терпящая возражений. — Я тебя полюбила, а отказ женщинам, которые полюбили, великий грех.

— Ко мне это не относится, — отозвался Пратипа. — Я дал обет не вступать в связь с женою другого или с женщиной другой варны.

— Но ведь я красива, — возразила Ганга, — и высокого происхождения. Обладай же мною, девственницей, полюбившей тебя.

— Я не нарушу обета, — сказал царь и, осененный свыше, добавил: — К тому же ты прислонилась к моему правому бедру, предназначенному для дочерей и невесток. Для возлюбленных, да будет тебе известно, оставлено левое бедро. Будь же моей невесткой, прекрасная. Я избираю для тебя моего сына Шантану. И отправляюсь в столицу, чтобы известить его о своем решении.

Возвратившись в свое царство, Пратипа вызвал Шантану, пришедшего в возраст, и сказал ему:

— Когда я молился богам у Ганга, меня посетила женщина, чрезвычайно красивая, достойная тебя. Постарайся охотиться на берегу, и если к тебе сама подойдет женщина, не спрашивай ни о чем. Обладай ею, отдающей себя достойному.

Подчиняясь воле отца, взял Шантану лук со стрелами и направился к Ганге. Убивая антилоп и буйволов, он достиг заводи и увидел женщину, сиявшую красотой, как богиня, восседающая на лотосе. Шантану был поражен, и волоски на его теле поднялись от восторга. Женщина подошла к потерявшему дар речи Шантану и сказала ему:

— Я буду твоей послушной супругой, о хранитель Земли. Но, что бы я ни делала, доброе или недоброе, — ты не должен удерживать или осуждать меня, иначе я тебя покину.

— Хорошо! — сказал Шантану. — Мой отец уже предупредил меня, чтобы я тебя ни о чем не спрашивал. Я подчиняюсь его и твоей воле.

Так прелестная Ганга, одаренная дивной красотой, река-богиня, текущая тремя путями, сделалась женой Шантану, льва среди царей. Она услаждала его страстью, утонченными ласками, проворством и плясками. Увлеченный этим, Шантану не замечал времени и произвел семь сыновей, подобных бессмертным, но не наслаждался радостью отцовства, ибо каждого из родившихся бросала возлюбленная Шантану в воду.

Когда же родился восьмой сын, названный Бхишмой, царь, мучимый скорбью, жаждущий иметь сына, обратился к роженице:

— Кто ты и чья, сыноубийца? Остановись, презренная!

— Я оставляю тебе этого сына, — ответила женщина. — Но, как условлено, я от тебя уйду. Зовут меня Ганга. Воды, куда я бросала новорожденных, — мое тело, дающее бессмертие. Я приняла человеческий облик, чтобы произвести на свет сыновей-богов от смертного. Ты же воспитай моего сына в благочестии, и пусть он носит еще и имя Гангадатты. Ведь он тоже бог, один из Васу.

Деяния Индры

Могуч разумом и силен прекраснорукий Тваштар! Не раз и не два прибегали к его благосклонности боги, будучи уверены, что какой бы ни была просьба, отказа не будет. Ведь вылепил господин всех форм для Индры, одного из сыновей Адити, золотую колесницу, запряг в нее светозарных коней, вручил ему громовую стрелу Ваджру, которой тот без промаха разил и испепелял недругов. И создал же он для него лунообразную чашу для сомы, напитка богов, заменившего Индре молоко, ибо мать не пожелала ни производить Индру на свет, ни вскармливать его божественной грудью.

Мачехой Индры стала демоница из рода асуров, злобная и завистливая, как вся ее порода. Презрев благодеяния своего супруга Тваштара, она породила сына — трехголовое чудовище Вишварупу, необыкновенной силы и ловкости. Одними устами он декламировал веды, другими тянул вино, через третьи набивал пищей необъятное брюхо.

Вишварупа сочувствовал матери, замышляя черную измену богам, однако готовясь перейти на их сторону в благоприятный для этого момент. Всевидящий Индра, проведав о коварных замыслах изменника, убил его, но Тваштар, не поверив, что рожденный им сын — враг богов, пришел в ярость и принес клятву обрушить на богов месть. И создал он из сомы и пламени мстителя, первого из демонов, не-человека и не-бога, некое змееобразное существо Вритру, без рук, без ног, без плеч, с пастью, изрыгающей огонь. Заполз Вритра на гору и стал расти, разворачиваясь в девяносто колец, преграждая путь всем ручьям, рекам и потокам, стекавшимся в моря, подобно мычащим коровам, бегущим к своим телятам. И все воды потекли в пасть дикого и хитрого зверя, так что он стал еще больше пухнуть и раздуваться, грозя поглотить мир и всех, кто его населяет. Земля же, лишенная влаги, стала сохнуть и трескаться. И более не поднимался к небу ее жертвенный дым, угодный богам.

Узрев это, взошел Индра на колесницу с ваджрой в правой руке и приблизился к гороподобному Вритре. На пятьсот йоджан уходил он вверх и свыше трехсот йоджан был в объёме. Такого могучего живого холма не было еще в трех мирах. И затряслись у Индры поджилки, и дал он знак колесничему отступать. Но со всех сторон устремились к Индре боги и, представ перед ним, произнесли хором:

— О Могучий! Великий! Грозный! Нестареющий! Веди нас на Вритру! Ведь ты рожден и вскормлен, чтобы побеждать. Испепели ракшаса страшной стрелой молнии.

И тогда раздался рев раковин и грохот барабанов. И разразилась битва.

Могуч был Индра. Но могуч был и Вритра. Приоткрыл он свою чудовищную пасть, напрягся и выпустил из себя огненный смерч. Богов смело, как кучу опавших листьев, и разнесло по ветру. Один лишь Индра удержался на ногах. Увидев это, Вритра втянул в себя воздух огромной грудью, и понесло Индру, как перышко, в чрево чудовища. Напряжение Вритры было столь велико, что, обессилев, он тотчас погрузился в сон.

Воспользовался этим Шива и наслал на Вритру через ноздри неудержимую зевоту, и Индру со страшной силой вышвырнуло наружу. Не теряя ни мгновения, Индра нанес дракону удар по затылку. Издав громкий рев, Вритра опрокинулся. Но из его тела выскочила черно-желтая устрашающая Брахмавадхья и стала преследовать Индру.

Как испуганный орел, улетел Индра на край земли и, уменьшившись в размерах, укрылся в почке лотоса. Прошло немало времени, пока Брахма отогнал смерть и извлек из почки перепуганного Индру. Укрепившись духом, Индра отправил своих слуг на разведку. Увидев издалека, что дракон недвижим, посланцы Индры пустились в пляс. Но подойти к Вритре близко они не смогли, ибо воды, плененные в чреве чудовища, по повелению Брахмы вырвались наружу и, сметая все на своем пути, потекли к своему средоточию — Океану.

С этого времени Индра, прозванный Вритроубийцей, стал править миром, подобно царю. Он охватил вселенную, как обод колеса, и ее обустроил. Он рассек пополам труп Вритры. Оставшиеся в его чреве воды образовали семь рек, и понеслись они, гремя камнями, как колесница, мыча, подобно коровам, дающим людям молоко.

Далеко-далеко на Западе, перед тем как окунуться в Океан, Солнце прощалось с Землей. Тогда его лучи превращались в коров, спускавшихся на луг у крайней из рек по имени Раса. Здесь обитали необычайно хитрые и столь же свирепые существа — пании. Как-то раз они похитили коров и препроводили их в пещеру, закрыв из нее выход скалой. Когда Солнце вновь поднялось из мглы, оно не отыскало своих лучей, и мир погрузился в крошечный мрак.

Индра, поняв, что это проделки пании, послал на Запад божественную собаку Сараму. И помчалась она вприпрыжку, легко находя дорогу, добежала до реки Раса, одним махом через нее перепрыгнула и уткнулась влажным черным носом в скалу, из-за которой едва доносилось жалобное мычание.

Тем временем пании вышли из своих укрытий и, сделав вид, что удивлены появлением собаки, спросили ее:

— Почему ты здесь, Сарама? Что заставило тебя проделать столь далекий и опасный путь?

— Я ищу похищенных коров, — ответило бесхитростное животное. — Меня отправил сам Индра.

— Индра? — повторили пании, переглядываясь и пожимая плечами. — Кто бы это мог быть? Как он выглядит? Почему бы ему не явиться самому? У нас как раз не хватает пастухов, и ему бы нашлась работа.

— Когда явится Индра, не быть вам живыми! — рявкнула Сарама. — Отдайте коров добром. Все равно они вам не достанутся.

— Не предрекай, не зная! — проговорили пании поучающе. — Коровы надежно спрятаны; тому же, кто вздумает их отнять, полезно знать о том, что руки наши сильны. Тебе, Сарама, незачем торопиться, лучше останься с нами. Будешь нашей сестрой. Мы поручим тебе коров, и ты отведешь их на водопой.

При слове «водопой» у Сарамы язык высунулся из пасти. Торопясь выполнить поручение Индры, она не успела напиться.

— Не надо мне коров, — прорычала собака, — но я бы отведала их молока.

При этих словах глаза паниев зажглись радостным блеском. Они понимали, что слуга, согласившийся принять от врагов господина что-либо в дар, не будет ему верен. Так и случилось. Как только Сарама вылакала поставленную перед нею чашу с молоком, она и думать забыла о коровах. Мрак же, в который погрузилась земля, ее не волновал. Она перепрыгнула Расу и по своему же следу добралась до Индры.

Увидев ласково вилявшую хвостом Сараму, Индра строго взглянул на нее:

— Ты одна? А где же коровы?

— Я их не нашла, — бесстыдно пролаяла Сарама.

Догадавшись по выражению глаз, что животное лжет, Индра ударил ее ногой, и она изрыгнула молоко.

И пришлось Сараме уже знакомой дорогой вновь мчаться на Запад. Индра же следовал за нею

на колеснице, сам погоняя коней, в сопровождении могучих волшебников. За рекою Расой волшебники направились к скале, близ которой их ожидала Сарама. Они прошептали несколько слов, и отлетел огромный камень, закрывавший вход в пещеру. На пороге ее стоял тюремщик коров Вала. Грозным воем он попытался напугать пришельцев. Но Индра сразил его не дающей промаха громовой стрелой, и тогда коровы, с радостным мычанием покинув место своего заточения, тотчас же взмыли в небо. Стало понемногу светать. На восточной стороне неба показалась розовая колесница с восседавшей на ней богиней Зари, а вслед за нею и солнечная колесница.

И возликовал мир, прославляя победителя Индру, приходящего на зов, повелителя благ, громовержца, самодержца неба и земли, несущего гибель врагам. Пании же, как и предрекала Сарама, были истреблены, а их сокровища достались волшебникам.

Обитель бессмертных

Уже добыта из вод океана амрита и асуры изгнаны в царство Ямы, в подземный мир. Боги могли торжествовать. У них не было больше противников. По установленным ими законам правили цари. Брахманы совершали предписанные ими обряды. В посвященных им лесах отшельники совершали благочестивые обеты. Видя все это, Индра избрал местом своего пребывания и царствования небесный город Амаравати («Обитель бессмертных»).

Был он чем-то похож на земные города, но в его стене было не десять, не сто, а тысяча ворот. Улицы были замощены не камнем, а золотом. Стены ста дворцов были из драгоценных камней. В воздух поднимались струи фонтанов, создавая прохладу. За стенами на берегу реки зеленела дивная роща Нандана с лotosовыми прудами. Здесь паслась божественная корова Сурабхи. В тени деревьев, исполняющих любые желания, звучала музыка. Тут же росло дерево с золотою корою, добытое при пахтанье океана, — его благоухание наполняло весь мир. У входа в город стоял на страже слон Айравата, огромный и белый, как облако. И кто бы, видя его, посмел вступить в Амаравати без соизволения Индры?

Бог Индра — повелитель небесного царства

Сам он избрал дворец Пушкамарамалини, где восседал на троне под белым опахалом со своей супругой Шачи в окружении божеств бури и грома марутов, риши и сонма богов. Его слух услаждали песнями и танцами апсары.

В этом городе, невидимом для грешников, не знают ни старости, ни болезней, ни страха. Сюда после смерти попадают благочестивые и добрые люди, а также отважные воины, не дрогнувшие на поле боя. Случалось здесь побывать и живым, если они дороги Индре.

Напиток богов

Поначалу боги ничего не знали о Соме, не вкушали его, и жизнь их была лишена ликования. Сوما же, пребывая во чреве матери своей Синдху, небесной реки, крошечным стебельком, знал обо всех сменяющих друг друга поколениях богов, еще не ставших бессмертными.

Едва выйдя на свет, Сوما был похищен демонами и спрятан на вершине высокой горы за ста железными воротами, закрытыми на сто замков. Охранять его поставили стрелка Кришану, беспокойного мыслью, не ведающего сна.

И задумал Индра освободить Сому, который и сам жаждал превратиться в сок, коснуться божественных губ, пронизать все тело пьющих и стать соучастником их великих деяний; но всего этого он был лишен, пока не вызвал Индра могучего Орла, сказав:

— Лети и вызволи Сому!

И взлетел Орел к горе — темнице Сомы, пробил одним махом сто ворот, схватил клювом потянувшийся к нему стебель и двинулся к Индре и другим богам. Кришану успел пустить вдогонку Орлу всего лишь одну, но не дающую промаха стрелу. Пробила она одно из маховых перьев и вырвала его (иногда его и поныне можно увидеть в утреннем небе). Орел же устремился дальше.

И принял Индра Сому из клюва орла. Один из отростков он воткнул в землю, чтобы Сوما рос всегда, а остальную часть стебля выжал, очистил, выпил и дал выпить богам. И стал Сوما другом и союзником Индры. Ни одного подвига он не совершал без Сомы. Он помог ему найти коров, спрятанных паниями, а также сокровища этого народа и даже участвовал в уничтожении Вритры. Оттого-то, прославляя Индру, мы прославляем и Сому.

По широте своего сердца Индра поделился Сомой со всеми, и с тех пор к Индре стремятся обитатели всех трех миров — далекие, средние и близкие, пользующиеся миром и воюющие, бескорыстные и стремящиеся к добыче. Тот же, кто пренебрегает всевозбуждающей Сомой, кто бессмысленно копит в доме своем богатства и прячет их от других, не дождется от Индры добра: могущественнейший бог обрушит на него гром и молнию, развеет все им нажитое по ветру.

С моделью двуединого мира древнейшего памятника индийской и индоевропейской мифологии вед связано представление о двух группах могущественных сверхъестественных существ — асурах и богах. В религии древних иранцев термин «асура» входит в имя верховного бога Ахурамазда, боги же («девах») это класс враждебных Ахурамазде не-богов, демонов. В ведийской мифологии, напротив, девы — это боги, а асуры — их противники, владеющие демоническими чертами, однако не являющиеся порождением зла. Это могущественные соперники богов в еще не оформившемся космосе, а порой и их временные союзники, как, например, в мифе об обретении бессмертия, которое похищается богами, тогда как из числа асуров бессмертия добывается лишь один Раху, которому удастся глотнуть амриты.

И более того, асуры — старшие братья богов, рожденные Праджапати (или Брахмой), обладающие мудростью, мощью и колдовской силой (майей). У них три города, железный, серебряный и золотой, обладающие совершенной организацией, однако не избежавшие порчи и поэтому обреченные на гибель.

Асуры мыслятся древней почвой, на которой выросли боги. В одном из гимнов «Ригведы» Агни и Сома — сыновья перворожденного демона Вритры, отождествляемого с асуром. Они настолько тесно связаны с ним, что знают о его коварных намерениях и в состоянии предупредить о них Индру и этим обеспечить его победу. С другой стороны, у Индры возникает трудность, как уничтожить Вритру, не причинив вреда Агни и Соме.

Другое величайшее божество ведийского пантеона, Варуна, колеблется в выборе статуса. Одной ногой этот «вседержитель» находится в мире асуров, другой — в мире богов. Когда его помыслы обращаются к богам, Индра предлагает ему власть над вселенной. И эта двойственность выходит за рамки вед. В «Махабхарате», где мир уже мыслится поделенным между богами и Варуна оттесняется в нижний, подземный мир, во дворце ему прислуживают асуры.

В эпоху брахман асуры, связанные с ночью и тьмой, окончательно мыслятся противниками богов, и асуры появляются почти всегда лишь в сюжетах, связанных с войнами между ними и богами. При этом они трактуются как непримиримые противники богов, вынесенные за пределы принадлежащего богам мира. Они — духи изгнания, обладающие собственными твердынями, словно бы оставленными для того, чтобы победителям было на ком демонстрировать свое превосходство.

Трипура

Решив населить мир мыслящими созданиями, творец всего сущего Праджапати принял образ черепахи, носившей имя Кашьяпа, и от нее произошли все живые существа. От двух сестер, Дити и Адити он имел сыновей — асуров и богов, от других женщин — гандхарвов, пасар, ракшасов, а также животных и птиц.

С начала времен между братьями, асурами и богами, разгорелась жестокая распря. Вождь асуров Тарака стремился унижить и подчинить богов. После того как войско богов возглавил Сканда, Тарака стал терпеть поражения, а затем был убит Индрой. Было у Тараки три сына: Таракакша, Камалакша и Видьунмалин. Суровым подвижничеством они заслужили милость Брахмы, и им было позволено утвердиться в безопасном от нападения месте по их собственному выбору.

Братья обрадовались этому дару и обратились за советом к жившему в те времена могучему асуру Майе, сыну Вапиричити и Дити. Покинутый своей женой апсарой Хемой, Майя уединился в лесу и здесь его отыскивали сыновья Тараки и попросили указать место для жизни.

Оставшись один, Майя задумался, и столь велика была сила его мысли, что раскалилось все вокруг и окуталось облаками горячего пара. Тогда к нему явился сам Брахма.

Вишну, Шива и Брахма

— Ну и что ты надумал? — спросил он.

— Давняя вражда к нам богов одолевает нас. Боги сильнее нас в битвах на земле, под землей, на дне океана. Я хочу воздвигнуть для трех братьев три города, которые не могли бы разрушить ни боги своим оружием, ни брахманы — своими проклятиями. И пусть они существуют вечно.

— В мире нет ничего вечного, — отозвался Брахма. — Твоя просьба невыполнима.

— Тогда, — сказал Майя, — пусть города будут неуязвимы для всех, кроме Шивы, да и он пусть может их разрушить только одной стрелой.

— Пусть будет так! — молвил Брахма, удаляясь.

Возликовали сыновья Тараки, узнав об этом решении, ибо они не представляли себе, как можно разрушить сразу три города одной стрелой.

Майя тотчас же приступил к работе. Силой своего подвижничества он воздвиг три города, один из золота, другой из серебра, третий из железа, таким образом, что железный город был врыт в землю, серебряный высился над ним, а над серебряным, уходя в самое небо, высился золотой город.

В каждой из трех частей единого города жили и правили сыновья Тараки со своими женами и свитой. Там всегда разносились опьяняющие звуки, издаваемые подвешенными колокольчиками. В золотой части Трипуры был пруд с живой водой, исцеляющей раны и оживляющей мертвых. У высоких железных, серебряных и золотых стен днем и ночью стояли воины, вооруженные копьями.

Прослышав о чудесах Трипуры, туда в великом множестве хлынули асуры с женами и детьми, и в трех городах появились многочисленные храмы и жилые строения. Здесь асуры радовались спокойной жизни, прославляли в молитвах и гимнах искусного зодчего и вождя асуров Майю.

Но благоденствие не вечно, как все другое. Однажды Майе приснился страшный сон, и он тем же утром собрал асуров, чтобы о нем рассказать. «Приснилось мне, — сказал он, — что в Трипуру проникло множество женщин ужасного облика. Они проникли в ваши дома и посеяли там раздор, ненависть, зависть. А потом я увидел великана, четырехногого и трехглазого, который стал преследовать этих женщин. И тут я проснулся. Я не знаю, что значит этот сон, но я взываю к вам, будьте добры друг к другу. Не допускайте в ваши сердца злобы и зависти».

Выслушав Майю, асуры разошлись, казалось бы, в решимости следовать его совету. Но на другой день их трудно было узнать. Словно бы и впрямь в их дома проникли женщины-невидимки с именами Злоба, Зависть, Вражда, Неистовство. Они перестали оказывать уважение старшим и почитать предков. Они забыли об омовениях и восходили на ложа грязными. Они перестали украшать свои жилища, топтали цветы, вырубали рощи. Они стали чинить притеснения жрецам. Опустили храмы. Загасли огни на алтарях. Все это предвещало гибель Трипуры.

Богиня Кали и Махиши

После жестокой битвы, в которой над асурами взяли верх боги, мать асуров Дити, горя о погибших сыновьях, обратилась к одной из своих дочерей: «Иди в леса и не щади своей плоти. Пусть силой твоего ревностного подвижничества родится у тебя сын, который одолеет Индру и отомстит за твоих братьев».

Приняв решение матери к сердцу, отправилась девушка в лес и там, превратившись в буйволицу, поразила весь мир своим подвижничеством. И, как было предсказано Дити, она родила сына-демона в облике буйвола. Дали ему имя Махиши («буйвол»). Уже с первых дней он одним движением сносил вековые деревья. Его горячее дыхание обжигало все вокруг. С годами сила его возрастала.

Видя это, к нему явились асуры.

— Знай, — сказали они, — когда-то мы, как старшие братья богов, властвовали на небесах. Но Индра опоил нашего прародителя Намучи сомой, смешанной с хмелем, лишил его силы и убил, а затем взял себе в жены его дочь Шачи. Верни нам наше царство и нашу мощь. Разгроми супруга Шачи и все воинство богов.

Выслушав эту речь, Махиши проникся гневом и ринулся на обитель богов Амаравати и повел за собою полчища асуров. Сто лет длилась битва между богами и асурами. На этот раз асуры взяли верх. Индра был свергнут с небесного трона, и на него воссел Махиши. И пришлось богам клонить головы перед асуром-буйволом.

Не в силах вынести высокомерия победителя и нестерпимого гнета, боги пришли к Брахме, Шиве и Вишну с поклоном. Они поведали ему о бесчинствах буйвола, вырывающего своими рогами горы и баламутающего океан, о его прихотях, которым они вынуждены потакать.

По мере того как шел рассказ, пламя гнева трех властителей вселенной росло, когда же он был закончен, оно слилось в огромное огненное облако, не уступающее по величине горе Меру. И из этой тучи, охватившей огнем всю вселенную, возникла женщина. Пламя Шивы стало ее грозным ликом, сила Ямы — копной ее волос, мощь Вишну перешла в ее руки, могущество Варуны досталось ее ногам, мать-земля Притхиви дала ей широкие бедра, опоясанием стала сила Индры, пятки ей дал всевидящий Сурья, зубы — Брахма, пылающие глаза — Агни.

От богов было ее оружие. Индра не пожалел для нее важды, Яма — жезла, Варуна — петли, Вишвакарман — топора, Сурья — лучей. Химават — владыка всех гор привел ей льва. Богиня Времени Кала дала ей свой меч. Царь царей Кубера, приравненный к богам, притопал на своих трех ногах и вручил кубок с вином.

Оглядев богиню, боги дали ей имя Кали и воскликнули: «Ты победишь!» Издав воинственный клич, потрясший миры, Кали ринулась в битву. Махиши вышел ей навстречу со всем своим войском. Тысячи асуров напали на богиню, кто на колесницах, кто на слонах, кто на конях. Но она отражала их удары тысячью своих рук. Из дыхания Кали вырастали тысячи воинов. Лев, на котором она восседала, терзал ряды асуров.

Наблюдая за битвой и направляя ее ход, Махиши вынужден был прийти на помощь своему воинству. С грозным ревом он кинулся на богов, одних топча копытами, других поднимая на рога, третьих сражая ударом хвоста. Он был такой длины, что конец его достиг океана. Вызванная им буря обрушилась на сушу, и многие были смыты волнами.

Но, выждав момент, когда Махиши вскинул голову, Кали набросила на его шею петлю Варуны и ее затянула. Но силой майи асур покинул тело буйвола и обратился в огромного льва. Богиня взмахнула мечом Калы и снесла ему голову. Но в тот же миг Махиши обратился в человека. Когда она пронзила его стрелой, Махиши принял облик слона и занес над Кали свой хобот. Богиня отрубила его топором Вишвакармана. И вновь Махиши стал буйволом и стал рыть землю и швырять в Кали горы и скалы.

Отбившись, богиня поднесла к губам кубок Куберы, и красная влага потекла у нее по губам.

— Ревнивец, пока я пью вино! Тебе уже не услыхать рева богов, когда они узнают, что ты мертв.

Совершив прыжок, она обрушилась на асура сверху всей своей тяжестью, не дав ему пошевелиться и принять новый облик. Ему, полузадушенному, она отрубила голову.

И возликовали боги, возглашая хвалу победительнице. Она же им сказала: «Когда у вас будет нужда, о боги, всегда обращайтесь ко мне».

Укрепление Земли

Ни в чем не уступали друг другу боги и асуры. Между тем в те времена Земля колебалась под дуновением ветра, словно листок лотоса, из стороны в сторону. Когда она приближалась к богам, глаза их загорались радостным блеском, когда уходила к асурам — грустнели. И длилось это до тех пор, пока у богов не иссякло терпение. Тогда они сказали друг другу:

— Давайте укрепим Землю опорой, чтобы она была обращена к нам одним. Установим на Земле два жертвенных огня, чтобы воспрепятствовать асурам иметь долю на этой Земле.

И они натянули длинный кусок кожи на деревянные колышки и закрепили точку опоры, которая стала, таким образом, твердой и недвижимой. После этого они поставили два жертвенных огня и этим воспрепятствовали своим соперникам иметь долю на этой Земле.

Таким же образом в этом мире и поныне укрепляют двумя булыжниками точку опоры, которая становится пространством, закрытым для посторонних. Это ограда, препятствующая всякому, кто таит зло. Жертвователю же следует иметь долю в жертвоприношении. И именно поэтому на огражденном месте делают из камней горку.

Рождение Будхи

Блистательную свиту Индры возглавлял бог Луны, владыка созвездий Сома. Доверил ему Брахма планеты, звезды, жрецов и жертвоприношения. Возгордившись сверх меры, похитил ненасытный Сома у семиустого Брихаспати его прекрасную спутницу звезду Тару. Напрасно мудрецы уговаривали Сому довольствоваться имеющимся и не пялить глаза на чужое. Не помогло и приказание Брахмы вернуть Тару. Похититель не собирался отпускать полюбившуюся ему красавицу, полагаясь на свою силу и на поддержку Шукры, наставника и жреца асуров, и объявил, что берет ее в жены. И по этому случаю решил он побриться и пригласил Савитара. Тот явился с медным лезвием и горячей водой в сопровождении Адитьев, Рудры и Васу, умелых во всем. Они смочили Соме бороду, а Савитар ее сбрил, пожелав супружеской паре коров, коней и потомства.

Но началась великая распря из-за Тары между богами и асурами, переросшая в войну, едва не уничтожившую все три мира. Богов возглавил медно-красный владыка зверей Рудра, вышедший из чела Брахмы в облике вепря. Строй асуров повел Шукра. Земля содрогалась от ударов ног и копыт, от грохота колесниц и оглушающих боевых кличей. Обратилась она в ужасе к Брахме, моля его положить конец бессмысленному побоищу.

Вняв просьбе Земли, Брахма бросил на Рудру и на Шукру грозный взгляд. Нехотя покинули они, каждый со своим воинством, поле боя. Прекрасная Тара покинула Сому и вернулась в жаркие объятия своего супруга. В назначенное время родила она младенца такой необыкновенной прелести, что и Сома и Брихаспати поспешили провозгласить его своим отпрыском и наследником.

И вновь разгорелся спор, и соперники схватились за оружие. Не было иного пути для решения спора об отцовстве, как обратиться к Таре. Но она словно в рот воды набрала, то ли от стыда, то ли из желания удержать благоволение обоих богов. В спор вмешался сам младенец, которому также не терпелось узнать, кто же его родитель.

— Отвечай, а то будешь мною проклята! — пригрозил он матери.

Услышав это от только что родившегося, Тара едва не выронила его из рук. К требованию младенца присоединился и Брахма.

— Сома, — ответила Тара, покрывшись краской стыда. — Всезнающий, всевозбуждающий Сома — твой родитель, о сын мой.

Так Сома победил Брихаспати и взял сына себе. Он дал ему имя Будха (Мудрый), ибо не каждый новорожденный обладает осмысленной речью. Однако Тара осталась с Брихаспати.

Ушанас и Прахлада

Предводителем асуров во время войны за Тару, супругу Брихаспати, был Ушанас, сын Бхригу. Сражаясь один на один с могучим Шивой, он ловко уходил от его трезубца, но, изловчившись, он вскочил на плечо бога, а оттуда на его голову, а с головы опять прыгнул на плечи. Наконец поймал Шива асура ртом и проглотил его. Однако, сжалившись над ним, Шива его изрыгнул, и меж ними завязалась дружба. Шива заботился об Ушанасе, как о родном сыне.

После того как асуры окончательно сошли со стези добродетели, между ними и богами вновь разгорелась война. Боги, ведомые Индрою, стали побеждать. Видя, что им не устоять, асуры решили отдать богам власть над миром и уйти в подземные глубины. Но Ушанас ободрил их: «Не отчаивайтесь! Я вам помогу. Мне доступно знание целебных трав и сила заклинаний. Я использую их вам во благо».

Сказанное стало известно богам, и они испугались, как бы сын Бхригу не отобрал у них вселенную. Против асуров были брошены все силы. Но Ушанас взял их под защиту и обратил преследователей в бегство. После этого он отправился к Шиве, надеясь выведать у него путь к победе.

Вскоре послан к богам был отправлен царевич Прахлада. Вот его речь: «Мы решили прекратить войну с вами, покинули боевые колесницы. Облачились в одеяния из коры. В далекой пустыне мы будем умерщвлять свою плоть». Удовлетворенные признанием поражения, боги вернулись в свое царство. Между тем Ушанас был принят Шивой, и тот дал ему совет совершить великое подвижничество, тысячу лет висеть на костром вниз головой, вдыхая дым. «После этого ты получишь великое знание!» — закончил Шива.

Весть об этом дошла до слуха Индры. В страхе, что Ушанас возьмет над ним верх, он посылает к нему свою дочь, прекрасную Джаянти, с повелением очаровать своего недруга. И стала Джаянти служить Ушанасу, растирала ему руки и ноги, умащала их мазями и оказывала другие услуги.

По окончании тысячелетия обета Шива даровал ему знания, не доступные ни богам, ни кому-либо другому во вселенной. И стал Ушанас непобедимым.

Обратившись к Джаянти, он сказал:

— Ты, дева, была со мною все эти годы и делила тяжесть подвижничества. Чем я могу тебя за это вознаградить? Любое твоё желание будет выполнено.

— Зачем ты меня спрашиваешь? — отозвалась Джаянти. — Ведь тебе дана способность проникать в мысли другого.

— Итак, ты хочешь провести со мною сто лет, и мы были бы невидимыми для других, — сказал Ушанас. — Да будет так.

И они удалились к себе домой, став невидимыми для всего мира. Асуры, узнав об исполнении Ушанасом обета и об оказанной ему Шивой великой милости, пришли к его обители. Но они его не отыскали и не нашли никаких его следов. Решив, что слух об исполнении обета был ложным, они возвратились. Индра же знал, что его дочь находится с Ушанасом. Он обратился к Брихаспати, повелев ему немедленно идти к асурам и, пока с ними нет Ушанаса, совратить их с истинного пути. Брихаспати принял облик Ушанаса и явился к асурам, принявшим его с распростертыми объятиями.

— Мы ждали тебя тысячу лет, — сказали они. — Учи нас теперь всему, что знаешь, и мы одолеем богов.

Прошло сто лет, и Ушанас, выполнивший каприз Джаянти, решил вернуться к асурам. Каково же было его удивление, когда он увидел Брихаспати в своем облике, в окружении благочестивых асуров.

— Наставник богов! — обратился он к нему гневно. — Есть ли у тебя совесть! Ты совращаешь моих учеников, которые теперь меня не узнают. Твои деяния недостойны брахмана. Убирайся, если хочешь остаться цел!

Услышав это, сын Ангираса расхохотался.

— Смотрите! — обратился он к асурам. — Мне приходилось видеть воров, крадущих чужие вещи, а о такой диковине я даже не слышал. Уходи отсюда, Брихаспати, принявший мой образ.

Тебе здесь никого не обмануть. Ведь я сразу после выполнения обета пришел выполнить свой долг, а ты сто лет размышлял, как бы обмануть асуров.

И что бы после этого ни говорил Ушанас, как он ни клеймил самозванца позором, как бы ни убеждал асуров, ему не верили. И проклял великий подвижник тех, кому он отдал тысячелетие своей жизни, ради которых он терпел такие муки.

С асурами остался Брихаспати. Подобно тому как река размывает берега, он неторопливо и неуклонно совершал свое дело, смущая асуров ложным учением, отвращая их от почитания вед. «Разве вы не видите, — говорил он, — что от приносимых вами жертв нет никакого прока, что они только обогащают лживых и корыстолюбивых служителей».

Из всех асуров только праведный Прахлада устоял от соблазна. Остальные последовали за тем, кого они принимали за Ушанаса. Они отреклись от семейных забот. Обнажившись, с бритыми головами, они удалились на берега реки Нармады, предоставив богам власть над тремя мирами. Но все же Ушанас вернулся к ним и их вразумил. Борьба за власть продолжалась.

Ушанас и Яяти

Вражда между богами и асурами за господство в трех мирах не прекращалась. Асуры, стремясь к власти над всем, что было движущегося и неподвижного, избрали своим наставником мудрого Ушанаса, овладевшего наукой оживлять погибших в бою. Брихаспати, жрец богов, соперничавший мудростью с Ушанасом, такой наукой не владел, и боги несли большой урон. Предавшись печали и мучимые страхом, они явились к Каче, старшему сыну Брихаспати, и сказали ему: «Окажи нам услугу, Кача! Похить знание, каким обладает Ушанас, одаренный необыкновенной силой. Ведь ты молод и смышлен и сможешь сыскать благосклонность у наставника асуров и его дочери Деваяни».

Сказав: «Хорошо», Кача отправился в город асуров и там представился Ушанасу: «Я — внук мудреца Ангираса и сын Брихаспати. Зовут меня Кача. Возьми меня в ученики на тысячу лет».

Войдя в дом Ушанаса и приняв обет о воздержании, Кача старался добиться благоволения учителя и его дочери Деваяни пением, танцами и игрой на различных инструментах и вскоре покорила их обоих. Но вот однажды, когда он пас коров учителя в лесу, его увидели асуры и вследствие гнева на Брихаспати убили, искромсали его тело на куски и бросили волкам. Когда коровы вернулись в свой загон без пастуха, Деваяни сказала отцу: «Кача убит или умер, а я, отец, не смогу без него жить». Пожалев дочь, Ушанас произнес: «Явись!» — и Кача вернулся невредимым силою науки, которою он владел. В другой раз по просьбе Деваяни Кача отправился в лес набрать цветов. Увидев его, асуры убили его, тело сожгли, растерли в порошок, смешали порошок с вином и дали выпить Ушанасу. И вновь по просьбе дочери тот употребил свою науку и услышал тихий голос своего ученика из чрева своего. И вот тогда, чтобы спасти ученика, он открыл ему тайну оживления. Распоров себе живот, он выпустил Качу, а тот его оживил, к великой радости Деваяни. И прошла тысяча лет услужения сына Брихаспати владыке асуров. Но Деваяни, полюбившая Качу, не хотела с ним расставаться. Напомнив ему о своей любви, которая спасла Качу дважды, она стала умолять его остаться. Но он, следуя своему долгу, поклонился Деваяни и ушел.

С ликованием встретили боги Качу. «Ты совершил великий подвиг, — сказали ему они, — и отныне ты будешь иметь свою долю в жертвоприношениях». И обучил Кача богов науке оживления. Воспрянув духом, они обратились к Индре. «Веди нас в бой, — сказали они. — Пора показать асурам нашу силу!»

На пути к полю брани Индра увидел девушек, омывавшихся в лесном озере. Обернувшись ветром, он смешал их одежды, и те девушки, выйдя из воды, надели их в том порядке, в каком они лежали не раз. Одна из них, по имени Шармиштха, по ошибке взяла одежду Деваяни. Между девушками возник спор, и Шармиштха бросила Деваяни, ухватившуюся за свое платье, в колодец и удалилась, даже туда не заглянув.

В то время к этому месту подскочил царь Яяти, сын Нахуши, выехавший на охоту. Его конь и упряжные лошади были утомлены. Страдал от жажды и он сам. И тогда он заглянул в колодец, оказавшийся высохшим, и на дне его увидел девушку, пылающую пламенем красоты, и вытащил ее. По его просьбе она ему рассказала, что она дочь наставника асуров Ушанаса и что ее столкнула в колодец царевна Шармиштха.

Вскоре об этом узнал и отец Деваяни. Он отправился во дворец и поведал царю, отцу Шармиштхи, о беззаконии, совершенном его дочерью. Выслушав Ушанаса, справедливый царь выдал Шармиштху Ушанасу, и она стала рабыней Деваяни.

После этого прошло много времени, и однажды прекрасная Деваяни отправилась на прогулку в лес вместе с Шармиштхой и тысячей других своих служанок. Когда Деваяни легла отдохнуть, положив ноги на колени Шармиштхи, по лесу проезжал Яяти, сын Нахуши. «Я узнала тебя, царь, — сказала ему Деваяни. — Это ты вытащил меня за правую руку. Никто не касался моей руки до тебя. Поэтому я и мои рабыни принадлежим тебе. Будь моим супругом и повелителем».

Ушанас не стал противиться выбору дочери, но, отдавая ее Яяти, он сказал: «Ты берешь мою дочь по закону, и с нею ты обрешь несравненное счастье. Только не забывай, царь, что Шармиштха — рабыня Деваяни, и ты не должен звать ее на свое ложе».

Вернувшись в свой город, подобный городу великого Индры, Яяти поместил Деваяни в женскую половину дворца, а для Шармиштхи с согласия царицы выстроил дом близ ашоковой рощи, ибо она была дочерью царя асуров.

Наступило время, и Деваяни родила Яяти сына. Шармиштху мучила зависть, и, когда однажды

Яяти проходил через ашоковую рощу, Шармиштха, мило улыбаясь, подошла к нему и, сложив почтительно руки, сказала: «Ты знаешь, государь, что я красива и высокого рода. Прошу тебя, даруй мне сына». — «Я это знаю, — отозвался Яяти, — но наставник асуров сказал мне, что я не должен звать тебя на свое ложе». Но Шармиштха не отступала от задуманного, и царь ей уступил. В положенное время она родила сына.

Узнав об этом, явилась Деваяни к Шармиштхе и гневно сказала: «Ты нарушила закон. Ты посмела взять на свое ложе моего супруга!» Но Шармиштха не созналась, солгав, что упросила, чтобы не остаться без потомства, даровать сына некоего брахмана.

А царь Яяти продолжал тайно посещать дом в ашоковой роще, и Шармиштха родила ему второго сына и третьего. Однажды, когда Деваяни гуляла с мужем в лесу, она увидела там трех мальчиков необыкновенной красоты, похожих на Яяти. Она подошла к детям и спросила их, к какому они принадлежат роду и кто их мать. Мальчики указали на царя и назвали имя Шармиштхи.

Разгневанная Деваяни объявила царю, что больше во дворец не вернется, и направилась к отцу. Напрасно Яяти шел за нею, уговаривая вернуться и забыть обиду.

Ушанас выслушал дочку в суровом молчании и затем обратился к Яяти: «Тебя, царь, ожидает суровая кара. Ты нарушил запрет, и тебя постигнет раньше времени старость». Мольбы Яяти не помогли, он вернулся во дворец дряхлым старцем. И тогда он обратился к старшему сыну от Деваяни, Яду, с просьбой отдать ему свою молодость, обещая возратить ее через тысячу лет. Но Яду от такого обмена отказался. Не пошел на него и второй сын от Деваяни. Тогда обратился Яяти к трем сыновьям от Шармиштхи. И ее младший сын Пуру отдал отцу свою молодость.

И стал Яяти снова молодым и сильным. В наслаждениях тысяча лет промелькнула как один год. И Яяти объявил, что отдает молодость, а вместе с нею и власть Пуру. Запротестовали брахманы, уверяя, что это не по закону, что царь не вправе обделить старших своих сыновей. Тогда Яяти объявил всем во всеуслышанье: «Тот, кто перечит своему отцу, не может считаться добрым сыном. Мои старшие сыновья пренебрегли моей просьбой. Только Пуру оказался преданным и достойным сыном. Всемогущий Ушанас, тесть мой, повелел посадить его на царство».

Народ одобрил решение царя. Передав власть Пуру, Яяти удалился в лес к отшельникам. Пожив там некоторое время, отправился на небо. Жил он в жилище богов радостно и счастливо, совершая там подвиги, а затем отправился в мир Брахмы.

От наследника Яяти Пуру родилось трое сыновей, три великих воина, сражавшихся на колесницах, славный род Пауравов, в котором тысячелетия спустя появились герои Кауравы и Пандавы и многие другие могучие воители. От старшего сына Яяти Яду начался род Ядавов, в котором много веков спустя родился Кришна.

Сунда и Апасунда

Некогда в роду одного великого асура родилось два сына, отличавшихся необыкновенной силой, — Сунда и Апасунда. Будучи близнецами, они были похожи друг на друга внешне и по характеру. Они вместе жили, вместе ели, вместе пили, вместе ходили, говорили друг другу приятное. Приняв решение покорить три мира, они отправились к горе Виндхья и пребывали там в покаянии, страдая от голода и жажды, с телами, покрытыми грязью, питаясь одним воздухом. Стоя на кончике большого пальца ноги и не мигая глазами, они исполняли долгое время суровый обет. И о чудо! Накаленная от их подвижничества гора Виндхья стала испускать пар.

Увидев пар и узнав о том, что было причиной его появления, боги стали чинить препятствия подвигу асуров. Они соблазняли братьев драгоценными камнями и женщинами. Но праведники не польстились на эти дары. Тогда боги подговорили своих сестер, матерей и жен сбросить одежды и прибежать к Сунде и Апасунде с криком: «Спасите нас от ракшаса!» Не помогло и это. И тогда сам Брахма явился к достойным асурам, чтобы спросить у них, какой награды они желают. И ответили братья в один голос: «Если Прародитель удовлетворен нашим подвигом, пусть он откроет нам тайны волшебства и оружия. Пусть мы будем могущественными!» — «Все это будет у вас, — сказал Брахма, — только бессмертия вы не получите».

После этого они возвратились в свое жилище, отрезали косы на своих головах, увенчались венками, надели чистые одежды и пригласили друзей своих асуров. Весь город наполнился радостными криками и громкими рукоплесканиями. И длилось это многие годы.

Когда же празднество закончилось, они совершили обряды, связанные с выступлением в поход, и ночью при созвездии Магха со всем войском, вооруженным с ног до головы, покинули город. С ними были и певцы, прославлявшие их благословениями и хвалебными песнями. Так они, неистовые и способные двигаться где угодно, направились к местопребыванию богов. Зная о даре Брахмы, боги при их появлении безропотно покинули город Индры и направились к Брахме. Затем эти могущественные асуры победили змей-нагов, находящихся под землей, а также всех обитателей морей. Обладая суровой властью, они запретили жертвоприношения, увеличивающие мощь богов и благосостояние брахманов. Всех, совершавших жертвы, они безжалостно убивали. Желая истребить мудрецов, оба асура стали принимать разные облики, превращаясь то в обезумевших слонов, то во львов или тигров. И прекратилось тогда на земле чтение вед. Были истреблены цари и дважды рожденные. Исчезли земледелие и скотоводство. Прекратилась торговля. Земля с разрушенными городами и полями, усеянными трупами и скелетами, приобрела ужасный вид. После этого, насытившись своими страшными деяниями, оба асура поселились на поле Куракшетре.

Тогда уцелевшие от учиненного асурами побоища мудрецы отправились к Брахме и сообщили ему обо всех деяниях Сунды и Апасунды. Прародитель их выслушал и, помыслив немного, призвал Вишвакармана. Когда тот пришел, он ему приказал сотворить прекрасную деву, которую бы помогали все.

Поклонившись Брахме, Вишвакарман взялся за дело. Он собрал все, что было чудесного во всех трех мирах, все драгоценные камни и жемчуга, и все это вложил в свое создание с величайшим старанием. И не было в членах той, которую он создавал, даже мельчайшей частицы, которая не была бы наделена совершенством красоты. После этого он привел Совершенную к Прародителю, и тот ей приказал: «Ступай к асурам Сунде и Апасунде и соблазни их своею ослепительной красотой. Пусть они, неразлучные и согласные друг с другом во всем, поссорятся из-за тебя».

Поклонившись Прародителю, она сказала: «Хорошо», — и стала обходить его слева направо. Присутствовавшие при этом боги не отводили от ее прекрасного тела глаз, и у всех у них, кроме Прародителя, глаза стали увеличиваться в размерах и умножаться числом. У кого их было четыре, возрастало до тысячи. И светилось в них вождение, соединенное с надеждой на то, что Совершенная выполнит данное ей поручение.

А между тем два асура пребывали на горе Виндхья, ставшей для них вершиною блаженства. В мире у них не было соперников и не имелось в нем богатств, которые бы не принадлежали им. Среди цветущих деревьев шала их зрение радовали доставленные чудесные предметы. Женщины ублажали их музыкой и песнями, тешившими их самолюбие. И не ведали они, в каком образе к ним приближалась неотвратимая смерть.

Совершенная, прикрыв лоно куском алой ткани, бродила по берегу реки, срывая цветы. И вот глаза асуров, покрасневшие от опьянения, коснулись неопишуемой красоты. Вскочив с места,

тряся раздувшимися животами, они потащились к Совершенной. Сунда схватил ее за правую руку, Апасунда за левую. «Она моя супруга и твоя повелительница!» — властно произнес Сунда. «Не твоя, а моя!» — возразил Апасунда, и глаза его зажглись гневом. Опыянный страстью, он схватил лежавшую на траве булаву и нанес брату первый удар. Завопив, тот поднял камень и бросил его в лицо соперника. И вот они, страшные, упав на землю, катаются по ней, пытаясь вцепиться зубами в горло друг другу. Через некоторое время все было кончено. Они лежали, залитые кровью, как два закатившихся солнца.

С визгом разбегались женщины, а вслед за тем, дрожа от горя и страха, в преисподнюю удалилась толпа асуров, охранявшая владык мира. На берег реки вместе с богами и великими риши опустился Прародитель. Подойдя к Совершенной, он предложил дар на ее выбор. «Любовь!» — произнесла она, как сделала бы на ее месте любая женщина, созданная для поцелуев и объятий.

— Я сомневался в этом выборе, — сказал Прародитель, улыбаясь. — Ступай! Ты будешь странствовать в мирах, посещаемая богами, и никто не сможет на тебя наглядеться.

Выпивший море

В то время, когда благочестивый Агастья пребывал в южных странах, возмутились асуры, загнанные богами на дно моря. Выходя по ночам на берег, они наводили ужас на людей, не щадя ни детей, ни женщин, безжалостно разрушали обители праведников. Люди в ужасе покидали города и селения, искали убежища в горных пещерах. И вновь погасли священные огни на алтарях, и боги остались без жертвенного дыма. Причин же этого бедствия никто не знал, так как асуры, совершая свои черные дела, не оставляли никаких следов и еще до рассвета уходили в море.

И вновь обратились боги к всеведущему Творцу за помощью. А он им сказал:

— Это асуры выходят со дна Океана для тайных убийств, а затем снова прячутся на дне. Чтобы их там настигнуть, надо обнажить дно. В этом вам может помочь только Агастья, рожденный в воде.

И боги отправились к Агастье. Почтительно склонившись перед ним и пожелав ему вечного блага, они поведали о своих бедах и тревогах, напомнили ему о его победе над горой Виндхьей и попросили обнажить морское дно.

— Водная стихия мне подвластна, — ответил великий праведник. — Я вам помогу, ибо нельзя позволить асурам разрушить основания всех трех миров. Вооружитесь же и следуйте за мной, о боги!

И отправился Агастья к берегу Океана, в тот день особенно буйного, словно бы предугадывавшего свою жалкую участь. Сопровождали праведника не только боги, но и множество людей, измученных асурами и ждущих избавления.

Агастья бесстрашно вступил в бушующий прибой, и пена скрыла его от взоров потрясенных спутников. Но вот вода стала спадать, показалась голова мудреца, и все увидели необыкновенное чудо: вода исчезала в его утробе. Стало обнажаться дно Океана, а Агастья, продолжая пить отступающую воду, неотступно преследовал ее. И те места, где он проходил, шевелились, покрытые черепахами, рыбами, макарами, среди которых беспомощно барахтались застигнутые врасплох асуры.

И пропели боги хвалу Агастье, почтили его гимном:

Мудрый подвижник и промыслитель Агастья, Спас ты три мира, с ними и нас от великой напасти.

После этого боги бросились убивать своих недругов, отягощенных в равной мере грехами, золотыми доспехами и оружием, ставшим для них обузой. Только немногим удалось унести ноги в подземный мир.

Когда возбужденные победой, с ликующими криками вышли боги на берег, они увидели Агастью в венках и гирляндах сидящим на скале, как бы составляя ее продолжение.

И был он таким же тощим и костистым, каким входил в море. Тогда боги попросили его вернуть выпитую им воду на место, ибо земля, согласно дхарме, должна быть опоясана океаном, и в нем должны обитать черепахи, рыбы и макары.

— Ничем не могу помочь, — сказал Агастья, разводя руками. — Выпитая мною вода испарилась от внутреннего жара, а новую мне взять негде.

Воплощения Вишну

У мудреца Кашьяпы от прекрасной демоницы Дити родилось двое близнецов. Один из них, Хираньякашипу, пошел в мать, но настолько умело скрывал враждебную добру природу, что не был разгадан даже Брахмой и получил от него в дар неуязвимость. Его не мог убить ни человек, ни зверь. Смерть к нему не могла прийти ни извне, ни возникнуть в нем самом, ни днем, ни ночью. Воспользовавшись этим божественным даром, он, недостойный, захватил дворец Индры, подчинил себе все три мира и даже посмел взять в услужение богов.

Вишну

Второй же сын мудреца, Прахлада, с детских лет проявлял удивительное благочестие и, никогда не унывая, не уставал восторгаться миром, созданным Вишну. Видя, каким растет мальчик, Хираньякашипу его возненавидел и решил избавиться от брата, как от врага. Он напускал на него змей и слонов, травил ядом, обрушивал скалы и потолок во дворце, проделывал в лодках отверстия, чтобы утопить его в Океане. Но Прахладе удавалось избегать верной гибели, так что можно было подумать, что он приобрел неуязвимость от брата, на самом же деле (в этом никто не сомневался) его охранял Вишну. При этом, зная о ненависти Хираньякашипу, Прахлада, не теряя спокойствия и самообладания, выказывал братскую доброжелательность, чем навлекал на себя большую ярость.

Между тем власть Хираньякашипу приобретала его чудовищное обличье, так что богам пришлось обратиться к Вишну за помощью — ведь им было известно, что ранее Вишну, приняв образ вепря и подняв клыками землю, вытащил ее из первоначальных вод. На этот раз для спасения мира принял он облик человека-льва и, оседлав Гаруду, достиг дворца тирана. Там он проник в медную колонну близ трона и замер в ожидании. Прошло немного времени, и послышались голоса: резкий и крикливый Хираньякашипу, спокойный и уверенный — Прахлада. Вишну прислушался.

— Велик широкоступающий Вишну, — убеждал брата Прахлада со свойственными ему терпением и обстоятельностью. — Тремя своими шагами он обнимает весь мир. У него тысяча обликов и столько же имен. Он проникает во всё...

— Ты говоришь — во всё? — перебил его Хираньякашипу, вспыхнув гневом.

— Конечно, во всё, — убежденно произнес Прахлада. — Вишну во всем, и все в нем.

— А вот в этой колонне его нет! — выкрикнул владыка трех миров, ударяя мечом по металлу.

И тут колонна распалась. Из нее выступил Вишну и растерзал Хираньякашипу когтями.

Стал после этого Прахлада владыкой асуров, могущественных соперников богов. При Хираньякашипу асуры были исполнены зла, возгордились, и от них отвернулось счастье. Рудра

испепелил три их града, изгнал с неба. Прахлада решил вернуть древнему роду асуров утраченную доброту и мудрость, добиваясь своей цели спокойно, без пыла и жара.

Богам это показалось опасным, ибо чем мудрее и честнее соперник, тем он страшнее. Отложив свою важдру, переодевшись брахманом, явился к Прахладе по поручению богов Индра и попросил у него добродетель, зная, что Прахлада никогда никому ни в чем не отказывает.

— Зачем тебе моя добродетель? — удивился Прахлада, услышав просьбу брахмана. — Вглядишься в себя. Она в тебе самом. Извлеки ее и пользуйся ею на радость себе и счастье другим.

— У меня мало добродетели, — ответил Индра не сразу. — Я же хочу быть самым добродетельным из брахманов.

— Тогда бери...

Так Прахлада пожертвовал добродетелью. Но она к нему тотчас вернулась, ибо, как рыба ищет воду, а птица воздух, добродетель выбирает достойного. Боги же успокоились, поняв, что добродетель Прахлады им на пользу. И обрел Прахлада власть над вселенной, и боги ему подчинились, ибо того захотел Вишну.

Бали

Внуком Прахлады был царь амуров Бали, превзошедший благочестием деда и всех когда-либо живших в трех мирах. Поэтому он оттеснил богов и обрел власть над вселенной. Небо и земля склонились перед ним. Боги, покинувшие места своего обитания, старались покаянием и молитвами заслужить благорасположение Вишну. Сама Адити воззвала к нему, умоляя его помочь Индре и другим ее сыновьям.

Чтобы выполнить ее просьбу, Вишну родился в облике сына риши Брихаспати, уродливого карлика Ваманы. Надев нищенское одеяние, он отправился в царский дворец за милостыней. Будучи по природе добрым и справедливым, Бали предложил ему золото, украшения, коней и слонов, но карлик от всего этого отказался.

— Мне многого не надо, — объявил Вишну царю. — Посмотри на меня, как я мал ростом. Мне бы немного землицы в три моих шага.

Взглянув на просителя, Бали сказал:

— Что ж, бери!

И тут Вамана начал расти на глазах и достиг своей истинной величины. Первым шагом он покрыл все небо, вторым — всю землю. Третий шаг Вишну был коротким. Третий, подземный мир он оставил Бали и туда его отправил, разрешив раз в году посещать свое царство.

В подземном мире Бали были предоставлены царские покои, где он находился под охраной мужа с железной палицей в руках. Вид его внушал ужас.

Однажды в этот дворец проник владыка ракшасов могучий Равана. Бали приветствовал его и спросил, что его привело в подземные глубины.

— Я слышал, — отвечал Равана, — что ты был пленен богом Вишну. И я смогу освободить тебя от оков.

— Ты видел охраняющего меня стража, — сказал Бали. — Ты не знаешь, кто он. И я тоже не знаю его имени. Но он неодолим, как смерть, — он воплощение всеильного времени.

— Нет ничего неодолимого! — возразил Равана.

— Стань со мною рядом, — продолжал Бали, — видишь у моих ног сверкающий диск? Если ты его поднимешь, я раскрою тебе тайну вечного избавления.

Равана нагнулся, но как он ни напрягал силы, он не мог оторвать диска от пола. От напряжения у него изо рта и ушей полилась кровь.

— Это серьга одного из моих предков, — пояснил Бали. — Но и он пал, когда пришел срок. Поэтому кто бы ни лишил меня свободы, я покорен его воле. Прощай!

Гибель и воссоздание жизни

Одно в моих зрачках, одно в замкнутом слухе, Как бы изваянный, мой дух навек затих. Ни громкий крик слона, ни блеск жужжащей мухи Не возмутят недвижных черт моих.

У близнецов Ямы и Ями был младший брат Ману, могучий и великий духом. Десять тысяч лет он на берегу Ганги умерщвлял свою плоть, стоя на одной ноге, с вскинутыми в благочестивой молитве руками. Все, идущие мимо, этому удивлялись и молча проходили, чтобы не мешать общению с небом.

Однажды Ману услышал тоненький дрожащий голосок:

— Праведник! Спаси меня!

Впервые опустив затекшие руки, он погрузил их в воду и вытащил из реки рыбку, отливающую лунным блеском.

— Что ты от меня хочешь? — спросил Ману, наклонившись.

— Я боюсь рыб, более сильных, чем я. Опусти меня в сосуд. Когда же я вырасту, перенеси в другое место.

У ног Ману был волшебный, полный воды кувшин. Из него он, становясь на колени, не опуская рук, утолял жажду, а вода не убывала. Ману опустил рыбку в кувшин и с этого времени утолял жажду из реки.

Минуло много осеней, и до Ману донесся уже знакомый ему, хотя и не столь тонкий, как прежде, голос:

— Перенеси меня в другое место, ибо кувшин стал мне тесен.

Рыбка сильно подросла, но не настолько, чтобы быть в безопасности в реке. Ману отнес ее в пруд. Прошло много осеней, и рыба настолько выросла, что уже не могла плавать в пруду, и Ману отнес ее в Гангу. Она находилась там до тех пор, пока однажды, повернувшись, не перегородила реку и этим вызвала наводнение.

Тогда Ману решил перенести рыбину в Океан. Была живая ноша тяжела, но желанна сердцу праведника. Запах рыбы и прикосновение к ней доставляли ему наслаждение. Кажется, и Ману стал приятен рыбе. Во всяком случае, опущенная в Океан, она не погрузилась сразу на дно, а держалась на поверхности, с любовью и признательностью взирал на Ману.

Затем она проговорила, да так громко, что сказанное можно было услышать на другом краю земли:

— Ты сделал все, чтобы спасти меня. Теперь мой черед позаботиться о тебе. Знай же! Близится великий потоп для очищения мира от грязи и порока. Ты должен сбить крепкую лодку и привязать к ее носу веревку с петлей. Потом нарой семян, что в земле, набери тех, что в воздухе, и жди моего появления. Ты меня отличишь по рогу, который я для тебя наращу на носу.

Когда такая рыба появилась, Ману набросил петлю на ее рог, уселся в лодку, и рыба понеслась. Волны, образовывавшиеся от движения ее хвоста, были подобны горам. Лодку швыряло из стороны в сторону, как щепку, и Ману приходилось держаться обеими руками за борта.

Многие годы рыба без усталости тянула лодку. Внезапно волны опали и качка прекратилась. Ману увидел поднимающуюся из моря гору. И вновь он услышал голос рыбы:

— Знай: я — Брахма, творец всех живущих. Спасая тебя от потопа, я спас все живое. Высаживайся и живи на этой Северной горе. Возроди из собранных тобою семян растения и животных.

Ману сделал, как ему было велено. Первой он возродил кормилицу корову, дававшую ему топленое масло, сметану и творог.

Однажды он все это смешал, чтобы принести жертву богам. Через год из составленной им смеси вышла девушка — белая как сметана, с розовыми от света зари трепещущими губами и темными как ночь волосами. Крепкотелая, она твердо ступала по земле, и ее тонкие ступни

оставляли масляный след.

Как-то захотела масляноногая осмотреть мир, еще не населенный людьми, и отправилась на прогулку.

Митра и Варуна тотчас заметили на земле незнакомые следы и заинтересовались, кто бы их мог оставить. Спустившись на землю, они пошли по следам и догнали девушку.

— Кто ты? — спросили они ее.

— Я — Илу, дочь Ману, — ответила она.

Митра и Варуна переглянулись, после чего Митра обратился к деве:

— Мы боги Митра и Варуна. Назови себя нашей дочерью.

— Нет! — ответила Илу, потупившись. — Я дочь Ману.

— Кто? Кто ты? — переспросил также и Ману.

— Твоя дочь.

— Но как же, о благородная, можешь ты быть моей дочерью? — удивился Ману.

— Ты, а не кто-либо другой, —объяснила девушка, —дал мне жизнь, замешав на воде топленое масло, сметану и творог. Поэтому пользуйся мною в свое удовольствие, когда станешь приносить жертву богам. И будешь богат потомством и стадами. Какого бы благодеяния ни испросил ты у богов с моей помощью, полностью получишь все, что попросишь.

И зашагал вместе со своей дочерью Ману, распевая гимны и, как только это удавалось, неукоснительно исполняя ритуал. И когда изъявил он желание иметь обильное потомство, боги услышали его. И пошел от него весь род человеческий, который и есть род Ману.

Чьявана

Было у Ману девять сыновей, девять могучих витязей, от которых пошло девять племен, заселивших еще не слышавшую человеческого голоса землю. Однажды в племени четвертого сына, Шьячи, начался раздор. Брат стал против брата. Сын отвернулся от матери, мать от сына.

Подобные бедствия, постигающие порою племена, роды и семьи, пострашнее мора и войны. Причины их сокрыты от глаз человеческих, и враждующие в слепоте и безумии ищут их объяснения каждый в другом — брат в брате, сын в матери, мать в сыне. Но царь племени Шьячи был мудр и всюду неутомимо искал корень губительной вражды, но не мог его найти, пока случайно не пришел к озеру, избранному подвижником Чьяваной местом для моления и умерщвления плоти.

При виде царя, который его почтительно приветствовал, отшельник отвернулся. Царь был этим удивлен и спросил:

— Может быть, сам не ведая, я чем-нибудь тебя оскорбил или просто неприятен?

— О нет, — отвечал Чьявана, — не оскорбил. Не неприятен. Меня обидела твоя прекрасноречивая дочь Суканья, и с тех пор я не знаю покоя. Однажды ночью она вместе с другими девами вывела коней на водопой. Надо тебе сказать, что во мраке мои глаза мерцают, как уголья в алтаре. Твоя же любопытная дочь, приняв их за светляков, ткнула мне в глаза своими пальчиками.

Поняв, в чем причина раздора в племени, царь закричал:

— О! Это великая обида! И я готов ее искупить — отдать тебе своих коров, свои сокровища, да и вообще выполнить любую твою волю. Выскажи ее, мудрейший!

— Мне не надо ни коров, ни сокровищ. Я хочу стать твоим зятем. Отдай мне в жены твою прекрасную, невольно согрешившую дочь.

И отдал царь Суканью в жены дряхлому старцу как искупительную жертву согласия.

И воцарился в племени мир. Брат более не косился на брата. Сын и мать не отвращали друг от друга лиц. Но красота Суканьи едва не повергла человечество в грехи. А было это так. Купалась Суканья в том же озере, куда водила раньше коней на водопой, а супруг ее неподалеку, воздев руки к небу, совершал молитву. И увидели Суканью, выходящую из воды, пролетая по небу, боги-близнецы Ашвины. Охваченные любовью, как пламенем, они мгновенно спустились на берег, и один из них обратился к красавице с такими словами:

— Мы дети Солнца, дева. Красота твоя несравненна. Выбери одного из нас в мужья.

— Не могу, — отвечала Суканья. — Яне дева. У меня есть муж, святой отшельник. Видите, вон он стоит и молится.

Повернули Ашвины головы и расхохотались, да так громко, что из воды высунулось несколько сотен рыбьих морд.

— Ха-ха! Ты предпочитаешь нам этого старца?

— Но он прекрасен духом, — возразила Суканья обиженно. — Конечно, было бы хорошо, если бы он был так же прекрасен, как вы. Но ведь это невозможно.

— Для нас нет ничего невозможного, — отозвались Ашвины. — Мы боги. Передай своему супругу: если он хочет стать таким же, как мы, пусть спустится с нами под воду, и ты сможешь выбрать супруга из нас троих.

И вот спустились Ашвины вместе со старцем в озерные глубины, и поднялись оттуда не два, а три близнеца, совершенно неотличимые друг от друга. Долго всматривалась в них Суканья, не зная, на ком остановить взгляд, пока один из юношей не дал ей тайный знак. Это был Чьявана, вернувший себе молодость.

Не зная, как отблагодарить Ашвинов, он преподнес им сому и пообещал совершать жертвоприношения ею в их честь, как это полагалось делать в честь Индры и других великих богов. И удалились Ашвины на небо, не гневаясь на отшельника и на людей. И с тех пор нет у смертных на небе больших заступников, чем Ашвины.

Индра-изгнанник и Шачи

Убиение Вритры было величайшим подвигом Индры, но также и величайшим его прегрешением, ибо Вритра был, как и брат его Вишварупа, брахманом. И лег этот грех на плечи Индры тягчайшим грузом, пригнув его к земле, лишив всего, чем он обладал на небе: власти, наслаждений и даже обожаемой супруги Шачи. И стал Индра изгнанником, страдающим от угрызений совести, искупающим смирением и послушанием свой грех.

Удаление Индры отозвалось бедствиями во всех трех мирах. Оставшись без царя и господина, они начали приходить в упадок. И решили тогда боги с согласия Брахмы призвать на престол царя Нахушу из Лунного рода. Был Нахуша отважен, красив, скромен, добродетелен. Не сразу принял он предложение богов, ссылаясь на то, что недостойн занимать престол великого Индры. Но боги были неотступны, и Нахуша поднялся на небо.

Поначалу он проявлял себя с лучшей стороны, но великая власть в конце концов его развратила, как она это делает едва ли не с каждым. Окружив себя апсарами и гандхарвами, стал Нахуша предаваться разврату и даже обратил свой похотливый взор на скромную, носящую траур Шачи. И послал он ей гонца с приказанием явиться в свои чертоги. Тогда поспешила Шачи к Брихаспати, моля о защите от посягательств Нахуши. Брихаспати оставил жену изгнанника у себя и обещал ей свое содействие в соединении с Индрой.

Узнав, где находится Шачи, Нахуша пришел в ярость и едва не разнес все три мира. Отправились боги к Брихаспати и, печально склонив головы, обратились к нему со смиренной мольбой:

— О великий брахман! Отошли Шачи к Нахуше, превзошедшему могуществом Индру. Пусть он станет ее повелителем и супругом.

Не спасовал Брихаспати перед этим натиском и не присоединился к трусам.

— Предающих тех, кто ищет защиты, ждут великие беды! — с гневом ответил он богам. — Так решено Брахмой. Не взойдут у предавшего брошенные в борозды семена. Дожди обойдут его поле стороной, и не будет у него урожая. Потомки его вымрут, а предки в царстве мертвых вступят в перебранку. Поэтому я не нарушу Риты — вечного закона.

— Тогда Нахуша разнесет все три мира, — возразили боги.

Брихаспати погрузился в раздумье, и боги молча ожидали его решения.

— Я пошлю Шачи к Нахуше, — наконец проговорил он. — Она попросит его дать ей время, чтобы настроить к браку душу. А мы тем временем отыщем Индру и вернем его на царство.

Следуя совету Брихаспати, Шачи смирила себя и отправилась к Нахуше. От одного вида блистательной богини у Нахуши улетучился гнев, и он обратился к ней с ласковой речью:

— Прими меня, красавица, как супруга. Ведь ныне я Индра во всех трех мирах.

Волосы Шачи вздыбились от ужаса, но, смиренно сложив ладони, она сказала:

— Дай мне немного времени, владыка богов, и если не будет вестей от Индры, я к тебе явлюсь.

Шачи вернулась к Брихаспати, а боги отправились к Вишну за советом, как очистить Индру от греха.

— Пусть он принесет мне в жертву коня, и тогда с него спадет грех и он сможет принять власть.

Затем боги поспешили на край света, где, как им было известно, пребывал Индра, прячась в стебле лотоса. Услышав голоса богов, призывающих его выйти, Индра склонил свой стебель в воду и стал невидим.

Огорченные боги вернулись на небо. Шачи, узнав о такой неудаче, пришла в отчаяние. По наступлении темноты она вышла из дома Брихаспати и обратилась к богине ночи:

— О вещая Ратри, хранительница тайн всех влюбленных и любящих, открой мне убежище моего супруга!

Не раз слышала Ратри песни Индры, в которых он ночами изливал свою тоску по Шачи,

поэтому, обернувшись девой, она повела Шачи к тому месту, где скрывался Индра, и указала на почку одного из лотосов.

И бросилась Шачи в воду, чтобы прижаться к стеблю пылающим лицом. Обливаясь слезами, она умоляла супруга вернуться и покарать того, кто посягает на ее добродетель.

— Нахуша силен, — ответила почка. — Его можно одолеть только хитростью. Явись к Нахуше и обещай полюбить его, как любила меня, если он явится к дому Брихаспати на колеснице, запряженной вместо коней святыми подвижниками, перенесенными на небо за праведность.

Вернувшись на небо, Шачи объявила Нахуше о согласии стать его женой и о свадебной процессии, какой еще не видывал мир. Влюбленный и честлюбивый Нахуша отпустил Шачи, наказав ей ждать его приезда.

Узнав об этом, Брихаспати разжег на алтаре жертвенный огонь и призвал Агни.

— О Агни, — обратился он к нему, — отыщи Индру.

Сложил Агни лепестки своих ладоней и исчез. Быстрый, как мысль, облетев весь мир, он явился через мгновение и доложил, что не нашел Индру на суше, а войти в воды с той поры, как он в них скрывался, не смеет.

И ответил ему Брихаспати:

— Не должно быть для тебя ничего, перед чем ты мог бы остановиться. Войди без страха в воды и отыщи Индру.

И прошел Агни сквозь все воды мира и отыскал Индру в стебле, после чего привел к Индре Брихаспати и всех богов. Стоя перед озером, они напомнили Индре о его великих деяниях, о победах над Вритрой и Валой, о победах над асурами.

От этих речей окреп дух Индры. Он вышел из стебля лотоса, приняв грозный облик повелителя молний, и сказал:

— Я согласен.

Обо всем этом знал мудрец Девашарман, чья жена Ручи превосходила красотой многих смертных женщин. Он не доверял ее прелести ни дверям, обитым медью, ни зарешеченным окнам, ни железным сетям с хитроумным устройством, могущим схватить соблазнителя при его приближении к супружескому ложу. Да и с самой Ручи он не стал беседовать, чтобы наставить ее в дхарме. Девашарман призвал своего любимого ученика Випулу и приказал ему находиться рядом с супругой и не сводить с нее глаз, а сам удалился, чтобы совершить жертвоприношение в соседней стране.

И до этого Випула выполнял поручения гуру, отправляясь, куда его посылали, и подвергаясь опасностям на дорогах. Но это поручение, не требовавшее с его стороны каких-либо усилий, показалось Випуле самым опасным. Ведь Индра горазд на хитрости, и если Випула не убережет честь учителя, тот его проклянет. И решил Випула силой йоги проникнуть в Ручи и стать стражем чести. Поэтому, сев напротив Ручи и не обращая внимания на ее телодвижения, полные неги, он устремил на нее взгляд и проник в ее прекрасное тело, которое стало ему послушно, как воск.

Когда же появился Индра, он увидел неподвижное тело ученика, приняв его за спящего, и красавицу, которая силилась подняться, чтобы приветствовать его, но не могла сдвинуться с места. Тогда Индра коснулся руки Ручи, но она была холодна как лед. После этого он с ней заговорил, но уста красавицы произнесли то, что было внушено Випулой: «Зачем ты ко мне явился в отсутствие моего супруга?»

Обладая силой проникновения, победитель Вритры разглядел в теле красавицы душу верного мудрецу ученика. Уста же Ручи продолжали вещать: «Уходи отсюда, если не хочешь быть проклят отшельником».

И удалился Индра ни с чем. По возвращении Девашарман узнал о посещении Индры и его неудаче. Но Випула скрыл от гуру, каким образом он сохранил его честь.

Царь Сомака и сын его Джанту

В старину народом панчалов правил мудрый Сомака, отпрыск Лунного рода. В его обильном золотом и коровами доме жило сто жен, добродетельных и преданных царю женщин. Но ни одна из них не могла дать ему наследника. Только в глубокой старости исполнилась мечта Сомаки, и у одной из его жен родился мальчик. Дано было ему имя Джанту.

Первенец, ставший гордостью отца, был окружен заботой и любовью не только отца и матери, но и всех царских жен, служанок и слуг. Когда Джанту укусил муравей, во дворце поднялся такой переполох, что царю пришлось покинуть заседание совета и отправиться в сопровождении перепуганных советников в женские покои. По пути он поделился с советниками своими печальми:

— Тяжка судьба родителя единственного сына, особенно если он стар, да и жены его немолоды. О, если бы каждая из них принесла мне по сыну!

Присутствовавший при этом домашний жрец сказал:

— Есть такое средство, о царь! Но оно потребует от тебя великой силы духа и твердости.

— Открой мне его, благочестивый, — попросил Сомака.

— Тогда слушай: ты можешь принести в жертву Джанту, своего первенца, и вскоре жены отплатят тебе сторицей, как земля отдает полновесным зерном. Едва лишь пламя охватит тело Джанту, как твои жены зачнут от дыма алтаря. Среди новорожденных будет и Джанту, который обретет второе рождение. Ты узнаешь его по золотой родинке на плече.

Желание обрести многочисленное потомство превозмогло колебания Сомаки: твердости было ему не занимать. И повинуясь царской воле, жрец развел жертвенный костер и приготовил все для такого обряда, какой был исполнен богами над первочеловеком Пуруши. Пока шли эти приготовления, царь отправился в женские покои, чтобы сообщить матери Джанту и остальным женам о принятом им решении. Женщины подняли вопль и загородили своими телами мальчика. Тем временем появился жрец и, растолкав женщин, увел Джанту к алтарю.

Случилось то, что было предсказано. После жертвоприношения, вдохнув черного дыма, жены забеременели, и через десять месяцев лунного календаря в один день каждая родила по сыну. У матери Джанту родился мальчик с золотой родинкой на плече. Он был объявлен старшим и наследником.

Несколько дней спустя ушел в царство Ямы жрец, предложивший принести в жертву Джанту, а вслед за ним ушел и Сомака. По пути в светлое царство Индры он, как и все, кому суждено было там пребывать, прошел через владения Ямы. Среди грешников, переносивших муки, он увидел своего жреца, пылавшего на костре.

— В чем твое прегрешение, благочестивый? — обратился он к старцу.

— За то, что я принес в жертву твоего сына, мне суждено сгорать в неугасимом огне, — ответила душа жреца. — Такова воля Ямы.

— Подвинься, — проговорила душа Сомаки. — Я виновата не менее тебя и должна разделить с тобой твою кару.

Очищение Земли

Была населена Земля тварями и людьми, преданными добродетелям, свободными от забот и болезней. Царило тогда над всей Землей вплоть до омывающего ее со всех сторон Океана великое Слово, власть же его осуществляли кшатрии, а другие касты жили с ними в мире, не испытывая зависти и вражды. И цари, презрев страсти и гнев, обращались с подчиненными справедливо, наказывая только тех, кто заслужил наказание.

И поэтому источал тысячеглазый Индра всем существам сладость. Никто из людей тогда не умирал в раннем возрасте, никто не познавал женщин до наступления совершеннолетия. И Земля переполнилась полноценными, долговечными существами. И кшатрии тогда совершали великие жертвоприношения. Брахманы же изучали веды, но не произносили их в присутствии шудр и не торговали ими как товаром. Вайшьи, вспахивая почву, запрягали в ярмо быков, не трогая коров, а тех, кто из этих лучших четвероногих отощал, подкармливали. И купцы никогда не продавали товар неполной мерой и весом. Коровы и женщины рожали в надлежащее после зачатия время, деревья вовремя расцветали, зеленели и приносили плоды.

А между тем стали рождаться на Земле среди тех или иных существ, среди коров и лошадей, среди ослов и верблюдов, среди буйволов, среди слонов и антилоп, среди кровожадных хищников, среди царей — асуры. Были они старшими братьями богов, обладали могуществом и поначалу были благочестивы и благодетельны; но затем склонились ко злу. Принимая разные обличья, асуры стали притеснять брахманов и кшатриев, угнетать другие существа, убивая их тысячами и тысячами. Они, внушая всем ужас, распространились повсюду — безбожные, гордые своей силой и опьяненные своей спесью.

И тогда Земля, страдая и терзаясь страхом, обратилась к Брахме, неувядающему творцу миров, и поведала ему о своих бедствиях в таких подробностях, о которых всеведущий, самосущий и всевышний не мог знать.

Отпустив Землю и успокоив ее обещаниями, созвал Брахма мудрецов и приказал каждому из них придать какой-либо своей части человеческий облик для обуздания асуров. Явились к Брахме и боги во главе с Индрой, ожидая подходящего времени, чтобы покончить с этим злом. Когда же такое время пришло, небожители стали постепенно спускаться на ждущую их Землю для сокрушения своих недругов и очищения мира. И воплотились они в родах брахманов и царственных мудрецов, чтобы разделаться с асурами и примкнувшей к ним нечистью — ракшасами, змеями и людоедами. Так была очищена Земля. А грозный бог Рудра, порождение гнева Брахмы, низверг асуров с неба, испепелив три их волшебных города.

Первые цари Вена и Притху

Одним из ближайших потомков Ману был Вена, унаследовавший от матери своей — Сунитхи — дурной нрав в сочетании с непомерной гордыней. Провозглашенный после смерти своего отца Анги царем, он ополчился на соседние страны и, покорив их, поднялся в самомнении еще выше. Он запретил жрецам поклонение богам, восхваление их в гимнах, а также приношения брахманам даров серебром и золотом. Обосновывая эти решения, он говорил: «Величания и славословий достоин я один. Только мне подобает принимать дары и жертвы».

И впали брахманы в великую нужду, и ушли из страны благочестие и порядок. Явившись во дворец, брахманы слезно молили приносить жертвы хотя бы одному Вишну, ибо там, где почитают Вишну, люди не знают забот, а правители благоденствуют.

— Кто он такой, этот Вишну? Я его никогда не видел и достиг всего своим умом, — отвечал Вена брахманам. — Повинуйтесь и поклоняйтесь мне, как жена своему супругу. Ибо ваш государь я, а не он.

И тогда возмутились брахманы. «Да умрет этот самозванец и безбожник!» — воскликнули они, набросились на сына Сунитхи и зарезали его острыми краями священной травы кушу. Так умер царь Вена.

Плохо, когда правит страной злой царь, но не лучше, когда страна остается без царя, без руки, наводящей порядок и защищающей людей от разбойников и чужеземцев. Вскоре стало ясно, что к границам царства Вены потянулись орды недругов — пыль от ног и копыт поднималась до самых небес. И стали думать брахманы, как посадить на опустевший престол законного наследника. Усевшись вокруг тела Вены, они стали поглаживать и растирать его бедро. И вышел из бедра маленький человечек, черный, как головня, и тотчас обратился к брахманам с вопросом: «Что мне сделать для вас, мудрецы?» Брахманы сказали ему: «Нишада?» — что означает: «садись». Поэтому он и получил имя Нишада. Потомки его — темнокожие и плосколицые обитатели гор Виндхья. Брахманы передали Нишаде пороки сына Сунитхи, и они унесли их в горы.

Затем брахманы принялись тереть и разглаживать правую руку покойного царя, уже освобожденного от грехов. И из нее вышел прекрасный юноша, могучий и сияющий, как сам Агни. Под именем Притху он был провозглашен наследником Вены. И сразу же к его ногам с неба упали сверкающие доспехи, лук Шивы и смертоносные стрелы. С неба спустился сам Брахма, чтобы венчать Притху на царство.

И чтобы вечной была о нем память в трех мирах, Брахма сотворил Суту (Сказителя) и Магадху (Певца), чтобы они восславили в песнях и сказаниях Притху.

Удивились Сута и Магадха: «Но мы ничего не знаем о подвигах новорожденного. Нам неведомы его доблести. Слава о нем еще не родилась».

— Но родилась власть, — сказали мудрецы. — А вместе с нею и порядок. Восславьте государя независимо от его имени. Будем надеяться, что Притху окажется таким, каким вы обрисуете государя.

Поняв замысел мудрецов, Сута и Магадха им поклонились и затянули нараспев:

Мудр, справедлив и милосерден государь. Он доблестен и стоек, правдив и благороден. Нерушимо, как скала, его царское слово. Кроток он с благочестивыми, грозен для злодеев. Беспристрастен он и сострадателен. Он приносит жертвы богам и чтит брахманов. Он опора и защита для своих подданных.

Внимательно слушал Притху эту песню, но по его лицу было трудно понять, готов ли он выполнить все названные благочестивые пожелания.

Вскоре Притху проявил себя как отважный воитель. Недруги больше не отваживались тревожить границы его царства. Но народ жил плохо, ибо в годы правления Вены пришли в запустение нивы и сады.

Имелось немало средств для повышения плодородия полей: прорытие каналов, улучшение организации труда и его орудий. Но к ногам новорожденного Притху упало с неба оружие, и он решил действовать им. Взяв лук Шивы, он по-шелвойной на Землю, чтобы покарать ее леность и нераспорядительность. Знакомая лишь с мольбами об урожае, не привыкшая к угрозам, Земля обратилась в корову и пустилась в постыдное бегство. Спасаясь от грозного

царя, она направила свои стопы в небесные пределы, в царство Индры и владения Брахмы. Притху же неотступно следовал за беглянкой по стопам.

Поняв, что от Притху не уйдешь, она обратилась к нему с мольбой:

— Зачем ты преследуешь меня, безоружную женщину? Я ведь слышала, как воспевали твою будущую справедливость и милосердие.

— Рассуди сама, — отвечал Притху, — бывают добрые и злые женщины. Великий грех убить добрую деву, но долг мужчины истреблять зло, в каком бы оно ни было облике, мужском или женском. Ты обрекла моих подданных на голод и заслуживаешь самого сурового наказания.

— Но будет ли прок, если ты меня погубишь? — сказала Земля. — Без меня кто поддержит и прокормит твоих подданных?

— Обойдемся и без твоих услуг, ослушница! — ответил Притху.

И пришлось Земле пойти на попятную.

— Если ты меня пощадишь, — молвила она, — тебе пригодится моя помощь. Все злаки погибли, но даруй мне теленка, иначе не будет у меня молока и я не смогу возродить полезные растения и дать им влагу. И выровняй почву, чтобы мое молоко могло растекаться повсюду.

И сохранил Притху жизнь Земле. Пользуясь ее советами, он очистил почву от камней и расширил пахотную площадь, взгромоздив одну гору на другую. Он ее размежевал, обозначив границы селениям и городам, построил дороги для купцов, развозящих товары по разным странам.

Подоив Землю, он дал жизнь всем злакам и растениям, которые доньше идут в пищу людям. Тем самым он стал как бы отцом для Земли. Поэтому с той поры Земля получила имя Притхиви.

Тыквенные дети

У Винаты, кроме Аруны и Гаруды, была дочь, прекрасная Сумати. Стала она женой правившего в то время в Айодхье могучего и мудрого царя Сагары, который подчинил своей власти варварские народы — яванов и скифов, Камбоджей и пехлевийцев. Была у царя еще одна жена, Кешини, но обе не дали царю потомства. И отправился Сагара вместе со своими женами в Гималаи, чтобы предаться суровому подвижничеству. Сто лет умерщвлял Сагара свою плоть, пока к нему не спустился Бхригу, сын Брахмы.

— Сагара, — сказал он ему, — ты обретишь то, чего ждешь. Одна из твоих жен произведет на свет сына, который продолжит твой род, а другая даст жизнь шестидесяти тысячам других могучих и славных сыновей.

Сагара был настолько обескуражен сказанным, что даже не поблагодарил мудреца, и тот скрылся из глаз; сам он с женами двинулся в столицу, все более сомневаясь в том, что пророчество сбудется. Однако вскоре обе царицы понесли и в назначенное время благополучно разрешились от бремени. Кешини родила сына, которому дали имя Асаманджа, у Сумати же из чрева выкатилась огромная тыква. Рассвирепел царь и приказал слугам ее выкинуть, но едва они окружили плод, чтобы его поднять, как с неба послышался голос:

— О Сагара! Не отрекайся от своих сыновей. Разрежь тыкву и дай каждому ее семечку по горшку, наполненному маслом. Из каждого выйдет по одному сыну.

И вот тыква разрезана, семечки вынуты и пересчитаны. Их оказалось, как и было предсказано, шестидесят тысяч. Все гончары Айодхьи были подняты на ноги, и в короткое время во дворце оказалось шестидесят тысяч кувшинов. Были опустошены все хранилища масла, чтобы заполнить кувшины. Чтобы установить кувшины рядом, пришлось расчистить пространство вокруг дворца, затоптать цветочные клумбы и выкорчевать кусты. Пришлось удалить и любимых Сагарой, страстным охотником, собак и павлинов, красотой которых любовались царицы, — чтобы неразумные животные не опрокинули хранилищ и не склевали семечек.

И вот наступил день, когда из кувшинов стали высовываться остренькие, едва покрытые пушком головки. И сколько же потребовалось трудов, чтобы омыть новорожденных в протекавшей сразу за дворцом реке! С тех пор она стала называться Масляной.

Но вскоре на смену хлопотам пришли заботы и неприятности. Завистливый и нетерпимый Асаманджа возненавидел своих сводных братьев. Вообще он еще в детстве отличался злобным нравом, ему доставляло удовольствие топить своих братцев в Масляной, правда, от этого число остроголовых не уменьшалось. Когда Асаманджа возмужал, от него не стало житья горожанам, и Сагара скрепя сердце изгнал негодника из страны, оставив при себе сына Асаманджи, благочестивого Аншумана. Впрочем, вскоре и сыновья Сумати, видя, что их много, стали проявлять дурной нрав, не считаясь ни со смертными, ни с бессмертными. Так что пришлось людям и богам обратиться за защитой к Брахме. Утешил их творец мира, сказав, что обидчикам осталось жить недолго.

Между тем Сагара решил отметить свои победы над варварами и над соседними государями ашвамедхой. Собранные со всей страны брахманы выбрали из царского табуна самого безупречного коня, вывели его в чистое поле, приказав шестидесяти тысячам сыновей следовать за ним на почтительном расстоянии, не мешая ему пастись и идти куда угодно. С тех пор как совершалась ашвамедха, никогда еще за жертвенным конем не наблюдало столько глаз, а землям, по которым он проходил, не было причинено столько ущерба: ведь идущие за конем не просто объявляли, что эти земли отныне принадлежат царю, но и вытаптывали посевы, опустошали запасы продовольствия, задирали и оскорбляли обитателей этих мест. И вздохнула Индия, когда конь направился к морю, дно которого, после того как его опустошил Агастья, стало зарастать травами. Шестидесят тысяч остроголовых следовали за конем и по морскому дну, но не усмотрели его исчезновения. Позднее стало ясно, что это козни Индры, завидовавшего каждому могущественному царю на земле.

И явились сыновья Сагары к отцу с повинной. Какими словами передать гнев могущественного владыки при вести, что сто двадцать тысяч зорких глаз не уследили за одним конем? Да и сами сыновья знали, что исчезновение жертвенного коня — одно из самых дурных предзнаменований, и очень обрадовались, когда отец отослал их на поиски коня, наказав без него не возвращаться.

Спустившись на дно моря, царевичи образовали цепь, решив обойти все его травяные заросли. Так они набрали на глубокую расщелину наподобие пропасти, спустились в нее, и поскольку

им слышались какие-то звуки, напоминающие ржание, стали углубляться, пока не добрались до мировых слонов, поддерживающих земную твердь. Почтительно сложив перед ними ладони, они продолжали свой путь, пока на самом краю мира не достигли поляны, на которой увидели своего коня, мирно щипавшего траву. Неподалеку от коня сидел отшельник, погруженный в благочестивые размышления. Это был Вишну, принявший облик мудреца и подвижника Капиллы. Заподозрив, что именно он похитил животное, остроголовые ринулись к нему, размахивая кольями и камнями, какими рыли землю. И обратил Капилла на буянов свой гневный взор и превратил шестьдесят тысяч царевичей в пепел.

Подвижники из обители Капиллы принесли в Айодхью весть о их гибели, и царский дворец погрузился в траур. Не мог себе простить Сагара, что он сказал сыновьям, чтобы они не возвращались без коня. Гибель сыновей как раз и была тем несчастьем, которое предвещало исчезновение жертвенного коня.

Нисхождение Ганги

Совершив поминки по умершим сыновьям, призвал к себе Сагара внука своего Аншумана и обратился к нему с такими словами:

— После изгнания твоего отца за злодеяния и гибели твоих братьев ты остался у меня один, и некому совершить погребальные обряды по моим сыновьям, чей прах в подземном мире. До сих пор я не принес в жертву коня, чтобы отметить свои победы. Я возлагаю на тебя обязанность, которую не в силах выполнить сам.

Поблагодарил Аншуман деда за оказанную ему честь и поспешил на поиски коня. Спустившись на дно океана, лишенное влаги, он отыскал расщелину на северном краю океана и по проходу, проторенному братьями, спустился в подземный мир и вышел на поляну, где сидел Вишну в облике Капиллы. Приблизившись к нему, он ждал, когда великий подвижник обратит на него взор, а затем, почтительно его приветствуя, поведал о цели своего прибытия и прежде всего попросил разрешения увести коня.

— Ты можешь это сделать, юноша, — сказал Вишну. — Я знаю, что ты благочестив и честен, но еще не пришло время, чтобы ты или твой отец могли избавить от греха твоих братьев. Это совершит твой внук и с помощью великого бога Шивы низведет на землю небесную Гангу. Воды ее заполнят дно океана и через расщелину, которой ты шел, волеются и омоют прах царевичей Айодхьи.

Склонившись перед подвижником, Аншуман взял коня и тем же путем вернулся в Айодхью. Он рассказал деду все, им услышанное. Как раз исполнился год после того, как конь был выпущен, и Сагара совершил торжественное жертвоприношение. Вскоре после этого, успокоенный, он передал власть Аншуману и удалился в страну вечного блаженства.

Шива

Через век престол Айодхьи занял Бхагиратха, внук Аншумана, полностью преданный карме, безропотный и правдивый. Стал он для народа радостью очей и сердца. Прослышав, что его предки приняли ужасную гибель и не взошли на третье небо, он поручил царство советнику и отправился подвижничать на Химавату. Многие годы он стоял там, взирая на превосходнейшую из гор, предаваясь суровому умерщвлению плоти, питаясь плодами, кореньями и водой, пока через тысячу божественных лет к нему не явилась в собственном облике великая река Ганга.

— Чего ты от меня хочешь, махараджа? — спросила она. — Говори, превосходнейший из людей, и получишь желаемое.

— О подательница даров! — отвечал Бхагиратха. — Моих предков, разыскивающих коня, внезапно настигла гибель. И с тех пор погибшим недоступна жизнь на небе, пока ты, о святая, причастная великой доле, не омоешь их своею водою. Возведи их на небо, Ганга. Вот для чего я тебя ожидал!

— Разумеется, я выполню твою просьбу, — сказала река, — но падая, я могу уничтожить землю. Никто другой на земле не сможет меня принять, кроме Шивы. Ублажи его, чтобы он принял меня на свою голову.

И явился Бхагиратха на гору Кайласу, ублажил Благосклонного и получил от него обещание поддержать Гангу, чтобы предки праведника обитали на небе.

И сошел Шива на Химавату, окруженный своей ужасной дружиной, воздевавшей к небу оружие, и, перекричав ее боевые кличи, сказал Бхагиратхе:

— Умоляй же, долгорукий, реку, чтобы она низверглась с третьего неба.

Виравхадра — ипостась Шивы-воителя

Услышав это, махараджа возликовал сердцем и, преклонившись, стал неотступно размышлять о Ганге и низвел ее с третьего неба на землю своею мыслью.

И низверглась с небосвода Ганга на лоб Шивы, как венец жемчужный, и от него, змеясь тремя руслами, устремилась к Океану. На гребнях ее волн, как стоя лебедей, белела пена. Натыкаясь

на камни, она бушевала, ревя, подобно тысяче быков, оглушительным ревом. Достигнув высохшего Океана, она его заполнила и проникла в подземное царство, омыв прах шестидесяти тысяч царевичей, и заняли они на третьем небе русло Ганги.

С тех пор течет Ганга на земле, и восхваляющий ее очищается от грехов, созерцающий ее достигает благоденствия, творящий в ней омовение и пьющий ее воду очищает семь прошлых и семь грядущих поколений. И нет купели, подобной Ганге, как нет бога, равного златокудрому Шиве, принявшему священную реку на свой лоб.

Рождение красоты

Высоты горные Сознания — Как Гималайские хребты. Там вечный праздник понимания. Зачать новую красоту.

Мир был уже создан и после изгнания данавов и асуров успокоился. И правили им Брахма и Вишну, не ведая особых волнений. Было у них в достатке времени, и они вступили в спор: кто из них рожден первым. И тогда взметнулся перед ними Шива в виде огненного лингама безупречной прямизны. Сверкал он подобно горе Меру посреди надетых на него огромных венков, и нельзя было понять, где его середина, где начало и где конец.

Сказал Брахма Вишну:

— Давай я пойду вверх, а ты иди вниз. Тот, кто отыщет край, будет считаться перворожденным.

Однажды во дворце Брахмы, где Шиве был оказан торжественный прием, Дакша при появлении зятя не встал, но проклял его и сказал, что не будет приносить ему жертвы. Нет, это была не пустая угроза. Устраивая через некоторое время у себя в доме великое жертвоприношение коня, Дакша пригласил всех богов, кроме Шивы. Заколов коня, жрецы стали раздавать богам куски его мяса. Видя это, возмутилась Сати, потребовав, чтобы мужу оставили его долю. Когда же этого не сделали — бросилась в огонь. Шива же сотворил из части себя грозное чудовище, которому приказал уничтожить жертвоприношение Дакши. Приняв вид сотен и тысяч асуров, набросилась эта свора на жертвенные дары и разметала их; у хозяина дома отрубили голову и бросили ее в огонь. Потом, немного успокоившись, решил всемогущий Шива оживить истребленных богов. Но головы Дакши он отыскать не смог и насадил на туловище тестя голову козла.

После смерти Сати Шива погрузился в глубокую скорбь. Он удалился в недоступные горы, в царство вечной Зимы, не желая ничего и никого видеть. Черноволосый, в звериной шкуре на голом теле, с черным луком и стрелами, бродил он одиноко по заснеженным горам. Только огромные снежные барсы и мохнатые яки наталкивались на его следы, уводившие в бездонные пропасти. Ложась на брюхо, вылизывали звери соленые на вкус следы своего владыки.

Но ненасытная женская любовь все же отыскала Шиву и в горах. Во второй жизни Сати стала Умой, дочерью горного князя Химавата. Полагая, что сумеет покорить сердце Шивы суровым воздержанием, она отправилась в горную глушь. Сбросив там человеческую одежду, Ума облекла свое нежное тело в древесную кору. Сто лет она питалась опавшими листьями и древесными корнями, забыв вкус человеческой пищи. Трижды в день она умывалась ледяной водой горных потоков, и богам не раз удавалось взглянуть на прелести той, которую называли невестой Шивы. Но сам он, погруженный в созерцание, ничего не знал о ее существовании.

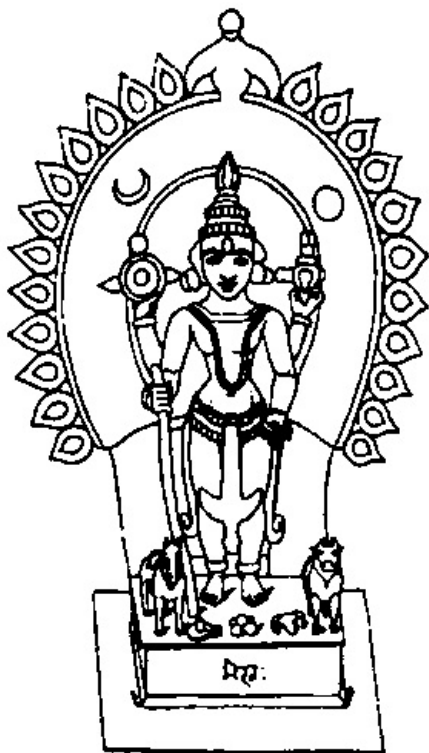
А между тем боги страдали от укрепившихся в Трипуре асуров. Слепленные алчностью, те принялись опустошать все вокруг. Обращая в бегство богов, они бродили где им вздумается, уничтожая обитатели мудрецов, жертвенные столпы и селения людей.

И тогда боги собрались и пошли все вместе к Прародителю. Поклонившись ему до земли, они поведали о своих бедах и спросили:

— Есть ли средство, чтобы извести асуров, перешедших все мыслимые и немыслимые границы?

— Злокозненные негодяи! — воскликнул Брахма. — Все знают о моем беспристрастии, но сейчас я дам вам совет. Изберите бойцом неутомимого в деяниях. Пусть он уничтожит богоненавистников, о Адитьи!

Выслушав это, решили боги пробудить Шиву к жизни. Они отправили к нему своего посланца Каму, бога вождения и любовной страсти, умевшего принимать различные образы и их изменять. Взял Кама с собою свою подругу Рати (Страсть) и помощницу Васанту (Весну). Едва они коснулись своими нежными ступнями гор, как потекли ледники, переполняя горные реки, растаяли снега на горных склонах, зацвели цветы. Птичий гомон наполнил долины. Все ожило. Один Шива не сдвинулся с места. Он угрюмо сидел, погруженный в свои мысли.

Бхайрава — одна из ипостасей Шивы

Страшась гнева Шивы, Кама долго не решался выполнить поручение богов. Наконец, уступая их мольбам, он прибыл в место уединения Шивы и застал его сидящим между деревьями в окружении сладостно жужжащих пчел. Склонив над дремлющим свое воздушное тело, Кама проник в мозг Шивы через уши и изгнал образ Сати. Осознав это, Шива вздрогнул и стал силой памяти оживлять исчезнувший образ. Поняв, что ему кто-то препятствует, он, потрясая головой, ударяя ею о стволы деревьев, изгнал невидимого Каму. И вновь черты лица Шивы успокоились, его три глаза закрылись, губы сложились в блаженную улыбку. К нему вернулась его Сати в виде прекрасной тени.

Но не успокоился Кама. С помощью Васанты он создал из благоуханных цветов стрелу и, натянув тетиву из сцепившихся пчелок, направил ее Шиве прямо в сердце. От боли приоткрыл Шива третий глаз, и из него посыпались искры, мгновенно превратившие Каму в горсточку пепла. С тех пор Кама зовется Анангом (Бестелесным).

Выйдя из беспамятства, увидел Шива волоокую, с волосами цвета льна деву по имени Ума, омывающуюся в бурлящем горном потоке среди камней. Она была такой, какой в его памяти продолжала жить Сати. Поняв, что перед ним подобие утраченной возлюбленной, призвал Шива семерых мудрецов и отправил их сватами к родителю Умы, который до нее уже имел дочь, священную Гангу, сведенную на землю с помощью Шивы.

— Химават! — обратились сваты к старцу со всей почтительностью. — Не отдашь ли ты за могучего Шиву в жены свою дочь?

— Отдам! — ликующе крикнул родитель, и его голос эхом прокатился по горам, над которыми он властвовал, заглушая грохот снежных обвалов. И донесся он к Шиве и Уме словом «да», наполнив их сердца радостью.

Возвратившись в родительский дом, Ума тут же скинула жесткую кору, закрывавшую ее прекрасное тело, облачилась в девичье свадебное одеяние, умастилась благовониями, запах которых после века пребывания в горах затуманил ей голову, и опустилась на пуховое ложе. Ночь перед свадьбой показала деве длиною в тысячу лет. К утру она задремала, но вскоре была разбужена бычьим ревом, криками, звоном оружия. Это Шива спускался с гор на спине могучего быка Нандина в сопровождении своей ужасной свиты и небожителей, кружившихся под звуки рогов и вин в бешеной пляске. Все три мира радовались тому, что Кама вернул великого бога к жизни и любви.

Шива верхом на Нанди

После исполнения свадебного обряда, которым руководил сам Брахма, Шива подхватил Уму, усадил рядом с собой на спину Нандина и помчался на гору Мандару, благосклонно предоставившую свои луга, опушки и гроты новобрачным для любовных утех. И как каждая женщина, стала Ума после брачных ласк мечтать о первенце; но он не давал о себе знать. Чтобы утешить себя, Ума слепила из пахучих масел, душистой пудры, пота, покрывавшего ее тело, и кала куклу в виде человека с головой слона. Но вскоре кукла ей надоела, и Ума швырнула ее в Гангу. На лету кукла выросла, и Шива принял ее за сына, рожденного Умой. Дал он ему жизнь и сделал богом успеха, покровителем слонов, поэтов и купцов, главой карликов и духов, составивших свиту Владыки. Имя, данное ему отцом, — Ганеша. (Это он впоследствии записал на пальмовых листьях «Махабхарату», продиктованную мудрецом. Для этого ему пришлось использовать в качестве палочки для письма свой бивень. Так и стали изображать Ганешу — с одним бивнем.)

Пока Шива наслаждался близостью с Умой и радостью отцовства, боги сооружали достойную его колесницу. Несущая на себе все живое, Земля была ее передком, гора Мандара — ее осью, Солнце и Месяц стали колесами этой превосходной колесницы. Вслед за этим боги принялись за сооружение лука и стрелы. Дугой лука стал год с его шестью сезонами, Ночь гибели мира — тетивой, Вишну, Агни и Сомы — стрелой. Пламенный гнев в ее острие вложили святые отшельники Бхригу и Ангираса.

И вот занял на колеснице место Шива, сине-красный, багроводымный, облаченный в звериные шкуры, сияющий, как тысяча солнц. Взметнулась колесница в небо, но даже Шива не смог натянуть тетиву лука, тем более — выпустить из него стрелу. Но когда боги отдали ему и свою силу, он наложил на лук губительную стрелу и выпустил ее. Стал кроваво-красным небосвод, словно бы в огромном тигле смешалось расплавленное золото с пурпуром. Сверкание стрелы слилось с сиянием солнца. Стрела пронзила три крепости одну за другой, словно стога соломы.

Радовались боги победе над асурами и, взявшись за руки, вместе с Шивой и всегда хмельной его свитой отплясывали одну из ста восьми своих плясок-тандав. Эта была пляской ликования. Были и другие — устрашающие, разгульные, возбуждающие тандавы, но ужаснее всех была та, которую Шива исполнял в конце каждой юги.

Шива и Парвати на горе Кайласе

Пляска Шивы

Шива не все время пребывал на вершине Кайласы, наслаждаясь близостью со своею женой. Он странствовал по лесам, посещая праведников и очаровывая их жен, которые следовали за ним, сбрасывая свои одеяния и украшения.

Однажды он посетил пустынников, обитавших в Таргамских лесах и проповедовавших враждебное ему учение. Его попытки повлиять на них ни к чему не привели. Праведники его проклинали. Но что для Шивы проклятие?! Тогда они развели жертвенный огонь и, сотворив на нем свирепого тигра, послали его против Шивы. Он ногтем мизинца содрал со зверя шкуру и украсил ею свое могучее тело. После этого отшельники сотворили гигантского волшебного змея. Шива, улыбаясь всеми пятью своими ртами, обернул его вокруг своей синей шеи как ожерелье. Наконец, против Шивы было выпущено чудовище в отвратительном облике карлика Мулайоки с огромной дубиной в руке. Шива на него наступил пальцем левой ноги, сломал ему позвоночник и, стоя на нем, стал отплясывать с такой силой и красотой, что отшельники пали перед ним ниц, а боги на небесах застыли в восхищении.

Этой пляской Шива устанавливает ритм всех трех миров, приводя движение и в назначенное время его же уничтожает. Иногда вместе с ним пляшет свита духов, и к ней присоединяется ужасная богиня Кали. Зрителями и участниками пляски являются также боги. Сарасвати играет на вине, Индра — на флейте, Брах отбивает такт цимбалами, Вишну бьет в барабан, Лакши подпевает. Остальные боги хлопают в ладоши.

Рождение Сканды

Как-то прекрасная Парвати неслышно подступила к Шиве сзади и в шутку закрыла ему глаза благоуханными ладонями, подобными золотым лотосам.

И тотчас вселенная погрузилась во тьму, на лбу же Шивы выступил порожденный страстью пот. Капля его скатилась на землю и мгновенно превратилась в юное существо ужасающего вида — уродливое, темное, волосатое, с бородою и спутанными космами на голове. Поскольку это произошло во мраке, у новорожденного не было глаз. И этот уродец, взревев страшным голосом, пустился в пляс.

И, словно бы преодолевая эту слепоту, на лбу Шивы появился третий глаз, сияющий как солнце и извергающий огонь. И только тогда Парвати оторвала ладони от лица супруга, и повсюду воссиял свет. Увидев уродца, она спросила Шиву: «Кто это?» — Это дитя, родившееся из моего пота, — ответил Шива. — Оно обладает великой мощью и свирепостью. Имя ему — Андхака (Слепец). Позаботься о нем». И исполнилась Парвати жалости к тому, кто был обязан жизнью ее шутке.

Тогда же ради обретения сына вождь асуров Караньянетра предавался суровому подвижничеству и, исполняя обет, обратился к Шиве с мольбою о сыне:

— Нет у меня сына, а без него угаснет мой род. Даруй же мне его, чтобы он стал царем асуров.

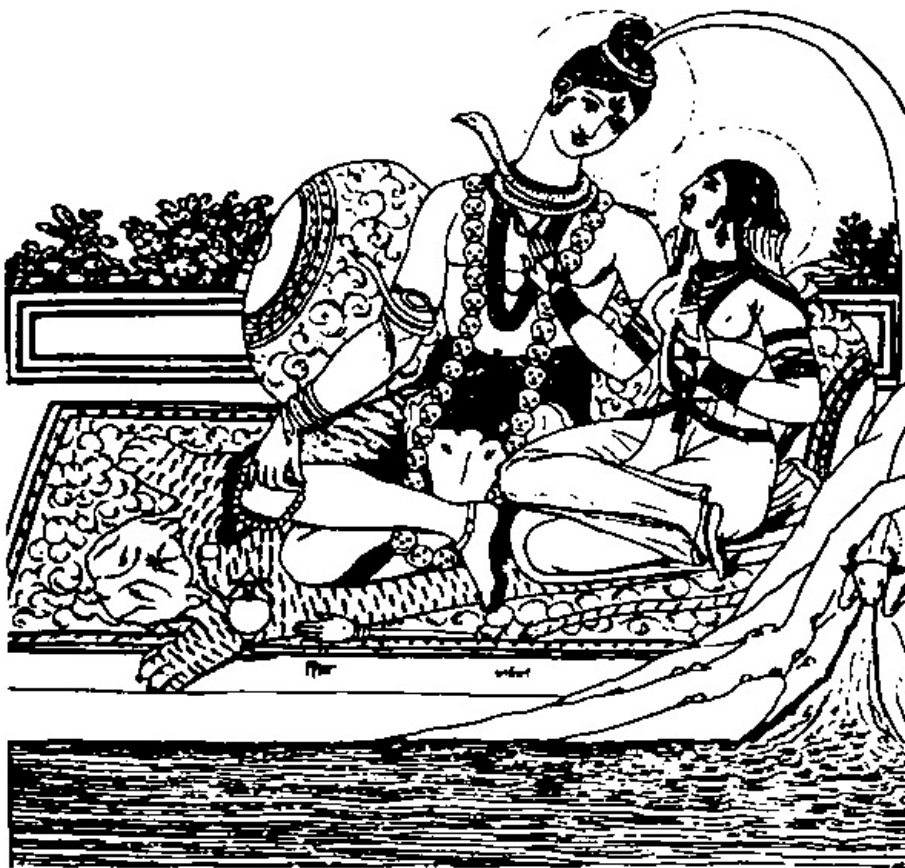
— Не дано сыну родиться от тебя, но я могу отдать своего Андхаку. Даст он тебе счастье.

И принял вождь асуров дар великого бога, обошел вокруг него справа налево и удалился с новообретенным отроком.

Прошло немало времени, и Шива покинул дом свой, чтобы навестить семерых мудрецов. Попечение о Парвати принял Вишна, а охранять жилище он поручил верному Нандину. И это время избрал злобный Андхака для похищения Парвати, о дивной красоте которой был наслышан. Видя, что двери охраняются, он превратился в птицу и влетел в окно. Едва он принял свой истинный облик, как вернулся Шива. Бросился Андхака наутек, но Шива поддел его своим трезубцем. Радуюсь успеху, он пустился в пляс, и пока он плясал, прегрешения слепца, воздетого на трезубец, исчезали. Прозрев истину, Андхака воспел великому богу хвалу. Сняв его с трезубца, Шива сказал:

— Нечего тебе быть с асурами. Отныне ты останешься со мною и будешь командовать частью моего войска.

Взяв Андхаку за руку, Шива подвел его к Парвати и поручил его ее заботам. Она милостиво приняла его.

Шива и Парвати

В порыве любовной страсти настиг Шива Парвати на грозовых облаках, и в блеске молний оттуда полилась кровь, градом посыпались метеоры. Страшные вихри сотрясали горы. Воспламенились страны света. Пришло в упадок изучение вед. Все три мира были пронизаны страхом. Боги понимали, какую угрозу представляет вселенной тот, кто родится от такой связи, и взмолились Шиве, чтобы он не зачал ребенка. Придя от такой помехи в ярость, Шива наложил на богов заклятие и обрек их на бездетность. Однако он, сам напуганный силой собственной страсти, все же выпустил свое семя, пахнущее жасмином и голубым лотосом, в руку, вовремя подставленную Агни. Семени было так много, что оно заполнило всю ладонь и оттуда вылилось в Ганг, который выплеснул его в лоно шестерым Плеядам, родившим в Сарадханском лесу шестерых сыновей. Они соединились в одного младенца, которому дали имя Сканды. Плеяды воспитали его. У него было шесть голов, двенадцать глаз, шесть ртов и рук. После того как Сканду выкупали в Ганге, Брахма дал ему тысячу имен.

Был Сканды так силен, что шутя сбрасывал колесницы богов с проложенной ими колеи, изменял пути небесных светил, направлял реки в новые русла и передвигал горы. Все живое стало слезно молить Индру уничтожить Сканду, и он после некоторых колебаний отправился против него на своем огромном белом слоне, который мог шарить хоботом по морскому дну. Однако, видя мощь Сканды, Индра предпочел иметь в нем не врага, а союзника. По просьбе Индры Сканды спалил царя асуров Тараку, как стебель высохшей травы. Со временем он убил многих других асуров.

Вместе со слоном Ганешей Сканды жил на горе Кайласе, и у Парвати было немало забот, чтобы накормить огромное животное и Сканду, которого она называла Кумарой («мальчиком»). Тем более что семье приходилось жить на подаяние, которое выпрашивал неутомимый Шива. Мальчиком Сканду называли и после того, как у него появилась жена Девасена. Он любил ездить на павлине и обожал петушинные бои. Петух был изображен на его знамени.

Вишну подарил Сканде свое неотразимое оружие. Царь царей Кубера привел в его войско тысячу якшей. Агни дал ему огненное сияние, Вайю — быструю колесницу. Затем боги склонились перед Скандой и восхвалили его: «Мы чествуем тебя, Шестиликий; и возлагаем на тебя все надежды. Ты — великий воитель, глава небесного воинства, наша надежда и защита».

Рождение Ганеши

В мире богов Шива и Парвати считались примерной парой. Всем было известно, что Шива своей женою не пренебрегал и в доме был сын Сканды. Но когда супруги оставались одни, между ними возникали трения. Конечно, никто не мог упрекнуть Парвати в том, что она плохо заботилась о Сканде. Но ведь он не был ею выношен в чреве, да и взлелеяли его другие женщины. Заметив, что Парвати печальна, Шива спросил ее: «Что с тобою?» — «Я хочу родить сына, чтобы в то время, когда тебя нет, я могла бы его лелеять и ласкать, а у него пусть уже не будет детей, если ты не выносишь детского плача и писка».

— У меня уже есть сын! — ответил Шива. — Ведь я бессмертен, и мне ни к чему погребальные обряды. Достаточно Сканды. И так остается мало времени для подвижничества.

Объяснение это Парвати явно не удовлетворило. По-прежнему ее прекрасное лицо было печальным. И однажды, забежав домой, Шива вручил супруге какой-то сверток.

— Возьми, — сказал он ей. — Целуй и лелей сколько угодно.

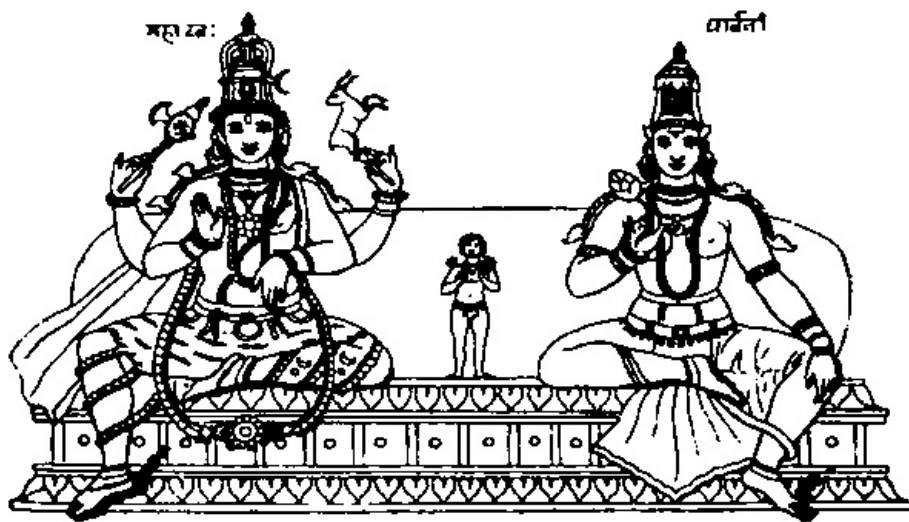
— Ты надо мной смеешься, Шива, — проговорила Парвати. — Зачем мне эта кукла?!

Но когда она приложила сверток к груди, он зашевелился. Она закричала: «Живи! Живи!» — ребенок залился желанным плачем и потянулся к ее груди, тотчас наполнившейся молоком.

И возликовала Дочь гор, впервые ощутив материнское счастье. Но как всякое счастье, оно было недолгим.

Узнав о семейном событии, в дом зачастили гости, и каждому пришедшему и приносившему поздравления и дары, Парвати показывала с гордостью своего сына, и все говорили, что еще никогда не видели такого прекрасного ребенка.

Последним с далекой планеты Шани (Сатурн) пожаловал ее бог, который был в доме впервые. Не знала Парвати, что он проклят собственной супругой за пренебрежение ею, и поэтому взгляд у него был недобрым. И только она подвела Шани к колыбельке, как у ребенка отвалилась головка.

Махадева (Шива) и Парвати

Вопль Парвати был услышан во всех трех мирах, и Шива появился немедленно. Подняв головку с пола, он повертел ее в руках. «Не горюй! — сказал он рыдающей супруге. — Сейчас наладим!» И он приставил головку к тельцу, но она отвалилась. Шива взял ее снова и погрузился в раздумье. И тут с небес донесся голос: «Голова твоего сына загублена недобрым оком. Возьми любую другую голову, и он оживет, если она будет повернута к благодатному Северу».

— Вот видишь! — сказал Шива Парвати. — Ничего страшного не произошло.

С этими словами он отправил исполнительного Нандина на поиски головы, обращенной на Север. И вскоре ему такая голова попала на глаза. Она принадлежала слону Индре Айравате, возлежавшему у северных ворот города богов. Не долго думая, занес Нандин меч над головою священного животного, но слон пробудился и тревожно затрубил. И появился Индра со своей свитой.

— Кто ты такой и что тебе надо от моего слона? — грозно спросил Индра.

— Я от Шивы, — ответил Нандин. — Мне приказано доставить голову для его сына.

— Но зачем Сканде голова моего слона? — удивился Индра.

— Для другого сына, — пояснил Нанд ин. — У него оторвалась голова от недоброго взгляда Шани.

С этими словами Нандин снова вскинул свой меч. И тут Индра метнул в него свою палицу. Нандин, поймав ее на лету, бросил обратно, и она угодила царю богов в грудь. Индра упал, и Нандин мгновенно отсек голову Айравате.

Увидев слоновью голову, Шива помрачнел. Конечно же, он не предполагал, что у его сына будет голова слона, да и ссора с Индрой не входила в его планы. Но дело было сделано, и другого выхода не было. Приставил Шива голову Айраваты к неподвижному тельцу ребенка, и оно ожило и заревело слонем.

И снова дом Индры наполнился голосами богов, приветствовавших своего юного собрата. Брахма дал ему имя Ганеша и приказал, чтобы в списке богов его имя стояло первым. Богиня мудрости Сарасвати даровала ему перо по его росту, и, закладывая его за свое огромное ухо, Ганеша выглядел заправским писцом. Брихоспати одарил его священным шнуром брахмана. Мать-Земля Притхиви, видя, что Ганеша неповоротлив, передала ему в услужение свою крысу, способную увеличиваться в размерах. Она могла проникнуть в любую щель, но Ганеша мог использовать ее и как ездовое животное.

Ганеша

Шиву больше всего радовало то, что Индра не только не держал на него зла за самоуправство Нандина, но обратился с покаянным посланием: «О Владыка! Прости меня за то, что я не сразу отдал требуемое и по невежеству оскорбил твоего слугу». Шива ответил ему своим посланием, которое он продиктовал Ганешу: «Брось тело Айраваты в Океан, и он восстанет из него живой и невредимый».

Парвати, Шива и Ганеша

Корова желаний

Жил в старину великий царь Гандхи, преданный закону и справедливый. Ослабев от долгих лет, он передал свое войско сыну своему Вишвамित्रе, который расширил царство отца и добился славы великого воителя. Свободное от войн время царевич отдавал охоте в дремучем лесу, преследуя в чащах антилоп и вепрей. Однажды, мучимый усталостью и томимый жаждой, Вишвамित्रа, сопровождаемый своим войском, забрел в лесную обитель мудреца-брахмана Васиштхи. Мудрец, наслаждавшийся спокойствием, принял царевича и его провожатых с почетом, предложил воду для омовения, а потом крикнул:

— Сурабхи!

Гости подумали, что мудрец зовет собаку, но явилась корова с красивыми боками и бедрами, с глазами выпуклыми и блестящими, как у лягушки, с пушистым хвостом, с остроконечными ушами. Была она матерью коров, рожденных из амриты. Земля давала ей молоко, рождающееся из соков трав.

— Красавица! — сказал Вишвамित्रа из вежливости, полагая, что хозяин хочет похвастаться своим животным.

Однако Васиштха обратился к проголодавшимся гостям:

— Назовите, любезные, любимые вами блюда и напитки.

Ничего не понимая, гости стали наперебой вспоминать все самое вкусное и изысканное, что они когда-либо ели. И тут, ко всеобщему изумлению, из вымени коровы полилось молоко, топленое масло, овощи, фрукты и под конец — самые разнообразные яства.

Насытившись, гости захотели сменить порвавшуюся во время блужданий по лесу одежду. Тотчас появилась одежда, верхняя и нижняя, такая, какую каждый хотел, и обувь по их вкусу.

Сытый и принарядившийся Вишвамित्रа не отводил от удивительной коровы глаз.

— Отдай мне ее за десять тысяч коров, великий отшельник! — проговорил он.

— Это дойная корова, — отвечал отшельник, — она предназначена для обслуживания богов, гостей и предков, для всего того, что идет им в жертву. Она не продается и не обменивается.

— ...а также за царство, которое я должен получить от отца, безупречный, — не унимался Вишвамित्रа.

— Зачем отшельнику царство? — отозвался Васиштха.

— Если ты не хочешь отдать мне корову за такую цену, то я силой уведу ее от тебя.

— Сила — твое право, — покорно ответил брахман. — Мне, занятому подвижничеством и изучением вед, она не дана. Делай же, кшатрий, как желаешь, и не размышляй.

Пока шел этот разговор, корова удалилась в свою хижину. И тогда Вишвамित्रа вооружился кнутом и бросился на Сурабхи. Вскоре послышались звуки ударов и жалобное мычание. Кшатрий безжалостно стегал и дергал животное.

— Зачем ты пренебрегаешь мною! — вскричала корова, обращаясь к своему господину. — Разве ты не слышишь, как меня мучает сила Вишвамित्रы?

— Я слышу твое мычание, — отвечал мудрец не пошевелившись. Лицо его, как всегда, было величественным и невозмутимым.

— Почему же ты меня не защитишь?

— Сила брахмана — терпение, — сказал Васиштха.

Кажется, именно терпения не хватило кшатрию, чтобы заставить корову уступить своей силе. Отбросив бич, он подбежал к ее теленку, чтобы его увести и заставить последовать за ним родительницу.

И вновь взмолилась корова:

— Разве ты не видишь, что уводят моего теленка?

— Теленка, а не тебя, — отвечал Васиштха. — Ты же оставайся.

При слове «оставайся» корова вскинула вверх голову, вытянула шею и подняла страшный рев. С налившимися кровью глазами она выбежала наружу и обратила в бегство все войско Вишвамитры. Опомнившись от первого испуга, воины обернулись и стали колотить корову древками копий. Она же, придя в еще большую ярость, запылала, подобно полуденному солнцу. Из ее хвоста хлынул ливень горящих углей, сверкавших в ночном небе метеорами.

Но этого было мало. В неистовстве она произвела из струй молока, помета, потоков мочи и пены тысячи вооруженных варваров, которые тотчас разбились на отряды и начали наступление на войнство Вишвамитры. Каждый из воинов был окружен пятью или семью противниками. Ни один из них не был лишен жизни, но войско было рассеяно, как солома ветром.

При виде этого великого чуда Вишвамитра воскликнул:

— Позор войску, опирающемуся на силу кшатриев! Истинное войско то, которое опирается на могущество брахманов.

И не захотел после этого Вишвамитра наследовать отцу. Оставив цветущее царство, он удалился в лес и стал подвижником. Наполнив три мира жаром своего покаяния, он добился истинного могущества и стал жрецом царя Калмашапады, но все равно был одержим завистью к Васиштхе.

Шунахшепа

Те, кто хотят иметь сыновей, но их не удостоились, пусть слушают этот рассказ, и у них будут сыновья, непременно будут. Пусть слушают и те, кто не пожелал иметь сыновей, они тоже захотят их иметь, и они у них родятся.

Некогда жил могущественный царь Харишчандра, имевший сто жен. Он не ощущал потребности в сыне, и они у него не рождались, ибо благие боги не посылали Харишчандре сына, видя, что он не хочет его. Советники же и придворные, не зная этого, удивлялись, почему у Харишчандры нет наследника. Тем или иным способом они навели царя на мысль, что сын ему необходим, и он обратился к мудрецу Нараде с вопросом:

— Скажи, благочестивый, почему все желают иметь сына — и мудрецы и невежды? Какая от сына польза?

— О царь, отец, увидевший лицо рожденного им сына, выплачивает долг своего рождения, — ответил Нарада, — ибо в нем отец преодолевает густой мрак существования. От «я» рождается «я». Сын — как ладья в безбрежном океане. Жена — друг человека. Дочь — источник скорби. Сын же — сиянье света в верхнем небе.

Так ответил Нарада Харишчандре.

— Ты меня убедил, — сказал царь. — Как же мне заиметь сына?

— Обратись к Варуне, — посоветовал мудрец, — и у тебя родится сын, которого ради рождения других ты должен будешь принести ему в жертву.

И вошел Харишчандра в свою жену, и родился его сын, которому дали имя Рохита. Глядя в розовое детское личико, увидел царь в сыне самого себя и понял то, что говорил Нарада о великой радости рождения сына. И стало страшно Харишчандре, что он должен принести свое второе «я» в жертву.

Варуна же напомнил царю о данном им обещании, а Харишчандра ответил:

— Жертвенное животное лишь тогда пригодно к закланию, когда ему больше десяти дней. Исполнится десять дней, и я его тебе отдам.

— Да будет так! — согласился Варуна.

На десятый день Варуна напомнил:

— Я жду!

— Жертвенное животное пригодно к закланию, когда у него прорежутся зубы. Подожди, Варуна, еще немного, пока это случится, и ты получишь обещанное.

— Да будет так! — согласился Варуна.

И еще четыре раза откладывал Харишчандра обещанное, пока Рохита не вырос и, узнав, что его ждет, не убежал в лес.

Каждый год он порывался покинуть лес, но, выйдя на опушку, возвращался, ибо понимал, что отцу ничего не останется, как принести его в жертву. На седьмой год он встретил в лесу брахмана Аджигарту с женой и тремя сыновьями.

— Риши! — обратился Рохита к брахману. — Я дам тебе сто коров, ты же мне уступи одного из своих сыновей, чтобы я им выкупил свою жизнь.

— Только не его! — воскликнул Аджигарта, прижимая к груди старшего сына.

— И не его, — сказала мать, указывая на младшего.

И согласились они уступить среднего сына, которого звали Шунахшепа.

Отдав Аджигарте сто коров, Рохита взял Шунахшепу и вместе с ним явился в деревню к отцу.

— Отец! Я привел вместо себя этого юношу, чтобы выкупить им свою жизнь. Принеси его в жертву Варуне.

И явился Харишчандра к деревенскому алтарю и вознес свой голос Варуне:

— О светлый помыслами, вот тот, кого я принесу тебе в жертву.

Взглянул Варуна на Шунахшепу и сказал:

— Пойдет. Брахман еще лучше, чем кшатрий.

И собралось на жертвоприношение множество людей. Среди них были великие риши Вишвамित्रа, Джамадагни, Васиштха, Аяся, непреклонные в обетах. Но не нашлось среди присутствующих ни одного, кто согласился бы привязать юношу к жертвенному столбу. Наконец подошел отец Шунахшепы и потребовал за это сто коров. Дали ему сто коров, и он привязал Шунахшепу. После этого прочли над жертвой заклинания и обнесли вокруг нее огонь. Но не нашлось человека, согласившегося заклать. Тогда Аджигарта попросил еще сто коров. Дали их ему, и он стал точить нож.

И подумал Шунахшепа: «Я человек, а меня хотят заколоть!» И воззвал он к первому из богов, Праджапати, таким стихом:

В тебе все величие божье.Славлю тебя, Праджапати.Ты мне один лишь поможешьУвидеть мира праматерь.

— Агни среди богов — самый близкий к людям, — ответил Праджапати. — Обратись к нему.

И воззвал Шунахшепа к Агни таким стихом:

Агни, скакун долгогривый,С разверстой пылающей пастью.Твоею мы милостью живы,Воитель, дарующий счастье.

— Савитар — владыка всех начинаний, — ответил Агни. — Призови его на помощь.

И воззвал Шунахшепа к Савитару таким стихом:

Познавший вещей всех границы,Хранитель всей правды, Савитар.В твоей благосклонной десницеПокоится вечная рита.

— Ты обречен в жертву Варуне, — ответил Савитар. — Обратись к нему.

И воззвал Шунахшепа к Варуне таким стихом:

В морях и в мире надлунномХранящий предвечные воды,Тебя прославляю, Варуна,Великий владыка природы!

— Восславь Все-Богов, — сказал Варуна. — Тогда мы освободим тебя.

И воззвал Шунахшепа ко Все-Богам таким стихом:

Славлю великих и малых!Славлю древних и новых!Нам дарующих славуМне дарованным Словом.

И был такой ответ:

— Индра среди богов самый сильный, самый храбрый и самый великий. И самый лучший помощник. Восславь его. И воззвал Шунахшепа к Индре таким стихом:

Владыка, мечущий грома,Раджа небожителей Индра.Насыться огненной сомой,Обрушь свою силу на Вритру.

— Восславь теперь Ашвинов, — сказал Индра.

И воззвал Шунахшепа к Ашвинам таким стихом:

О близнецы Ашвины,Блистательны ваши деянья.Вы мчитесь, с миром едины,Всегда готовые к брани.

— Восславь теперь Зарю, и мы освободим тебя, — сказали Ашвины.

И восславил Шунахшепа Зарю таким стихом:

Ночь, словно черная птица,Могучими машет крылами.Откройся, Заря-кобылица,С дневными

своими дарами.

Так произносил Шунахшепа стих за стихом, и с каждым из них ослабевали его путы. С последним стихом путы с него спали, и жрецы сказали ему хором:

— Теперь ты сам должен совершить жертвоприношение дня.

Взял Шунахшепа ступу, наполненную зельем, и пест. Выжимая сому, он произнес такие стихи:

Ты, ступа, как женское лоно, А пест — как лингам могучий. Сойдитесь, как пара влюбленных, Как в небе сходятся тучи. Нет дома такого, о ступа, Где б ты не оставила следа. Греми же громче, чем трубы, Чем барабаны победы. Ты, пест, громогласнее грома И ветра, что свищет над полем. Дави же бессмертную сому, Чтоб Индра был ею доволен.

Затем Шунахшепа вылил сок из ступы в чашу и, процедив его через овчину, обратился к Индре с таким стихом, закончив его восклицанием «Сваха!»:

Несущийся в небе высоко На конском сияющем крупе. Всадник, отведай же сока, Который выжат был в ступе.

— Сваха!

Потом Шунахшепа подвел жертвователя к пламени очага и обратился к Агни с таким стихом:

Ты к свету вернул Шунахшепу Из мрака, куда он был загнан. Сорви же путы и скрепы И с мира, всевидящий Агни!

— Сваха!

Агни — бог огня

Завершив жертвоприношение, Шунахшепа сел на колени к Вишвамित्रе и сказал ему:

— Прими меня в свой дом. Я хочу жить у тебя.

И тогда обратился Аджигарта к Шунахшепе с таким стихом:

Вернись же, выжавший сому, Богами прославленный риши, К тебя породившему дому И под отцовскую крышу.

Не вставая с колен Вишвамитры, Шунахшепа произнес:

Ты отдал сердце коровам. Ты предал ариев мудрость. Не надо мне крыши и крова От брахмана, ставшего шудрой.

— Ты прав, сынок, — сказал Вишвамित्रа и изрек такой стих:

Не можешь ты быть его сыном. Точил на тебя он железо И этим риту отринул, Тебя от дома отрезал.

Обратившись к Шунахшепе, Вишвамित्रа сказал:

— У меня сто один сын. Ты будешь среди них старшим, а твое потомство всех счастливее. Раздели мой божественный жребий.

— Я не хочу обделять твоих сыновей. Пусть они согласятся на дружбу со мной, и тогда я стану твоим сыном.

И собрал Вишвамित्रа своих сыновей и сказал им:

— Решайте, быть ли Шунахшепе моим сыном.

И стали сыновья один за другим подавать голоса. Из всех старших сыновей только один Мадхучандас захотел иметь Шунахшепу братом. Младшие же пятьдесят сказали:

— То, что решил наш отец, мы принимаем. Приходи в наш дом, Шунахшепа, и будь в нем первым. Мы готовы следовать за тобой.

Тогда Вишвамित्रа благословил этих сыновей, а старших сыновей, за исключением Мадхучандаса, проклял и сказал им:

— Ваши потомки получат в наследие край земли!

И действительно, от этих сыновей пошли племена андхров, пундров, шабаров, пулиндов и мутибов, живущих за пределами земли арьев. Много потомков Вишвамитры и среди нечистых дасью.

Кришна

На берегу Джамны процветал в старину великий город Матхура. Было в нем сто ворот, окаймленных с обеих сторон мощными башнями, и десять великолепных дворцов. Там, радуя подданных, царствовал справедливый царь Уграсена, да не выветрится память о нем. Но случилось, что один из ракшасов, уцелев от побоища, учиненного на Ланке Рамой и Лакшманой, в жажде мести принял образ Уграсены и вошел в его жену. Рожденный от этой связи отрок, получивший имя Канса, был коварен сердцем и ненасытен к славе душой. Свергнув царя, он занял престол, и застонала Матхура.

Он терпел вблизи себя одних рабов и стремился к неограниченной власти над всей Индией. Союзником его был Калайени, приверженец богини Кали, предававшийся мрачному искусству магии. Супругой Кансы стала дочь Калайени Нисумба, жадная и коварная колдунья. Она овладела сердцем царя, разжигая его темные страсти и умножая заложенное в его душе зло. Кроме Нисумбы было у Кансы еще триста жен, для которых был отведен один из десяти дворцов, но он внимал одной лишь Нисумбе. Страстным желанием Нисумбы было иметь сына, но чрево ее, несмотря на все ее ухищрения, оставалось бесплодным, как раскаленный песок пустыни.

Тогда же все три мира огласило мычание. Индра, пробудившись ото сна, поднял голову.

— Что это за звуки? — спросил он у своего советника-риши.

— Это корова-Земля взывает о помощи! — отозвался риши. — Ибо злодеяния Кансы достигли предела возможного, и должен вступить в действие Закон.

И отправился Индра, сопровождаемый богами, к владыке Закона. Прочитав протянутую богами челобитную, Брахма задумался.

— Вот что, — произнес он, нахмутив лоб. — Поскольку от неистовства этого Кансы более всего пострадал Вишну, пусть он, о боги, и предпримет необходимые меры.

И отправились боги к Вишну, как обычно дремавшему на благом змее Шеше. Услышав шаги, он открыл глаза, и в его четырех руках заколебались чакра, раковина, булава и цветок лотоса. Выслушав рассказ о злодеяниях Кансы и решение, принятое Брахмой, он молвил:

— Не сомневайтесь! Зло в Матхуре будет низвергнуто и искоренено. Я возрожусь в одной своей части в человеческом облике. Тот, на котором я восседаю, — он коснулся лотосом чешуйчатой спины змея, — будет мне помощником.

Вырвав из себя два волоса, черный и белый, он продолжил:

— Эти мои волосы опустятся на землю и освободят ее от подавленности. Черный волос воплотится в восьмом ребенке, зачатом богоподобной Деваки, женой Васудевы, в мальчике, который убьет Кансу.

Вскоре после этого вся Матхура поднялась на ноги. Началось торжественное жертвоприношение и молебствие о рождении у царской четы сына и наследника. Бросив в алтарь горсть благовоний, Нисумба отступила на несколько шагов, и ее место занял Канса. Обратившись к жрецу-возжигателю, считавшемуся также предсказателем, он спросил:

— Скажи, какая из моих жен родит владыку мира?

И в это время к алтарю приблизилась сестра Кансы, рожденная от Уграсены, а не от демона, принявшего его облик. Ее звали Деваки. Она была женой Васудевы и была известна добродетельным образом жизни и трудолюбием. При виде Деваки на лицо жреца внезапно пал свет, и он воскликнул:

— Ни одна из твоих жен, о царь, не родит владыку мира. Но его родит твоя сестра, которая сейчас стоит на коленях.

Лицо жреца потемнело. Через несколько мгновений он продолжил:

— Она родит восемь сыновей, и одним из них ты будешь погублен.

Услышав это, Нисумба подняла голос:

— Прикажи, царь, немедленно убить Деваки!

Канса обернулся.

— Деваки моя сестра, а Васудева мой родственник, — сказал он. — Мы с ним вместе решим, как нам быть.

В тот же день Васудева узнал о предсказании и дал совет, как обезопасить жизнь царя, не погубив дорогой ему Деваки:

— Заточи меня вместе с Девакой в крепости, в той, что на островке посреди Джамны. Я сам буду передавать тебе рожденных ею сыновей, а после восьмого ты нас выпустишь. Слово мое нерушимо.

И стали Васудева и Деваки царскими узниками. И рождались у них сын за сыном. Шестерых убил Канса, пока Васудева не догадался, как их можно было спасти. На воле у него оставалась еще одна жена, Рохини, которой было разрешено посещать островок и общаться с мужем через решетку. Ей-то и передал Васудева через прутья зародыш в виде змейки, попросив выносить его в своем чреве. Чтобы об этом не узнал Канса, он предложил Рохини перебраться в страну пастухов и поселиться в семье знакомого ему пастуха Нанды.

Прошла еще одна луна, и Деваки услышала небесную музыку. Под эти звуки вышел на свет еще один ребенок, сразу явивший облик изначального Чуда. Родился он темнокожим, и поэтому родители называли его Кришной. Был он в тиаре, с ожерельем и с маленькими, похожими на детские игрушки символами власти.

В момент рождения в темницу сквозь ее стены прошли боги, чтобы поклониться родившемуся владыке мира. Но Брахма вычеркнул это чудо из памяти узников, да и знаков будущей власти Кришны никто не увидел.

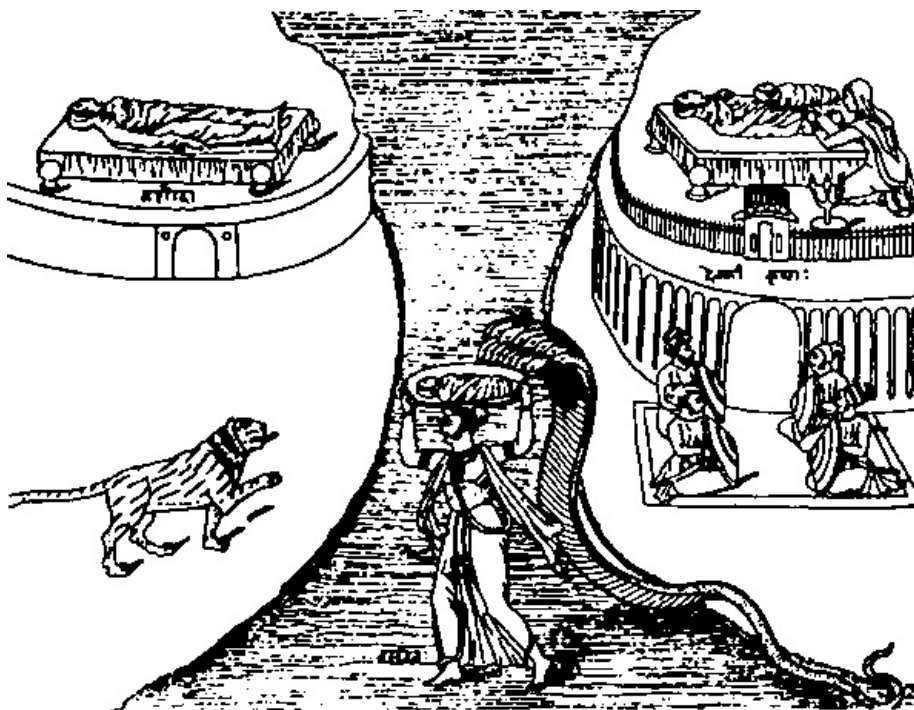

Деваки, кормящая Кришну

Вместе с Кришной Васудева и Деваки вышли наружу, но оставалось непреодолимое

препятствие — бурная Джамна. На островке не было ни только лодки, но и дерева, которое можно было бы использовать для переправы. Васудева, глядя в бурные волны, загоревал: «Удастся ли спастись?» Но младенец коснулся волны ножками, и могучая Джамна обмелела, и беглецы перешли на другой берег, не замочив ног.

На другом берегу их ожидали пастух Нанда и его жена Яшода. Она была на сносях. Вскоре у нее родилась девочка. Васудева подменил новорожденную Кришной и сделал так, чтобы родители забыли о рожденной девочке и считали Кришну своим сыном.

Васудева, уносящий Кришну к Яшодe

Подхватив девочку, вернулся с нею Васудева в темницу. Утром, узнав от стражи о рождении младенца, Канса захотел его убить. Но ребенок на его глазах вырос до огромных размеров и, рассмеявшись ему в лицо, вознесся на небо. Тогда Канса собрал подданных и приказал им уничтожить всех мальчиков, обладающих необыкновенной силой. Васудеву же и Деваки он выпустил из тюрьмы, ибо от них больше не исходило угрозы.

Нанда с Кришной отправились в Гокалу. Он вырос в коровьем мире (го-локе), третьем после мира людей (манушья-лока) и мира богов (дева-лока). Его называли гопа (пастух).

Он, как все, был опоясан пастушьей бечевою. Вместе с ним рос Баларама, но пастухи не знали, что они братья.

Однажды Яшода заметила, что младенец ест землю, и связала это с тем, что у нее не хватало молока. Она открыла Кришне ротик, чтобы очистить его от грязи. И вдруг ей показалось, что небо Кришны — это небесный свод с солнцем, луной и звездами. Но этому видению она не придавала значения. Молока продолжало не хватать, но вот в деревне оказывается какая-то женщина. Нанда приглашает ее к себе разделить трапезу. Увидев ползавшего под столом младенца, гостя, изобразив умиление, подносит его к своей груди. Проголодавшийся Кришна начинает сосать, да с такой силой, что поднятый шум стал слышен снаружи и в дом сбегаются соседи. На их глазах гостя начинает бледнеть и вскоре падает на землю, превратившись в безобразную старуху. Это была богиня оспы Путана, которую прислал Канса, намазав ей соски ядом.

В другой раз с небес в колыбельку Кришны опускается какой-то демон. Ребенок убивает его ударом ножки. Одолевает он еще одного, водного демона, который, выйдя из Джамны, нападает на стада. Кришна загоняет его в океан.

Не раз удивлял Кришна окружающих своими проказами. У пастушек стало пропадать масло, которое они взбивали из молока с помощью деревянной ступки. Возникло подозрение, что в деревню проник чужак, которому удалось каким-то образом обмануть свирепых пастушьих собак. На охрану селения вышли пастухи, вооруженные кольями. И вдруг они слышат женский крик. Нет! Их не звали на помощь. Это был крик удивления. Одна из пастушек увидела младенца, облизывающего пустой глиняный котел, используемый для хранения масла.

Так деревня узнала, что Кришна любит масло и может поглощать его в невообразимом количестве. Чтобы не остаться без масла, было решено привязать малыша к ступке. Но как только ребенок остался один, он потащил ступку за собой и вырвал с корнем оказавшиеся у него на пути два дерева. Из образовавшихся ям вышли двое юношей, когда-то заколдованных и превращенных в деревья.

Враг Кришны по-прежнему давал о себе знать. Кришне еще не было четырех лет, но ему уже поручили стадо, и он стал удаляться от селения на далекое расстояние. Услышав однажды собачий лай, доносившийся со стороны луга, пастухи бросились Кришне на помощь. Их взору предстало огромное безобразное туловище, заброшенное на дерево. Собаки лаяли, недовольные тем, что у них отнята добыча. В руках у Кришны был волосатый хвост. Стало ясно, что он раскрутил чудовище, чтобы закинуть его на дерево, а хвост, оборвавшись, остался у него в руках. Он заменил ему кнут.

Наступила полоса дождей. Индра стал заливать землю, и окрестности селения превратились в непроходимые болота. Мычали голодные коровы. Плакали ненакормленные дети. И тогда пастухи услышали из уст ребенка, едва начавшего говорить, мудрый совет:

— Вы привыкли приносить жертву Индре, ибо без дождей выгорает трава. Но сейчас осень, и дожди вам ни к чему. Приберегите жертвы Индре для другого времени года. К тому же, наши боги — это коровы, холмы и реки.

Расалила — танец Кришны

Кришна и Радха — воплощение жены Вишну — Лакшми

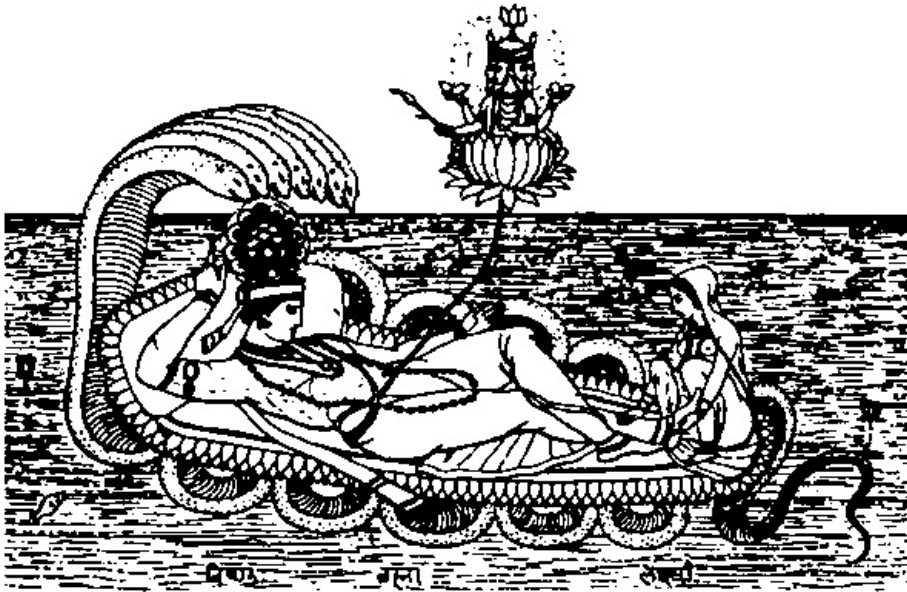
Трудно себе представить гнев Индры, когда сказанное Кришной дошло до его божественного слуха. Он наслал с небес воду, чтобы снести ненавистный ему по одному имени холм Говардхану (др. — инд. «Взращающий коров»), «Неблагодарный, — грохотал он. — Кто, как не я, первым пришел к Брахме и подал ему челобитную. Ты, Кришна, появился на свет благодаря мне».

Вслед за грохотом ночное небо перекрестилось молниями. Индра разразился таким потоком, который мог бы полностью затопить страну пастухов. И тогда Кришна одним пальцем поднял над своей головой холм Говардханы, и выливаемые воды не причинили вреда пастухам и их коровам, ибо холм стал для них зонтом. Индра надеялся, что Кришна утомится, и продолжал изливать воды, но через одиннадцать дней сдался и признал свое поражение.

Когда Кришне минуло пять лет, родители переселились в другое место, где мальчик обнаружил необыкновенные способности к музыке. Его волшебная игра на флейте зачаровала коров, которые следовали с мычанием за юным музыкантом. Не остались равнодушными жены и дочери пастухов. Покинув свои жилища, женщины призывали: «Кришна! Кришна!» Другие, более смелые, начали окружать его и следовали за ним, подобно пугливым и любопытным ланям. Возбуждаясь все более и более, они падали на землю, призывая Кришну насладиться их ласками.

Кришна велел пастушкам взяться за руки и, устроив при лунном свете хоровод, сам пустился в пляс. Хоровод не удался, ибо каждая из пастушек, не соблюдая ритма и очередности, рвалась к нему. Тогда он размножил свой облик, чтобы каждая из влюбленных обрела партнера в танце и в любви. Сам же Кришна плясал в истинном своем облике с Радхой, воплощением супруги Вишну Лакшми. Подобной пляски не знал ни один из трех миров.

И все это длилось всю ночь. На заре, поднявшейся из-за горы Меру, когда птицы начали щебетать в ветвях деревьев, женщины украдкой возвращались в свои жилища и, что более всего удивляло, пастухи не питали к совратителю ревности. Они были так же очарованы Кришной, как их легкомысленные жены и дочери.

Вишну, возлежащий на Ананте и его супруга Лакшми

Между тем царь Канса стал догадываться, что его сестра Деваки скрывается у отшельников, и он принялся преследовать их, как диких зверей. Тогда мудрец Васиштха, несмотря на свой столетний возраст, пустился в путь, чтобы встретиться с царем Матхуры. Дворцовая стража с удивлением взирала на слепого старца, ведомого газелью. И когда он приблизился к воротам дворца, никто не преградил ему пути.

Приблизившись к месту, где Канса восседал рядом с Нисумбой, старец обратился к ним с такими словами:

— Канса, царь Матхуры, горе тебе, преследующему отшельников в священных лесах. Горе тебе, Нисумба, дочь змеи, отравляющая царя дыханием ненависти. Знайте, что сын Деваки жив. Он явится в Матхуру и прогонит вас с трона. Трепещите и живите в страхе.

Слыша эту речь, стражи и слуги пали ниц, и никто не задержал слепого старца. Он удалился, сопровождаемый газелью.

Вскоре после этого Деваки покинула своего сына. Она ушла не простившись с ним. Обнаружив отсутствие Деваки, жившей по соседству и его навещавшей, Кришна поспешил к пастуху Нанде. Склонив голову, тот ему сказал:

— Не спрашивай меня. Деваки отправилась в дальнее странствие, в страну, откуда она пришла.

В отчаянии покинул Кришна лес и направился на гору Меру, надеясь отыскать Деваки там. Поискам было отдано несколько недель. И когда Кришна понял, что ему больше не увидеть той, которая дала ему жизнь, он узрел старца в белом одеянии, сидящего под кедром.

— Кого ищешь ты? — спросил старец.

— Мою мать! — отозвался Кришна.

— Ее здесь больше нет.

— Как же мне ее найти?

— На пути к Деваки стоят ее и твои враги. Иди и сразись с ними.

И настало для Кришны время подвигов. Он побеждал и укрощал львов, объявлял войну царям, освобождая угнетенные народы. Но сколько он ни боролся и ни побеждал, он не смог увидеть ни матери, ни старца, знавшего, как ее отыскать.

Однажды он услышал о Калайени, царе змей, том самом, который был другом и тестем царя Кансы. Рассказывали, что самая страшная из его змей уже уничтожила сотни людей и никто не может с нею справиться, ибо она заколдована. «Вот мой главный противник!» — подумал

Кришна. Он отправился в непроходимый лес, к горе, внутри которой была необъятная черная пещера, храм богини Кали.

Кришна

И вот он видит выползающее из пещеры змеиное тело зеленовато-голубого цвета. При виде Кришны змея вскинула голову с красным гребнем. Глаза ее зажглись мрачным пламенем. И в это же мгновение он услышал голос Калайени:

— Перед тобою демон, исполненный могущества. Ему известны все тайны, но он открывает их только тому, кто его победит. Поклонись демону или погибни в борьбе с ним!

Ярость охватила Кришну. Он кинулся к змее и двумя руками охватил шею чудовища ниже

головы. Змея попыталась обвить Кришну своими кольцами, но его пальцы сжимались все сильнее и сильнее. Почувствовав, что у змеи нет больше сил, он выхватил меч и отрубил ей голову.

— Зачем ты убил меня, Махадева! — произнесла голова. — Истину ты откроешь лишь в предсмертной агонии.

Если же хочешь продлить свою жизнь, берегись женщины, дочери змеи.

Слава об этом и других подвигах Кришны обошла всю страну и достигла слуха Кансы.

С тех пор как его посетил Васиштха, он пребывал в страхе.

Не зная, что Кришна — сын Деваки, он подумал: «Я нуждаюсь в таком сильном человеке.

Убивший большую змею, может защитить меня от угроз царя отшельников».

И отправил Канса гонца к Нанде с такими словами: «Пришли мне юношу, убившего змею. Я сделаю его возничим своей колесницы».

Кришна, танцующий на капюшоне змея

Узнав об этом, Кришна решил принять предложение Кансы. Ведь он не знал, что это его родственник, брат и гонитель его матери. «Не смогу ли я узнать от царя или его приближенных, где моя мать?» — подумал он.

Увидев силу и ловкость Кришны, Канса решил, что выбор его удачен, и поручил своему возничему наблюдение над всем царством. Так Кришна стал главным советником царя, вторым человеком в государстве.

Красота Кришны не могла оставить равнодушной ни одну из женщин. Поэтому страстная царица Нисамба потеряла покой. Спала она или бодрствовала, она постоянно думала о нем. Она перестала есть, бесцельно слонялась и металась, как рис в горшке над огнем. Вернув с помощью одной ей известной тайны молодость и красоту, она пригласила Кришну в свою опочивальню.

И вот сын Деваки стоит перед ложем, перед полуобнаженной царицей в блеске золотых украшений и облаке опьяняющих благовоний. Видя, что все ее ухищрения напрасны, колдунья обратилась к нему с такими словами:

— Ты невозмутим, Кришна! Тебя остудили снега Химавата, и ты превзошел невинностью всех земных царей. Но ты сам ничего не знаешь о себе. Мне же ведомо все. Хочешь, я тебя сделаю владыкой мира?

— Тебе ведомо все, — обрадовался Кришна. — Тогда скажи мне, где находится моя мать и как мне отыскать старца, беседовавшего со мной под кедром горы Меру?

— Зачем тебе твое прошлое! — воскликнула Нисумба. — Я тебе открываю будущее. Ты силен и прекрасен, и я тебя люблю. Царь тебе доверяет, и тебе нетрудно его убить. Когда передо мной будет его отрезанная голова, я украшу твою голову царской короной.

И тут вспомнил Кришна слова змеиной головы о женщине, которой надо опасаться.

— Нет! — яростно воскликнул он. — Царь отдался под мою защиту, и я останусь ему верен. Тебя же ждет неминуемая гибель.

С воплем Нисумба опустилась на свое ложе. Обещая Кришне могущество, она утратила власть над собственным телом, превратившись навсегда в безобразную старуху.

Кансу же после встречи с Васиштхой не оставлял страх. Видя в Кришне защитника и друга, он поделился с ним своими переживаниями и опасениями.

— Я потерял сон, ибо маг по имени Васиштха является ко мне в сновидениях и угрожает гибелью. Я чувствую себя в безопасности только с тобою. Давай отправимся в лес, где он скрывается. Я тебе его покажу. Ты сразу брось в него копье, не дав произнести ни слова. Когда же он будет умирать, спроси, где сын моей сестры Деваки, мой законный наследник?

Переодевшись охотниками, царь и его колесничий взошли на колесницу, запряженную стремительными конями. И она помчалась с такой быстротой, что ветер свистел в ушах. И вдруг солнце покрылось тучами, и все вокруг потонуло в темном и холодном тумане.

— Что это такое? — спросил Кришна, придерживая коней.

— Наверно, это козни Васиштхи, который хочет нас заставить вернуться назад. Но ему ничего не поможет, ибо твое бесстрашие возвышается и над ним.

— Но я никогда еще не видел такого черного неба. Наверно, твой враг обладает огромным могуществом. Не лучше ли нам вернуться?

— Что я слышу! — воскликнул царь. — Неужели тому, кто одолел великого змея, доступен страх!

Кришна хлестнул коней, и в это мгновение его взгляд вырвал из-за деревьев хижину и стоявшую у входа в нее газель.

— Взгляни-ка туда! — крикнул он Кансе. — Я вижубелую газель. Она повернула голову на шум. Но она нас не боится. Она идет нам навстречу.

При этих словах Канса задрожал всем телом. Ему ли не помнить этой газели, слушавшей речь царя отшельников с таким видом, словно она понимала, о чем идет речь.

— Чудо какое! — воскликнул Кришна, соскакивая с колесницы. — Не газель же вызвала у тебя такую дрожь.

Еще мгновение, и Кришна оказался лицом к лицу с Васиштхой. Старец сидел, скрестив ноги, на циновке, погруженный в состояние такого глубокого покоя, который сродни смерти. Давно уже не приходил к нему ученик, приносящий ему из обители горсть риса. Но он не ощущал ни голода и ни холода, он еще видел с помощью души. Кришна немедленно узнал того старца в белом одеянии, который вывел его на путь истины. И Васиштха, казалось бы, тоже увидел Кришну, ибо на его лицо пал свет и губы, раскрывшись, прошептали лишь одно короткое, но все обнимающее слово: АУМ.

И в это время на пороге хижины показался Канса. Узрев его, он повернул к нему лицо и произнес:

— Это ты, царь Матхуры. Ты все еще хочешь узнать, где сын Деваки, который тебя убьет и займет твой престол. Но ты его привел с собою. Вот он, склонившийся передо мной, твой возникший Кришна. Благодаря тебе он узнал о себе самое главное, а я помог ему открыть его великое предназначение.

Канса отвел взгляд от лица Васипгтхи. Рука его потянулась к луку. Он наложил на тетиву стрелу и пустил ее в сына Деваки. Но рука его дрогнула, и стрела пронзила грудь старца. Не меняя положения тела со стрелой в груди, он обратился к Кришне с прощальной речью:

— Будьспокоен, Кришна. Стрела не достигладуши, иона торжествует победу над злом. Торжествуй и ты, избранник Брахмы, спаситель мира.

И тут яркий свет прорезал черное небо. От неожиданности Кришна упал к ногам уже мертвого старца. Душа же его поднялась к седьмому небу и погрузилась в океан света. И он увидел в самом его центре ту, которую он так любил, которую искал и не мог найти, Деву-Мать Деваки, и его душа была поглощена силой ее любви.

Когда Кришна очнулся, он ощутил холод. С неба лились потоки дождя. Газель лизала кровь на теле праведника. В это время царь Канса неся на колеснице, гонимый демонами, строя план мести Кришне.

Коварный Канса между тем не прекращал своих козней, зазывая племянников в Матхуру, якобы для безобидного поединка, и насылает на них великанов и асуров. Когда же те терпят поражение, вступает в битву с Кришной и Баларамой сам. Могуч был Канса, а силою злобы превосходил всех на земле. Но Кришна наносит ему смертельную рану и сталкивает его тело в Джамну. В это же время Баларама справляется с братом Кансы Сунаманом и полчищем асуров.

Так было повержено зло, и престол был возвращен справедливому Уграсене. Теперь Кришне и Балараме предстояло пройти через церемонию очищения. Ведь за годы пребывания в стране пастухов они делили трапезу и ложе с выходцами из низших каст. Им не были ведомы священные тексты, без которых ум и сердце пребывают во мраке. И вот Кришна меняет ставшую для него привычной пастушью бечеву на брахманский шнур. К нему и Балараме прикрепляют знатока вед, и с его помощью они постигают истинную и ранее им неведомую мудрость. Они узнают о том, как были созданы стихии, как из соединения мужского и женского начал рожден мир, в котором они живут.

И тогда же Кришна узнает о страшном преступлении Кансы, совершенном им во время заточения Деваки и Васудевы в темнице, об убийстве им его шести братьев. И он принимает решение спуститься за ними в подземный мир и вернуть им отнятую у них жизнь.

Труден был путь в Паталу, уходящую в глубины земли на семь ярусов. Там властвовали наги, существа со змеиным туловищем и человеческими головами, одной или несколькими. Их столица Бхаговати выложена золотом, а посередине ее высится сложенный из драгоценных камней дворец царя нагов Васуки. Богатства нагов привлекли в Паталу их врагов гандхарвов. Узрев Кришну, гандхарвы прониклись к нему симпатией. Они ведь тоже были певцами и музыкантами, как он, и поэтому помогли ему проникнуть в место, где находились души умерших, и извлечь оттуда шестерых братьев-младенцев, даже не имевших имен.

Но обрести жизнь они могли, лишь припав к груди своей матери. И Кришна понес их к седьмому небу по пути, указанному ему душою старца Васиштхи. Во время полета Кришне была видна Земля с ее материками, горами, морями и реками. Потом все исчезло, и их поглотил океан света.

В центре он увидел свою светлую мать Деваки.

Тысячи дев теснились вокруг нее, принимая ее свет. Но никто не мог обратить к ней взгляда из-за яркости сияния и смущения. Кришна слышал обращенные к его матери слова: «Ты — Пракрита, бесконечная и тончайшая, несущая Брахму в своих недрах. Ты — богиня Речи и мать вед. Ты вечная сущность всех сотворенных вещей. Ты — дерево, производящее огонь.

Ты — смирение, рождающее истинную мудрость. Ты — разум, создающий науки. Ты — весь небесный свод, и все звезды твои дети».

Увидев Кришну, Деваки протянула к нему руки, привлекла его и души его братьев к себе на грудь. И он был поглощен милой материнской любовью, превосходящей все божественное.

Кришна

Кришна

Преображенный и обновленный возвратился Кришна на землю, где его в священных лесах ожидали отшельники и где он получил знак высшей духовной власти — посох о семи узлах. После этого он удалился на гору Меру, где семь лет размышлял над своим учением и лишь после того призвал к себе всех, кто жаждал высшей истины. И пришли к нему млад и стар. Среди явившихся был и кшатрий Арджуна, лишенный власти Кауравами и разочарованный во всем. Ему и другим он открыл, что божество находится не на небе, а пребывает в каждом существе и что к нему можно приблизиться без помощи вед, жертв исполнения обрядов, суровых подвигов, а созерцанием с успокоенным сердцем. Ибо Махадева дышит во всякой твари и обладает бесчисленными лицами, обращенными во все стороны.

А тем временем в Матхуре умирает Уграсена, и Кришне приходится вернуться в город и принять бремя чуждой ему власти. К тому же оно оказалось для него непосильным. С одной стороны его теснил тесть Кансы, правитель Магадхи Джарасандха, с другой — пришельцы с далекого западного моря — яваны. И пришлось Кришне посвятить в цари Матхуры Арджуну, а самому, вместе со своим народом ядавами, переселиться на океанское побережье, в земли царя Видарбхи, где он за одну ночь силою своего духа соорудил крепость Двараку, устроенную так, что ее без особых усилий могли удержать две женщины.

Дварака была окружена высокой стеной и с самого начала стала городом чудес, будучи не менее блистательной, чем Амаравати, город Индры. В ее центре находился храм посвященных, святыни которого были надежно укрыты под землей. Другим чудом было посаженное Кришной дерево Парижата. Его благоухание наполняло всю Землю. Каждый приблизившийся к нему мог вспомнить все свои предшествующие существования.

В Двараке Кришна женился на дочери Видарбхи Рукмини, ставшей его шестнадцатитысячной, притом самой главной, супругой. Но недолго длилась его супружеская жизнь. В это время к Кришне явились с приглашением участвовать в битве народов противники — Арджуна и Дурьйодхана. Отдав предпочтение своему ученику, он стал его колесничим.

После битвы при Курукшетре Кришна возвращается в Двараку. Это было самое страшное время из тех, какие прожила Земля. Повсюду распространились тяжелые болезни, и не было

от них спасения. Полчища огромных крыс, вскормленных мертвечиной, рыскали повсюду. Их не могли задержать городские стены. Они проникали через прорытые под ними ходы. Пища людей кишела червями. В воздухе носились уродливые безголовые духи.

К тому же вожди ядавов перессорились друг с другом. Когда Кришна попытался их примирить, они объединились против него. Тогда Кришна покидает Двараку и скитается по окружающим ее лесам. Однажды он встретил отшельников, но не захотел с ними остаться. Он искал смерти. Когда он задремал на земле, подняв ногу на пень, проходивший охотник, принявший пальцы за рога, а ступню за голову оленя, пустил стрелу и пробил ему пятку — единственное уязвимое место на теле Кришны.

И умер Кришна, оплакиваемый сыновьями и женами. Рукмини вместе с семьей другими его женами бросилась в погребальный костер. Скончался, сидя на берегу океана, Баларама. Через семь дней после того, как души братьев соединились с Вишну и Шешей, Дварака была смыта волнами.

Откровение Маркандеи

Ткань без предела, картина без рамы, Сонмы враждебных бесчисленных «я», Мрак от паденья, от вечного Брамь, Ужас мучительный, сон бытия.

Как-то один из царей, считавшийся самым справедливым, обратился к великому отшельнику Маркандее с такой речью: — О мудрейший, проникающий взором в глубины мира, выслушай мою просьбу, поведай мне о том времени, когда не останется ничего из того, что нас окружает, — ни солнца, ни огня, ни воздуха, ни луны, ни небес, ни земли, когда с лица земли исчезнет все, что ее населяет, дышит и двигается, когда не станет ни богов, ни асуров, и ты один будешь поклоняться величайшему Брахме, покоящемуся в своем вечном и благоуханном обиталище — лотосе.

Маркандея, отвлекшись от мыслей, в которые был погружен, сказал:

— Слушай, о царь. День Брахмы — двенадцать тысяч божественных лет Махаюги. Она состоит из четырех юг. В первой из них, Критаюге, длящейся четыре тысячи небесных лет, люди наделены всевозможными достоинствами, не знают горя и хворей, богатства и бедности, поклоняются одному божеству и знают лишь одну веду; дхарма же держится на четырех опорах. Тритаюга продолжается три тысячи лет, и дхарма ее держится на трех опорах. Тогда справедливость понемногу уменьшается, возникают пороки, но все еще строго соблюдаются религиозные предписания. Продолжительность Двапараюги — две тысячи лет, а дхарма ее держится на двух опорах. В мире преобладают пороки и зло, а единая веда делится на четыре части. Калиюга длится тысячу лет, и ее дхарма держится лишь на одной шаткой опоре. Уменьшается время человеческой жизни; иссякают духовная мощь и ум людей; дхарма перестает быть законом. Люди ею торгуют, словно мясом. Никто не в состоянии властвовать над своими чувствами. Алчность, злоба и глупость сплетают людей, как змей, в копошащийся клубок. Смешиваются между собою в брачных узах брахманы, кшатрии, вайшьи и, подобно шудрам, не признают ни истины, ни покаяния. Лишившись разумения, ненасытные правители любыми способами присваивают чужое. Левая рука крадет у правой. Те, кто славятся учеными, утрачивают разум, у стариков становится ум как у младенцев, у младенцев — как у стариков.

Люди начнут оголять берега священных рек, вскапывать их мотыгами, впрягать в ярмо коров, а для перевозок использовать годовалых телят. Земля покроется солончаками. Возьмут верх ворующие зерно, похищающие одежду, уносящие посуду. Люди станут питаться мясом диких животных, птиц, рыб и собак, всякими насекомыми и плодами без различия, сделают себе одеяния из длинных листьев, рогов и шкур. Исчезнут коровы. Чтобы иметь молоко, будут разводить опустошающих леса коз.

Тех, кто обитал за пределами городов и селений, потянет в столицу. Умножится число просящих милостыню. Нищие будут благодетельствовать друг другу.

Девушек не будут ни сватать, ни выдавать замуж: они сами будут искать себе мужей. Когда мужья заснут, жены их будут уходить к другим мужчинам, а мужья, когда жены спят, — к другим женщинам. Девочки семи-восьми лет будут беременными, мальчики в десять-двенадцать лет станут отцами.

— Затем, о великий царь, — продолжал Маркандея, — землю охватит великая засуха и бесплодие. Семь пылающих солнц выпьют воду источников, рек, озер и морей. Живые существа начнут гибнуть одно за другим. Все обратится в пепел. На мир обрушится бесконечное небесное пламя, которое повергнет в ужас богов и асуров, а затем пожрет три мира вместе со всеми, кто их населяет.

Небо затянется тучами. Одни из них покажутся величественными городами с храмами и дворцами, другие — стадами диких животных. Сгущаясь, прорезаемые гирляндами молний, они с величайшим грохотом заволокут небо, и оно перевернется, как огромная чаша с вином. Затем тучи внезапно рассеются. Владыка всех живущих, обитающий в лотосе, глотнет страшный вихрь и погрузится в сон.

Я видел все это сам, блуждая по миру, лишенному небес, и нигде не находя себе приюта. На вот я узрел среди безбрежного Океана огромный, мощный баньян. На широких ветвях раскинулось ложе, на котором играл младенец с лицом прекрасным, как полная луна, и огромными, как лепестки только что распустившегося лотоса, глазами. От них исходило такое сияние, что я невольно прикрыл лицо. «Где я видел этого мальчика?» — подумал я. И вдруг услышал:

— Не бойся, Маркандея! Дитя мое! Можешь приблизиться ко мне.

— Дитя! — возмущенно повторил я. — Ты так обращаешься к старцу, прожившему много тысяч лет и исполнявшему самые суровые обеты? Да будет тебе известно, что сам Брахма воздаст мне почести и называет долговечным.

— Сын мой! — продолжал ребенок. — Я древний Пуруша, твой прародитель. Много раз я сходил на Землю в разных обликах, чтобы спасти ее от зла. Как рыба я спас Ману от потопа. Как черепаха я помог добыть богам амриту, как вепрь, я извлек Землю из вод, как Рама я победил Равану, как Кришна я избавил Землю от притеснений царя Кансы... Вся вселенная — Солнце, Земля, воды — это мои проявления. В них я создаю, охраняю и уничтожаю самого себя. Я Тримурти, бог в трех образах. Как Брахма — я создаю мир, как Вишна — храню его, как Шива — его разрушаю. Я знаю, Маркандея, что в своих странствиях ты утомился и жаждешь отдыха. Вступи же в меня, высочайший из отшельников, и пребывай, сколько тебе угодно.

Внезапно дитя открыло рот, и я против воли оказался втянутым в его уста и, проскользнув через горло, оказался во чреве. Передо мною открылась вся Земля, пересеченная реками и окруженная морями. Я увидел бесчисленные города, построенные людьми, не догадывающимися, где они находятся. Над Землей и омывающим ее Океаном я увидел небосвод с сияющими одновременно Солнцем и Луной, соперничающими между собой в красоте, и бесчисленными звездами.

Перемещаясь в чреве, я миновал великое множество гор. Среди них, о тигр из мужей, была несравненная Мандара и сверкающая золотом Меру. На горах и под ними я узрел всех тварей, какими Праджапати наполнил поверхность Земли. Подняв голову, увидел на небе весь сонм богов во главе с самим Индрой, а также святых мудрецов. Одним словом, весь мир предстал мне, пока я странствовал во чреве прекрасного ребенка с глазами как лепестки лотоса.

Более ста лет я двигался внутри его тела, возвращаясь к уже посещенным местам и укромным уголкам, не находя выхода.

Когда же я голосом обратился к высочайшему богу, то тотчас по его воле вырвался из его уст, подобно ветру, и вновь был вынесен к баньяну, на котором увидел играющего младенца во всем желтом, лучезарного, сверкающего. И он повторил мне: «От меня происходит все, что было, есть и будет. Я тот, в ком проявлен мир».

И он снова поглотил Маркандею.

Душа праведника

Жил некогда справедливый царь Випашита, но для смерти нет разницы между добрыми и злыми. Всеядная, прибирает она всех. Пришел час и для Випашита, и в царскую опочивальню без зова вступил посланец Ямы. Его темное непреклонное лицо оттенялось кроваво-красным одеянием; в руках пришелец держал молот с длинной рукоятью и вервие. Не мешкая, извлек он душу Випашита из уже неподвижного тела, связал ее, трепещущую от страха, вывел из дворца и за конец веревки повлек на юг, как только что приобретенную скотину.

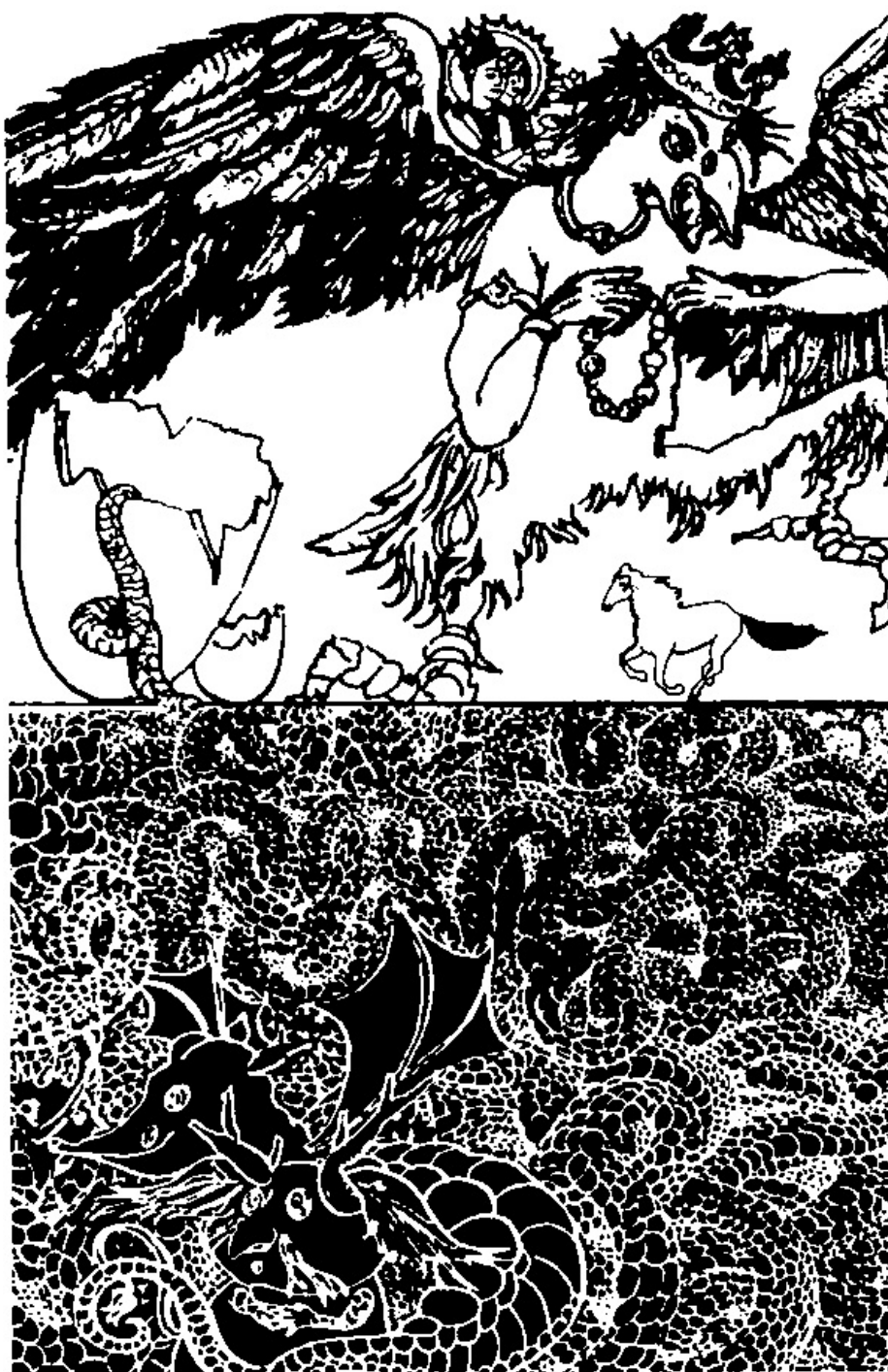
Двенадцать дней длился путь, и ни разу душа Випашита не узрела ни колосющихся пашен, ни лугов с пасущимися коровами, ни змеящихся в зелени лугов рек. Нещадно жгло раскаленное добела солнце, внизу пламенел океан со свинцовозастывшими волнами. Но в памяти души вставали лиловые горы и сверкающая золотом кровля дворца, по щекам ее лились потоком незримые слезы. Не выдержать бы душе такого пути, если бы там, где оставалась родина, сыновья, выполняя погребальный обряд, не приносили к жертвенному костру еду и питье. Ощущая это, каждый раз душа наливалась силой.

К вечеру двенадцатого дня душа и ее провожатый оказались перед воротами высокой крепостной стены. Они отворились, и, после того как пришельцы вошли, сами бесшумно закрылись. И только тогда, развязав пленницу, демон впервые раскрыл рот:

— Вот мы и в царстве Ямы, и тебе, душа, предстоит вслед за мною пройти через семь кругов преисподней.

— За что мне такая кара? — воскликнула душа. — Разве когда я находилась в теле, облаченном в царскую мантию, в стране нарушались законы и было предано забвению милосердие?

— Безупречно было твое правление, душа, и жизнь твоя достойна подражания, — проговорил демон. — Но однажды ты совершила прегрешение. И за это тебе суждено узреть муки преисподней, самой их не испытав. Таков приговор Ямы, вершащего суд над живыми и мертвыми.

Пройдя небольшое расстояние, они вступили в проход, не освещаемый ни одним лучом солнца. Должна бы ликовать душа Випашита, услышав, что избавлена от мук. Но вместо этого она мучительно ворошила в памяти все пережитое. «В чем же мое прегрешение, — думала она, — ведь я последних из моих подданных охраняла с не меньшим усердием, чем первых и заслуженных, мне хватало шестой части получаемых ими доходов, а на остальное я никогда не посягала; с царской щедростью я приносила дары богам и одаряла их служителей брахманов». Не найдя ответа в памяти, душа обратилась к своему суровому спутнику:

— Скажи, посланец Ямы, в чем моя провинность, за что я должна терзаться зрелищем мук грешников?

— Однажды, — ответил демон, не поворачивая головы, — ты восседала на судейском кресле, решая споры между подданными. К тебе явилась жена. И ты не разглядела в ее зоре зыбкого намека. Когда жена прижалась к тебе, ты ее, несчастная, оттолкнула. Ты сочла свое судейство важнее ее порыва. За это ты не признана безупречной.

— Я вспоминаю, — пробормотала душа, — это было. Я достойна назначенной мне кары. Яма справедливый судья.

Узкий извилистый проход вывел их в пещеру. Ее бугристая почва была изрыта длинными рвами, наполненными пылающими угольями. В них, кто по щиколотку, кто по колено, а кто и по пояс, стояли грешники, испускавшие стоны. Пахло обгорелым мясом.

— Пещера стонов! — пояснил демон. — Многие из тех, кого ты видишь, были непочтительны с родителями и учителями. Они растоптали мудрость и нравственность, и за это угли сжигают их согрешившие ноги. Муки их продлятся до тех пор, пока в облике какого-либо зверя им не будет разрешено возвратиться на землю.

С сочувствием взглянула душа праведника на мучеников, после чего вслед за провожатым прошла к следующей пещере. Пол ее был покрыт раскаленными медными плитами. Служители Ямы волокли по ним души, скованные по рукам и по ногам, и те дико вопили.

— Пещера воплей! — молвил демон. — Три тысячи йоджан их будут тащить по раскаленному металлу, пока они не возвратятся на землю в зверином облике.

— Ужасно! — застонала душа праведника. — А кто те несчастные? Их тела в страшных укусах, словно они побывали во рву с волками или львами.

— Эти из породы клеветников, готовых сожрать своего ближнего и похитить его честь. Видишь, у некоторых в ушах словно серьги — пылающие ветки. Эти подслушивали речи друзей и доносили на них.

— Они не ведали, что творили, — сказала душа Випашита. — Мне их жаль.

Вскоре душа Випашита оказалась во мраке. Демон зажег факел, осветивший ледяную гору и ползущих по ней обнаженных грешников. Судя по их телам, скорее напоминавшим обтянутые кожей скелеты, их мучил нестерпимый голод. Когда один настигал другого, он впивался в его тело зубами.

— На этой горе караются скаредные и расточители, — пояснил служитель Ямы.

Большую часть следующей пещеры занимало огромное висящее колесо, вращавшееся наподобие гончарного круга. К ободу за руки и за ноги были привязаны грешники. Стоявшие внизу демоны вырывали из их тел раскаленными клещами куски мяса.

— Пещера раздора, — сказал спутник душе праведника. — Эти при своей жизни не терпели мира и сеяли среди смертных семена смуты и вражды.

Далее предстояло спуститься по проходу, напоминающему глубокий колодезь. Мимо со свистом пролетали окровавленные тела, куда-то сбрасываемые служителями Ямы. Оказалось, что грешников ждало пространство, на первый взгляд напоминавшее обычный лес. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что на деревьях гроздьями висят тела. Вместо листьев ветви были усыпаны острыми мечами. Ветер колебал их, и они терзали повешенных, издававших вопли. Иногда грешники срывались с деревьев, и их внизу подхватывали гиены или дикие собаки, чтобы растерзать. Тут же летали ястребы, выклевывавшие им глаза, и вороны, пожиравшие их языки.

Страшнее всего был седьмой круг преисподней. В огромном котле, наполненном кипящим маслом и раскаленными железными стружками, сидели или свешивались над ним, поддерживаемые цепями, тысячи грешников, а стая воронов жадно клевала их сварившееся мясо и размягченные кости.

В ужасе отшатнулась душа праведника. И вдруг стоны и крики наполнили все пространство семи кругов преисподней.

— Не уходи! Не уходи, добрый человек! Твое божественное дыхание целительно, как бальзам.

Удивилась душа и спросила у еле поспевавшего за нею демона, что это значит.

— Истинная доброта, о душа, — единственный источник избавления от страданий, — отвечал демон. — От тебя исходит дуновение доброты. Каждое доброе дело на земле, великое или малое, доносится в царство страданий, как эхо. Бросишь горсточку риса бедствующей птичке — становятся меньшими муки голода, освободишь попавшую в западню мышь — разжимаются клещи, сжимающие здесь чье-либо тело. Ведь мир во зле и добре един. Если же оказываешься рядом с грешниками — и дуновение добра превращается в ветер, твой взгляд

заставляет страдальцев забыть о муках, твоя близость врачует раны.

— Тогда я останусь здесь! — воскликнула душа.

— Идем! — сказал посланец Ямы. — Тебя ждет небесное блаженство. А грешники пусть получат то, что они заслужили.

— Но у меня были и другие прегрешения, — возразила душа. — Подчас я была неоправданно сурова с детьми и старцами, слаба с мужами, я должна остаться здесь до конца дней, даже если смогу высушить хоть одну слезу, излечить одну рану, удержать один вопль.

— Идем! — повторил демон. — Видишь, приближаются Яма, владыка преисподней, и Индра, господин небес, чтобы открыть тебе ворота блаженства.

И предстали боги перед демоном и душой, бросившем к ним навстречу.

— Разрешите мне, владыки мира, остаться там, где боль и страдания, — проговорила душа. — То, что я видела, пронзило меня насквозь.

— Но те души заслужили свою кару так же, как ты удостоилась небесной награды, — сурово произнес Индра.

— Разве я это заслужила? — спросила душа.

— Да! — ответил Яма. — И не только при жизни. Милосердие твое глубоко, как море. Оно возвышеннее, чем гора Химават. Плоды его многочисленнее тех, что бросают в широкое лоно Ганги. Ими будут питаться боги и люди до скончания времен.

— Если они столь велики, возьми их, владыка мертвых и живых, себе, раздели их среди несчастнейших из несчастных, среди грешников.

— Да будет так, — согласился Яма.

Заскрипев, отворились ворота преисподней, и грешники вырвались на свободу, ликуя и славя милость души праведника. И тотчас же появилась облачная колесница.

— Садись, Випашита, — сказал Индра.

И душа продолжила свой путь, сливаясь с бесконечной голубизной.

Хранители мира

После того как мир был создан и населен, Брахма разделил его между четырьмя владыками, обитавшими вместе с ним на золотой вершине горы Меру.

Его правой руке, могучему Индре, достался Восток, страна восходящего Солнца. Он отправился туда, сидя на голове белого великана Айраваты вместе со своей супругой Шакти и огромной свитой. Белый облачный зонт держали над его головой слуги, и он, повелитель звезд и планет, вихрей и облаков, взирал на мир благосклонно. На месте своего назначения он правил вместе с семьей великими небесными мудрецами, и служили ему все сыновья Адити, апсары и гандхарвы. Его прославляли подвижники-риши.

Яме был отдан Юг, страна предков. Туда он, добившийся признания, знаток вечных законов, отправился, сидя на голове слона Махаладмы в окружении предков, давших жизнь людским поколениям. Слугами его были остроухие и красноволосые кинкары, уносившие в царство Ямы души умерших. Страну его за кровавой и огненной рекой Вайтарани охраняли два чудовищных пса Шарбара, потомков быстроногой Сарамы. Никому из тех, кто попал под скипетр Ямы, не удавалось уйти от их глаз, привыкших к мраку, от их чутких ноздрей и острых клыков.

Но ужасы его царства были надежно скрыты от взора и ушей Ямы. Он обитал в золотых хоромах, окруженных цветущим все времена года садом. Там прогуливались прекрасные дочери даитьев и данавов. Днем там солнце посылало лучи, но не обжигало, ночью месяц светил, но не охлаждал. Отовсюду доносились чарующие звуки вины и свирелей.

Варуне, властелину глубин, владыке водных существ, был отдан Запад, занятый Океаном, куда ежедневно погружается Солнце. На дне Океана был его дворец, построенный Вишвакарманом. Туда он направился на слоне, чье имя Вamuна, в сопровождении премудрых змей, асуров и рек. Ему, восседавшему на троне вместе с женой Сиддхи, дочь Ушанаса, прислуживали морские чудовища макары и тимиггалы, четыре океана и все семь морей — соленой воды, сока сахарного тростника, вина, топленого масла, кислого молока, свежего молока и пресной воды.

На Север, на воздушной колеснице, украшенной золотом Джамбудвиппы, отбыл лучезарный владыка Кубера, такой же благочестивый, как его дед Пуластья. В награду за благочестие и подвижничество Брахма причислил его к богам. К месту назначения Кубера отправился на подаренной Брахмой колеснице Вимале, способной летать по воздуху. Он предпочел ее своему слону Сарвабхауме, охраняющему северный край земли.

Кубера был баснословно богат, но уродлив — с животом, надутым, как шар, с восемью зубами, второй же свой глаз, любопытный сверх меры, он утратил за то, что наблюдал тайком за любовными играми своего соседа Шивы с красавицей Умой.

Дворец Куберы в северных горах был подобен белому облаку, окаймленному золотом. Там Куберу вместе с его супругой Риддхи охраняли якши, чья внешности никто толком не знал — их представляли то сильными и прекрасными юношами, то коротконогими карликами, а также киннары. Во дворце его посещали боги. Частым гостем был Индра, друг и союзник Куберы. Им обоим принадлежала священная роща Нанданна. Шива, узнав о подглядывании Куберы, был с ним в ссоре, но после восьми столетий, отданных Куберой суровому покаянию, с ним примирился и даровал ему свою дружбу.

Мир змей в ведийской и особенно индуистской мифологиях вырисовывается в сложных отношениях между миром людей и обитателями двух других миров, нижнего и верхнего. Змеям противостоят как люди, так и чудовищные птицы, но в контактах между этими сторонами просматривается не только вражда, но и взаимное притяжение.

Индийские змеи (наги) предстают соединением двух начал: у них змеиное туловище и человеческая голова (или две головы). Обладая майей, змеи нередко принимают человеческий облик и живут неузнанными среди людей, становясь женами и возлюбленными царей. Змея Индии, подобно змеям других мифологий, мыслилась оплодотворяющим началом, символом, связанным с производительной силой и изначальными водами, и потому была неременной участницей центрального космогонического мифа. Космические змеи Васуки и Шешу участвовали в пахтанье океана и как союзники богов. И в то же время космический змей Вритра, подобно хеттскому Иллуянке, был противником бога грозы (у индийцев Индры). Победа Индры над Вритрой, скрывающим своим туловищем изначальные воды, была космическим актом.

Союзником богов в их противоборстве со змеями в индуистской мифологии стала чудовищная солнечная птица Гаруда («Пожирательница»), но по своей природе она родственница змей, и ее отношения с богами характеризует не только подчинение, но и соперничество.

Высокий удельный вес змей как символа со многими ипостасями может быть объяснен помимо природных условий Индии (обилие тропических лесов, обиталища змей) также и тем, что змеи еще до появления на субконтиненте арьев были тотемами местного населения. С нагами связано множество древних топонимов и название страны «Нагадвипа». Именно в этой стране, приняв образ змея, жил Шакьямуни до того, как стать Буддой. В буддийской мифологии змеи — полубожества, живущие в воде и на суше, могущие превращаться в людей.

Змей Шеша

Змей на Земле столько же, сколько на небе звезд. Их не исчислить. Но первым из них был тысячеголовый и бесконечный Шеша. В отличие от своих братьев, ползавших и набивавших свою змеиную утробу, он был добродетельным и смиренным существом. У подножья Химавата он предавался суровым подвигам, и там его увидел Прародитель с иссохшими мускулами, потрескавшейся и потерявшей блеск кожей. «Что ты здесь делаешь, Шеша?» — спросил он его.

— Замаливаю грехи своих братьев, — ответил он. — Им неведомо добро, и они постоянно клеветуют друг на друга.

— Поведение твоих братьев мне известно, — сказал Брахма. — Но посмотри, в кого ты превратился ради них! Ты как никто могуч, и твой разум направлен на добродетель, о лучший из змеев. И ты можешь служить благу не твоих братьев, а всего сущего.

— Я готов выполнить твою волю, — отозвался Шеша.

— Тогда прими заботы о Земле, — продолжил Прародитель. — Покрытая лесами, горами, морями, рудниками, городами — она неустойчива. Поддержи ее. Ползи под нее. Она сама откроет тебе отверстие. Войди в него так, чтобы стать для Земли опорой, чтобы без моей воли она не колебалась.

— Хорошо! — сказал Шеша и уполз.

С тех пор он, приняв груз Земли на себя, держит ее по воле Брахмы. В конце каждой калпы он извергает ядовитый огонь, уничтожающий всю вселенную, а после ее возрождения добровольно возвращается к исполнению своих обязанностей и служению новому Брахме.

Птица Гаруда

Было время, когда все семь земных материков покоились не на четырех слонах, а на огромном тысячеголовом змее Шеше и на черепахе, а вокруг колыхался необозримый молочный Океан.

Тогда еще не было людей. Боги тогда жили, старели и умирали на высоких, упирающихся в самое небо горах, низины же заплотнили большие белые птицы, наделенные человеческим разумом и человеческими же пороками. И где-то рядом с птицами находились в великом множестве злые духи, демоны, постоянно соперничавшие с богами.

Две птицы-сестры, зачав от мудреца Кашьяпы, сплели из ветвей большое гнездо и в нем поселились. Звали их Кадру и Вината. В мире тогда всего было вдоволь. Но сестры враждовали и завидовали друг другу.

Однажды Вината снесла два больших яйца с блестящей плотной скорлупой. Чтобы они не высохли и не протухли, она погрузила их в воду. Кадру снесла тысячу пестрых яичек и тоже положила в сосуд с водой. Прошло очень много лет, и из яичек Кадру вылупилась тысяча маленьких змеек с блестящими пестрыми шкурками, шипящих и скользких, с острыми зубами и ядовитыми жалами. Радовалась Кадру своим детям, которые копошились, росли и превращались в больших, сильных и мудрых змей.

Яйца сестры лежали без движения, и она совсем приуныла, думая, что навеки останется бездетной. В нетерпении Вината разбила скорлупу одного из яиц и увидела, что оно не пустое. Там был красивый и сильный птенец с широкой грудью, но недоразвитыми крыльями и кривыми тонкими ножками.

Высунувшись наружу, птенец воскликнул:

— Что ты наделала, мать! Теперь я не смогу летать, а ты будешь рабыней у своей сестры.

Вината залилась слезами. Видя это, птенец ее утешил:

— Не плачь! У тебя есть еще одно яйцо. Но дай ему дозреть!

Вината послушалась сына, которого она назвала Аруной, стала его кормить и ухаживать за ним. Кадру же, занятая своими копошащимися детьми, не обращала на сестру никакого внимания.

А в это время боги, заселявшие несравненную, сверкающую золотыми вершинами Меру, собрались, чтобы решить, как им быть дальше. Приближалась старость, а за нею шла смерть. Мир же вокруг был так прекрасен! И загрустили боги. Видя это, Всевышний бог, творец всего мира, посоветовал богам вспахать Океан, как это делают с молоком, желая извлечь из него масло. Ибо то, что получится после пахтанья, будет напитком бессмертия.

Пахтание молочного Океана

Не долго думая, боги все вместе подступили к лучшей из гор — Мандаре, чтобы пододвинуть ее к Океану и с помощью этой горы взбить его. Но Мандара, уходящая в землю на одиннадцать тысяч йоджан, не поддавалась. Тогда боги решили призвать на помощь асуров, пообещав им по-братски разделить напиток бессмертия. Асуры согласились помочь, но и это не помогло — так крепко держал Мандару тысячеголовый дракон Шеша, тот самый, на котором покоятся все семь материков.

— Шеша! Отпусти Мандару! — раздался с неба громоподобный голос Брахмы.

Шеша послушно опустил одну из своих голов. Мандара закачалась и могла бы упасть, если бы боги и асуры ее не подхватили. И двинулась на их плечах к Океану огромная гора со всеми бесчисленными ее обитателями.

Приблизившись к берегу, боги сложили ладони и почтительно обратились к Океану, лениво колыхавшему свои молочные волны:

— Владыка вод! Выдюжишь ли ты, если мы будем взбивать твои воды для получения амриты, напитка бессмертия?

— Выдюжу, — отозвался Океан, — но возьмите и меня в долю.

Столь же почтительно обратились боги и к Владыке черепах, на панцире которого тогда покоился мир:

— Найдется ли у тебя местечко для горы?

— Найдется! — радостно ответил бог-черепаха, подставляя спину.

Тогда боги и асуры установили гору на панцире и укрепили ее. Другие боги тем временем за неимением веревки обмотали гору проползавшим поблизости благим змеем Васуки. За голову его взялись асуры, за хвост — боги. И работа закипела.

Со свистом и грохотом завертелась, закружилась Мандара, и с вершины ее полетели могучие деревья с гнездившимися на них птицами и населявшими горные леса оленями, кабанами, медведями, тиграми. Луговые травы и цветы во время вращения сплетались в венки и ложились на взмокшие от пота головы богов. Пламя, окутавшее Мандару синим облаком, обжигало асуров.

Многие сотни лет вращалась гора. Воды Океана в одном месте начали постепенно сгущаться, а в других разжижаться, приобретая оттенок, какой присущ им и поныне. Однако сгущенная часть Океана оказалась обычными сливками, а не напитком бессмертия. Могучие боги стали уставать. Видя это, Всевышний бог придал им сил. И снова они стали вращать гору, пока из вод не появился новый месяц Сомы, испускавший сто тысяч прохладных туч. Затем из масла, сбитого в огромный комок, вышла в сиянии своей красоты в белом одеянии богиня Шри, за нею — Сура, богиня вина, радую-щеги иигиь, нигим иыскичил ослепительный иелый конь и скрылся из виду.

Боги и демоны продолжали вращать гору, а белый конь несся по небу быстрее ветра. Повернув головы, сестры восхищенно смотрели ему вслед.

— Скажи, сестрица, — промолвила коварная Кадру, — какой масти этот четвероногий красавец?

— Ты еще спрашиваешь! — отозвалась Вината. — Этот царь коней, конечно, бел, как молоко.

— Бел, — согласилась Кадру. — Но не весь. У него развевается пышный черный хвост.

— Нет, — возразила Вината, — хвост того же цвета, что и он сам.

— Нет, черный! — возразила Кадру.

— Нет, белый, — упорствовала Вината.

— Давай биться об заклад! — предложила Кадру. — Сходим утром к Океану и проверим, кто прав, а кто ошибся. Проигравшая будет рабыней у той, кто окажется правой.

— Я согласна, — сказала Вината, разумеется, не потому, что намеревалась сделать сестру своей рабыней. Ей просто хотелось доказать свою правоту.

Оставшись наедине с детьми, Кадру обратилась к сыновьям и дочерям с такими словами:

— Дети мои! Теперь от вас зависит, будет ли ваша мать рабыней или останется свободной. Если хотите мне помочь, обратитесь в черные волосы и вплетитесь в белый хвост скакуна, когда он пронесется утром над вами.

Однако змеи отказались превращать белое в черное. Возмутилась Кадру и обрушила на них слова проклятия:

— Да погибнете вы все, непослушные! Пусть вас спалит огонь, когда будет совершаться великое жертвоприношение змей!

Среди тысяч всегда отыщется несколько десятков трусливых и криводушных, готовых потакать злу и обману.

Как только на Востоке приподнялся краешек Солнца, сестры пустились в полет, чтобы разрешить свой спор. Вот перед ними открылся извечный, бездонный, безбрежный Океан, жилище Варуны. Полный неистовства, колеблемый ветром, вздымая белые руки волн, был он страшен и мрачен. Но вот показался и стремительно несущийся конь. Был он бел, как молоко, но развевавшийся хвост испещряли черные полосы от змей, следовавших коварному призыву Кадру.

— Хвост черный! — ликуя прокричала Кадру. — теперь ты, сестра, — моя рабыня. Теперь моя воля для тебя закон.

Горька и унижительна рабская доля. Век за веком прислуживала Вината Кадру и ее копошащемуся и шипящему отродью, умело скрывая в глазах блеск ненависти, а надежду пряча глубоко в сердце. «Если сбылось одно предсказание моего первенца, — думала она, —

сбудется и другое, и у меня родится сын-освободитель». При этой мысли быстрее текла по жилам кровь, сильнее билось сердце, и она его успокаивала: «Терпение! Терпение!»

Но вот пришло назначенное время, и свершилось предсказанное: яйцо в сосуде с водой дрогнуло от толчка изнутри и раскололось от мощного удара клюва. На свет появился огромный птенец и с криком, в котором слышалось: «Гаруда! Гаруда!», взмыл ввысь. Поднимаясь, он заполнил своими сверкающими телом и крыльями полнеба. Боги, не знавшие имени птицы, приняли его за Агни и обратились к нему с мольбой:

— О Агни! Не увеличивайся, не то мы сгорим.

Увидела Вината своего набиравшего силу птенца издалека и призвала к себе:

— Гаруда! Гаруда! Сын мой и освободитель! Ты слышишь меня?

Гаруда начал с того, что поднял на крыльях своего брата Аруну, посадил его на жемчужную колесницу бога Солнца и стал его возничим. С тех пор Аруна, не опускаясь на Землю, объезжает на конях дневное небо, скрываясь ночью в Океане. Виден он лишь на заре, когда занимается денница.

От крыльев Гаруды исходил такой жар, что все змеи попрятались в норы, звери же, чтобы спастись, забрались в пещеры или залезли по шее в воду. Полагая, что жар исходит от Агни, бога огня, они обратились к нему:

Агни всемогущий, всевидящим взглядом Следящий за жертвенным каждым обрядом! Ты в каждом живом существе обитаешь, Зачем же ты нас, словно жертву, сжигаешь? От сильного жара теряем дыхание. Не вынести нам твоего полыханья.

И с неба послышался голос дружественного всем Агни:

Не я ваших бед и несчастий виновник, Исходит пыланье от крыльев огромных. Богам не подвластны пернатой причуды. А звать эту жаркую птицу Гаруда.

И обратились все твари к Гаруде с молитвой:

О царь благородный пернатого царства, Живи и над миром подсолнечным властвуй, И правду вещай нам с небесного трона. Подумай, зачем тебе мир опаленный? Умерь свои силы, великий Гаруда, Яви превращенья великое чудо.

К этой мольбе присоединился и голос Винаты:

— О сын мой крылатый! Десять веков я ожидала тебя не для того, чтобы видеть, как ты безрассудно губишь все живое. Знай: в мире существует добро и зло. Так будь же бескорыстным защитником добра и сделайся беспощадным врагом зла.

Услышав материнские слова, Гаруда уменьшился в десять раз и во столько же раз умерил свою мощь. Так он впервые показал, что способен на любое превращение. Под ликование всего живого, обретшего дыхание, он облетел мир, направляясь туда, где в тягостном рабстве влачила жалкую жизнь его мать Вината.

Все это время боги, воодушевленные рождением Белого коня, продолжали взбивать Океан. Вслед за конем из вод поднялся и засверкал тысячами граней дивный драгоценный камень, украсивший грудь бога Вишну. Прошло еще какое-то время, и из Океана, возвещая приближение желанной победы, донесся божественный аромат. Не прекращая работы, боги и демоны устремили взоры к месту, откуда уже выскочил конь и всплыл драгоценный камень.

Сначала появилась белая крышка, а затем и весь сосуд в руках лекаря богов Дханвантари.

Демоны, сразу поняв, что в сосуде напиток бессмертия, подняли вопль:

— Это мое! Это мое!

Расталкивая друг друга, они понеслись к сосуду. Тогда властитель Вишну, приняв облик девы небесной красоты, втесался в толпу жаждущих асуров. Окружив красавицу, асуры потеряли рассудок и отдали ей сосуд с амритой, чтобы никто не был обделен. Вишну в облике девы передал напиток бессмертия богам, и те стали его вкушать. Опомнившихся от любовных чар асуров охватило смятение. Одному из них, Раху, удалось принять вид бога и пригубить немного напитка. Заметили это Месяц и Солнце и оповестили Вишну о хитрости демона. Метнул разъяренный владыка не дающий промаха диск, и отлетела огромная голова Раху,

подобная вершине гигантской горы, потрясая землю до самых корней. С тех пор, обретя бессмертие, живет мстительная голова в постоянной вражде с Месяцем и Солнцем. Она преследует то одного, то другого, а нагнав, впивается в их края и проглатывает. Но Месяц и Солнце тотчас выскальзывают из перерубленного горла. Поэтому Луна и Солнце ненадолго отворачивают от земли свои лики. Иногда же голова обрастает хвостом и становится кометой, внушающей ужас смертным.

Тем временем Вишну, приняв свой подлинный облик, издал грозный клич, чем привел асуров в трепет. На берегу Соленого океана между богами и асурами разгорелась из-за амриты ужаснейшая из битв. Со свистом рассекали воздух мечи, тысячами сыпались острые стрелы и дротики. Слышались крики и стоны. Разрубленные дисками, искалеченные мечами и дубинами, асуры валялись на землю. Их тела, обагренные кровью, образовывали горы. Боевые кличи достигали неба. Исполнившись ликования, боги-победители водрузили высокочтимую Мандару на ее законное место и двинулись в путь с сосудом бессмертия, чтобы отдать его на сохранение Наре, изначальному и вечному мужу.

Коварная Кадру, узнав, что у сестры родился могучий сын, решила этим воспользоваться.

— Сестра, — обратилась она к Винате, — перенеси меня на остров, что в Океане. Он будет моим родовым владением. И пусть сын твой доставит туда мое потомство.

Вината послушно взяла Кадру на спину и полетела знакомой дорогой к Океану. Гаруда, слышавший приказание тетки, безропотно взвалил на крылья всех своих шипящих двоюродных братцев. Однако, вспомнив слова матери о беспощадности ко злу, решил разом избавить мир от ядовитого семени.

Все выше и выше поднимался к Солнцу могучий Гаруда. Змеи поначалу трепыхались на его крыльях, но чем ближе становилось Солнце, тем они делались все более вялыми и вскоре впали в полное бесчувствие.

Оглянувшись Кадру и, увидев Гаруду, поднимающегося к Солнцу, поняла его намерения. И решила она спасти потомство, хотя и проклятое ею, но все же близкое материнскому сердцу, обратившись к богу грозы с мольбой:

Хвала тебе, грозный тучегонитель, Миров созидатель и разрушитель. Ты миг, ты мгновение, ты день бесконечный, Ты светоч, ты чудо, ты царь безупречный, Ты свод, озаренный сверкающим Сурьей, Ты весь Океан, ты великая буря. Для чад моих бедных, палимых жестоко, Спасителем сделайся, водным потоком.

И покрыл тогда Индра небо громадами синих грозowych туч. Сверкая мечами молний, грохоча, вступили эти великаны между собой в перебранку и низвергли из себя потоки. И была спасена Земля и вместе с нею ползучее отродье Кадру. Так она и змеи, ее сыновья, переселились на остров, оглашаемый криками птиц, украшенный прудами и лотосами и деревьями, растущими на горе Малая. Стал он с тех пор называться островом змей, ибо там они совершают свои игры и плодятся.

Перед тем как покинуть остров, Гаруда спросилу матери, с какой стати он должен был переносить змей. И мать со вздохами поведала ему, как она попала в рабство к своей неблагородной сестре, и объяснила, что, согласно установленным богами законам, сын рабыни тоже раб.

Тогда обратился Гаруда к змеям:

— Какое мне совершить деяние, чтобы избавить мать и себя от вашей власти?

Подумав, змеи решили:

— Добудь для нас амриту и будешь избавлен от неволи.

И тогда он сказал:

— Я отправлюсь за амритой.

И благословила его мать на великий подвиг:

Любимый мой сын, ненаглядный Гаруда! Пускай бережет твои крылья Марута, Заботятся Сурья и Агни о теле. Удачи желаю в задуманном деле, Пусть в битвах великих с тобой будет счастье, Скорее с амритой ко мне возвращайся.

Выслушав материнское напутствие, Гаруда расправил крылья и взлетел в небеса. И вот для богов наступили знамения, внушившие им ужас. Оперенная стрела-молния Индры сама задвигалась и наполнилась искрами. Среди бела дня, низвергаясь с неба, с пламенем и дымом летели метеоры. И чего еще никогда не бывало, руды, адитьи, маруты и другие племена богов стали направлять свое оружие друг против друга. Безоблачное небо наполнилось грохотом. Поднимаемая ветром пыль окутала короны богов. Поблекли и осыпались цветочные гирлянды, обвивавшие головы и шеи небожителей. И обратился Индра к всеведущему мудрецу Брихаспати за объяснением знамений. И сказал Брихаспати:

— Это приближается сын Винаты Гаруда, могучая птица, задумавшая похитить амриту. Наилучшая из сильных, она сможет совершить даже невозможное.

И сказал Индра богам:

— Сюда приближается птица, одаренная великой мощью. Она собирается похитить амриту. Будьте готовы.

И стали боги в строй, окружив амриту. Огнем пылали их лица. Каждый потрясал своим оружием, испускающим искры и дым. В руках Вишну было его оружие — тяжелая булава. Агни на алом коне ошетилился пламенными копьями. Рядом с ним пристроился тысячеглазый неистовый Вайю. Сколько развеял он царств! Сколько героев обратил во прах! Рядом с Вайю были неразлучные Ашвины, боги-близнецы утренних и вечерних сумерек, на белых конях. И поле брани, где расположились боги, благодаря сотням тысяч копий, освещенных лучами солнца, казалось расплавившимся в небесном своде.

Внезапно на горе Меру взвился вихрь. Столбы золотой пыли взметнулись до Сурьи, и стало темно. Не смогли боги увидеть Гаруду, но ощутили его могучие удары. Клюв и когти долбили и пробивали доспехи, терзали и рвали бессмертные тела. Строй богов был смят в одно мгновение. Разбросанные кто куда, небожители, собравшись, пытались поразить невидимого врага тучей копий и стрел. Но ничто не могло причинить гигантской птице вреда, сопротивление вызывало в ней еще большую ярость. Тогда Вишну призвал на помощь покорные ему реки, Агни же обратил на Гаруду пламя. Но Гаруда, поглотив воду тысячи рек, залил ею пламя. Поняв, что помощи ждать неоткуда, бессмертные пустились наутек.

Гаруда не стал их преследовать, зная, что невозможно убить выпивших амриту. Но где же спрятан напиток бессмертия, в котором свобода его самого и Винаты, его матери?

Взор птицы привлекло вертящееся колесо, закрывающее отверстие в скале. Каждая из его семисот отходящих от оси спиц была отточена, как бритва. Колесо было подобно тому, на котором непрерывно движется Полярный круг и постоянно возникают существа и миры. Но было это колесо не созидания, а смерти, искусно воздвигнутое богами для охраны амриты. И все же, как ни был узок промежуток между спицами, для Гаруды это не стало помехой. Покружившись несколько мгновений, он превратился в крошечную пичугу и легко проскользнул между спицами. Тотчас из мрака пещеры ему навстречу выступили два дракона, равные по величине и по блеску пламени, вырывавшемся из их пастей, ужасные на вид. Их горящие глаза содержали яд. Вернув себе первоначальный облик, Прекраснокрылый засыпал глаза драконов золотой пылью, рассек их тела могучим клювом и бросился к амрите. Схватив ее, он ринулся из пещеры, разрушив колесо своим телом, и с торжествующим криком взлетел в воздух.

И встретился Гаруда в небе с Вишну, и сказал Предвечный птице:

— Я податель даров. Верни амриту и выбирай два, какие тебе угодно.

— Да буду я бессмертным и не стареющим без употребления амриты, — отозвался Гаруда, — и да буду я над тобою.

— Отныне эти дары твои, — сказал Вишну. — Ты будешь бессмертным, и я помещу твое изображение на стяге, который развевается над моей небесной колесницей.

В ликовании от своей победы и от доставшихся ему даров Гаруда не заметил, что его нагоняет Индра, а только ощутил сильный порыв ветра. Встрепенувшись, он оглянулся и крикнул преследователю:

— Ты мне не страшен! Взгляни-ка, я вырываю у себя лишь одно перо, попробуй до него дотянуться! На своем пере я смогу унести всю эту землю, с горами, лесами и водами океана и со всеми пребывающими в этих мирах. Такова, не хвалясь, моя сила.

Вид колоссального, перегородившего все небо пера вызвал восхищение Индры.

— О Прекраснокрылый, — воскликнул он. — Прими мою вечную дружбу. Если же ты и впрямь не желаешь воспользоваться амритой, верни ее мне и богам — ведь это наша пища.

— Идет! — крикнул Гаруда. — Считаю амриту своей, но только сам унеси сосуд, когда я буду обманывать змей, которых прошу у тебя в обмен на вашу вечную пищу.

— Да будет так, — согласился Индра.

Примирившись, они полетели рядом. Внизу, окруженный жемчужной короной прибоя, показался изумрудный остров. Спустившись на поляну, Гаруда отправился на переговоры к змеям, а бог грозы притаился за деревом.

При виде Гаруды змеи подползли к нему со всех уголков острова.

— Вот вам амрита, выкуп за меня и мать, — обратился Гаруда к змеям.

И тотчас, расталкивая друг друга, с радостным шипением змеи поползли на запах амриты.

— Куда же вы, нечестивцы! — воскликнул Гаруда. — Вкушение амриты потеряет силу без омовения.

— Да, это так, — подтвердил старший из змей и первым пополз к реке.

Остальные последовали за ним. Когда змеи возвратились, сосуда с амритой на месте не оказалось. Не было и Гаруды с Винатой. Сын поднял мать в воздух на своих могучих крыльях. Но аромат напитка бессмертия заполнил всю поляну, заросшую травой кушу с острыми длинными стеблями.

Сползлись змеи к месту, где стоял сосуд с амритой, и стали жадно лизать траву. С тех пор у многих змей раздвоились языки, а трава кушу от соприкосновения с амритой стала священной.

— Лижите! Лижите! — крикнул торжествующе Гаруда с высоты. — Я еще к вам вернусь.

Жертвоприношение змей

Нет ничего страшнее материнского проклятия, и поэтому, когда мать змей прокляла свое непослушное потомство, сползлись исполненные мудрости змеи отовсюду на великий совет, чтобы решить, нет ли средства для предотвращения гибели древнего змеиного рода.

Уже было известно, что уничтожение змей поручено царю Паракшиту из рода Панду. Одни змеи предлагали: «Давайте примем вид лучших из брахманов и будем просить владыку отменить наше жертвоприношение». Другие, считавшие себя учеными, говорили: «Станем его высокочтимыми советниками и укажем, какие беды постигнут три мира, если погибнет столько живых существ. Если же кто из брахманов выскажет иное мнение и возьмется руководить жертвоприношением, мы их ужалим, и наша цель будет достигнута». Третьи змеи предлагали обернуться тучами с молниями и громом, чтобы залить пылающий костер. Некоторые говорили: «Схватим того царя и ужалим». Мнение, высказанное последними, победило; царю змей Такшаке было поручено незамедлительно ужалить владыку Земли и отправить его в царство Ямы.

Неведомо каким путем, но это решение стало известно мудрецу Кашьяпе, лучшему из дважды рожденных, и он отправился в царский дворец с благородной целью спасти царя. Идя по дороге, он увидел царя змей Такшаку в облике престарелого брахмана. И спросил Такшака Кашьяпу, быка среди дважды рожденных:

— Почтенный, куда ты торопишься и что намереваешься делать?

— Я иду, милый, — ответил Кашьяпа, — спасти великого царя, обладателя неизмеримой мощи, от смерти, ждущей его, если он будет ужален владыкой змей.

— Я и есть тот, кто сожжет своим ядом владыку Земли, — сказал брахман. — Вернись же, ибо ужаленного мною не излечить.

— Ты ошибаешься, — возразил Кашьяпа. — Нет выше моего умения, опирающегося на знание. Я смогу избавить от смерти укушенного тобой.

— Если это так, — сказал Такшака, — оживи дерево, которое я укушу. Вот хотя бы это фиговое.

— Укуси, владыка змей, какое тебе не жаль, и я оживлю его, — проговорил Кашьяпа.

И тогда лучший из пресмыкающихся приблизился к фиговому дереву и вонзил в него свои зубы. Укушенное дерево, пропитавшись ядом, мгновенно запылало со всех сторон и превратилось в пепел. Кашьяпа же собрал этот пепел и сказал:

— Убедись же в могуществе моего знания, обращенного на этого владыку лесов, о змей.

И оживил Кашьяпа с помощью тайного знания дерево, превращенное в груды пепла, и оно ничем не отличалось от того, каким было до укуса, оно стало прежним деревом с ветвями и листьями!

— Да, — проговорил Такшака, удивленно покачивая головой. — Ты можешь разрушить мой яд или яд подобного мне. Но скажи, богатый подвигами, на что ты рассчитываешь, идя к царю? Какую награду надеешься от него получить? И ведомо ли тебе, что наилучший царь проклят брахманом, которого он оскорбил? А проклятие брахмана страшно так же, как проклятие матери.

— Я не знал о проклятии брахмана, — ответил Кашьяпа. — А шел я за богатством. И если ты мне его дашь, я вернусь домой, о лучший из змей.

— Ты получишь гораздо большее богатство, чем то, на какое рассчитывал, — сказал Такшака. — Возвращайся.

И возвратился Кашьяпа домой, рассудив, что проклятому брахманом жить все равно остается недолго. Ему же богатство не мешает. И вернувшись домой, он застал там обещанное.

Такшака же обратился к змеям с такими словами:

— Примите облик отшельников и идите к царю с плодами, листьями и водой, как будто по делу, и передайте ему их.

Змеи так и поступили. Могущественный владыка принял эти дары и, когда змеи в облике отшельников удалились, сказал своим соратникам и друзьям:

— Отведайте вместе со мною этих сладких плодов, принесенных от чистого сердца.

Он взял самый спелый плод и надкусил его. И тогда в сердцевине он увидел крошечного червячка медного цвета с черными глазками. Взяв его в ладонь, Паракшит проговорил:

— Мое солнце закатывается, и нет у меня страха перед смертью, которую предсказал обиженный мною брахман. И пусть этот червяк, имя которому Такшака, укусит меня.

Проговорив это, царь положил червяка себе на шею и засмеялся. Пока он смеялся, червячок все увеличивался в размерах, обвивая шею и туловище царя кольцами. Придворные в ужасе разбежались. Когда же, опомнившись от страха, пораженные великой скорбью, оглянулись, то увидели дивного змея Такшаку, лучшего из змей, несущимся по воздуху и оставлявшим позади себя шлейф из лепестков лотоса. И тут же они ощутили запах дыма. От испепеленного тела царя распространялось пламя. Придворные бросились к выходу, а дворец рухнул, словно пораженный молнией.

Решение Васуки

Среди змей, искавших спасение от гибели в обмане и силе своего яда, не был слышен лишь голос благого змея Васуки.

Он нашел другой, благородный путь. Однажды змеи, всюду ползавшие по лесам, рассказали ему, что слышали мольбу праведника Джараткары о даровании ему жены одинакового с ним имени и потомства от нее. У Васуки была сестра Джараткара, и он вместе с нею пополз туда, куда ему указали змеи. Приблизившись к праведнику, он сказал:

— Благочестивый! Я слышал, что ты ищешь супругу одного с тобою имени. Вот моя единоутробная сестра Джараткара. Возьми ее в жены.

— Но у меня нет дома, — возразил отшельник. — Где мы с нею поселимся?

— Я предоставляю ей и тебе свой подземный дворец и буду вас охранять.

— Пусть будет так! — ответил отшельник.

Взяв змею-супругу, он последовал за Васуки в его дивные покои. Там он стал жить вместе со змеей на ложе, устланном коврами, и вкушать необыкновенные яства. Там же он заключил с нею соглашение: если она сделает ему что-либо неприятное, то он покинет дом.

И стала прелестная Джараткара угождать своему супругу всеми способами, доступными женщинам. И в день, благоприятный для зачатия, сблизившись с ним, она ощутила в своем чреве нечто, подобное искре.

Прошло после этого некоторое время. Однажды великий подвижник, утомившись, задремал, положив голову ей на колени. Приближалось время вечернего молебствия, а величайший из брахманов рисковал нарушить закон. И не знала змея, что ей делать, боясь разбудить его и опасаясь его не разбудить. И все же она решилась сказать ему почти шепотом:

— Встань, о наделенный великой долей, солнце уже заходит за гору. Почти вечернюю зарю обрядом, прикоснувшись к воде, ибо ты соблюдаешь обет.

Пробудившись, великий праведник обратил к супруге лицо, пылающее гневом:

— Ты проявила ко мне пренебрежение, змея. И я от тебя уйду. Ибо нет силы у солнца уйти в то время, когда я сплю.

— Но я ведь разбудила тебя не из пренебрежения к тебе, о брахман.

— Я все равно уйду, — сказал мудрец. — Благодарю от всего сердца заданное мне счастье. Передай мою благодарность и брату, сама же не предавайся скорби.

— Как же мне не скорбеть! — проговорила Джараткара прерывающимся от рыдания голосом. — Что мне скажет брат, когда узнает, что я, несчастная, не достигла цели, ради которой была выдана замуж! Ведь только получение от тебя потомства может стать спасением для моей родни. Ты меня покидаешь совершенно неповинную и в такой час!

— Мой зародыш в тебе, о счастливая! — молвил Джараткара, прикасаясь к телу супруги пальцами. — Он родится и будет высоко благочестив.

С этими словами мудрец удалился, приняв твердое решение вновь предаться суровому подвижничеству.

Астика

И родился в надлежащее время у змеи Джараткары младенец, прекрасный, как божественный отпрыск. Дали ему имя Астика. И рос он во дворце подземного царя, изучая веды и веданту под руководством благочестивого брахмана, сына Чьяваны. Однажды гуру поведал ему удивительную историю о его предках:

— Как-то, бродя по свету, твой отец увидел глубокую яму и висящих в ней ногами вверх, головами вниз истощенных людей. По краю ямы металась крыса, поедая траву, к которой были подвешены несчастные. «Кто вы?» — спросил твой отец. «Мы — мудрецы, суровые в обетах, — ответили они. — Мы терпим наказание из-за нашего потомка Джараткары, не имеющего детей». И удалился твой отец с твердым намерением иметь семью ради спасения предков. Вскоре он избрал супругой твою мать. Теперь, с твоим рождением, предки по отцовской линии избавлены от сурового наказания.

Так рос Астика, старательно охраняемый дядей Васуки. От него он узнал о полном величии змее Шеше, на голове которого держится Земля, опоясанная морями, а на темени восседает великий Вишну.

Затем Васуки подробно поведал и о других великих змеях, а также о неисчислимом змеином потомстве, которого больше, чем на небе звезд, о глубоком знании змеями всего, что недоступно людям.

Рассказал он и о паханье Океана. Об этом дядя говорил не с чужих слов — только он знал неведомые никому живописные подробности, ибо его тело первым коснулось амриты, а глаза видели все, что происходило и в Океане, и на черепахе, на которой примостились боги, совершая великий подвиг. Мальчик мог сам потрогать углубления, оставшиеся на теле змея от пальцев богов.

В голосе Васуки зазвучали гневные нотки, когда речь зашла о прегрешении родительницы змей Кадру, из пустого честолюбия обманувшей свою сестру и навлекшей этим на змей великие кары, особенно гнев могучей птицы Гаруды, истребившей множество змей, и о материнском проклятии, грозящем еще более страшными последствиями.

— Почему же Шеше и тебе не удалось одолеть бесчестных змей, которые помогли моей бабке обмануть благородную Винату? — спросил мальчик. — Ведь Шеше и тебе нет на земле равных!

Васуки горестно пожал плечами.

— Большинство змей не помышляет об общем благе змеиного рода, — ответил Васуки. — Им лишь бы вовремя сменить старую, изношенную шкуру на новую, блестящую, да чтобы вода не затопила их нору. Змея змее еще больший враг, чем человек человеку. Вот в чем причина наших бед.

Руру и мудрый змей

Вот что случилось с первейшим из мудрецов — Стхулокешей, совершавшим на благо всему живому подвиги на берегу реки. Прельщенный красотой апсары Менаки, вступил он с нею в связь. Она же в положенное время родила и удалилась. И лежала в камышах девочка, сияя красотой, подобная божественному созданию. Идя на омовение, увидел Стхулокеша ребенка, взял его и взлелеял. И стала его дочь лучшей из женщин, одаренной всеми прелестями и добродетелями. Поэтому великий подвижник дал ей имя Прамадвара. Благочестивый Руру, потомок Чьяваны, явившись к Стхулокеше за мудростью, увидел Прамадвару и мгновенно сердцем его овладел Кама. Не в силах продолжать учение, он вернулся домой и упросил своего отца быть сватом. И был назначен день свадьбы на благоприятное время.

За несколько дней до этого прекрасная играла на берегу реки с подругами. Она не заметила спящую змею, свернувшуюся кольцом, и, понуждаемая роком, наступила на нее. Змея вонзила пропитанные ядом зубы в тело беззаботной невесты, и та мгновенно упала на землю без сознания.

Даже безжизненная, Прамадвара была прекрасна. Ее, прелестную, как лотос, с плачем окружили отец и другие отшельники. Явился и Руру со своим отцом и онемел от горя. Удалился он в лесную чащу, предавшись отчаянию, и там из его уст вырвались такие слова:

— Разве я не раздавал подаяние! Не соблюдал подвижничества! Разве я не обслуживал своих учителей, не угождал им, не собирал для них милостыню? Почему же тогда на меня обрушилось горе? Почему не встанет сегодня же красавица Прамадвара?

Услышал это вестник богов и сказал:

— Слова твои напрасны, о Руру! Достойная дева рассталась с жизнью, поэтому не повергай своего сердца в печаль, а воспользуйся средством, которым обладают великодушные боги.

— Какое же это средство, о странник небес? — спросил Руру.

— Отдай половину своей жизни, о потомок Чьяваны, и восстанет твоя Прамадвара.

И воскликнул Руру не колеблясь:

— Я отдаю половину своей жизни. Пусть восстанет моя возлюбленная!

И восстала Прамадвара, будто из сна, обретя половину жизни Руру. Дождавшись благополучного дня, родители с радостью устроили свадьбу, после чего новобрачные наслаждались вдвоем, желая друг другу добра. Руру же, твердый в обетах, решил истреблять змей и, как только встречал их, тотчас хватался за палку или оружие.

Однажды Руру вошел в чащу леса и увидел змея из породы неядовитых. И поднял он палку и ударил змея.

Змей же сказал:

— За что ты меня бьешь, брахман, ведь я не причинил тебе вреда?

— Это верно, — согласился Руру. — Но моя жена была ужалена и умерла. Я поклялся убивать любую змею, какую увижу. Поэтому, о змей, я намерен лишить тебя жизни, и ты с нею расстанешься.

— Это другие змеи, о брахман, — ответил старый змей. — Ты не должен убивать всех змей, одинаковых по названию, но различных по стремлению, одинаковых по несчастью, но различных в счастье, ибо они, как и все живые существа, испытывают превращения.

— Хорошо, я оставлю тебе жизнь, — сказал Руру, — ибо ты мудр. Но скажи мне не таясь, какое превращение испытал ты?

— Я был прежде мудрецом, но вследствие проклятия брахмана превратился в змею.

— Почему же брахман проклинал тебя и долго ли ты будешь оставаться в этом облике?

И змей ответил:

— Был у меня в другой жизни друг, брахман по имени Кхагама, твердый в слове и наделенный аскетической силой. Однажды, когда он был занят жертвоприношением, я, ребячася, сплел из

травы змею. Перепуганный, онлишился сознания, когда же пришел в себя, сказал, объятый гневом: «Так как ты сотворил бессильную змею ради моего устрашения, то в силу моего гнева сам будешь бессильным змеем». Я, зная силу его аскетических подвигов, смутился сердцем и сказал ему: «Друг мой! Я пошутил! Прости меня и отмени свое проклятие». Не сразу ответил Кхагама, ибо он был явно тронут моим горем. «О нет, — произнес он со слезами на глазах, — сказанное мною непреложно. Я бессилен это отменить. Ты станешь змеем. Но когда-нибудь родится брахман Руру, и он тебя избавит от твоего змеиного облика. Я понял, что ты и есть тот Руру».

Приняв человеческий облик, мудрец сказал:

— Непричинение зла живым существам — непреложный закон. Поэтому брахман никогда не должен убивать никаких тварей. «Брахман рождается в кротости» — таково божественное откровение. Многомудрый не должен внушать страха никому из существ. Тот закон, который определен для кшатрия, — держание скипетра, суровость и защита подданных, — не подходит для брахмана. Знай это, о лучший из дважды рожденных, и передай всем.

Ученик Веды

В то время у брахмана Веды был послушный ученик Уттанка, введенный им в дом. Как-то избрали Веду двое кшатриев своим домашним жрецом, и, отправляясь к ним для совершения жертвоприношения, он сказал юноше:

— Оставайся за меня, но чтобы в доме не чувствовалось моего отсутствия. Можешь сделать даже недозволенное.

Выполняя волю учителя, Уттанка ублажил его жену. Когда Веда вернулся, он встретился с женой, а потом призвал к себе Уттанку.

— Жена моя тобою довольна, — сказал он ему. — Ты сослужил мне службу и теперь можешь идти.

— Но я ведь услужил твоей жене, а не тебе. А ты от меня даже не получил платы за обучение. Прикажи, и я возьму эту плату службой.

— Пойди спроси жену, что она скажет, то и сделаешь, — сказал Веда, принимаясь за молитву.

Жена Веды, к которой пришел Уттанка, сказала:

— Отправляйся к царю Паушье. Попроси у него пару серег, какие украшают его супругу, и принеси их мне к празднику, на четвертый день, чтобы я выделялась из всех.

Не мешкая отправился Уттанка в путь. По дороге он увидел исполина, восседавшего на быке. И обратился он к Уттанке, как к знакомому:

— Ну-ка, Уттанка! Поешь навоза моего быка!

Юноша оторопел.

— Не медли, — сказал исполин. — Твой учитель вкушал, вкуси и ты.

И выполнил это приказание послушный Уттанка и отправился в город, где царствовал кшатрий Паушья. Изложил он ему свою просьбу. Царь удивился, но все же направил юношу к своей супруге. Появившись в ее покоях, юноша удивил царицу своей просьбой, но настолько привлек ее сердце скромностью и обходительностью, что она сказала, снимая с себя серьги:

— Возьми, но будь осторожен. Под землей у царя змей Такшаки имеется целый город, полный сокровищ, но серег у него нет. А ведь серьги — и для змей знак царской власти. Поэтому Такшака считает, что я ими владею незаконно. На какие только он не идет ухищрения, чтобы их захватить.

Низко поклонившись царице, удалился Уттанка с серьгами в кулаке и вышел на дорогу, ведущую к дому гуру. Вскоре стемнело, и дорога опустела. Не осталось никого, кроме Уттанки и голого нищенствующего монаха. На его теле были странные черные полосы, как от ожога. Рассчитав время, юноша решил, что успеет омыться, и направился к протекавшей близ дороги реке. Зная, что змеи ползут на водопой, и опасаясь на них наступить, он произнес заговор:

Взглядом встречая взгляд, Смерть отвращаю я. Тебе возвращаю яд. Сдохни, сдохни, змея! Бурых и пестрых змей Я обхожу среди вод. Прочь от жизни моей! Сдохни, змеиный род!

После этого он разделся, положил серьги на камень и нырнул в прозрачную воду. Когда он вынырнул, серег на камне не оказалось, нищий же удалялся быстрым шагом. Догнав вора, Уттанка схватил его, но монах, приняв вид огромного полосатого змея, выскользнул из его рук и исчез в открывшемся в земле отверстии.

«Конечно, он услышал мой заговор и захотел мне отомстить», — подумал Уттанка и несколько мгновений стоял в нерешительности. Затем он все же последовал за змеем.

Нет, он не собирался вступать в схватку с царем змей из-за серег. Вспомнив наставление учителя, как следует подбирать слова и как надо их складывать, чтобы смягчить обиженное сердце Такшаки, Уттанка обратился к остановившемуся змею, сердито бившему хвостом, со шлоками:

О змеи, которыми правил когда-то Могучий, блистательный царь Айравата. Красивей существ я не знаю в природе. Подобны вы Сурье на небосводе. Сиятельной Кадру достойные дети, Мудрей

вы богов и всех смертных на свете, И царь ни один не сравнится с Такшакой. Но серьги прошу возвратить мне однако.

Царь змей с явным удовлетворением выслушал эту хвалу, но серег не отдал и уполз. Опечаленный Уттанка побрел по подземному миру и наткнулся на какое-то удивительное сооружение. Остановившись, он пожирал его взглядом. Перед ним был огромный ткацкий станок, за которым стояли две немолодые женщины, передвигая туда-сюда челнок, а из станка выползала ткань, на которой узорами, письменами и живыми картинами клубились миры и живые существа. Колесо станка приводили в движение шесть мальчиков. Присмотревшись, Уттанка увидел на ободе колеса триста шестьдесят делений. Неподалеку от колеса стоял высокий муж, наблюдая за мальчиками и пряжами. И понял Уттанка, что это властитель трех миров, и из уст юноши вырвалась хвала:

О сын несравненный небесной Адити, Владыка вселенной и вседержитель, Для битвы рожденный ракшасов каратель, Драконоубийцы и ваджры держатель, Не терпящий злобы, коварства, обиды, Разграничитель правды и кривды, Освободивший плененные реки, Заставь же Такшаку вернуть мои серьги.

Выслушав шлоки, муж сказал Уттанке:

— Я доволен твоею хвалой. Какую оказать тебе милость?

— Отдай змей в мою власть, — взмолился Уттанка.

— Да будет так, — сказал муж. — Подуй в задний проход моему коню.

Уттанка, отведавший навоза быка, ощутил, что от коня исходит такое же благоухание. Он приложился к указанному месту и подул что было сил. И тотчас изо рта, ноздрей и пасти коня вырвалось пламя с клубами удушливого дыма.

Прошло совсем немного времени, и из коня выполз Такшака. На кончике его языка блестели серьги.

— Возьми их, — прошипел змей.

Уттанка взял серьги и перестал дуть. «Теперь можно отнести их жене гуру, — подумал Уттанка. — Как раз сегодня праздник, на котором она хотела покрасоваться перед брахманками. Но разве доберешься туда за один день?»

Муж, кажется, мог читать зарождавшиеся и не высказанные вслух мысли. Во всяком случае, он сказал Уттанке:

— Вот тебе конь. Садись на него. Он мигом доставит тебя к утренней сандхье.

Так и случилось. В мгновение ока оказался Уттанка в доме гуру у алтаря, рядом с Ведой, возжигавшим пламя.

— Привет тебе, сын мой, — сказал брахман. — Ты появился вовремя. Жена моя не спала всю ночь, размышляя, какое произнести против тебя проклятие. С трудом я уговорил ее дожидаться утренней сандхьи.

— О господин! — отвечал Уттанка. — Я задержался не по нерадивости. Было много удивительных приключений. Сначала мне встретился муж на гигантском быке. Он заставил меня съесть навоз.

— Это мой друг Индра, — пояснил Веда. — Ты вкусил амриты.

— Потом, — продолжал Уттанка, — я увидел монаха, силой майи превратившегося в змея. Змей похитил у меня серьги, переданные для твоей жены, и я последовал за ним в подземный мир. Там я увидел огромное вращающееся колесо, ткацкий станок и двух женщин, прядущих белыми и черными нитями, а также шестерых мальчиков, вращающих колесо. Объясни мне это чудо.

— Ты видел годовое колесо с тремястами шестьюдесятью зарубками для каждого из дней. Шесть мальчиков — это шесть времен года, а две женщины — Дхатри и Видхатри. Животное, которое ты назвал быком, — это главный из слонов Айравата. Конь же, на котором ты въехал в мой дом, — сам Агни. Оставь серьги, мой милый. Пойду обрадовать жену. Да вот и она сама.

Брахманка ворвалась в комнату. При виде Уттанки и серег в руках супруга лицо женщины

расплылось в улыбке. Она кинулась к серьгам, схватила их и убежала наряжаться.

— Ты со мною расплатился, милый, сполна, — сказал Веда дрогнувшим голосом. — Ты оказался не только послушным, но и сообразительным учеником. Ступай же!

И будь счастлив!

Алтарь

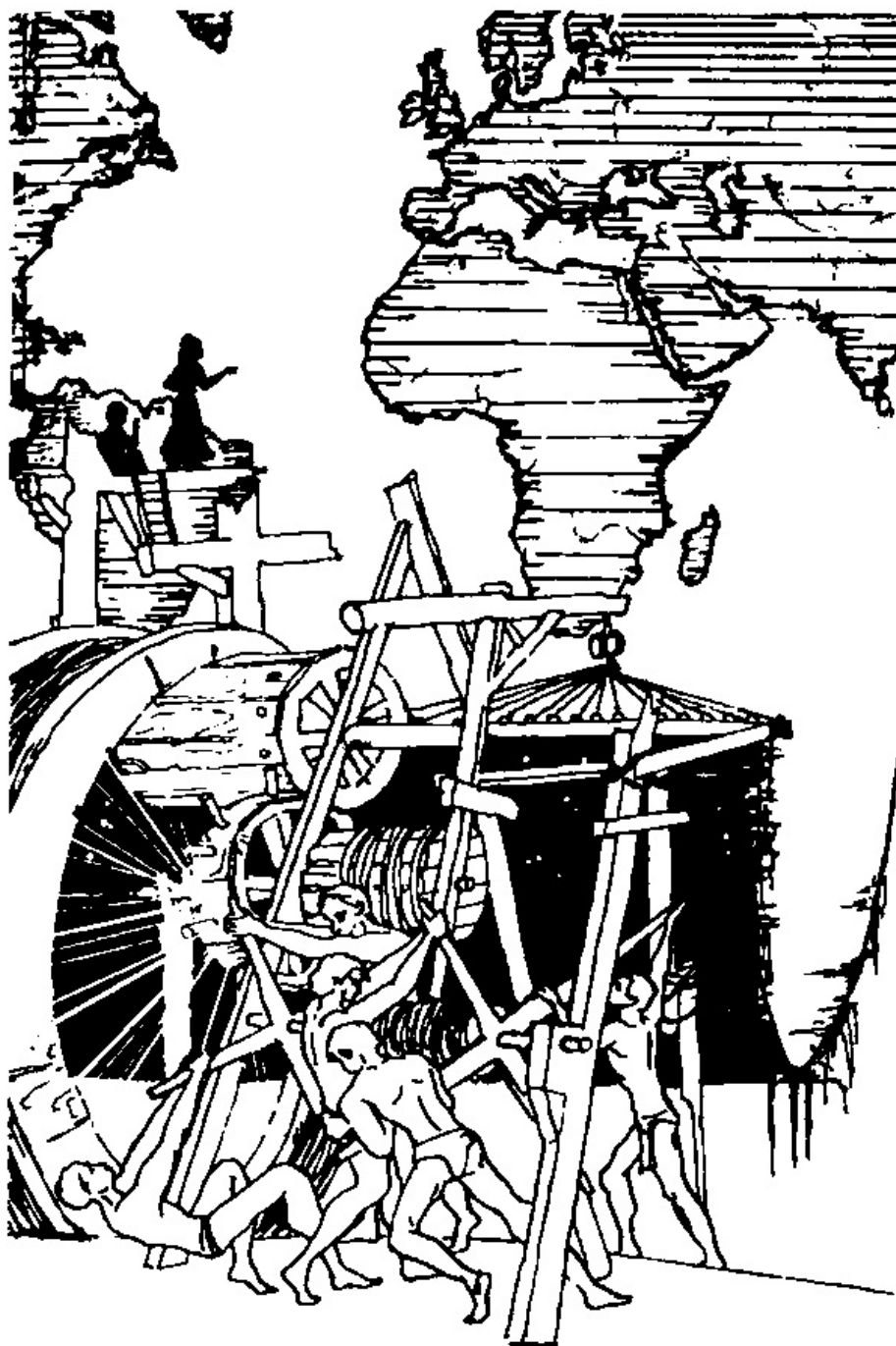
И отправился Уттанка в Хастинапуру, чтобы встретиться с царем Джанамеджаей, только что возвратившимся из Такшакашилы с великой победой. Увидев владыку, окруженного советниками, юный брахман поздравил его с победой, а затем сказал:

— Расширение владений делает тебе честь, о царь, но надо выполнить и свой личный долг.

— Ведя войны, я соблюдаю свой долг в отношении кшатриев. О каком еще долге ты говоришь?

— отозвался Джанамеджая.

— О долге крови. В то время как ты воевал, твой отец был убит коварным змеем Такшакой. Он его укусил и подобно молнии, расщепляющей дерево, разложил на пять первоначал. Зная о намерениях змея, к нему отправился мудрец Кашьяпа в надежде предотвратить гибель или возродить твоего отца, но змей заставил Кашьяпу вернуться. Отомсти же этому змею, о царь!

В продолжение всего этого рассказа гнев царя разгорался подобно жертвенному огню, когда в него подливают топленое масло.

Но вскоре гнев сменился печалью. Терзаемый горем, царь стал ломать руки и испускать вздохи. Немного успокоившись, он сказал, обращаясь к советникам:

— Я полагаю, надо немедленно отомстить злодею.

— Надо! — ответили советники в один голос.

После этого царь обратился к домашнему жрецу и спросил его:

— Как мне отомстить злонамеренному Такшаке, погубившему моего отца, а также истребить всю его родню?

— Боги, о царь, — ответил жрец, — придумали великое жертвоприношение. Оно описывается в священных книгах под названием «Змеиное жертвоприношение».

И приказал царь советникам:

— Пусть будут сделаны необходимые приготовления.

И советники принялись за дело. На лугу за дворцом они отмерили место для жертвенного алтаря. Главный зодчий из сутов, одаренный мудростью и опытом возведения фундаментов, соорудил алтарь нужных размеров, но при этом сказал:

— Жертвоприношение не будет завершено из-за одного брахмана.

— Когда я зажгу огонь, — распорядился царь, — не пускайте к алтарю никого из посторонних.

Между тем было доставлено жертвенное зерно и возложено на алтарь. Брахманы облачились в черные одеяния и заняли свои места. Было образовано кольцо из стражи так, чтобы ничто не мешало ползти змеям. Царь бросил в алтарь факел. Пламя начало разгораться. Брахманы с покрасневшими от дыма глазами стали лить в огонь топленое масло, произнося заклинания.

И содрогнулись сердца всех змей повсюду, где они в тот момент находились. Повинуясь зову магических слов, они начали ползти к алтарю и погружаться в пасть Агни. Потекли реки из мозга и жира змей. В воздухе распространился запах их горящих туловищ.

Невозможно перечислить всех погибших змей — черных, красных и белых, огромных, обладающих страшной силой, могущих изменять свой вид и двигаться куда пожелают. Одни из них о семи головах, другие — о двух, иные — о пяти. Были они из всех змеиных родов — сотни и сотни тысяч.

Время дхармы

Между тем Такшака, царь змей, услышав, что сын испепеленного им Паракшита получил разрешение совершить жертвоприношение, взлетел на небо и, явившись в покои Индры, сказал ему:

— Прибегаю, владыка, царь богов, к твоей защите. Моему роду угрожает уничтожение.

— Иди ко мне на колени, владыка змей! — сказал Индра. — Отсюда тебя никто не посмеет взять. И пусть покинет страх твое сердце!

И устроился Такшака на коленях Индры, а хвост спустил вниз, благодарно обвив им ноги спасителя.

Индрани — жена Индры

Змей же продолжали пожираться огнем. Из свиты Васуки уползли на верную гибель Котика, Манаса, Пурна, Саха, Пичхила. Лишившись многих из тех, кто его охранял и выполнял его повеления, Васуки стал терзаться горем. Им овладело страшное уныние. И он обратился к сестре с такими словами:

— Милая! Горит мое тело, и я уже не различаю стран света. Начинает колебаться мой рассудок. Блуждает взор. Сердце готово разорваться. Лишенный власти над собой, и я попаду в жертвенный огонь того царя, колесничим которому служит ветер. Наступило время, сестра моя, осуществить то, ради чего ты была выдана замуж. Спаси же нас вместе с родственниками. Остановить продолжающееся жертвоприношение сможет один Астика. Мне об этом некогда поведал сам Прародитель. Поэтому сейчас же обратись к своему сыну, лучшему из знатоков вед, чтимому за это даже старцами. Призови его сюда!

Когда Астика явился, Джараткара сказала ему:

— Я была выдана моим братом за твоего отца с определенной целью. Теперь пришло время для выполнения сыновнего долга.

— Я готов его выполнить! — ответил Астика не раздумывая. — Приказывай!

— У города Хастинапуры пылает пламя, готовое поглотить всю мою родню. Твой дядя уже ощущает его жар. Он уже утратил дар речи.

— Не печальтесь, мои родные, — произнес Астика. — Дядя, я приму жар твоего сердца в свое тело. Я отправлюсь в Хастинапуру и, превратив жар в шлоки, остановлю ими огонь. Верьте мне, дорогие!

И направился Астика для спасения благих змей в Хастинапуру. Явившись туда, он увидел алтарь, еще издали вдохнул запах горящих тел и ощутил жар. Приблизившись к тому месту, дальше которого стражники не пускали посторонних, он стал как можно громче произносить шлоки:

О, Бхараты внук и сын Паракшита! Исполнена к благу ведущая рита. Советники славны благими делами. Пылает тобою зажженное пламя, Подобное Сурье сверканьем и блеском. Тебя среди смертных сравнить мне уж не с кем. И нет тебе равных в учености книжной, И в стойкости духа сравнялся ты с Кришной. В военной науке ты сведущ, как Рама. Законы небес соблюдаешь, как Яма. В сраженьях с врагами ты Индре подобен. И недоступен ты вражеской злобе.

Все услышали эти слова и остались довольны: царь, советники, жрецы и жертвенный огонь. И тогда Джанамеджая обратился к советникам:

— Смотрите, это еще мальчик, но наделен всеми достоинствами и знаниями. Я желаю его одарить. Разрешите мне это.

— Он это заслужил, — проговорил старший из советников. — Но пусть сначала сгорит в пламени Такшака!

— О царь! — сказали жрецы. — Огонь подсказывает, что Такшака находится в обителище Индры.

— Тогда низвергните его вместе с Индрой в огонь! — воскликнул в ярости Джанамеджая.

— Мы употребим майю, — ответили жрецы. — Ты же пока можешь наградить юношу, произнесшего шлоки.

Сын Паракшита подозвал к себе юношу и сказал ему:

— Твоя ученость достойна награды, брахман. Выбирай же то, к чему тянется твое сердце.

— Если ты так распорядился, — сказал Астика, — я выбираю прекращение жертвоприношения змей.

— Бери золото, серебро или коров, — ответил царь, — все что хочешь, но пусть жертвоприношение не прекратится.

— Но ты же приказал мне высказать желание, — сказал Астика. — Я не прошу у тебя золота, серебра и коров. Пусть прекратится жертвоприношение для блага моего материнского рода.

И снова сказал тогда царь Астике:

— Выбирай другой дар, о лучший из дважды рожденных, себе на благо.

И тогда вмешались советники:

— Царь, ты не можешь нарушить данного обещания. Пусть брахман получит этот дар.

Между тем уже стало слышно шипение стонущего от страха Такшаки. Покинутый Громовержцем, царь змей упал с его колен и приближался, крутясь в воздухе и испуская стоны.

И тогда Астика трижды произнес слово «Стой!».

И замер Такшака в воздухе.

Видя это чудо, царь сказал:

— Да будет так, как сказал юный брахман.

И тотчас раздались радостные рукоплескания. Погасло жертвенное пламя. И царь наградил жрецов и советников, а также суту, соорудившего алтарь и сказавшего, что жертвоприношение не будет завершено. Астике же царь сказал:

— Приходи ко мне при моем великом жертвоприношении коня. Ты будешь верховным жрецом.

— Хорошо! — сказал Астика и удалился.

Исполненный радости, он вернулся домой и, припав к стопам дяди и матери, рассказал им о случившемся.

Пока он рассказывал, со всех сторон сползлись змеи. Выражая радость, они сказали:

— Ты нас спас! Что же нам сделать для тебя, о мудрый? Выбирай желанный дар.

— Я выбираю, — сказал Астика. — Да не будету тех брахманов и других смертных, где бы они ни жили, страха перед вами, если они будут по утрам и вечерам рассказывать о моем благодеянии змеям.

— Да будет так! — сказали змеи. — Пусть эти люди, о которых ты говоришь, о внук, произносят заклятие: «Астика! Астика! Астика, рожденный у Джараткары от Джараткары, верный слову, пусть охранит меня от змей. Асита! Артиман! Сунитха!»

Ведийское понятие «Вожделение» (Кама), будучи подобно греческому Эросу, одним из главных космогонических первоначал, всевластной мировой силой, было персонифицировано в женских образах. В ведах, а вслед за ними и в индуистских текстах, воплощением наивысшей сексуальности и соответственно небесной красоты стали полубожественные женские существа, обитавшие как на земле (в реках, на горах), так и на небесах. Их называли апсарами (возможно, первоначальное значение «вышедшие из воды»). Их можно сопоставить с греческими нимфами, итальяскими каменами, славянскими русалками.

В символике апсар присутствуют водные растения — лотос и лилия и птицы — лебедь. Вспомним, что воплощение сексуальности и красоты Елена родилась из яйца, оплодотворенного богом в образе лебедя. В «Ригведе» апсары представлены возлюбленными или женами гандхарвов, способными насыщать на людей любовное безумие. В индуистских текстах, оставаясь женами гандхарвов, они превращаются в небесных гетер. Согласно «Рамаяне», они возникли при пахтанье Океана и добычи богами и асурами бессмертия, и, поскольку их никто не захотел взять в жены, они стали «принадлежать всем». Новая версия происхождения апсар представлена в пуранах — они дочери «воображения» Брахмы. Прочие, небожественные, число которых колеблется от двух десятков до сотен тысяч, названы дочерьми Дакши, бога, рожденного от Адити. С возникновением представления о рае Индры апсары переносятся туда для того, чтобы вознаграждать там воинов, героически павших на поле брани.

1 фенеорежение дарами сексуальной любви, жрицами и покровительницами которой были апсары, считалось в Древней Индии тяжким преступлением. Недаром в «Махабхарате» один из главных героев, Арджуна, отвергнувший любовь апсары Урваши, обречен ею на бесплодие и по приговору Индры обязан служить в течение года евнухом.

Пурурава и прекрасная Урваши

Войдя в возраст, взял царь Будха маслянуюрукую и масляноногую Илу, и родила она ему смертного сына Пурураву. Царевич страстно полюбил белокурую, белолицую, статную апсару Урваши, перед небесной красотой которой не мог устоять никто. Когда же она, широкобедрая, с белыми лилиями, вплетенными в мягкие длинные волосы, блистая нагрудниками, проходила по миру, даже великие риши, забывая о своем отшельничестве, следовали за ней, окутанной тончайшим туманным покровом, подобно серебристой луне.

И пронзил Кама сердце Пуруравы, и оно пылало, охваченное страстью, от которой может спасти только смерть. У апсары было много именитых возлюбленных, и она долго не пускала юношу на свое широкое ложе. Когда же она разрешила себя полюбить, то сказала:

— Трижды в ночь ты сможешь меня бить своей бамбуковой тростью, но не показывайся обнаженным. Таков обычай у нас, женщин. И кроме того, помоги мне охранять двух беззащитных барашков.

Страстно жаждавший близости с апсарой, Пурурава счел эти условия легковывполнимыми. Он решил появляться у возлюбленной после заката и никогда не оставлять открытой дверь. Что касается барашков, за их судьбу он не опасался, так как еще в детстве, будучи подпаском, помогал пастухам.

И зачастила Урваши на землю, чтобы проводить ночи с прекрасным юношей. Это было замечено гандхарвами, ибо, пребывая на верхнем небе, они могли наблюдать за всем, что происходило в воздухе, на земле и под землей, на воде и под водой, на свету и во мраке. Блеском подобные солнцу, гандхарвы услаждали богов на празднествах и пиршествах пением и плясками, а оставшееся время проводили с апсарами, своими возлюбленными.

Дикая ревность овладела душами гандхарвов, когда они узрели на ложе смертного свою Урваши. И у них созрел коварный замысел, достойный не знающих дхармы дикарей. В одно из мгновений высшей страсти возлюбленных они, спустившись на землю и оставаясь незамеченными, отвязали барашков, которых Пурурава на ночь заводил в спальню. Неразумные животные с блеянием двинулись к двери, которую гандхарвы открыли. Пурурава отшвырнул свою трость, соскочил на пол и кинулся за барашками. И в это время коварные гандхарвы сверкнули молнией. Увидев возлюбленного обнаженным, Урваши немедленно вознеслась на небо.

Жизнь без ласк Урваши потеряла для юноши смысл, и он отдал себя поискам возлюбленной. Однажды ночью, такой же прекрасной, как те, какие он проводил с апсарой, он набрел на озеро. По освещенной луною глади скользили апсары, принявшие облик лебедей.

Узнала Урваши Пурураву и сказала подругам:

— Вот человек, который был моим возлюбленным.

— Давай ему покажемся, — предложили подруги.

И вот вместо лебедей на глади озера между лотосами поплыли прекрасные девы, сверкая изяществом обнаженных белых тел. И из их уст вырвался божественный гимн Каме, наполнивший все земное пространство.

Как зачарованный, впитывал Пурурава песню страсти. Когда же мелодия отзвучала, узнал он среди певших свою Урваши и сам запел:

Умоляю тебя, не исчезни!Хоть мгновенье со мной побеседуй.Если вновь сокроешься в бездне,Вечной радости нам не изведать.

И отозвалась Урваши:

Я на том, ты на этом свете.И какая нужда в разговоре?Унесусь от тебя я, как ветер.И поблекну от Сурьи, как зори.

И пропел тогда Пурурава, удрученный:

Так простимся, моя Урваши,Ведь дышать мне осталось недолго.Вскоре смерть меня опояшет,И сожрут меня жадные волки.

Смягчила эта песня женское сердце, и Урваши сказала:

— Знай, я ношу в себе твоё семя и поэтому встречу с тобой. Приходи сюда же в последнюю ночь года.

Явился Пурурава в назначенное время и увидел в озере прекрасную лебедь и плывущего с нею рядом лебеденка. Не принимая человеческого облика, Урваши сказала:

— Это наша с тобою последняя прекрасная ночь.

— А как её сделать вечной? — спросил юноша, глядя на Урваши с мольбой.

— Для этого ты должен стать одним из гандхарвов, — ответила она. — Обратись к ним.

Край неба стал светлеть, и растворились лебедь с лебеденком в свете дня. За все время существования трех миров пока ещё не удавалось ни одному человеку стать бессмертным. Но для истинной любви не существует преград. Пурурава взлетел на небо, явился к гандхарвам, и Кама подсказал ему слова, способные смягчить даже камень. Сжалившись над юношей, гандхарвы решили ему помочь. Вынесли они сосуд со священным небесным огнём и сказали:

— Возьми это на землю, живущую во мраке, принеси там первую жертву и станешь одним из нас.

Захватив сосуд с огнём, Пурурава вернулся на землю. Но огонь затух от порыва ветра. Метался Пурурава по лесу в поисках огня. Ещё раньше он наблюдал лесные пожары от лавы, стекавшей с некоторых гор, от трения друг о друга сухих стволов. Так как лава в этот день не вытекала, он бросился к стволу высохшей смоковницы, вырезал две дощечки и стал их тереть одну о другую, вспоминая о жарких объятиях Урваши. И была сила его вожелания такова, что одна из дощечек задымилась. И разжег он взятую с неба жаровню, ибо земной огонь — часть небесного. И стал он одним из гандхарвов и получил Урваши на все времена. От их брака пошел род Пандавов. Земля же обрела небесный огонь и с того времени с ним не расстаётся.

Шакунтала

Царь Духшанта, сопровождаемый свитою и охотниками, вступил в лес. Веял прохладный ветерок, распространяя дивные ароматы. Пели сладкозвучные птицы. Реяли пчелы.

Колеблемые деревья проливали пестрый дождь цветов. Вдали показалась река. Приближаясь к ней, царь ощутил в журчании ее непорочных вод материнскую силу природы и исполнился великой радости. Путь его лежал к расположенной на берегу обители, в которой, как ему было известно, учил Канва из рода Кашьяпы, богатый подвигами и наделенный всеми добродетелями.

Оставив свиту и охотников на лесной опушке, он приблизился к хижине и спросил: «Кто здесь?» На звук его голоса вышла девушка в одеянии отшельницы, прекрасная, как богиня красоты. Оказав внимание гостю приглашением сесть и водой для омовения ног, она с дивной улыбкой спросила: «Что я могу сделать для тебя?»

— Я пришел сюда, чтобы поклониться славному мудрецу Канве. Скажи мне, прелестная, где он?

— Мой отец ушел за плодами и скоро вернется. Ты можешь его подождать.

— А кто ты будешь сама, прекраснобедрая, и зачем ты пришла в лес? — спросил царь. — Одним своим появлением ты похитила мое сердце. Я желаю знать о тебе все.

— О царь! — начала девушка. — Я считаюсь дочерью славного отшельника Канвы. Но на самом деле, как я это узнала от него, мой отец отшельник Вишвамित्रа, а мать славная апсара Менака. Увидев ее, Вишвамित्रа, подпавший под власть любви, возымел желание сочетаться с нею и познал ее. От этой любви родилась я, Шакунтала. Мать, сделав свое дело, отправилась к Индре. Канва нашел меня в лесу, как он вспоминает, окруженную птицами, которые меня охраняли от диких зверей. С тех пор я живу с ним.

Рама, Лакшми и Вишвамित्रа

— Я думаю, что твоя мать была прекрасна, раз ей удалось соблазнить такого праведника, как Вишвамित्रа, — сказал царь, не отводя взгляда от отшельницы. — И ты, я уверен, вся в нее. Будь моею женою! Что мне сделать для тебя? Золотой венок, золотые серьги, лучезарные камни я подарю тебе сегодня. А потом твоим будет все мое царство.

— О царь! — ответила Шакунтала. — Дождись отца, и он выдаст меня за тебя.

— Зачем медлить! — произнес царь с дрожью в голосе. — Лучше голубь сегодня, чем павлин завтра. Всего существует восемь видов брака, и среди них есть брак по обычаям гандхарвов и ракшасов, которыми можно воспользоваться тем, кто не брахманы и не кшатрии. И брак по-

ракшасски допускается для царей. Итак, красавица, ты будешь принадлежать мне по закону.

— Я согласна, — ответила Шакунтала. — Но при этом ты, господин, должен выполнить мое условие.

— Какое же это условие? — спросил Духшанта, обнимая девушку.

— Сын, который родится от меня, должен после тебя править царством.

— Ну конечно же! — произнес царь не раздумывая. — Я приеду за тобой и увезу тебя в столицу вместе с сыном.

Сказав это, он жадно к ней приник и через некоторое время удалился.

Вскоре вернулся Канва, она же от стыда не вышла ему навстречу, и праведник все понял:

— Соединение с мужем, которое совершено сегодня тобою без моего ведома, не нарушает закона. И для кшатрия брак может быть заключен тайно, без всяких обрядов. Любящий тебя Духшанта — лучший из мужей. У тебя от него родится сын, равного которому не будет в великодушии и могуществе. Он будет владеть всею этой землей до берегов Океана.

В назначенное время шакунтала родила младенца, наделенного неизмеримой силой. И когда ему исполнилось три года, он обладал блеском, подобным пылающему огню, красотой, благородством и другими достоинствами. Шестилетним мальчиком он привязывал к деревьям, росшим вокруг обители, тигров, львов, вепрей и слонов. Он гонял их, сидя на них верхом, или, укрощая, вел с ними игры.

Видя это, Канва сказал:

— Пусть он зовется Савардамана, ибо он укрощает всех. — И еще через некоторое время Канва сказал Шакунтале: — Пора помазать твоего сына наследником престола. Мои ученики доставят тебя и твоего сына к супругу и отцу.

И вот, вся сияя, Шакунтала вместе со своим лотосоглазым сыном покинула лес, направившись в Хастинапур, где правил Духшанта. Ее ввели во дворец и представили царю вместе с сыном.

Почтив царя поклоном, Шакунтала сказала:

— Это твой сын, царь, и он должен быть тобою помазан наследником престола. Ведь он родился у меня от тебя, поэтому поступи, как было условлено, о лучший из мужей. Вспомни о соглашении в обители Канвы, которое было заключено, когда мы сошлись.

Слушая, царь сделал вид, будто не узнает Шакунталу.

— Я не помню, чья ты, негодная отшельница. Не помню и связи с тобою. Ступай себе и занимайся чем хочешь.

При этих словах Шакунтала стала неподвижной, как столб, словно лишившись от горя сознания. С глазами, воспаленными от гнева и волнения, со вздрагивающими губами, она искоса взглянула на царя, словно бы сжигая его взглядом. Ее речь была гневной и мудрой, ведь она была воспитанницей Канвы:

— Достоин ли тебя, царь, твой ответ, данный мне? Ведь правду знают не только боги, но и тот, кто живет внутри каждого из нас. Ты не чтешь меня, твою супругу, достойную лучшего приема. Ты вошел в меня, как супруг входит в жену, рождаясь от нее вновь. Ведь древние мудрецы называли жену от слова «джан» — родительница. Жена основа трех ценностей — закона, пользы и любви. Жены бывают подругами в минуты одиночества, отцами при религиозных обрядах, матерями страждущего. Жена — это наилучший путь. И как ты мог отречься от собственного сына? Пруд лучше сотни колодцев, жертва лучше сотни прудов. Сын — лучше, чем сотня жертв. Сын — основа семьи и рода.

— Я не знаю сына, рожденного от тебя, о Шакунтала. Женщины лживы от природы. Это знают все. Твоя мать — безжалостная и распутная Менака, и ты была ею брошена. Лишен был сострадания твой отец. Все, что ты говоришь, мне неизвестно. Я не знаю тебя. Покинь мои покои!

— Я уйду, — произнесла Шакунтала дрогнувшим голосом. — Но из этого мира удалишься и ты. И Канва предрек, что после этого всей землей в пределах четырех Океанов будет править твой сын.

Шакунтала ушла. И тогда незримый голос с неба сказал Духшанте, окруженному жрецами, наставниками и советниками:

— Воспитай сына, Духшанта, и не презирай Шакунталу. Ты родитель этого мальчика. Если кто при жизни покинет родного сына, это несчастье. И пусть сын твой носит имя Бхарата.

Услышав это, царь сказал приближенным:

— Я ждал этого голоса с неба. Если бы я взял сына только со слов Шакунталы, у народа было бы подозрение в его подлинном происхождении.

После этого он с радостью принял сына, обнял его и поцеловал в голову, а перед Шакунталой извинился за слова, сказанные во гневе.

И был помазан Бхарата на царство. И покатилося славное колесо его судьбы, наполняя светом и звуками весь мир. Победив всех царей, он подчинил их своей власти. За исполнением им жертвоприношений наблюдал Канва, и за это он был награжден миллионами золотых монет. Другие цари, которые правили за сыном Шакунталы, назывались также Бхаратами. Их имена неисчислимы.

День любви

Не было среди мудрецов благочестивее Канду, избравшего местом своего подвижничества берег реки Гопати. Наблюдая за ним с небес, Индра преисполнился страха, опасаясь, как бы Канду не превзошел его своим могуществом, и отправил к нему прелестную апсару Прамлочу. И обвилась она вокруг него, как лиана вокруг дерева, выпивая мед из его уст. Сто лет он прожил в дивной местности под горою Мандарой, не помышляя ни о чем, кроме как о наслаждениях. Когда кончился срок, на который была отпущена с небес Прамлоча, он уговорил ее остаться еще. По прошествии следующего столетия Прамлоча сказала возлюбленному: «Я ухожу!» Но он еще раз попросил ее остаться. Это повторялось много раз, любовь Канду к Прамлоче не убывала, а возрастала, и она все не решалась от него уйти.

Но однажды она увидела, что он чем-то озабочен. Внезапно Канду покинул хижину и отправился к месту своего подвижничества.

— Что с тобой? — спросила апсара.

— День клонится к закату, — ответил Канду. — Надо совершить молитву.

— О каком дне ты говоришь? — удивилась Прамлоча.

— Но ведь мы встретились с тобой на рассвете, а теперь приближается вечер.

Увидев на лице возлюбленной улыбку, Канду спросил:

— Чем я тебя насмешил? Разве я встретился с тобою днем?

— На рассвете, — ответила Прамлоча. — Но с тех пор прошло много сотен лет.

— Не может быть! — отозвался отшельник. — Я не люблю, когда меня обманывают. Я прекрасно помню, как я молился, стоя на одной ноге, и, увидев тебя, был поражен твоей красотой.

— Я бы не посмела тебя обмануть! — сказала апсара. — Вот, смотри.

И она показала ему свои пометки, длинные и короткие линии, обозначающие столетия, годы, месяцы и дни.

Убедившись, что со времени их встречи прошло девятьсот семь лет шесть месяцев и три дня, Канду стал рвать на себе волосы.

— Позор мне! Я нарушил свой обет. У меня похищено сокровище знания и благочестия. Все эти годы промчались как один день. Кама лишил меня разума по чьему-то наущению, когда я почти достиг вершины подвижничества.

Повернувшись к красавице, Канду сказал:

— Убирайся прочь с моих глаз, лукавая чаровница!

Увидев, как погрузтело лицо апсары, отшельник продолжил:

— Не бойся! Я не обращаю тебя в пепел. Вина лежит на мне одном, ты же исполняла чью-то волю.

Пока он это говорил, Прамлоча стояла, дрожа от обиды и страха. Лицо ее покрылось потом. Когда же Канду произнес «прочь!», она взлетела в воздух к вершинам лесных великанов, чтобы оттереть их листьями лицо и тело. Каплями пота, собранными лесным ветерком и взлелеянными лучами Сомы, вышла из тела Прамлочи прекрасная дева, вобравшая в себя красоту почти тысячелетней любви. Дано было ребенку имя Маричи. Она стала супругой десяти могучих царевичей, прозванных Прачутасами («Мудрыми») после того, как они, предаваясь подвижничеству, провели на дне Океана десять тысяч лет.

Крокодилы

Однажды Арджуна, наделенный безмерной силой, лучший из рода Бхарата, отправился к святым местам у берегов Южного Океана. Там, как ему было известно, жили непорочные и украшенные подвигами отшельники. Встретившийся с ним отшельник предупредил его, чтобы он не посещал пять мест, ныне безлюдных. «Почему же там никто не живет?» — поинтересовался Арджуна. Сложив почтительно ладони, отшельник ответил: «Там обитают пять крокодилов, о потомок рода Куру. Они набрасываются на людей».

Однако могучерукий Арджуна решил взглянуть на эти святые места. Еле заметная тропинка привела его к чудесному озеру, покрытому лотосами. Уставший с дороги, он разделся и вошел в воду. В это время он почувствовал сильную боль. Его схватил огромный крокодил и потащил на дно. Но Арджуна крепко схватил обитателя вод, и как тот ни отбивался, вытащил на берег. Коснувшись земли, крокодил превратился в прекрасную, наделенную божественными формами женщину. От удивления несколько мгновений Арджуна не мог произнести ни слова. Затем, придя в себя, он спросил: «Кто ты, прелестная, и почему ты живешь в воде?»

— Я апсара, могучерукий. Имя мое Варга. Долгое время скиталась в лесах и была угодна владыке богатств Кубере.

Было у меня четверо подруг. Мы вместе отправились в город хранителя мира и увидели по пути красавца брахмана, изучавшего в уединении веды. Возбужденные сиянием его красоты, мы подошли к нему и сделали все, чтобы соблазнить дважды рожденного. Он не обращал на нас внимания, а мы к нему приставали, пели, смеялись. Пребывая в глубоком размышлении, он не дрогнул. Разгневавшись на нас, он проклял нас: «Да обратитесь вы в крокодилов и живите в воде сто лет!».

Мне досталось это озеро. Я хватала людей и пыталась утащить их на дно. Меня и моих подруг постигла достойная кара. Но женщин не надо убивать. Так считают истинные мудрецы. Ты не должен нас губить. Ведь недаром говорится, что брахман друг всего живого. И не соблаговолишь ли ты, о лучший из мужей, вытащить на сушу моих несчастных подруг?

Панду из рода Кауравов

Панду, младший брат слепорожденного царя Дхритараштры, правившего Хастинапурским царством, был великим воителем. Одаренный силой и решительностью, он двинулся против царства Магадхи и убил его царя, коварного Дарву, в его роскошном дворце, а войско его присоединил к своему, затем он обрушился на других царей, и те, кто не погиб от его оружия, ему подчинились. С дозволения старшего брата он раздал захваченные им богатства своим друзьям и воинам и этим обрел славу самого щедрого из рода Кауравов.

Удачно женившись на твердой в обетах Кунти и прекрасной Мадри, царских дочерях, он покинул столицу и вместе со своими женами отправился на склоны Гималаев и стал постоянным жителем лесов. Страстный охотник, он приносил домой богатую добычу, а то, чего ему не хватало, доставляли на опушку леса люди его брата царя.

Однажды во время охоты он увидел вожака стада антилоп, сочетавшегося с самкой, и, не долго думая, пронзил их пятью быстролетными стрелами, на его глазах самец превратился в отшельника, который с ним заговорил:

— Я слышал о тебе много хорошего, Панду. Но как же ты мог, будучи из наилучшего и неизменно благочестивого рода, нарушить закон?

— Я ведь охотник, — пояснил Панду. — А антилоп убивал даже мудрец Агастья и приносил их мясо в жертву.

— Я тебя осуждаю не за охоту на антилоп, — продолжал праведник, — а за то, что ты не подождал конца соития, полезного и желанного для всех существ. Это недостойно тебя, Каурава. Ты убил неповинного отшельника в образе антилопы. Я его принял, стыдясь людей. Твой поступок не будет приравнен к убийству брахмана, ибо ты совершил его по неведению. Но ты, безрассудный, получишь такое же воздаяние. Охваченный страстью, ты отправишься в царство Ямы в таком же состоянии, как я. И супруга, которая вступит в связь с тобой, разделит участь моей. У тебя не будет сыновей.

С этими словами отшельник испустил дух. Панду с ужасом смотрел на трупы. «О я несчастный, — думал он, закрыв лицо ладонями. — Ведь недаром говорят: для бездетного нет дороги на небо. Перед мудрецами, богами я свободен от долгов, но я не свободен от долга перед предками. По моей вине они осуждены на забвение».

После этого, продолжая жить в лесу, Панду предался аскетическим подвигам и добился благоволения богов. Жены продолжали его любить и вселяли в него надежду, что он, бык среди людей, произведет сыновей, одаренных доблестью. И сыновья появились на свет. Кунти родила Юдхиштхиру, Бхиму и Арджуну, а Мадри близнецов Никулу и Сахудеву. Однако первых трех зачали боги Дхарма, Вайю и Индра, а близнецов — Ашвины.

Забыв о проклятии праведника, Панду сочетался с Мадри и погиб в ее объятиях. Она вступила в его погребальный костер. После их похорон Кунти вместе с пятью мальчиками перебралась в Хастинапуру, где они воспитывались вместе с двоюродными братьями, Кауравами.

Посланник войны

В жизни все подвластно вечной Рите: Путь людей и звезд круговорот. От великой матери Адити И забава даже не уйдет. Скачет мяч налево и направо От детей, беспечных игроков, Чтобы вскоре стать звездой кровавой, Превратить Пандавов, Кауравов, Мальчиков и братьев — во врагов.

Пандавы и Кауравы росли вместе, проводя время в играх, состязаясь в быстроте бега, в прыжках по клеткам, в поднимании пыли босыми пятками. Как-то Бхишма подарил им прекрасно выточенный мяч из дерева ашоки, и они стали его гонять на лугу за городскими стенами. Уставая, дети отдыхали у колодца, омывая разгоряченные щеки водой. Но дед, опасаясь, как бы внуки не попали в колодец, запретил им туда подходить и приказал унести деревянную бадейку, которой черпали воду.

И надо же было мячу попасть в колодец! Братья окружили его и, наклонившись над краями, посмотрели вниз. Мяч прыгал на колеблющихся отражениях их лиц.

В это время слышался конский топот. Со стороны леса приближался всадник на вороном коне. Приблизившись, всадник спешил и, ведя коня на поводу, подошел к погрузневшим детям, взглянул в колодец и, поняв причину их огорчения, сказал с пренебрежением:

— Тьфу, будущие кшатрии, на вашу ловкость! Являясь потомками Бхараты, овладевшего миром, вы даже не можете выручить самое малое подобие мира — простой мяч.

Проговорив это, он вытащил из ножен меч и срезал им у себя под ногами пучок травы. Затем он проткнул лезвие меча одной травинкой, привязал к ней другую, третью и сплел некое подобие вороньего гнезда. Привязав его к мечу и запустив в колодец, он вытащил мяч.

Несколько мгновений мальчики не могли прийти в себя от удивления, а потом бросились к незнакомцу, окружили его и стали наперебой спрашивать, как ему удалось проткнуть травинкой металл.

— Это нехитрое дело, — отозвался кудесник. — Я совершил над мечом заклинание.

И тогда старший из пяти мальчиков, близко державшихся друг к другу, сказал:

— Мы преклоняемся перед тобою, брахман. Назови себя и скажи, чем мы можем быть тебе полезны.

— Пока ничем, — ответил незнакомец, улыбаясь. — Впрочем, — он обратил лицо к только что говорившему мальчику, — сбегай в город. Опиши своему деду Бхишме мою внешность. Он, наделенный великим умом, должен вспомнить мое имя. Если вспомнит, вернешься за мной.

В город побежали все дети, а незнакомец, сев на край колодца, стал наблюдать за пасшимся конем.

Прошло немного времени, и из города вернулся мальчик-посланец.

— О Дрона! — обратился он к спасителю мяча. — Мой дед приветствует тебя и просит оказать ему честь пожаловать в свои покои.

И вот Дрона и Бхишма беседуют, разглядывая друг друга.

— Моему внуку Юдхиштхире не пришлось описывать твою внешность. Едва он, захлебываясь от восторга, рассказал о мяче, как я понял, что это ты. Никто другой на такое не способен. Но я давно не слышал о тебе...

— Несколько лет я вместе с царевичем Панчалой изучал военное искусство у великого знатока оружия Агнивешьи.

— Об этом я знаю от самого Агнивешьи, — вставил Бхишма. — Он мне и рассказал о твоих успехах, уверяя, что ты не уступишь царевичу Дхриштадьумне, родившемуся из пламени в панцире.

— Потом, — продолжал Дрона, — я решил отправиться в странствие. Расставаясь со мною, друг мой Панчала сказал: «Как только стану царем, я призову тебя, друг, и вручу царство в управление. Мои богатства, мои подданные, мое войско будут в твоём распоряжении». Узнав через несколько лет, что Панчала принял власть, я пришел к нему вместе со многими

другими, добивавшимися встречи с царем, будучи первым среди этих людей. Он смотрел сквозь меня, как будто видел впервые. И тогда я не удержался: «О тигр среди людей, — сказал я ему, — признай же во мне друга!» Он же, не выразив ни удивления, ни радости, ответил: «Неразумный! Великим царям неведома дружба, да и неученый брахман не друг ученому, воин не равен колесничему, тот, кто не царь, — не друг царю. О какой же ты говоришь дружбе?!» И я удалился...

— Правильно сделал! — воскликнул Бхишма. — Благодаря этому ты явился ко мне как посланник самого Сканды. Для моих внуков кончилось время игр. Пора им постигать искусство войны. И кто обучит ему лучше, чем ты?

— Я готов, — сказал Дрона.

С этого дня начали мальчики обучаться у Дроны ратному делу и заодно божественным законам. Постигали тайны военного искусства все, но лишь в одном Арджуне Дрона увидел стрелка, который может стать ему равным. Не только днем, но и во мраке он научился различать по звуку тетивы руку Арджуны так же, как по тронутой струне узнают выдающегося музыканта.

Однажды Дрона сказал мальчику:

— Я уверен, что в мире не будет лучника, равного тебе, сынок.

Бхима Волчебрюхий

Никто из мальчиков не мог превзойти умом и сообразительностью Юдхиштхиру. Первым в стрельбе из лука был Арджуна, а самым сильным еще с младенчества Бхима. Ведь когда он упал с колен матери, то проломил детским тельцем скалу. Во время игр он хватал двоюродных братьев за головы и валил их на землю. Сотню сильных мальчиков и еще одного он побеждал без малейшего труда. Играя в воде, он обхватывал руками десять мальчиков и, погрузившись, сидел там, а затем отпускал их полумертвых. Поступал он так не по злomu умыслу, и из-за своего ребячества имел много неприятностей.

Видя необычайную силу Бхимы, старший сын Дхритараштры Дурьйодхана, далекий от справедливости и мечтавший о власти, решил устранить среднего из Пандавов. Был у Дурьйодхана дядя по матери, Шакуни, готовый помочь ему в любом дурном помысле и грязном деле. Шакуни знал необычайную прожорливость Бхимы и решил использовать эту его слабость.

Однажды Бхима и его братья отправились с Кауравами на царскую охоту. После охоты они стали играть на лугу у Ганга и сильно проголодались. Четырем Пандавам была предложена обильная пища, а Бхиме — со страшным ядом калакутой. Бхима немедленно проглотил все, что перед ним поставили, и свалился как мертвый. Его братья просто заснули. Они не видели, как злоумышленники опутали Бхиму руки и ноги лианами, а затем швырнули в реку.

В реке водилось много ядовитых змей. Увидев плывущее, словно бревно, тело с раздувшимся животом, змеи начали его кусать и жалить, но даже не могли прокусить кожу, только лишь пробудили Бхиму. Поняв, что у него связаны руки и нога, он пришел в ярость, а в ярости Бхима был непобедим. Разорвав лианы, как будто это были прогнившие нитки, он набросился на змей и стал их уничтожать, словно они были в чем-то виноваты.

За избиением змей, оставаясь в безопасности, наблюдал их царь. Зрелище это позабавило царя-змея, и он приказал своему посланцу затащить храбреца в свой дворец на речном дне.

— Ты очень сильный двуногий, — похвалил змеиный царь Бхиму. — Мои подданные, вопреки моей воле, нападают на все живое, падающее в реку. Славно же ты их проучил!

В награду я дам тебе нечто, что сделает тебя самым сильным человеком в мире.

Он повел Бхиму в зал, где рядами стояли большие сосуды.

— Эти кувшины, — объяснил царь Бхиме, — наполнены специально изготовленным зельем. В каждом мощь в тысячу слоновьих сил.

Во время битвы со змеями Бхима невероятно устал и проголодался. Он подошел к кувшинам и стал их осушать один за другим. Опустошив все кувшины, Бхима свалился в богатырском сне. Пробудился он лишь через восемь дней, ощущая в себе невероятную силу. Поблагодарив царя змей, Бхима быстро зашагал в Хастинапуру.

Братья, не знавшие, что с Бхимой, встретили его появление с ликованием. Дурьйодхана же, проведав о спасении Бхимы, был вне себя от злобы и ярости. Каким образом Бхиме удалось спастись? Кто ему помог? Не находя ответа на эти вопросы, он решил погубить всех братьев Пандавов.

Решение царя

Видя, что его ученики овладели военным искусством, что они превосходно сражаются мечом и палицей, мечут копья и дротики, хорошо держатся на колесницах, Дрона явился во дворец к слепому царю Дхритараштре и обратился к нему с такой речью:

— О царь, твои сыновья овладели лучшей из наук. Пусть они покажут свое искусство твоему народу.

— О сын Бхарадваджи, лучший из дважды рожденных, — радостно отозвался царь. — Тобою исполнено великое дело. Реши, когда и на каком месте должно проходить состязание, и это место устрой. Сегодня я завидую людям, имеющим зрение, которые увидят моих сыновей, исполненных доблести и преуспевших в искусстве владеть оружием.

Простившись с царем, Дрона, сопровождаемый своим родственником Видурой, отыскал ровное место, свободное от деревьев и кустов, покатое к северу. И на этом месте вдень, когда благоприятствовали созвездия, он, согласно предписанию, совершил большое жертвоприношение. Затем искусные мастера царя построили хорошо оборудованное помещение для зрителей, увешанное оружием всякого рода, а также и другое помещение, для благородных женщин, которые пожелают наблюдать за состязанием сильных. Для сельских жителей устроили сиденья на склоне, а для богатых людей воздвигли места с навесами.

Состязание

И вот наступил желанный день. Царь в сопровождении советников вошел в длинное сооружение, сделанное из золота и украшенное жемчужными сетками. Появились женщины царского двора в прекрасных нарядах и весело взойшли на террасы, подобно тому как божественные жены восходят на гору Меру. И все четыре касты пришли сюда из города, желая посмотреть на состязание царевичей Пандавов и Кауравов.

Были заполнены все четыре ряда скамей. Хромой старец, появившийся позже других, тщетно обходил ряды в поисках свободного места.

Внезапно прозвучал удар гонга, и из-за багрового полога, скрывавшего дверь, вышла толпа царевичей — пятеро Пандавов и сто Кауравов, в одеяниях, украшенных золотом и драгоценными камнями. Впереди всех шагал широкоплечий воин с высоким лбом мудреца. Это был Дрона.

Оглянувшись, Дрона окинул орлиным взглядом своих питомцев. При виде шедшего первым взгляд могучего воина потеплел. Арджуна был его любимцем. Дрона обещал, что не будет в целом мире равного ему стрелка из лука, и выполнил свое слово. Ведь все в столице знали о недавнем случае влеса. Арджуну облаял какой-то пес, не иначе как соперник богов и враг людей свирепый ракшас, принявший обличье животного. Арджуна выпустил в пасть трясущегося от злобы зверя семь стрел — одну за другой. И самое удивительное, что пес от этого не подох, а помчался в город со стрелами в пасти, словно бы для того, чтобы продемонстрировать необыкновенную меткость своего победителя. О чудесах искусства Арджуны рассказывали по всей Индии, и большинство зрителей было привлечено на состязание именно ими.

Гости шумно приветствовали Арджуну и его наставника. Хромой старец, так и не отыскавший себе места, хлопал в ладоши неистовее других. Но выкрикивал он нечто несообразное:

— Слава царевичу Арджуне! Но пусть его победит сильнейший!

Этот странный выкрик стал понятен, когда из ряда зрителей выступил юноша и, подойдя к Дроне, сказал:

— Я готов состязаться с Арджуной.

Люди, вскочив с мест, окружили незнакомца. Он был в небогатом плаще, топорщившемся от скрытого под ним панциря. Длинные черные волосы волнами ниспадали на могучие плечи. Но они не могли скрыть золотых серег в ушах, сверкавших, как два маленьких солнца.

— Ну и наглец! — слышались возмущенные голоса. — Он посмел бросить вызов самому Арджуне!

— Сядь на место, — обратился Дрона к юноше. — Ты, я вижу, простолюдин, а здесь только царевичи и знатные воины.

— Но я искуснее Арджуны, — с достоинством возразил незнакомец, — и готов это доказать.

— Откуда ты взялся? — возопил оскорбленный наставник царевичей. — Кто ты такой?

Юноша отвесил Дроне низкий поклон.

— Я — Карна.

— Ну и что из того! — не успокаивался Дрона. — Как бы тебя ни звали, ты не можешь быть искуснее того, о ком сказано, что не будет в мире стрелка лучше, чем он.

— Прости меня, могучий воин, — юноша поклонился еще раз. — Я не хотел тебя оскорбить. Но ведь я не был твоим учеником, и ты не можешь сравнивать меня с Арджуной. Победителя покажут не слова, а тетива.

— Да, но ты не царевич, — вмешался в разговор Арджуна. — По нашим законам с царевичем может состязаться лишь равный ему.

Юноша опустил голову. Против этого довода ему нечего было возразить. Резко повернувшись, он зашагал к выходу.

— Остановись! — послышался громовой голос Дурьйодханы, ненавистника Пандавов. — Да, ты не царевич, но я тебя сделаю царем. Слуги, передайте этому юноше корону. Теперь ты, Карна, — царь Анги.

Наступило замешательство. Такого исхода спора никто не ожидал. Между тем слуги почтительно надели на голову растерявшегося юноши золотую корону; но и она не смогла затмить блеска золотых серег.

Первым молчание нарушил Дурьйодхана, обратившийся к Дроне:

— Скажи, знающий законы, может ли теперь Карна состязаться с Арджуной?

— Теперь может, — отозвался Дрона.

Арджуна, пожав плечами, вышел на линию, образованную вкопанными в землю белыми камнями. Карна стал с ним рядом, выставив вперед правую ногу. Слуги почтительно подали им одинаковые луки и колчаны со стрелами. Стало так тихо, что слышно было трепетание крыльев бабочек, порхавших над зеленью луга. И в это время, ковыляя, к Карне кинулся старец. Прижимая голову юноши к своей груди, он проговорил:

— Мой сын! Ранее, увидев тебя, я хотел крикнуть: «Прочь! Тебе не следует тягаться с царевичами! Твоему роду подобает не меч, а кнут». Теперь же я горжусь тобой!

Голова Карны поникла от стыда, как увядающий лотос. Ведь сыном назвал его су́та Адхиратха, супруг воспитавшей его в сельской глуши приемной матери. С ее слов Карна знал, что Адхиратха выловил его, младенца, в реке и принес в дом. Уже тогда на нем был неснимаемый панцирь и золотые серьги в ушах. Эти знаки благородного происхождения росли вместе с мальчиком, делая его неуязвимым. Но ничто не помогло ему открыть тайну своего происхождения и найти родителей. А теперь все знают, что он, Карна, сын простого возникшего.

Швырнув лук на землю, Карна бросился бежать. В открытом поле, утомившись, он остановился и увидел столб пыли, услышал ржанье коней.

— Куда же ты несешься, повелитель Анги! — еще издали кричал Дурьйодхана.

И только тогда Карна поднял руку и нащупал на голове золотую корону, о которой забыл.

Приблизившись, Дурьйодхана спросил:

— А верно ли, что ты в стрельбе из лука искуснее Арджуны?

— Да, это так, — ответил Карна.

У Дурьйодханы глаза загорелись мрачным блеском.

— Нет! Ты не сын суты. Не может антилопа породить такого тигра, как ты, да еще вместе с серьгами и панцирем, подобными Сурье. Наш учитель Дрона родился из кувшина, в котором оказалось чье-то семя, и разве он кому-нибудь уступает? И ты не уступишь никому! Ты — кшатрий. Ты должен убить Арджуну и его братьев. После этого я стану царем Хастинапуры. Поклянись, что будешь моим другом и союзником.

Карна вскинул голову. Сурья стоял в зените, посылая на землю свои прямые, не дающие промаха золотые стрелы. — Клянусь, — сказал юноша, протягивая руку.

И не признался Сурья, что он отец Карны. Не удержал его от вражды с братьями Пандавами.

Смоляной дом

Убедившись, что Бхима сильнее всех людей, а Арджуне нет в мире равного лучника, Дурьйодхана очень огорчился. Мучимый ревностью, он явился к царю и, убедившись, что тот один, сказал:

— О отец! Горожане произносят недобрые речи. Пренебрегая тобою, они хотят, чтобы властителем стал кто-либо из Пандавов. Но ведь я твой первенец. Почему бы тебе не объявить меня своим наследником?

Помолчав несколько мгновений, царь повернул к сыну лицо. Взгляд его был неподвижен.

— Нет, сын мой, наследником трона, который я занимаю как опекун, должен быть старший сын моего покойного брата. К тому же Юдхистхира пришелся по душе простому люду.

Дурьйодхана яростно сверкнул глазами, но сумел не выдать своего раздражения.

— Пусть будет так. Но тогда, отец, выполни мою смиренную просьбу.

— Какую?

— Удали из столицы Пандавов, чтобы я мог за время их отсутствия добиться народного благоволения.

— И куда ты предлагаешь их послать?

— В прекрасную Варанавату.

Сказав сыну, что подумает, царь кивком головы дал ему понять, что тот может удалиться. И в этот же день, расспросив у придворных о Варанавате, призвал он к себе Пандавов и объявил им свою волю:

— Вам придется ненадолго покинуть столицу для участия в празднике вместе с жителями Варанаваты.

Братья переглянулись, поняв, что Дурьйодхана на этот раз сделал царя орудием своих козней и что дядя не догадывается о намерении своего негодяя-сына.

— И возьмите с собою мать, — добавил царь. — Кунти должна понравиться Варанавата.

Пока братья собирали все необходимое в дорогу, Дурьйодхана готовился к осуществлению коварного замысла. Вызвав верного слугу Пунчану, он сказал:

— Немедленно отправляйся в Варанавату. Сооруди под городом в живописном месте летний дом для отдыха моих братьев Пандавов. Пусть он будет из красной смолы и всего другого, что хорошо горит. Но сделай так, чтобы смолы не было видно и чтобы не ощущался ее запах.

Пунчана понимающе закивал. Он сразу догадался, что Дурьйодхана хочет разом избавиться от Пандавов, чтобы занять отцовский трон.

Так вскоре на берегу реки близ Варанаваты появился большой дом с четырьмя богато обставленными залами. Его стены из тростника и конопли, были скреплены смолой, обильно смешанной с топленным маслом, чтобы скрыть запах смолы.

Узнав о том, что смоляной дом построен, Дурьйодхана приказал запрячь в колесницы быстрых, как ветер, коней. На них взошли Пандавы, а Кауравы вышли их провожать.

— Да сопутствует вам, о потомки Панду, успех, — говорили они, и их умильные лица светились показной братской заботой.

Разумеется, и в столице и в Варанавате, куда прибыли Пандавы, нашлись бесстрашные брахманы, которые высказывали беспокойство о судьбе юношей и уговаривали их не селиться во вновь отстроенном доме. Но старший из Пандавов, Юдхистхира, которого называли царем справедливости, отвечал своим доброжелателям:

— Наш долг — исполнить волю царя, нашего высокочтимого наставника. Вы же, друзья, возвращайтесь домой. Мы позовем вас, если будет нужда.

И горожане разошлись. Но Видура, родственник и царский советник, задержавшись, сказал

Юдхиштхира:

— Остается в живых тот, кто проявляет осторожность. Не будь слепцом, не знающим пути, по которому идет.

Попрошавшись с Видурой и поблагодарив за совет, Пандавы вступили в дом. Там ожидал их стол с яствами и напитками, прекрасные лежа и мягкие кошмы. Были там и молчаливые слуги, исполнявшие малейшее желание гостей.

Прошло десять дней, и Юдхиштхира подозвал Бхиму и сказал:

— Мне кажется, что радость, дарованная нам в доме, названном «Счастливым», пахнет топленым маслом и смолой. Очевидно, стены дома построены из конопли, камыша и бамбука и пропитаны смолой и топленым маслом. Не затем ли, чтобы нас спалить?

— Так давай немедленно удалимся! — воскликнул Бхима.

— Не торопись, брат, — проговорил Юдхиштхира, наделенный мудростью. — Разумнее остаться, не подавая виду, что мы заподозрили неладное, и тайно готовиться к бегству. Ведь если Пунчана догадается о наших подозрениях, он немедленно подожжет дом. И даже если нам удастся из него выбраться, нас перебьют расставленные повсюду соглядатаи. Начнем же рыть с этой ночи подземный ход, о котором не должен знать никто из слуг и никто в городе.

Так братья и поступили. И с этого времени днем они охотились и веселились, а ночью по очереди рыли туннель.

Когда приблизилось время празднества, Видура тайно прислал к Пандавам своего друга, опытного землекопа, который и сообщил им, что коварный Пунчана подложит огонь к дверям дома в четырнадцатую ночь темной половины месяца, и предложил свою помощь. Рытье хода пошло намного быстрее, и за день до четырнадцатой ночи работа была завершена.

В полночь Пандавы сами подожгли дом и скрылись, засыпав за собою изнутри начало выводившего из дворца туннеля. В пламени сгорел и подлый Пунчана, собиравшийся сжечь доверчивых Пандавов.

Из-за прерванного сна и страха беглецы не могли идти быстро. Тогда Бхима, наделенный сверхчеловеческой силой, посадил на себя всех братьев и мать и двинулся с быстротой ветра, ломая деревья и взрывая ногами землю.

На заре перепуганные горожане пришли, чтобы спасти сыновей Панду. Заливая огонь, народ увидел, что дом был смоляной и что советник Пунчана сгорел. Затем в поисках Пандавов они стали разрывать пепел и открыли останки женщины и пяти мужчин, которых приняли за Кунти и ее сыновей. А на самом деле это была нищенка с пятью сыновьями. Она как раз накануне пожара была в доме с группой нищих, пришедших за подаянием.

Другие ушли, а она и ее сыновья, напившись хмельного, заснули и погибли безвинно. Народ же решил, что сгорели герои вместе с матерью, оказал им подобающие почести и уведомил об их гибели царя.

И погрузилась столица в траур. На улицах и в домах были погашены светильники. Все, знавшие Пандавов, предались скорби. Лишь в одном из помещений дворца Кауравы во главе с Дурьодханой за пиршественным столом шумно отмечали свой успех. Теперь, после смерти Дхритараштры, трон должен был перейти к ним.

В дремучем лесу

Пандавы вместе с матерью вышли на берег реки, освещавшийся лишь заревом пылавшего вдали смоляного дома. Немного пройдя, беглецы увидели спрятанную в кустах лодку с лодочником. Поприветствовав идущих, тот объявил, что готов по приказанию Видуры перевезти их на противоположный берег.

Так они вступили в места, изобилующие птицами и зверями. Но там было мало воды. Тогда Бхима, спустив мать и братьев на землю, сказал:

— Отдохните, а я поищу воды. Слышите криканье уток? А где утки, там и вода!

По крику уток Бхима нашел озеро. Искупавшись и напившись, он принес воду в своем верхнем платье. Мать и братья тем временем заснули на голой земле. Бхима, прислонившись спиной к дереву, стал охранять их сон.

Неподалеку от места, где остановились Пандавы, обитал на дереве свирепый ракшас, безобразный и страшный. Втянув ноздрями воздух, он уловил сладкий запах человечины и, зевая огромным ртом, обратился к своей такой же страшной по виду сестрице:

— Взгляни, как у меня текут слюнки и восемь моих зубов обнажены! Вскоре они вопьются в нежную человеческую плоть, и в горло потечет свежая кровь. Иди же, сестрица, узнай, кто к нам пожаловал. Убей всех людишек и притащи их тела ко мне. Мы устроим пир, какого давно уже не было.

Ракшаска отправилась по указанной дороге и вскоре обнаружила спящих на земле людей и одного их охраняющего. При виде Бхимы чувство голода сменилось вождением. «Этот человек, — подумала ракшаска, страстная и необузданная, как слониха, — не имеет себе равных по мужской силе. Он был бы мне подходящим супругом. От живого мужчины больше толку, чем от мертвого».

Ракшаска приняла прекрасный женский облик и, дрожа от нетерпения, приблизилась к Бхиме.

— Меня послал брат, которому захотелось отведать вашего мяса, — проговорила она, скромно опустив голову. — Но при взгляде на тебя мною овладело неодолимое желание. Возжелай же и ты меня! Мы поселимся одни в неприступных горах и будем жить под благосклонным оком того, кто пронзил своей стрелой мое тело и душу.

Бхима оглядел ракшаску с ног до головы, удовлетворенно хмыкнул и сказал, приблизившись:

— Не болтай! Я не оставлю моих братьев и мать. Иди ко мне. Чем это место плохо для любви?

Между тем людоед, видя, что сестра долго не возвращается, забеспокоился и спустился с дерева. Услышав, как он продирается сквозь чащу, ракшаска вырвалась из объятий Бхимы с криком: «Сюда приближается мой старший брат! Скорее, о укротитель врагов, разбуди своих близких! Я захвачу вас всех и унесу по воздуху в безопасное место».

— Не беспокойся, милая, — промурлыкал Бхима. — Ведь ты меня назвала укротителем врагов. Мне некого бояться! Взгляни на мои руки, подобные слоновьему хоботу, на мои ноги, мощные, как бревна, на мою несокрушимую грудь. Я рад возможности показать тебе мою силу, равную мощи Индры. Не презирай меня за то, что я человек.

— Я и не думаю презирать тебя, о тигр среди мужей. Но мне страшно за тебя, ибо я знаю, как ракшасы расправляются с людьми.

Людоед, выйдя на поляну, увидел свою сестру в человеческом облике, с покрасневшим лицом, похожим на Сому в полнолуние, с головой, увенчанной гирляндой цветов. Поняв, в чем дело, он испустил вопль:

— Горе тебе, нечестивая! Ты предала славный род ракшасов, прельстившись тем, кого я намеревался сожрать. Я истреблю и тебя!

С этими словами он кинулся на сестру, но был остановлен грозным окриком Бхимы:

— Остановись!

Раздвинув могучие руки, Бхима приближался к людоеду со словами:

— К женщине должно относиться с уважением, скотина. Твоя прекрасная сестра никого не позорит. Она во власти Камы, пребывающего повсюду и благосклонного к каждому, кто готов соединиться в любви с другим. Препятствуя мне, ты нанес Каме величайшую обиду, и я знаю, что он мне поможет отправить тебя в царство Ямы и освободить лес от страха.

Слыша это, людоед в ярости протянул к Бхима свою страшную лапу, но укротитель врагов быстрым движением схватил ее и поволок ракшаса, как лев зайца или еще какую жалкую тварь, подальше от места, где сладко дремали мать и братья, чтобы им не помешал шум боя. А шум поднялся страшный. Бросаясь друг на друга, Бхима и ракшас ломали огромные деревья и рвали опутавшие их лианы, словно гнилые нити. Несмотря на далекое расстояние, братья услышали рев и грохот и проснулись.

Определив по шуму, где находится брат, устремился к нему на помощь Арджуна. Но не понадобилась Бхима ничья помощь. Пылая гневом, он схватил ракшаса и с силой швырнул его на землю. Людоед испустил ужасающий рев. И пока он еще не успел опомниться от страшного удара, Бхима поднял врага и переломил пополам на своем колене.

Горячо поздравив брата с победой, Арджуна сказал:

— Атеперь удалимся отсюда. Как бы шум и рев, слышные издалека, не выдали нас Кауравам.

У вод Ганги

Они шли, пересекая один лес за другим, убивая для прокормления множество животных. Отпустив косы и бороды, облачившись в шкуры антилоп и лыко, они обрели вид отшельников. Неся для быстроты мать на руках, братья стремительно двигались на север, пока не достигли запруды Сомашправаяны на Ганге. Там в сладчайших водах, в уединенном месте проводил время в забавах со своими женами надменный царь гандхарвов Ангарапарна. Потревоженный шумом хрустящих веток, владыка разгневался. Схватив лук, он натянул его, направил стрелу на идущих и сказал:

— Держитесь отсюда подальше. Это я, Ангарапарна, нахожусь в водах реки. И этот лес, где я обитаю, тоже называется Ангарапарной. Я сам могуч и, помимо того, пользуюсь дружбой владыки Севера Куберы. Поэтому сюда не решается подойти ни зверь, ни человек, ни бог.

— Ганга, — ответил Арджуна, — создана не для тебя одного. Река, истекающая из золотой вершины Гималаи, протекающая как на небесах, так и на земле и текущая в Океан, не терпит преград. Кто же тебе позволил помешать нам коснуться священных вод!

Услышав это, Ангарапарна выпустил стрелу за стрелой, сверкающие, как змеи. Но Арджуна, проворно размахивая факелом и действуя луком, их с легкостью отразил.

— Вот видишь, — проговорил Арджуна наставительно. — Примененное тобою средство не причинило нам вреда. Я знаю, что вы, гандхарвы, превосходите нас, людей, силой, поэтому я применю против тебя божественный огонь.

И выпустил Арджуна огненную стрелу. Она сожгла колесницу Ангарапарны, а самого его низвергла на землю. И притащил Арджуна своего противника, оглушенного и едва живого, за волосы к братьям. Но одна из жен гандхарвы взмолилась:

— Отпусти моего супруга. Я прибегаю к твоей защите, о господин.

— Женщина права, — проговорил Юдхистхира. — Кто убьет врага, нашедшего защитника в жене, недостоин славы. Отпусти гандхарву.

— Забирай свое тело и удались, — обратился Арджуна к пришедшему в себя царю. — Слышишь, дарит тебе безопасность Юдхистхира, наш вождь.

— Заслуживает счастья тот, кто щадит побежденного, — сказал гандхарва. — Я не останусь в долгу. Моим откупом будут кони с дивным запахом, быстрые, как мысль, по сто коней каждому из вас. Они могут менять свою масть и быстроту бега по желанию. Вдобавок к ним возьмите и мою дружбу.

— Принимаем твой дар, — отозвался Арджуна. — Но возьмем мы его лишь тогда, когда он нам потребуется.

Сваямвара

Лесным отрезаны пожаром. Дороги к царству не найти. Но остается сваямвара. И свахою стрела летит.

Выйдя из леса, братья оказались на дороге в толпе торопливо идущих брахманов. Один из них обратился к юношам с вопросом:

— Кто вы и куда идете?

— Мы братья, — ответил Юдхистхира за всех. — Идем мы с нашей родительницей куда глаза глядят и, как и вы, кормимся тем, что подают.

— Тогда поспешите ко двору царя Друпады, — сказал брахман. — Там состоится большой праздник, и посетившие его получат много добра. У царя на выданье Драупади, найденная им на алтаре и удочеренная. Лотосоподобная, дивно сложенная, она нежна и разумна. Она сестра доблестного Дхриштадьюмны, знатока оружия, могучего противника Дроны, не уступающего ему ни в чем. Этот Дхриштадьюмна, как уверяют, родившийся из пылающего огня в панцире, с мечом, луком и стрелами в руках, выдает замуж свою сестру, которую мечтают иметь женой цари и царевичи.

— О, мы пойдем с вами, брахманы! — радостно воскликнул Юдхистхира. — Даже если нам ничего не достанется из царских даров, мы полюбуемся красавицей, которую ты прекрасно описал.

Так они вместе с брахманами достигли столицы Друпады, где поселились у городских ворот, в доме горшечника. Ведя свойственный своей варне образ жизни, они стали просить подаяние у всех входящих в город.

И вот прогудели раковины, возвещая начало сваямвары. Горожане и гости заполнили луг к северо-востоку от города. Он был окружен со всех сторон домами, защищен стенами и рвами, покрыт сверху пестрым балдахином. Наполненный благоуханием алоэ, луг окроплялся сандаловой водой и был украшен гирляндами цветов. В центре находился видимый со всех сторон помост. На него вступила Драупади, с телом, освеженным купанием, в прекрасном одеянии, неся золотой, удивительно украшенный сосуд. Следуя ритуалу сваямвары, домашний брахман совершил жертвоприношение огню, возлияние топленным маслом, после чего произнес: «Сваха!»

И замолкли сотни оркестров. На помост поднялся могучий Дхриштадьюмна. Голосом, глубоким, как облако, произнес он прекрасные, наполненные высоким смыслом слова:

— Взгляните на этот луг, кшатрии, и на эту мишень из пяти колец. Кто, обладая высоким происхождением, прекрасной внешностью и силой, пронзит их пятью стрелами, тому станет супругой моя сестра.

Затем появился сам Друпада и стал оглашать происхождение и заслуги явившихся на праздник царей, могучих героев, благородных воинов. Все дивились памяти царя, удержавшей столько имен, когда же толпа нетерпеливо заволновалась, Друпада обратился к дочери с такими словами:

— Эти и многие другие владыки различных народов, славные не только в своих землях воины, собрались, милая, ради тебя. Они будут метиться в эту цель, думая о тебе. Из тех, кто ее поразит, ты сегодня же должна будешь избрать себе супруга.

И стали подниматься на помост юные мужи, высокомерно гордясь своим оружием и силой. Бросая друг на друга ревнивые взгляды, они подбадривали себя возгласами:

— Драупади будет моей!

Сверху на них не отрываясь взирали боги, привлеченные невиданным зрелищем.

По очереди цари подходили к луку, пытаясь его натянуть. Некоторые были сразу отброшены его тетивой и лежали на земле, приходя в чувство. Другие отделались легкими ушибами, разбитыми brasлетами, сломанными серьгами. Никому не удавалось натянуть тугую тетиву.

— Неужто принцесса останется незамужней? — спрашивали друг друга в толпе.

Все взоры обратились к царю. Поднявшись, Друпада объявил во всеуслышанье:

— Цари и царевици не смогли выполнить условия сваямвары. Не хочет ли испытать свои силы кто-либо из народа? Награда та же — моя дочь.

И тогда вперед выступил Арджуна в одеянии брахмана. Среди кшатриев, окружавших помост, раздался ропот:

— Не пристало брахману испытывать оружие. Да и какой дерзостью надо обладать, чтобы взяться за то, перед чем спасовали цари и царевици!

Неохотно расступились кшатрии, пропуская Арджуну к помосту. Он же, словно дразня царей, не сразу поднял лук. Сначала замер перед ним, как утес. Затем, играючи, стал совершать круг слева направо. В момент обхода он внезапно схватил лук, наложил на него стрелу и пустил в мишень. Стрела пролетела через все пять колец. За ней последовали еще четыре стрелы. И в это же мгновение на голову победителя восхищенные боги обрушили ливень цветов. Люди срывали с себя одежды и размахивали ими, как стягами. Грохот барабанов заглушил людские голоса.

Но вот все замерло и стихло. Драупади с гирляндой цветов в руках, склонив голову, двинулась навстречу жениху. В это время раздался шум. Соперники Арджуны, пылая гневом, вопили, показывая на одеяние Арджуны:

— Нельзя нарушать вед! У брахмана нет права на вару! Если дева не пожелает выбрать кого-либо из нас, мы отдадим ее огню.

Слов показалось мало. Многие бросились с оружием на Друпату и избранника его дочери. Но Бхима, вырвав из земли дерево и мгновенно очистив его от ветвей и листьев, преградил царям дорогу. И тут всем стало ясно, что защитник счастливца — не кто иной, как Бхима Волчебрюхий. Ведь никому другому не удалось бы вырвать дерево из земли, как тростинку. Значит, счастливчик — брат Бхимы Арджуна и где-то в толпе еще три брата. Но кое-кого это не испугало, и несколько человек преградило Арджуне дорогу. Их возглавил Карна. Но Бхима отбил нападение.

Друпата, узнав, кто оказался женихом его дочери, был счастлив сверх меры. Он пригласил Пандавов и их мать во дворец. Наконец-то они смогли отдохнуть после долгих скитаний. Но их отдых оказался Друпате чрезмерно долгим. И, представ перед Пандавами, царь сказал:

— Пусть же могучерукий Арджуна возьмет сегодня на ложе мою дочь, ибо это день, благоприятный для зачатия.

К удивлению царя, вперед выступил Юдхиштхира:

— Но ты, владыка народов, забыл обо мне. Мне тоже пора жениться.

— Тогда возьми и ты мою дочь на свое ложе. Я не против, — отозвался царь.

— Ты меня не понял, — проговорил Юдхиштхира, почтительно склонившись. — Драупади будет супругой не одному Арджуне и мне, но всем нам поочередно. Так было заранее решено нашей матерью. Таков и наш уговор.

— Мне это тоже было предсказано в вещем сне, — сказала Драупади.

Бракосочетание

Бракосочетание состоялось в благоприятный день, когда месяц входит в созвездье Пушья, царь вместе со своим сыном сделали все, чтобы дворец был готов к принятию многочисленных гостей. И он наполнился посетителями — царскими придворными, именитыми брахманами и горожанами. Вошли после омовения супруги-братья, умащенные сандалом, блистая драгоценностями. Домашний жрец, искушенный в ведах, развел пылающий огонь и совершил на нем возлияние топленным маслом. Первым к Драупади подошел Юдхиштира. Они взялись за руки, и жрец обвел их обоих вокруг жертвенного огня слева направо. После этого новобрачные удалились в опочивальню, и им была отдана ночь. На следующий день брачная церемония повторилась, но за руку Драупади взял Арджуна. В другие дни — остальные братья. Так день за днем они прняли руку наилучшей из женщин.

Когда же каждый из них побывал с Драупади на брачном ложе, жрец поведал всем собравшимся о великом чуде, выходявшем за пределы человеческого понимания: достославная Драупади после брачной ночи вновь становилась девой.

Затем могучие мужи получили царские дары — колесницы, украшенные лучшим золотом, сто великолепных слонов, подобных сотне гор, сто рабынь первой молодости в дорогих одеяниях и благоуханных венках. Драупади, облаченная в шелковое одеяние, при совершении брачного обряда почтительно приветствовала свекровь. Та же, обратившись со словами благословения к супруге своих сыновей, сказала с любовью:

— Как Шачи к Индре, как Рохини к Соме, как Дамаянти к Налю, как Лакшми к Нараяне, будь такою же и ты к своим супругам. Будь матерью долговечных моих сыновей, милая! Да будешь ты окружена многими радостями! Да будешь ты любима своими супругами! Как я радуюсь, о невестка, видя тебя облаченной, так и вновь буду радоваться тебе, одаренной сыновьями!

Не скрывал радости вступлению в союз с Пандавами и царь Друпادا. Не стало у него больше никакого страха даже перед богами.

Царский совет

Лазутчики Дурьйодханы сообщили ему, что Пандавы не только живы, но и породнились с Друпадой, могущественнейшим из царей. Во дворце Хастинапуры сразу же был собран Большой совет, на который явились союзники Кауравов.

В глубоком молчании было выслушано сообщение о том, что Пандавы, выйдя из леса, в котором скрывались в неизвестности несколько лет, в состязании за руку дочери Друпеды взяли над всеми верх и стали ее мужьями, что в их распоряжении половина царства панчалов и что в пустынной местности, на реке Ямуне они начали строить столицу Индрапрастху.

— Надо немедленно напасть на Пандавов, — предложил отважный Карна, как только Дурьйодхана кончил говорить. — Ведь они, собирая мед Камы, не готовы к сражению.

— Я это поддерживаю, — произнес Дурьйодхана.

— А я нет, — горячо возразил Бхишма, сидевший по правую руку от слепого царя. — Никто из вас, надеюсь, не заподозрит меня в трусости или неопытности. Никому еще не удавалось одолеть меня в честном бою. Но поверьте мне: Пандавов нельзя победить. К тому же я счастлив, что живы и они, и их благородная мать Кунти. Прекрасно, что Пунчана не исполнил своего злобного намерения и не спалил их в смоляном доме.

— Я согласен с Бхишмой, — сказал Дрона. — Пусть к Друпаде отправится гонец и объявит Пандавам, что ты, о царь, и Дурьйодхана счастливы, узнав, что они живы, и поздравит их с женитьбой. Пусть восторжествует справедливость.

— Да! Да! — подхватил Видура. — Пусть восторжествует справедливость. Но для этого Пандавов надо пригласить в Хастинапуру и разделить царство между ними и Кауравами.

— Подумай, что ты говоришь! — выкрикнул Дурьйодхана, не дав Видуре закончить мысль.

— Видура прав, — сказал до этого молчавший слепой царь. — Раздел царства восстановит мир. Могучие Пандавы, воины, сражающиеся на колесницах, согласно закону и мои сыновья. Царство, доставшееся мне после смерти брата, принадлежит как моим сыновьям, так и Пандавам. Ступай же, Видура, и объяви Пандавам, что я отдаю под их власть западную часть моего царства.

Посольство

В то утро Друпада, сидя на золотом троне, принимал посла Хастинапуры. По обе стороны стояли сыновья и советники царя в парадных одеяниях и среди них царские зятья Пандавы.

Почтительно сложив ладони и приложив их ко лбу, Видура осведомился о здоровье царя.

— Я здравствую — сказал царь, отвечая на приветствие. — А как твоё здоровье, благородный вестник? Не трудна ли была для тебя дорога?

— Я здоров, — отвечал Видура. — Дороги в твоём царстве прекрасны и хорошо охраняемы.

После этого обмена приветствиями Видура подошел к Пандавам и обнял каждого из них, соблюдая старшинство.

— Как ваше здоровье, о сыновья Панду? — обратился он к ним.

— Мы здоровы! — ответили Пандавы все разом.

— Счастливы ли вы? — еще раз спросил посол.

— Да, мы счастливы! — ответили Пандавы.

После этого Видура дал знак посольским слугам, и те тотчас же поставили перед ним сундук из благовонного дерева. Видура поднял крышку. Зал наполнился блеском драгоценных камней. Доставая свадебные дары, посол объяснил, что они переданы Кауравами для Пандавов, для их благородной матери, для супруги Драупади, для сыновей Друпады.

После этой церемонии, которой, казалось, не будет конца, ибо многочисленны были дары, посол обратился к Друпаде:

— Слушай, о царь, мою речь. Владыка Хастинапуры вместе со своими сыновьями, советниками и друзьями многократно интересовался твоим здоровьем. И он весьма доволен родством с тобою, о владыка людей. О твоём здоровье спрашивал также мудрый Бхишма вместе со всеми Кауравами. Также и Дрона, могучий стрелок из лука, передал, что он обнимает тебя и желает здоровья. Кауравы жаждут увидеть сыновей Панду и прекрасную Драупади. Быть может, и Пандавы будут рады увидеть со временем свой город, где провели детство и юность, и показать его Драупади? Поэтому разреши Дурьйодхане и его братьям посетить своих братьев в Индрапрастхе первыми. В этом цель моего посольства, о царь. Если ты согласишься, я отправлю в Хастинапуру скороходов.

— Я разрешаю, — сказал Друпада.

Индрапрастха

Вновь построенный в восточных владениях Друпиды на священном и благоприятном месте город Индрапрастха был во всем подобен городам богов на небесах. Защищенный разнообразными и крепкими воротами, он распространял блеск на весь мир. И как громадное скопление облаков, пронизанное молниями, сверкал там на прекрасном и благоприятном месте дворец, подобный жилищу владыки сокровищ Куберы. И жили в нем пятеро Пандавов, мощных стрелков из лука, со своей супругой Драупидой в великом счастье.

И не было им одиноко. К дворцу, прочно стоящему на семи опорах, стремился весь мир. Туда стекались лучшие из знающих веды и знатоки всех языков, купцы с товарами надеялись найти покупателя, цари с дарами шли в надежде заключить союз, юноши направлялись за мудростью, нищие за подаванием, а кто приходил и просто полюбоваться на небесную красоту.

Никому не было отказа. Ибо старший из Пандавов мог насытить десять тысяч брахманов рисом, сваренным на молоке и сдобренным топленным маслом, одарить неносенными одеждами, дать каждому по тысяче коров. Не поэтому ли, входя во дворец, брахманы восклицали: «Счастлив этот день!»

Царя, царственных гостей, бесчисленных мудрецов, восседающих вместе с Пандавами, увеселяли силачи, плясуны, сказители и певцы, девы, искусные в плясках и музыке. Все они распевали дивными голосами, услаждая слух Пандавов и их гостей. Мужички, строгие в обете и вере, прислуживали Юдхистхире, подобно тому как на небе боги прислуживают Брахме.

Вызов

Однажды дворец посетил Дурьйодхана вместе со своим дядей Шакуни. Подойдя к хрустальному кругу в центре дворца, Дурьйодхана принял его за пруд и стал раздеваться для омовения. Слуги ему указали на ошибку. В другом месте дворца он набрел на пруд с кристально чистой водой. Приняв его за хрусталь, он сделал шаг и провалился по горло в воду. Юдхиштхира приказал дать ему новую одежду. Но слуги не могли удержаться от смеха. Этого злопамятный Дурьйодхана не мог простить Пандавам, решив, что над ним издевались.

Возвращаясь домой, он все время тяжело вздыхал.

— Чем ты взволнован, царь? — спросил Шакуни.

— Ты еще спрашиваешь! — воскликнул Дурьйодхана. — Есть ли в трех мирах бессмертный или смертный, чье сердце не содрогнется при зрелище преуспевания недруга? Пандавы владеют всей землей. Они процветают, как лотосы в воде!

— Не огорчайся, царь, — сказал Шакуни. — Ведь твои братья — могучие воины. Нет равных им в битве на колесницах. На твоей стороне Дрона, меткий стрелок из лука Карна, да и я вместе с моими братьями. Объединившись с такими союзниками, ты покоришь весь мир.

— Да, это так, — согласился Дурьйодхана. — Но если бы можно было сделать, чтобы я и те, кто со мной, ничем не рисковали...

— У меня есть план... — отозвался хитрец. — Старший сын Кунти — большой охотник до игры в кости, но секретами ее не владеет. Мне же нет равного в этой игре во всех трех мирах. Поэтому вызови Юдхиштхиру на игру в кости, а играть вместо тебя буду я. Тогда без всякого риска царство Пандавов и все их богатство окажется у тебя!

— Твой план превосходен! — воскликнул Дурьйодхана. — Мы отдаем наше счастье в твои руки.

О намерениях Дурьйодханы вступить в игру узнал Видура. Он обратился к Юдхиштхире со следующими словами:

— Игра в кости — корень несчастий, особенно если в ней участвуют такие люди, как Шакуни, постигший тайну игральных костей и обладающий большой ловкостью рук.

— Ты прав, — ответил Юдхиштхира. — Но ведь все находится во власти судьбы. Конечно, у меня нет охоты играть с Шакуни. Но как быть, если он бросит мне вызов? Я же не смогу отказаться, дабы не уронить своего достоинства.

Игра

Манят они, как мед пчелу. Рук не имеют, а тащат к столу. Жгут, хотя как лед холодны. Людям на горе они даны.

И вот пришло время игры. В столицу Кауравов прибыли Пандавы и были отведены в предназначенные им дома. Исполнив ежедневные обряды и умастив тела дивным сандалом, насытившись вкусной пищей, они прошли в свои пикой и под сладостные звуки женского пения погрузились в сон.

Приятно проведя ночь, они вошли в прекрасный дворец, где уже собралось много людей. По жадному блеску их глаз и трясущимся рукам было видно, что они из той человеческой породы, имя которой — игроки.

У Шакуни руки не тряслись. Твердым был и его взгляд. Обращаясь к Юдхиштхире, он сказал:

— Зал собраний полон, о царь! Эти люди ожидают мгновенья, чтобы испытать счастье. Так пусть же будут брошены кости!

— Я сам люблю эту игру, — сказал старший из Пандавов, — но игра должна быть честной.

— На это наши глаза, — ответил Шакуни, — ведь каждый может наблюдать за игрой, каждый знает ее правила. Так не бойся же, делай ставку!

— Вот моя ставка! — воскликнул Юдхиштхира. — Бесценный жемчуг, добытый тогда, когда боги взбивали Океан, чтобы получить амриту. А что ставишь ты?

— Ставить буду я! — перебил Дурьйодхана. — И у меня есть драгоценные камни. Вот моя ставка.

Тогда Шакуни, знаток игры, взял кости и бросил их.

— Выиграл, — сказал он.

— Не гордись, — сказал Юдхиштхира. — Я повышаю ставку. Сто сосудов по тысяче золотых монет, золото и серебро в слитках. Вся моя сокровищница.

По столу застучали кости.

— Я выиграл, — сказал Шакуни.

— Вот колесница, покрытая тигровой шкурой, с отличными колесами. Ее грохот напоминает раскаты грома и шум океана. Восемь запряженных в нее коней одной масти. Их копыта не касаются земли.

— Я выиграл, — сказал Шакуни.

— Вот моя ставка, — проговорил Юдхиштхира, — тысяча слонов с бивнями, подобными дышлам плута. Вместе с восемью тысячами слоновьих самок, вместе с золотыми подпругами, золотыми гирляндами.

— Я выиграл, — сказал Шакуни.

— Сто тысяч юных рабынь, искушенных в пляске и пении, с золотыми ожерельями вокруг шеи, в одеяниях, умащенных сандалом.

— Я выиграл, — сказал Шакуни.

— Остановись, царь! — вмешался в игру Видура. — Послушай, что я тебе скажу, хотя услышанное может и не пригодиться, как умирающему лекарство. Уже давно в твоём доме живет шакал, которому суждено стать причиной гибели рода Бхаратов. Это Дурьйодхана. Разве ты не видишь, что игра, которую он ведет плутовскими руками Шакуни, — обман?

— Вот твой язык и выдал тебя, Видура, — молвил Дурьйодхана. — Не вмешивайся в чужие дела.

— Есть ли у тебя, о Юдхиштхира, что-нибудь не проигранное? — спросил Шакуни.

— Да, у меня есть неисчислимое количество скота и коней, молочных коров, козлов и овец.

Вот моя ставка!

— Я выиграл, — сказал Шакуни.

Изменившись в лице, Юдхиштхира сказал:

— У меня есть город, страна и земля вместе с их достоянием, исключая то, что принадлежит брахманам, и сами люди, кроме брахманов. Вот моя ставка.

И снова застучали кости. Снова Шакуни, прибегнув к обману, возгласил:

— Я выиграл.

— У меня есть братья, я же старший из них. Победенные в игре, мы будем исполнять все, что угодно господам.

— Я выиграл, — сказал Шакуни.

Юдхиштхира сидел, потрясенный проигрышем. Шакуни же потирал руки, ловкостью которых он взял то, что Кауравам никогда бы не добыть в честном бою.

— Не горюй, о Юдхиштхира! — с притворным сочувствием проговорил Шакуни. — У тебя есть еще одна ставка, и ты можешь отыгратья. Поставь наконДраупади, царевну Панчалы.

— Да, я ставлю ее! — выкрикнул в азарте Юдхиштхира. — Не маленькую и не высокую, не слишком темную и не слишком светлую, с глазами, подобными лепесткам голубого осеннего лотоса, прекрасную, как сама Шри! Я ставлю ее на кон.

Едва были произнесены эти слова, как послышались голоса старцев: «Позор! Позор!» И собрание заволновалось. Среди царей поднялся ропот. У Бхишмы и Дроны на лбах выступил пот. Видура схватился руками за голову. Дурьйодхана, до этого сдерживавший себя, подскочил к играющим. У Карны хлынули из глаз слезы. Тогда и раздался возглас Шакуни:

— Я выиграл!

Пока Шакуни собирал и прятал кости, Дурьйодхана, издевательски улыбаясь, обратился к Видуре:

— Ступай, приведи сюда Драупади, высокочтимую супругу Пандавов. Пусть она немедленно явится с метлой и подметет пол. Пусть она займет место среди рабынь.

— Глупец! — воскликнул Видура. — Ты висишь над пропастью. Будучи мелюзгой, приводишь в ярость тигров. Драупади не может быть рабыней, ибо она была поставлена на кон после того, как Юдхиштхира уже не принадлежал сам себе. Умерь ненасытность. Знай, что даже сосуды из тыквы могут идти на дно, а камни плавать.

Пока это говорилось, Дурьйодхана подал знак своему гонцу, и тот отправился в покои супруги Пандавов. Отыскав ее, гонец сказал:

— Твой супруг проиграл тебя в кости. Теперь ты принадлежишь Дурьйодхане и должна ему прислуживать, как рабыня.

— Не лги, несчастный! — воскликнула Драупади. — Не станет царевич играть на свою супругу. Разве у него не было других ставок?

— Не было, — ответил посыльный. — Ведь он сначала проиграл все свои богатства, все свое царство, своих братьев и самого себя. Ты, о высокочтимая, была его последней ставкой.

Услышав это, Драупади бросилась бежать. Посыльный, погнавшись за ней, настиг ее и поволок за волосы в зал собраний.

Оказавшись перед мужами в зале собраний, с растрепанными волосами, в наполовину размотанном сари, Драупади произнесла слабым голосом:

— Да падет позор на всех вас! Неужто погиб нравственный закон потомков Бхараты? Вы наблюдаете беззаконие и молчите!

Мудрецы сидели, опустив головы. Видя, что и супруги Драупади молчат, посыльный вновь схватил несчастную за волосы и потащил по полу. Кауравы же кричали: «Рабыня! Рабыня!»

Напрасно Драупади с мольбой протягивала руки к своим мужьям, напрасно Бхима кричал, что Юдхиштхира не имел права играть на нее, потому что жена она не только ему, но и всем братьям.

Дурьйодхана дал знак, чтооы с его новой рабыни сорвали сари, потому что не может она носить одежду свободной женщины. И Духшасана, один из Кауравов, схватил за конец сари и потянул одежду на себя. Захохотал Дурьйодхана, радуясь унижению Пандавов. Те, кто сочувствовал Пандавам, закрыли лицо ладонями, чтобы не видеть беззакония.

И вдруг хохот оборвался. Сколько ни тянул негодяй сари, ему не было конца. Материя уже закрыла весь пол зала, уже скрыла из глаз того, кто тянул. И в это время послышался громовой голос Бхимы:

— Внемлите, кшатрии! Я даю слово, которое никогда мною не произносилось. Я разорву у этого негодяя Духшасаны грудь и напьюсь его крови.

— Отойди, Духшасана, — распорядился Дурьйодхана. — Вы, Пандавы, можете возвращаться к себе домой.

— Запомни этот день, Дурьйодхана! — продолжил Бхима. — Клянусь, что в смертельном бою я перебью тебе ноги.

Пандавы и Кунти покинули зал. Драупади последовала за ними. И никто не посмел ее остановить.

Коварство

Отпуская Пандавов с их богатствами, Дурьйодхана исходил не из страха перед угрозой Бхимасены и не из благородных побуждений, а из присущего ему коварства. Когда Пандавы удалились, он раскрыл свой план царю Джанамеджае. При разговоре присутствовали слепой царь Дхритараштра с супругой Гандхари, Дрона, Видура и многие другие.

— Оскорбленные мною Пандавы не простят нам обиды, нанесенной Драупади. Они наши враги. Врагов же надо уничтожать всеми доступными средствами, не всегда прибегая к сражению. Такова мысль мудрого Брихаспати. Пандавы уже показали свою слабость в игре. Воспользуемся ею. Призовем их снова к игорному столу и поставим на кон не сокровищницу, а удаление в изгнание на двенадцать лет, а на тринадцатый год пусть проигравшие будут жить неузнанными. Мы или они. Шакуни известны приемы игры, и он выиграет. Так мы избавимся от Пандавов и укоренимся в царстве.

— Тогда прикажи вернуть Пандавов, — сказал Дхритараштра. — Пусть они придут и сыграют.

— Не надо возобновлять игры, великий царь, — возразил мудрец Вайшампаяна.

Его поддержали Дрона, Видура и многие другие. Гандхари же сказала супругу:

— За этой игрой последует гибель всего нашего рода. Ты старый человек, а имеешь ум мальчика.

— Я не могу спорить с судьбой, — ответил слепой царь. — Судьба решит, кто победит. Пусть вернуться Пандавы.

Уход

Облачившись в антилоповы шкуры, покинули Пандавы свой город. Они, гордившиеся тем, что в мире нет им равных, стали подобны сезамовым семенам, лишенным зародышей, или бесплодным ячменным зернам.

Юдхистхира шествовал, прикрывая лицо руками. Бхима шел, сжав кулаки, показывая врагам, что не забыл о своих угрозах, Арджуна двигался, рассыпая песчинки, давая знать, что с такой же легкостью в должное время рассыплет ливень стрел. У Сахадевы было в грязи лицо, а у Накулы все тело. Драупади шла вслед за мужьями с распущенными волосами, в одном платье, смоченном кровью, в знак того, что таким же образом они вернутся в Хастинапуру, совершив возлияние душам мертвых. Шествие замыкал домашний жрец Дхаумья с травой куша в руках, распевая вызывающие трепет гимны из «Самаведы».

И когда стены Хастинапуры остались позади и показалась черная громада леса, при безоблачном небе засверкали молнии, под ногами задрожала мать Притхиви, Раху стал заглатывать солнце, а метеориты, кружась над городом слева направо, показывали, что желают благополучия тем, кто вышел на дальнюю дорогу.

Кауравы в доме собраний ликовали, гордясь легкой и неправой победой. Нарада, окруженный великими мудрецами, глядя на нечестивцев, произнес страшные слова:

— На четырнадцатый год от сего дня погибнут Кауравы по вине Дурьйодханы, и погибнет он сам от силы Бхимы и Арджуны.

Сказав это, он, одаренный великой небесной красотой, вознесся на небо.

Слепой царь сидел с опущенной головой, тяжело вздыхая. Видя это, возница Санджая спросил:

— Почему, о царь, удаляя Пандавов из царства и обретая всю землю, полную богатств, ты печалишься?

— как же мне не печалиться, когда предстоит великая вражда и гибель целого мира, — сказал Дхритараштра. — Как мне не жалеть Дурьйодхану, потерпевшего поражение?

— Поражение? — удивился возница.

— Да, — продолжал слепой царь. — У того, кому боги ниспосылают поражение, они сначала отнимают разум, и он все зрит в искаженном виде. Неверная политика видится ему верной, вредное представляется полезным, а полезное — вредным. Булава времени не крушит голову, а насылает ложную иллюзию. Кто, кроме безумца, ослепленного игральными костями, мог бы привести в собрание добродетельнейшую из женщин, одаренную красотой, величавую, знающую все законы Драупади, да еще в одном платье, испачканном кровью?! Ее страдальческим взором могла быть сожжена земля. Останется ли ныне в живых, о Санджая, хотя бы один из моих сыновей?

Оружие Шивы

Близился седьмой год пребывания Пандавов в лесах. И заметили братья, что все чаще и чаще Юдхиштхира погружается в раздумье. Однажды он поделился своими заботами:

— Вот уже шесть лет, как мы покинули дворец, и тебе, Арджуна, придется отправиться в Гималаи.

— Зачем? — удивился Арджуна. — Здесь нам хорошо. И к чему разлучаться?

— Шива, обитающий в царстве вечной зимы, должен дать нам оружие.

— А чем плохо наше? — спросил Бхима. — Да и без оружия я могу сразиться с кем угодно.

— Путь к нашему царству лежит через поле боя, — сказал Юдхиштхира.

— Лучше остаться здесь, чем рисковать жизнью, — вставила Драупади. — У Кауравов сильная и многочисленная армия. Мы же одни.

— Поэтому нам и необходимо оружие Шивы, — твердо сказал старший из Пандавов.

На следующее утро Арджуна, простившись с братьями и нежной Драупади, двинулся в путь на север. Спеша на подвиг, проник он в ужасный лес, полный диких животных. И только вошел он, как с неба раздался звук раковин и бубнов, цветы, словно ливень, посыпались на землю.

Ликуя, углубился Арджуна в чащу. Одетый в рогожу и травы, он питался палой листвой, съедая один плод за трое суток. На некоторых деревьях Арджуна заметил три глубоких отверстия, которые оставил трезубец Шивы, но самого Благого не было, и Арджуна не знал, как его найти.

Однажды послышался сильный шум. Это пробирался огромный вепрь. Готовый к прыжку, он буравил Арджуну взглядом своих крохотных, пылающих злобой глазок. И тогда поднял витязь лук свой и похожие на змей стрелы. И наложив одну из них на тетиву, сказал:

— Без помыслов злых в этот лес я явился, а ты погубить меня хочешь. Но первым тебя я в царство Ямы отправлю.

Стрела промаха не дала, и зверь, рухнув на землю, тотчас принял облик ракшаса. Подойдя ближе, Арджуна заметил в туше не одну, а две стрелы.

И тут Арджуна увидел горца рядом с женщиной в золотом одеянии. И обратился сын Кунти к незнакомцу:

— Кто ты, блуждающий по лесу в обществе женщины? И зачем ты вепря сразил? Я его первый увидел. Ты нарушил закон охоты. За это, гор обитатель, я лишу тебя жизни.

— Эта земля всегда была нашей. Ты ж еще юн, а идешь ты чужому лесу кривою дорогой.

— И сам я в лесу огромном живу, — ответил Арджуна. — Это ж отродье, что приняло вепря обличье, я первым убил.

— Нет, я убил его первым, — ответил горец. — Сраженный ударом моим, он исторгнут из жизни. Ты же, гордец, не уйдешь от меня живым. Я — Кирата-охотник.

— Тогда померимся силой! — грозно произнес Арджуна. — Защищайся! Я буду сражаться с тобою и докажу, кто сильнее.

Мужчины взялись за луки. Оба были прекрасными лучниками, и ни один не смог поразить другого. Несколько раз противник Арджуны хватал стрелы ртом и, перекусывая их, выплевывал. Тогда взбешенный Арджуна отшвырнул лук и подступил к горцу с голыми руками. Но горец был сильнее. Измял он тело Арджуны и прижал к земле. И потерял сын Кунти сознание. Очнувшись, перед тем как снова броситься на противника, Арджуна на него взглянул.

— Что ты за человек, поглощающий стрелы? — спросил он.

Внезапно от переносицы горца отошел луч третьего глаза, ослепив и одновременно озарив Арджуну догадкой.

— Ты Махадева! — воскликнул сын Кунти и опустился на колени, чтобы припасть к ногам недавнего противника.

— Да, я Шива! — признался великий бог. — Как ты не понял этого сразу?! Кто бы другой, кроме меня, мог соперничать с тобой в искусстве стрельбы?

Шива протянул Арджуне свой лук и сказал:

— Прими, долгорукий, это оружие в дар от меня и облегчи с его помощью землю. Называй его Аджагава, и он будет послушен тебе. С ним ты всех врагов одолеешь в сражении.

Смутившись, Арджуна ответил:

— О Махадева, трехкий владыка богов, победитель во всех трех мирах. Стрелец! Копьеносец! Причина причин! Лучшим даром твоим станет прощенье, если же я его недостоин, пусть наказание твое не будет чрезмерным.

Простирая светозарную длань, Шива ответил: «Прощаю!» — и обнял Арджуну, после чего стал растворяться в воздухе. И вот уже невидим владыка Великого лука, несущий на стяге изображение быка, как невидимым становится солнце, дойдя до заката. Ушел он вместе с Умой в пространство, какое доступно только богам, риши и птицам.

И возвысил свой голос Арджуна, погубитель врагов, в безграничном восторге:

— Я Махадеву вечно видел, обладателя Великого лука, рукою своею его коснулся. Я цели достиг и теперь всех врагов одолею!

И словно бы от этого крика окрасились все стороны неба. С вершин разноцветных великой горы спустились разбуженные боги, чтобы взор свой насытить тем, кто Шивой благословлен.

Испытание

Братья, Драупади и Кунти уже не чаяли увидеть Арджуну, считая его погибшим, когда он в диадеме, сверкающей драгоценными камнями, опустился прямо с неба на колеснице в их объятья. И не было им конца. После того как все насытились радостью встречи, первым обрел дар речи Юдхиштхира:

— Долгохонько же ты, брат, находился у Шивы в гостях!

— С Шивой я был менее дня, — отозвался Арджуна. — Пять лет я находился на небесах по приглашению Индры. Пользуясь его благоволением, я не только изучал оружие, какое когда-либо было создано, но и проверял его на племенах, что враждебны бессмертным.

Остаток дня и всю ночь продолжался рассказ Арджуны об удивительных его приключениях и победах. Узнали слушатели о дивном городе Индры, плывущем в пространстве по воле охранителя мира, о встречах с гандхарвами и апсарами, о схватке на морском дне с демонами-кавагами, недругами Индры, о колеснице воздушной и колесничем Матали, с которым Арджуна объехал два мира, узнав их устройство, сражаясь с врагами и разрушая их города.

Лишь на заре занял Арджуна свое травяное ложе, пустовавшее пять лет, и рядом с ним легла истосковавшаяся по нему Драупади. Проснулись все после полудня и вышли наружу, чтобы полюбоваться колесницей Индры, полученной от него в дар вместе с одеяниями и оружием. И вынимал Арджуна каждую вещь со дна колесницы, объясняя ее назначение.

— Вот это Девадатти громкоревущая, — проговорил Арджуна, доставая огромную раковину, порозовевшую под взглядом богини зари Ушасы. — Стоит в нее подуть, и пробудятся все три мира. А это Гандива, лук бесподобный...

— А нельзя ли взглянуть, на что он способен? — спросил Юдхиштхира.

— Можно, — ответил Арджуна.

Из колчана достал он стрелу и наложил ее на тетиву. И сорвалась она, как молния из тучи. И затряслась земля под ногами вместе со всем, что на ней находилось. Вздрыбились реки, словно кони, когда натянуты вожжи. Вволновались моря. Растрескались горы, и скалы с вершин покатались в низины. С грохотом в небе ветры столкнулись. Вскинулся к небу земляной столб. Жители недр, какие открылись от взрыва, вышли наружу, оглушенные, опаленные, полуживые. Открылись глубины третьего мира.

Появился божественный риши Нарада. Лицо его было суровым. Гневом сверкали глаза.

— Арджуна! Арджуна! — произнес он, качая седой головой. — Нельзя испытывать оружие, какое хранит тайны верхнего мира. Ибо бед от этого не оберешься. Да и по делу его применять лишь в самой крайности следует, согласно Закону, с соизволения всевышних, ибо оно может разрушить сразу все три мира.

Озеро смерти

И продолжали жить братья в лесу без особых приключений. Но однажды к ним примчался с криком отшельник-сосед и рассказал о странном происшествии. Он готовился совершить жертвоприношение, как внезапно прибежал олень, как будто для того, чтобы почесаться о дерево, и вдруг унесся, подхватив рогами все, что было приготовлено для совершения ритуала, — скалку и палочки для зажигания.

Огорчился Юдхиштхира, выслушав сбивчивый рассказ отшельника, ибо срыв жертвенного обряда грозит бедой всем обитателям леса. Перепоясавшись, братья бросились в погоню за оленем и почти его догнали, но поразить стрелами не смогли, так как олень вдруг стал невидимым.

Придя в тень баньяна в глубине леса, они сидели, мучимые голодом и жаждой. И тогда Накула сказал старшему брату:

— В нашем роду никто не нарушал дхарму по нерадивости, почему же мы должны терпеть неудачу?

— Бедам нет предела и причины их неясны, — отвечал Юдхиштхира. — Но дхарма сама по себе высшая цель, независимо от удачи. Ты бы забрался на дерево и взглянул, нет ли где поблизости воды?

— Я вижу озеро! — — слышалось с верхушки дерева. — Разреши, брат, я разведу к нему путь.

— Спускайся и иди! — согласился старший из Пандавов.

Юность быстра на подъем, на спуск, на движение. Зная направление, юноша вскоре отыскал озеро и тщательно осмотрел берега. Не заметив не только людей, но даже животных на водопое, Накула окунулся в воду. Сверху она казалась голубой, а вблизи отливала чернотой.

И в это время он услышал человеческий голос с хрипотцой, как у простуженного:

— Не пей, пока не ответишь на мои вопросы.

Голос исходил из пустоты. Оглянувшись, юноша увидел цаплю, стоявшую у берега на одной ноге в позе праведника. Но не может же цапля разговаривать! Решив, что это ему померещилось, юноша зачерпнул глиняной кружкой воды и, выйдя на сушу, с наслаждением начал пить, но в то же мгновение упал бездыханным.

Долгое отсутствие младшего брата беспокоило остальных, и они решили отправиться на розыски, оставив Юдхиштхиру одного. Не дождавшись их возвращения, он последовал за ними, нашел озеро и, увидев на берегу бездыханные тела братьев, предался горю.

Прошло немало времени, пока он заметил валявшуюся у воды глиняную кружку и поднял ее, чтобы напиться. И тут он услышал:

— Ты не должен пить, пока не ответишь на мои вопросы.

Юдхиштхире стало ясно, что голос исходит от цапли. При других обстоятельствах говорящая птица повергла бы его в изумление и он сам бы утратил дар речи. Но неожиданная смерть братьев настолько его потрясла, что он как ни в чем не бывало пошел навстречу цапле и вступил с нею в беседу.

— Кто ты, скажи мне. Известно ли тебе, кто погубил моих братьев?

— Я, — призналась птица.

— Птицы ведь говорить не умеют, — продолжал Юдхиштхира. — Ты, наверное, из рудров или марутов, принявший облик цапли.

— Я — якша, — ответила цапля, превращаясь в огромного косоглазого великана ростом с пальму. — Это я убил твоих могучих братьев. Они захотели напиться, а я их предупредил, что ни одному существу здесь пить не разрешаю. Это относится и к тебе. Ответь на мои вопросы, и тогда пей сколько угодно!

— Я на твои владения не зарюсь и не одобряю тех, кто слишком похвально своим знанием.

Но если твои вопросы уразумею, попытаюсь ответить. Спрашивай, владыка!

— В чем божественность кшатриев? Как ты ее понимаешь? В чем их долг и благочестие? В чем их недостаток и неблагочестие?

— Оружие их божество. Дхарма их благочестие. Их недостаток — трусость, неблагочестие — отказ в покровительстве, — ответил Юдхиштира.

— Кто почтенней земли? Кто поднебесья превыше? Чего больше, чем травы? Кто быстрее ветра? — спросил якша.

— Мать почтенней земли. Отец поднебесья превыше. Мыслей больше, чем травы. Ум быстрее ветра, — ответил Юдхиштира.

— Кто спит, не закрывая глаз? Кто, родясь, не копошится? У кого нет сердца? — спросил якша.

— Рыба спит с открытыми глазами. Яйцо, родясь, не копошится. У камня нет сердца.

— Кто странствует в одиночестве? Кто, родясь, рождается снова? От стужи какое лекарство?

— В одиночестве странствует Сурья. Снова и снова рождается месяц. От стужи — огонь лекарства.

— Чем окутан мир? Что препятствует озарению? Из-за чего покидают друзей?

— Мир окутан неведением. Мрак препятствует озарению. Друзей покидают из-за скупости.

— Кто враг мужей трудноодолимый? Какая болезнь неизлечима? Кто праведник?

— Враг мужей — гнев. Неизлечима жадность. Праведник тот, кто желает добра всему живущему.

— Ты ответил на все мои вопросы, — промолвил якша, — поэтому оживет один из братьев. Назови его имя.

— О якша, пусть оживет Накула, широкогрудый, долгорукий.

— Но почему ты не назвал Бхиму, чья сила в сражение не уступает ста слонам? Ведь говорят, что он твой любимец. Почему ты отстранил Арджуну, высшую вашу надежду?

— Равны для меня и Кунти, мать моя, и Бхима, и Арджуна, и Мадри, мать близнецов. Но будет справедливым, если у каждой из них останутся сыновья.

— Так как ты доказал, что для тебя выше всего справедливость, — произнес якша, — пусть оживут все.

И поднялись братья одновременно, друг на друга и на Юдхиштиру взглянули, но к воде не поспешили. Исчезла их жажда.

— Нет, ты не якша, — сказал старший из Пандавов. — Ты один из вседержителей мира. На берегу я следов сраженья не вижу. Братья же мои по силе равны огромному войску. Якше с ними не справиться вовеки!

— Я — Яма, твой прародитель, — ответил якша, принимая облик бога. — Я Дхарма и прибыл, чтобы тебя испытать. Избери любой дар, достойный твоего благочестия, и ты его обретешь.

— Верни нам то, что похитил олень. Вот мой выбор.

— Я был тем оленем, — сказал Яма. — Вот тебе то, что ты просишь. Возврати это отшельнику. И вот вам мой дар. Отныне вы можете, подобно мне, принимать любой облик.

Выбор

Не отрывая взгляда, словно ожидая нового чуда, молча смотрели Пандавы туда, где только что стоял великий бог. Первым заговорил Юдхиштира:

— Теперь мы можем по желанию менять свою внешность. Но какой нам избрать путь? Какую из семи щедрых и богатых стран выберем?

— Конечно же, Матсю, — отозвался Арджуна. — Ею владеет Вирата, благочестивый, богатый и к нам благосклонный.

— Матсю! Матсю! — воскликнули другие братья в один голос.

— Я с вами согласен, — молвил старший из братьев. — Но не будем забывать, что нам не придется прибегать к благосклонности Вираты. Главное — не обнаружить себя, прожить год под чужим обликом и именами. Перед нами непростой выбор. Придется находиться в услужении у чужих людей. Какое избрать занятие, чтобы оно стало лучшим прикрытием? За кого нам себя выдать?

Братья молчали.

— Я сам, — продолжал Юдхиштира, — пожалуй, выдам себя за брахмана и предложу владыке Матсю коротать ночи за костями. Скажу я ему, что в те годы, когда Пандавы не были в ссылке, я не раз составлял компанию самому Юдхиштире и пользовался его расположением. Если Вирата захочет узнать что-нибудь о нашем дворце или о моих привычках, он не собьет меня с толку.

— Тогда я назову себя поваром, — проговорил Бхима, поглаживая себя по животу. — Кухня мне ближе всего, да и в поварском искусстве я не последний. Такие приготовлю приправы, что у всех во дворце слюнки потекут. Когда же меня спросят, кому я раньше служил, скажу — самому Юдхиштире, который ценил меня также за силу. Если же будет устроено состязание борцов, я возьму верх над любым царским любимцем, но не оторву у него головы, чтобы не вызвать царского гнева.

Раздался дружный смех.

— А каково твое решение, Арджуна? — спросил Юдхиштира. — Тебе, прожившему пять весен среди богов, нелегко быть таким, как все!

— Я им и не буду, — отозвался Арджуна. — Наряжусь в женское одеяние и объявлю себя евнухом.

— Евнухом? — протянул Юдхиштира.

— Не удивляйся. Пять весен на небесах не избегал я апсар и проник в женскую душу. Я буду рассказывать царским дочерям старинные сказки, учить их пляске и пению, если же меня спросят о моем прошлом, скажу, что прислуживал госпоже Драупади.

Накула не спускал с брата восхищенного взгляда.

— Я удивляюсь тебе, Арджуна, — сказал он. — Такое занятие было бы мне не под силу. Объявлю-ка я себя конюхом. С конями я легче найду общий язык, чем с людьми. Буду их лечить и сторожить. Кони меня не спросят, откуда я родом, если же спросят люди, отвечу: служил на конюшне у Юдхиштиры.

— А ты, Сахадева? — спросил Юдхиштира. — Какое себе облюбовал ты занятие?

— Я буду коровьим пастухом и доильцем, — ответил юноша. — Мне любы коровы. Помнишь, ты не раз поручал мне заботу них? О повадках их знаю я не понаслышке. И быка я к ним приведу, чтобы красавицы не остались бесплодными, и телят выхожу. Владыка Матсю будет мною доволен.

— Что ж, братья, — сказал Юдхиштира. — Я выбор ваш одобряю. Но вот незадача. У женщин, как вам известно, немного достойных занятий. Какое из них выбрать нашей супруге? Рукам ее белым тяжелый труд непривычен, а красота ее станет приманкой для негодяев, и мы им дать отпора не сможем из опасения себя выдать.

— Я буду у царицы служанкой, — Драупади сказала. — Иной себе доли не вижу. Объясню, что

служила я Драупади, ее наряжала в девичьи годы, следила за ее волосами и по такой работе тоскую.

— Мы сделали выбор, — заключил Юдхиштхира. — Теперь отпустим слуг. Пусть они достигнут столицы и скажут, что мы исчезли.

Наставления Дхаумья

— Послушаем, что нам скажет на прощанье наш мудрый Дхаумья, какими наставлениями нас проводит в нелегкий путь, — проговорил Юдхиштхира, когда последние приготовления были окончены.

Дхаумья, грустно улыбнувшись, начал нараспев:

Порою мои наставления скучныИ, словно осенние мухи, докучны,Но это советы старинного другаДля тех, кто уходит к владыке в услугу,Кому, о почете забыв господина,Придется чужую напялить личину.Для вас, что так знатны и так знамени ты,Ворота не все теперь будут открыты.По собственной воле в повозке, на ложеНикто занять места отныне не сможет.Глядели всегда все властители косоНа тех, кто давал им советы без спроса.На тех, что стояли в молчании рядомИ не ловили господского взгляда,На тех, кто в своей уверившись силе,С их женами шашни порой заводили.И чтоб не попасться в смертельные сети,В служенье царю не жалейте усердия.Наградю царскою будет отмеченЛишь тот, кто внимает царю, не переча,И кто отличиться сумеет советомПолезным царю и приятным при этом.Внимания царского может добитьсяЛишь тот, кто врагов царя сторонится,И тот, кто язык свой не распускает.Не мною открыта премудрость такая.И место занять постарайтесь такое,Чтобы быть каждый раз у царя под рукою,Но чтоб не маячить перед глазами,И также не сзади, где стража с мечами.Забудьте про все, чем гордились вы прежде,И взглядом покорным властителя ешьте.Покорность слуги — это мед для владыки.Ему ненавистен равновеликий.Дурного ему и во сне не желайте.Не плюйте при нем и не чихайте.Расскажут смешное — не хохочите:Несдержанных слуг не выносит властитель.Пусть в радости скромною будет улыбка.Любого слуги положение зыбко.Мудрец, пожелавший быть царским придворным,Пусть будет услужливым, будет проворным.Царя ублажая, царицу иль принца,Пускай он, однако, не суетится,И будет всегда он в почете и холе,Пока подчиняется царственной воле.Похвалит владыку в глаза и заглазно,И служба станет его безопасной.От кары удастся уйти неотвратной,Когда умолчит он о подвигах ратных,А будет силен он, и храбр, и любезен,И в деле любом для владыки полезен.В величье своем он останется скромным,О близких своих он царю не напомнит.А коль надары или взятки прельстится,То с жизнью своею он может проститься.Запомните эти советы благиеИ будете живы, мои дорогие.

В страну Вираты

И двинулись Пандавы лесными тропами к избранной цели. Бхимасена полпути нес на руках Драупади, остальные несли оружие. Достигнув могучей Джамны, они по ее берегу в горы поднялись, оставив слева державу панчалов, а справа — державу дашарвов. Вдали заблестели кровли столицы державы Вираты, и Юдхистхира дал знак остановиться.

— Надо об оружии подумать, — сказал он. — Какой бы мы ни приняли облик, оно нас выдаст.

— Взгляните! — воскликнул Арджуна. — Я вижу место успокоения умерших. С ним рядом поляна, судя по голой черной земле, там предают тела на сожжение Агни. Кругом только дикие звери и змеи. Сюда не приходят ради забавы, и посредине этой долины смерти блистает нарядом огромное дерево. Среди листьев его мы и похороним наше оружие, нашу надежду, до часа освобождения от зарока. Не так ли?

Проговорив это, Арджуна спустил тетиву у могучей Гандивы. Пример с него взяли другие братья. Накула, ловкий, как обезьяна, за нижний сук ухватился и, подтянув свое гибкое тело, скрылся от взглядов в ветвях. Отыскав подходящее место, он за оружием вернулся и привязал его так, чтобы от ветра оно не свалилось.

И вот уже, придав лицам притворное выражение скорби, шагают они по дороге, словно бы после совершения обряда. Когда достигли городских ворот, простились, назначив место для встречи, и разошлись.

Кичака

Прибыв в столицу Вираты, Пандавы по одному отправляются в его дворец. Внешность Юдхиштхиры, выдававшего себя за брахмана, искусного в игре в кости, произвела впечатление на царя, и он был назначен придворным. Были взяты в услужение и все его братья, выдававшие себя за повара, смотрителя коней, пастуха и евнуха. Царица Судешну не усомнилась в том, что Драупади странствующая прислужница, опытная в уходе за волосами, и устроила ее у себя в женских покоях дворца. Под чужими именами каждый занимался своим делом и пользовался уважением тех, кому они служили. Выигрывая у царя большие богатства, Юдхиштхира делился своими доходами с братьями. И все они имели возможность тайно общаться с Драупади, пользовавшейся симпатией царицы.

Равномерное течение жизни Пандавов нарушил брат Судешны, военачальник царя, Кичака, обративший внимание на красоту мнимой служанки. Предложение переехать в его дворец, полный богатств, и занять там место любовницы и домоправительницы, встретило отповедь Драупади. Ей пришлось выдать себя за супругу пяти гандхарвов, способных ее защитить и расправиться с обидчиком, кем бы он ни был и где бы ни находился. Но обуреваемый нечистой страстью Кичака решил прибегнуть к помощи своей сестры-царицы, которая не раздумывая встала на его сторону. Было решено, что Кичака подготовит у себя дома угощение по случаю какого-либо праздника, выберет вино, за которым она пришлет служанку, и тогда он ее склонит к измене словами или насладится ею силой.

С трепетом отправилась Драупади во дворец Кичаки, и когда он делает попытку ею овладеть, она его отталкивает и врывается в зал собраний, чтобы прибегнуть к помощи царя. На его глазах насильник ударяет Драупади ногой. После этого она дает согласие Кичаке на тайную встречу с ним в танце-вальным воле, явившись из мести свидании, насильник находит вместо служанки Бхиму, который могучими руками превращает Кичаку в кусок мяса.

Драупади прибегает с криками и показывает всем на тело брата царицы, будто бы наказанного смертью за посягательство на ее честь мужьями-гандхарвами. Родственники военачальника принимают решение сжечь Драупади на погребальном костре Кичаки, чтобы она служила ему в другой жизни. Но могучий Бхима, услышав крики Драупади, вытащив из крепостного вала огромное дерево, сокрушает участников погребальной процессии и освобождает перепуганную супругу.

После этого случая, потрясшего все царство, Вирата предлагает служанке покинуть дворец, но она уговаривает его оставить ее в покоях царицы еще на месяц. Перепуганный ее рассказом о гандхарвах, Вирата дает на это согласие.

Похищение скота

Убийство Кичаки вызвало переполох не только в царстве Вираты. Слух о пяти гандхарвах, расправившихся с братом царицы, достигает Хастинапуры. У кого-то возникает подозрение, что за ними скрываются Пандавы. Зная о приближении конца их изгнания, Карна предлагает послать в царство Вираты разведчиков, чтобы узнать, нет ли там беглецов, и заодно прощупать силы Вираты. Напротив, военачальник Дрона советует дождаться окончания месяца, когда станет ясно, живы ли Пандавы, и затем передать им обещанную половину царства. Однако побеждает мнение тех, кто считает, что следует воспользоваться убийством Кичаки и напасть на царство Вираты небольшими силами, чтобы похитить там неисчислимые стада скота.

Поначалу вторгшиеся имеют успех. Пастухи не могут оказать им сопротивления и берутся в плен. Но там оказывается Бхима. В обычной своей манере он сокрушает врагов царя и берет в плен предводителя вражеского отряда.

На помощь похитителям приходит главное войско Кауравов, для отражения которого не было сил. Вирата с войском находится на другой границе, которую перешли племена, Дружественные Дурьйодхане.

И тогда сын Вираты, царевич Уттара, твердо владеющий луком, говорит: «Я бы сегодня отправился по следам похищенного скота, если бы кто-нибудь стал моим возницей». И тогда Драупади, находившаяся среди женщин, подходит к Уттаре и говорит ему:

— Юноша, который учит танцам, был прежде возницей самого Арджуны и учеником воина, непревзойденного в искусстве владения луком. Если он будет твоим возницей, ты победишь Кауравов и возвратишь похищенный скот.

Услышав это, Уттара обратился к своей сестре Уттанке, обучавшейся танцам, со словами: «Приведи своего учителя».

Арджуна, казалось, был немало удивлен, когда, явившись к царевичу, выслушал его предложение стать возницей.

— Разве я способен водить колесницу! — ответил он царевичу. — Давай-ка лучше я спою и спляшу, чтобы тебя развлечь.

Однако царевич понял, что служанка царевны не могла его обмануть и так пошутить над ним.

— Кем бы ты ни был, певцом или танцором, но только быстро поднимайся на мою колесницу и правь наилучшими из моих коней!

И тут же Уттара облачил мнимого учителя танцев в драгоценный панцирь, а сам облачился в свой, сверкающий, как солнце. Когда они взошли на колесницу, к ней подбежали Уттанка и девушки, ее подруги. Обращаясь к своему учителю, они сказали:

— Если ты победишь Кауравов, привези для наших кукол тонкие и пестрые платья.

— Обещаю привезти, если Уттара одолеет могучих воинов на колесницах, — ответил учитель танцев.

Подвиг Арджуны

Вскоре колесница, покинувшая город, достигла места захоронения, где высилось огромное дерево. Отсюда царевич увидел множество слонов и колесниц, приведенных Кауравами. Оцепенев от ужаса, он сказал вознице:

— Я не смею биться с Кауравами. Волоски на моем теле выпрямились от волнения. Как я один буду сражаться против такого войска, с такими героями? Ведь я вижу Дрону и Бхишму, Крипу, блистательных лучников.

— Не бойся! — сказал Арджуна. — Ты приказал: «Вези меня к Кауравам», — и я тебя привез. И теперь я не могу отступить. Я должен сражаться.

— Пусть Кауравы заберут у меня все, пусть надо мною будут смеяться женщины, сражаться я не могу.

С этими словами царевич кинул лук и колчан со стрелами и панцирь, соскочил с колесницы и бросился бежать. По воздуху, колеблемые ветром, развевались его коса и длинное красное одеяние. Догнав Уттару, Арджуна вернул его к колеснице. Смеясь, он сказал ему: «Если ты не можешь сражаться, управляй конями, пока буду сражаться я. Но мне понадобится оружие Пандавов».

Затем Арджуна подвел царевича к дереву и попросил его залезть, уверяя, что за висящим трупом находятся луки сыновей Панду, а также знамена, стрелы великих героев. Царевич достал все это завернутое и, развернув, увидел лук Гандиву, известный в трех мирах. При одном виде его сердце Утгары освободилось от страха. Водрузив на колеснице знамя с изображением обезьяны с львиным хвостом, Арджуна трубит в большую раковину, и колесница летит в бой.

По этому звуку и по дрожи земли под колесами Дрона узнает, кто приближается к войску. Советник слепого царя Бхишма, старший по возрасту в войске, разбивает его на четыре части, передавая командование Дроне, его могучему сыну Ашваттхаману, Дурьйодхане и опытному военачальнику Крипе. Так легче будет сражаться и гнать захваченный скот к Хастинапуре. Во время этих забот Бхишма вспоминает, что кончился тринадцатый год изгнания Пандавов.

Гром, поднятый боевой колесницей, нарастает, и Арджуна уже различает лица вражеских военачальников и издали приветствует своего учителя Дрону. Но где же непримиримый враг и брат Дурьйодхана? Арджуна догадывается, что имеет дело с частью войска, и велит Утгаре вести колесницу по другой дороге, оставив часть войска Вираты сдерживать силы тех, кого возглавили Дрона и его сын Ашваттхаман.

И вот Дурьйодхана и все, кто с ним, уже видят верхушку знамени с летящей обезьяной, и им кажется, что она ревет. Они видят Арджуну, натягивающего Гандиву, превосходнейший из луков, и слышат шум отпускаемой тетивы.

И тут стада скота, перепуганные звоном лука и ревом раковины, задрав хвосты и оглашая воздух мычанием, поворачивают и устремляются в сторону столицы Вираты. Но цель Арджуны еще не достигнута. Колесница несется навстречу войску Кауравов. Особые, начиненные огнем стрелы поджигают ряды вражеских колесниц. Пламенем охватывается и лес, отрезая противнику путь к отступлению. Колесница Арджуны несется по полю боя, рассеивая врагов, подобно ветру, разбрасывающему опавшие листья и развевающему их по воздуху.

Арджуне бросается в глаза знамя с изображением подпруги слона. Он знает, что это знак Карны, внебрачного сына его матери Кунти, приближенного Дурьйодханой, и вспоминает свою первую встречу с ним. С той поры у Дурьйодханы нет более сильного и решительного союзника, чем он, наделенный им царским величием.

Решив, что с Карной надо столкнуться последним, он просит направить коней к другой части поля к Крипу, наставнику Кауравов в военном деле. И этот герой, лучший из воинов, направляет свою колесницу к нему. Он готов сразиться. И вот оба могучих ратника стоят друг против друга, как два осенних облака, и мечут друг против друга стрелы. Стрелы из лука Гандивы, прославленного во всем мире, сталкиваются с отточенными подобными огненным языкам стрелами Крипы и раскалываются на сотни и тысячи частей, застилая небо сплошной тенью. И тогда Арджуна, издав боевой клич, направляет свои стрелы против четырех коней Крипы. Пронзенные ими, как сверкающими змеями, кони встают на дыбы, и Крипа валится с колесницы. Но Арджуна оставляет ему жизнь.

И вот Арджуна замечает, что к нему приближается колесница Дроны, его наставника, а ныне врага, служащего Дурьйодхане. И он тоже побеждает его, оставляя его поверженным, но живым. Побеждены также Карна, Ашваттхаман и Дурьйодхана. Они лежат на поле недвижими. Вспоминая просьбу Уттанки и ее подруг, Арджуна снимает со своих противников их красивые одеяния, чтобы подарить их и заодно оставить память о своей победе.

В царском дворце

Вернувшись во дворец после похода на земли племен, опустошавших пределы его царства, Вирата сразу вызвал Уттара. Но вместо него пришли придворные, и от них он узнал о том, что Уттара покинул город на колеснице, которую вел возничий. В нем узнали служившего царю евнуха. Ему рассказали о похищении скота и о его возвращении в загоны без пастухов, и о битве, в которой будто бы Уттара разбил войско Кауравов.

Голова Вираты пошла крутом. Евнух на колеснице? Где это видано?! И что могло заставить скот вернуться в загоны, а не разбрестись по полям? И как его сыну, никогда еще не испробовавшему свои силы в бою, удалось разгромить неодолимых Кауравов?

И послал Вирата ради спасения наследника свою конницу с повелением: «Быстро узнайте, где царевич, — жив он или нет». И вскоре царские вестники, вернувшиеся в столицу, сообщили, что Уттара жив и вскоре прибудет. И повелел царь подготовить победителям торжественную встречу.

И горожане вышли на улицы с цимбалами, рожками и раковинами, женщины в пышных одеяниях, сказители и музыканты с барабанами, трубами и горнами, чтобы встретить победителя Уттара.

И вот Уттара, орошаемый тонкими благовониями, забрасываемый цветами, проезжает город и, достигнув дворца, сообщает привратнику о своем прибытии. «Пусть ко мне войдут оба, я жажду их видеть», — сказал царь. Но тут появился Юдхистхира и распорядился, чтобы Арджуна не появлялся у царя.

Уттара вошел один. После объятий и поздравлений Вирата засыпал сына вопросами: «Скажи мне, сын, как ты мог справиться с Карной, который не может промахнуться, если даже ему приходится поражать тысячу целей одновременно? Каким образом смог ты сразиться с Бхишмой, чей натиск невыносим, как огонь при гибели мира? Каким образом ты смог сразиться с Дроной, наилучшим из носящих оружие? Как ты мог сразиться с Крипой, одно имя которого вызывает ужас? Каким образом ты одолел Дурьодхану, способного пронзить своими стрелами гору?»

— Все это сделано не мной, — отвечал Уттара, — а неким сыном божества. Когда я, перепутанный, убежал, он меня остановил и сам взошел на колесницу.

— Где же этот многорукий герой, который совершил невозможное и отвоевал мой скот, мое богатство, похищенное Кауравами? Я хочу его увидеть и почтить!

— Он тотчас исчез, — солгал Уттара. — Но завтра или послезавтра, о отец, я думаю, он появится.

Собрание знати

На третий день после этой встречи отца с сыном Пандавы, совершив омовение и облачившись в белые одеяния, вошли в еще не заполненный зал собрания и уселись на царских тронах. Когда в зал вошел Вирата вместе с придворными, он прежде всего бросил взгляд на Юдхиштхиру и подошел к нему.

— А почему ты уселся здесь, игрок в кости? Трон, на котором ты сидишь, не для тебя!

На это евнух сказал:

— Мой старший брат, о царь, достоин занять место самого Индры. Он бык из рода Куру, сын Кунти Юдхиштхира. Лучи его славы не уступают лучам Солнца. Невозможно перечислить его достоинства.

— Если это Юдхиштхира, то кто тогда его братья Арджуна и Бхима могучий? Кто Накула и Сахадева и кто прославленная Драупади?

— Арджуна это я! — признался бывший евнухом.

— Так это ты один рассеял войско моих недругов и возвратил мне мое богатство?

— А я был твоим поваром, — проговорил Бхимасена.

Вирата нахмурил брови.

— Бесспорно, ты прекрасный повар. Но ты превратил моего родича Кичаку в кусок мяса.

— Он был очень силен, — сказал Бхима. — Когда мы боролись, дрожал зал для танцев. Но я придушил негодея, как Индра Вритру. Он шел, распаленный страстью к нашей Драупади. А до того он ударил ее ногой.

— Драупади! — воскликнул Вирата. — Так это она была служанкой моей супруги!

— А я был твоим конюхом, царь, — вставил Накула. — Когда я выводил коней, ты меня похвалил и сказал, что я мог бы служить у самого возницы Индры Матали.

— А я жил в твоём коровнике, — сказал Сахадева. — Я пас твоих коров и выхаживал телят.

— Благодарение судьбе! — воскликнул царь.

Он подошел к Юдхиштхире и крепко обнял его. Затем он обнял Арджуну и Бхиму, а потом близнецов, обнявав их макушки.

— Благодарение судьбе! — повторил он. — Благодаря ей вы все здоровыми вернулись из леса и целый год неузнанными жили среди нас. От своего имени и от имени всех присутствующих я отправляю посла к Дурьйодхане с сообщением, что Пандавы живы и ими выполнены все условия. Теперь его черед выполнить свое обещание и вернуть братьям полцарства.

У Кришны

После того как Дурьйодхана отказался вернуть Пандавам их владения, война стала неизбежной. Надо было подумать о союзниках. И сказал тогда Арджуна братьям:

— Схожу я к Кришне и попрошу его нам помочь. Ведь он, узнав об оскорблении Драупади, поклялся отомстить сыновьям Дхритараштры. Если Кришна будет сражаться на нашей стороне, нам нечего бояться.

— Прекрасная мысль! — воскликнул Юдхиштхира. — Иди немедленно.

Кришна и пастушки-гопи

Быстро бежал Арджуна, и вскоре показались стены и башни Двараки, твердыни ядавов, подвластного Кришне народа, созданной им всего за одну ночь.

Дворец Кришны выделялся величиной, и Арджуна сразу направился к нему. Ворота были на запоре. Страж спросил посетителя о цели его прибытия и удалился. Вскоре он возвратился и проговорил:

— Кришна спит. Можешь войти и ожидать его пробуждения.

Слуга, сопровождавший Арджуну, ввел его в богато украшенные покои. Первым, кого увидел Арджуна, был Дурьйодхана, сидевший в головах постели, там, где находился трон, блиставший драгоценными камнями. Арджуна понял, что хорошая мысль никогда не приходит в голову одному.

Кришна раскинулся на ложе из сандалового дерева. Одеяло было из чистого золота. Арджуна и Дурьйодхана ожидали молча, не глядя друг на друга.

Наконец Кришна пошевелился и открыл глаза. Взгляд его, естественно, упал на Арджуну, сидевшего в ногах. Но услышав голос Дурьйодханы, бог обернулся.

— Я прибыл первым, — начал Дурьйодхана, — и должен пользоваться преимуществом. Я пришел просить о помощи в войне.

— Да, ты пришел первым, — согласился Кришна, — но я первым увидел Арджуну. Однако я буду справедлив к обоим. Одному из вас я могу дать свою армию, другому — служить колесничим, без оружия в руках. Ты, Дурьйодхана, пришел первым, поэтому выбор за тобой.

— Я выбираю армию! — проговорил Дурьйодхана не задумываясь.

Ведь он знал, что армия Кришны, набранная из племени ядавов, лучшая в Индии.

— Поздравляю тебя с этим выбором! — сказал Кришна, улыбаясь одними губами. Но глаза его как-то странно блеснули.

Не подумал Дурьйодхана о том, что самая сильная армия ничего не стоит, если ее кумир и предводитель на стороне противника.

После этого Кришна протянул Арджуне ладонь для рукопожатия, и тот, ощутив ее упругость и мозоли, натертые тетивой, понял, что под защитой такой руки можно считать, что победа уже одержана.

Курукшетра

Курукшетра — это поле наше, Милый брат, но мы его не вспашем, Не рассеем жизни семена — Обнесем его кровавой чашей, Смертью перекрестим, опояшем. Курукшетра... Иначе — война. Курукшетра — это наше поле. Мы его своей засеем болью, Биться будем, чтобы лечь костями. Сыновей и внуков обездолим, Чтоб из братской крови не такой ли, Как и наш, безумный вырос мир.

Необъятное поле Курукшетра, раз в месяц принимавшее богов и мудрецов для принесения жертв, было занято двумя выстроившимися друг против друга армиями — племенами и народами всей Индии, примкнувшими кто к Пандавам, а кто к Кауравам. Во главе войска Пандавов был Дрихштадьюмна, брат Драупади, орел среди людей. Над его колесницей развевалось белое знамя с изображением распростершей крылья царственной птицы. Кауравов возглавлял старец Бхишма, дед Пандавов и Кауравов.

И оба войска были уже готовы к сражению, и над Курукшетрой уже пролетали со свистом первые пробные стрелы, когда Арджуна, стоявший на колеснице со стягом, изображавшим могучую обезьяну Ханумана, обернулся к своему возничему:

— Взгляни, Кришна! Там мои братья, с которыми я вырос в играх. Им зла и смерти я не желаю. Не могу истреблять я род свой. Не хочу!

Душа Арджуны переполнилась состраданием, и из глаз его, обжигая траву, лились горячие слезы.

— Опомнись, безумец! — воскликнул Кришна. — Откуда взялась эта напасть, эта тобой овладевшая слабость, достойная шудры?! Ты кшатрий, Арджуна! Оставь малодушие слабым. К битве готовься, сокрушитель врагов!

Из груди Арджуны вырвался стон.

— Нет, не враги это, Кришна. Взгляни, среди них почтенные старцы Бхишма и Дрона. Я сидел у них на коленях. В них ты призываешь стрелы направить? Мой дух заблудился. Не знаю, где зло и где благо... Если можешь, развея сомненья мои.

— Изволь, — отозвался Кришна, улыбнувшись одними губами. — Положено быть мне возничим твоей колесницы. Готов я и твой дух повести, потерявший дорогу, заблудившийся в чаще. Сомненья твои, оправданьем которых сострадание служит, далеки от правды, рожденной природой. В общении с нею мудрец, познающий закон, жалости недоступен. И к смерти он безразличен, как к холоду или зною, к голоду или жажде. Ведь то, что успело возникнуть, не в состоянии бесследно исчезнуть. То, чего нет, не может возникнуть. Во власти майи твой взор оказался. Она рассуждения не достойна. Зренье наше должно быть к сущности обращено, а не к тому, что от нее отвращает. Для нас безразличны рождение и смерть. Бессмысленно состраданье к тому, кто создан для смерти. Возродиться дано и Бхишме и Дроне. И не все ли равно, от чьей руки им погибнуть? Оберегай свою дхарму, Арджуна! Презирай колебанья, Пандава! Если ты вопреки назначенью судьбы эту битву покинешь, ждет тебя доля, которой ты не достоин. Хула и бесславье отвратительней смерти. Поверь мне — враги, над тобою глумясь, оскорблений не пожалеют. Победив их, ты насладишься властью царя, коль убьют тебя, неба достигнешь. На деяния должен быть дух устремлен — не на созерцанье, от всего, что мешает деянию, свободный. Уравняй для себя неудачу с удачей. Йога уравнению этому имя. Обуздав беспокойную мысль свою йогой, разорвать ты сумеешь круг порочный рожденья и смерти, невозмутимости высшей достигнешь.

И много еще соображений высказал Кришна, переходя порой от обыденной речи к высокому слогу, в рассужденья входя о различии духа и тела, о долге перед семьей и богами, а также о знаниях сокрытых, о царственных тайнах. В конце же, с Арджуной встретившись взглядом, спросил:

— Отвратился ли ты от сомнений, от жалости, порожденной незнанием?

— С этим покончено, — молвил Арджуна, взгляд отводя. — Разум ко мне возвратился. Готов я данное слово сдержать и выполнить предназначенье.

Индра и Карна

Сильны были Кауравы числом и умением воинов, находившихся в их рядах. Наблюдая с неба за битвой, Индра заметил, что Юдхиштхиру терзает боязнь перед силою Карны. И явился он к нему во сне, чтобы сказать: «Не бойся! Я тебя избавлю от страха».

Мало того, Индра сам стал наблюдать за станом, враждебным Пандавам. Увидев, как Карна одаряет брахманов, не отпуская пустым никого, задумал он выманить чудесные серьги и панцирь, делающий врага Пандавов неуязвимым.

Но ничто не сокроется от всевидящего ока Сурьи. Предстал светоносный бог перед спящим сыном в облике брахмана и обратился к нему со словами:

— Выслушай меня, о золотоглазый, и поступи по моему совету. Ведомо мне, что придет к тебе Индра, покровитель Пандавов, прикинувшись брахманом, и, зная, что никогда ты ни в чем не отказывал просящему, будет выпрашивать у тебя мой дар — золотые серьги и панцирь. Предложи ему с почтением любые другие дары, но не эти. Гибель твою замыслил громовержец, знающий, что серьги и панцирь — защита твоя от вражеских стрел.

Поблагодарил Карна великого бога, но твердо ответил:

— Не отвращай меня от обета, великий. Я никогда ничего не жалел для брахманов. И не пугает меня гибель на поле брани — ведь славная смерть в неравной битве стократно достойнее бесславной жизни. Бесславье принесет победа, одержанная надо мной коварством, мне же достанется слава, и, вознеся меня в небесные выси, утвердится она в трех мирах — ведь слава подобна второму рождению, и не жаль мне за нее заплатить жизнью.

— Ты ошибаешься! — возразил сыну Сурья. — Живое живет для живого! Людям свойственно желать славы, не жертвуя жизнью. В славе, о сын мой, нуждаются только живые. Что делать со славой тому, кто стал пеплом? Поверь мне, что мертвому не услышать похвал, — живому, не мертвому на земле и во вселенной нужна слава. Возвращаясь на небо, я вновь тебя заклинаю: все соглашайся отдать, не расставайся лишь с возникшими из животворной амриты серьгами и панцирем. Лишь тогда ты повергнешь грозного Арджуну в решающей битве.

— О Жарколучистый! — ответил Карна. — Я предан тебе, как никому другому из богов. И, склонившись перед тобою, молю тебя не настаивать на своей просьбе. Не могу я отказать брахману. Не могу встретить могучего бога отказом. А Арджуну я сумею победить и отдав Индре серьги и панцирь.

Сурья на колеснице

Понял Сурья, что не смог убедить сына. И сказал:

— Но если уж ты твердо решил уступить Индре, то попроси взамен его копье, то самое чудесное копье, которое не знает промаха в своем стремительном движении и возвращается к метнувшему его, лишь уничтожив всех врагов на поле брани.

С этими словами растворился Сурья в ночном воздухе.

И вскоре произошло то, о чем предупредил Сурья Карну. Внезапно возник перед юношей почтенный брахман и к нему обратился:

— Одари меня, безупречный, золотыми серьгами, знаком своего происхождения. Срежь мне панцирь, в котором ты родился и вместе с которым рос.

— Нет! — решительно произнес Карна. — Проси у меня землю, женщин, коров и жертвенной пищи на много лет, и тебе не будет отказа. Но только не панцирь и не серьги. Да будет тебе известно, что они появились вместе с амритой и предназначены богам.

Но не согласился странный брахман на предлагаемые ему дары и снова требовал себе панцирь и серьги. По этому упорству Карна догадался, кто перед ним, и проговорил с улыбкой:

— Узнаю тебя, владыка богов! Кто другой мог бы настаивать, получая отказ? Скажи мне, зачем тебе эти вещи, дорогие мне с младенчества, если сам ты можешь одарить смертных чем угодно?

Индра молчал, но в глазах его светилась непреклонная воля.

— Хорошо, — согласился Карна. — Бери то, что тебе хочется, но взамен исполни мое желание.

— Не иначе бог солнца, твой отец, предупредил тебя, что я явлюсь, — проговорил Индра раздраженно. — Иначе ты бы мне уступил. Но я готов и на мену. Выбирай из всего моего все, что хочешь, кроме Ваджры!

— Тогда подари мне Амогху.

— Пусть будет так, — ответил Индра. — Возьми копье, которое губит врагов сотнями, а потом само возвращается. Но оно сможет поразить лишь одного из твоих недругов, самого могучего, чей грозный клич вызывает ужас.

— Мне и нужно поразить такого врага! — воскликнул Карна.

— Пусть он и будет сражен! — вставил Индра. — Но копье тогда возвратится ко мне.

— Но как я передам тебе серьги и панцирь? Как я их отделию от тела, не обезобразив его ранами?

— Не беспокойся! — сказал Индра. — Тело твое останется таким же прекрасным.

После этого Карна принял из рук Индры сверкающее копье и, отложив его, взял свой меч, просунул его в щель между панцирем и телом и сделал надрез. Все, кто за этим наблюдал, — боги, асуры и ракшасы — закричали от ужаса. Но Карна, как ему и было обещано, не ощутил боли. Лицо его по-прежнему сияло. Меч входил все глубже и глубже, пока его острие не вышло с противоположной стороны панциря. Затем Карна срезал с ушей серьги.

Индра уходил с еще влажными от крови панцирем и серьгами. Теперь он был уверен в том, что у Юдхиштхиры исчезнет страх перед Карной.

Узнав о том, что Карна обманут и ограблен Индрой, возликовали Пандавы, потомство же Дхритараштры, возлагавшее на Карну великую надежду, поникло в тоске.

Бхишма

Сильны были Кауравы. И удачно для них началось великое сражение. Бхишма, грозный, непобедимый Бхишма, который, будучи советником слепого царя, всячески пытался предотвратить войну между Пандавами и Кауравами, убеждал передать Пандавам часть царства, не дрогнул, когда дело дошло до битвы. Подобно слону, ворвавшемуся в тростниковые заросли, крушил он все на своем пути, и гибло войско Пандавов, как сухая трава, сжигаемая пламенем. В страхе бежали от непобедимого Бхишмы воины, пока мрак ночи не принес долгожданной передышки.

Пандавы знали, что сочувствие Бхишмы на их стороне, но было им известно и то, что Бхишма связал себя клятвой с несправедливым делом Дурьйодханы и от клятвы никогда не отступит. Доблесть же и мудрость Бхишмы таковы, что под его водительством армия Кауравов была непобедима.

Собрались братья Пандавы поздно ночью на совет с друзьями, но так ничего и не решили. И тогда воззвал Юдхиштхира к Кришне и, поделившись с ним своими тревогами, поведал, что обещал ему некогда Бхишма не отказать в наставлении — ведь приходится он братьям двоюродным дедом и воспитывал их, оставшихся сиротами.

— Пусть же, — воскликнул он, — даст Бхишма совет, как победить его!

Кришна одобрил решение Юдхиштхиры и согласился сопровождать Пандавов. Немедленно под покровом ночи отправились братья вместе с Кришной в стан Кауравов и, разбудив Бхишму, почтительно склонились перед ним.

С искренней радостью встретил старец внуков.

— Что я могу сделать для вашего блага, быки из рода Бхараты? — спросил он. — Моя любовь к вам неизменна, но я служу Кауравам и верен клятве.

И обратился к нему Юдхиштхира:

— Никто больше тебя не помогал нам обрести отцовское царство. Теперь мы пытаемся вернуть его силой оружия. Но возникло препятствие на пути к победе: твоя неуязвимость. Ведь не берут тебя ни стрелы, ни копья, и кажется, что нет у тебя слабого места. Но тебе самому оно должно быть известно. Помоги же нам советом, научи, как одолеть тебя, непобедимого.

— Твоя правда, — тотчас отозвался Бхишма. — Передо мною бессильны и боги во главе с Индрой. Даже им не справиться со мною, покуда в руках моих лук. Но стоит оказаться рядом женщине, молящей о поддержке, как я почему-то утрачиваю свою грозную силу. Есть в твоём войске могучий воин Шикхандин. В битве нет ему равных. Но известно мне, что родился он девочкой. Так пусть же Арджуна двинется на меня, выставив щитом Шикхандина. Хоть и сменил он свой пол, не смогу я поднять на него руку, и Арджуна изрешетит меня стрелами.

Все было так, как предрек Бхишма. Арджуна, защищаясь Шикхандином, обрушил на старца тучу стрел. Не отставали и другие Пандавы, разившие воителя дротиками, секирами, булавами. Но и ослабевший от ран, стремительно несясь он на колеснице, и, как молния, сверкали разящие стрелы, словно вихрь, крушила секира, пока не метнул в него острые стрелы Шикхандин. И потерял Бхишма лук, делавший его непобедимым. Схватил он другой лук, а затем и третий, но легко сокрушали теперь его оружие меткие стрелы Арджуны. И вот уже не осталось на Бхишме живого места, стрелы и дротики торчали из него, как иглы дикобраза.

И когда упал Бхишма, то оказался не на земле, а на ложе, сплетенном из стрел. Но дух его не отлетел, ибо боги даровали Бхишме право самому определять день своей кончины, а он решил дожидаться окончания битвы на поле Куру, чтобы преподать победителям Пандавам наставления в религии, законе и праве.

Дрона

И лежал Бхишма на ложе из стрел, напоминая гору Майнаку, сброшенную на землю, или само Солнце, упавшее с небосвода на земную твердь. Войско же, которое он вел, теснимое Пандавами, совсем впало в отчаяние. И тогда сердца всех, носящих оружие в стане Кауравов, обратились к сокрушителю врагов Карне. Оскорбленный Бхишмой, он поклялся не участвовать в боях, пока воинством будет командовать обидчик.

Карна же, узнав, что первейший из героев низвергнут с колесницы, стал тяжело вздыхать, глотая слезы. Потом, слыша, как все войско повторяет его имя, он облачился в доспехи, встал на колесницу и отправился к месту, где лежал Бхишма, наклонился над ним и сказал ему в утешение:

— Взгляни на меня открытыми глазами! Теперь, когда ты не можешь защищать Кауравов от опасности, я сам вступлю в бой.

Затем он отправился к месту сражения, чтобы воодушевить Кауравов, утративших предводителя, и они приветствовали бесподобного лучника громкими возгласами, рукоплесканиями, звоном натягиваемых луков. И тогда Дурьйодхана обратился к Карне, стоящему на колеснице:

— Войско не может оставаться без военачальника ни на мгновение, как судно на море без рулевого. Десять дней Бхишма искусно вел сражение, а ныне он готов перенестись на небо. Кто же достоин его заменить?

— Неодолимый Дрона! — ответил Карна. — Ибо нет ни одного воина, который отказался бы от сражения, если его возглавит Дрона, наилучший среди носящих оружие. И к тому же он твой учитель в военном деле.

И обратился Дурьйодхана к Дроне, находящемуся среди войска:

— О ты, подобный Агни среди восьми Васу, Кубере среди Марутов, будь нашим полководцем. Построй боевой порядок и истреби наших врагов, как Индра истребил данавов!

И выстроил Дрона войско в виде тележки, тогда как Пандавы приняли построение в виде журавля. И возобновилась битва. Страшным гулом отозвалась земля, еле сдерживаемая изнутри. Едкая, густая пыль, поднятая тысячами колес и десятками тысяч ног, заволокла Курукшетру и поднялась ветром к небу и солнцу. Привлеченные ею, слетелись стервятники, ястребы и вороны, кружась над войском и выбирая добычу. Оглушительно завывали шакалы, жаждущие мяса и крови. Падали на поле боя сверкающие метеоры, а широкий диск солнца исторгал вспышки молний и раскаты грома.

И стали поражать друг друга Пандавы и Кауравы острыми стрелами, добиваясь победы. И вскоре войско Пандавов, теснимое Дроной, было расчленено, как стая журавлей ураганом. Дрона пронесся через него, подобно огненному колесу.

Когда же опустилась ночь, стали думать Пандавы, как остановить Дрону. И тогда Кришна сказал Юдхиштхире:

— Ни один из вас не сможет одолеть Дрону в открытом бою, значит, от него надо избавиться.

— Как же это сделать?

— Есть только один путь. Мне он известен. Надо сказать Дроне, любящему отца, что погиб его единственный сын. Это сломит его дух, и тогда Дрона станет беззащитным.

— О чем ты говоришь! — возмутился старший из Пандавов. — Ведь Ашваттхаман жив.

— Это верно, — согласился Кришна. — Дрону надо обмануть.

— Ложь не по мне! — воскликнул Юдхиштхира. — Я отказываюсь участвовать в обмане даже того, кто воюет против нас.

И стали думать другие Пандавы, как обмануть Дрону, не оскорбляя обманом старшего брата. Вскоре Бхима отыскал решение. В войске Кауравов был слон, носивший то же имя, что и сын Дроны.

Утром Пандавы направили удар не против пехоты и колесничих, а против слонов. Чтобы

пробиться к слону Ашваттхаману, надо было убить их тысячи. Палица Бхимы крушила головы направо и налево. Но вот и огромная голова с огромными ушами и длинным хоботом. Удар — и слон с проломленным черепом рухнул на землю.

— Ашваттхаман мертв! Ашваттхаман! — этот вопль, вырвавшийся из глотки Волчебрюхого, огласил все поле Куру.

Услышав его, Дрона опустил свой лук и спросил колесничего:

— Верно ли, что я потерял единственного своего сына?

— Да, — подтвердил колесничий. — Именно об этом вопит Бхима.

— Но если умер мой сын, зачем мне жить?! — воскликнул Дрона. — Ведь я слишком стар, чтобы родить другого.

— Но Бхима мог и обмануть, — молвил колесничий. — Нужно спросить никогда не лгущего Юдхиштхиру.

Устремил Дрона свою колесницу к тому месту, где сражался старший из Пандавов, и крикнул ему, заглушая грохот сражения:

— Правда ли, что мертв Ашваттхаман?

И приблизился Юдхиштхира к Дроне, своему наставнику, служившему братьям-врагам, и ответил, стараясь произнести слово «слон» как можно невнятнее, чтобы оно слышалось как «сын»:

— Да, слон Ашваттхаман убит.

Это была первая сознательная ложь того, кого называли «Путем истины», и колесница Юдхиштхиры, зависшая в воздухе на расстоянии ладони от земли, коснулась ее всеми четырьмя колесами.

Сломленный вестью, сомневаться в которой он не мог, Дрона бессильно выронил свой лук и уселся на площадке колесницы, произнося молитву о сыне. Видя это, брат Драупади соскочил со своей колесницы и двинулся к Дроне. Все, кто это видел, закричали, призывая оставить Дроне жизнь, но все крики заглушил вопль Арджуны:

— Брось меч, Дхриштадьюмна! На кого ты поднимаешь руку, безумец!

Не обращая ни на кого внимания, Дхриштадьюмна вскочил на колесницу Дроны, схватил левой рукой его седые волосы, а правой отсек голову. В это мгновение засиял весь небосвод, словно бы появилось второе солнце. Это уходила в верхний мир, во владения Брахмы, погруженная в йогу душа воина, не имевшего себе равного по благородству. Но этот свет вознесения видели из находившихся поблизости только Арджуна, Кришна, Крипа и Санджая, колесничий слепого царя. Остальные же в это мгновение оставались слепы. Они видели лишь Дхриштадьюмну, залитого кровью Дроны, спрыгнувшего с колесницы с головой Дроны в руках. Они видели, как он швырнул ее на траву и как Кауравы, на мгновение оцепенев, обратились в бегство. Пандавы же, уверенные в своей полной победе, предались ликованию. Бхима и Дхриштадьюмна стали плясать среди войска, обнимая друг друга. Когда же у них иссякли силы, Бхима сказал убийце Дроны:

— Спляшем еще раз, когда будет сражен сын возничего Карна.

Нараяна

Устрашенные ликующими воплями врагов, покрытые пылью, дрожащие всем телом, Кауравы окружили Дурьйодхану. Он же, бессильный им помочь, погнал колесницу на край поля. Пустились в бегство и колесницы Шакуни, царя Гандхары. Бежал и Карна вместе со всем своим огромным войском. Крипа же брел по полю, всхлипывая и без конца повторяя: «Беда! Беда!» И только один Ашваттхаман рвался вперед, не понимая, в чем причина переполоха. Подъехав к Дурьйодхане, он спросил:

— Почему бегут Кауравы? Не употребили ли враги какое-либо новое оружие?

Не в силах сообщить ему о гибели отца, Дурьйодхана залился слезами. И тут подошел Крипа, повторяя: «Беда! Беда!» И потрясенный, погруженный в горе, поделился с ним случившимся, не думая о последствиях.

Услышав о гибели отца, Ашваттхаман был охвачен великим гневом.

— Сегодня я применю оружие отца и добуду мир! — воскликнул он.

— Где же это оружие? — спросил Дурьйодхана. — Почему твой отец не воспользовался им сам? Мы, обучавшиеся у него, никогда о таком не слышали.

— Владению этим оружием отца обучил Нараяна под условием, что он применит его в крайнем случае, а секрет его передаст лишь сыну. Это небесное оружие, спускающееся с неба подобно дождю. Оно может убить всякого. Поэтому отведи войско, а я пойду к реке один. Погружу руку в воду и произнесу заклятие, которое я держу в памяти.

Войско Кауравов отступило, и Пандавы стали ждать гонцов с мольбой о мире. Но вместо этого пронесся могучий порыв ветра, насыщенного влагой. При безоблачном небе раздались удары грома. Разбушевался Океан, и его потоки преградили выход рекам, которые потекли в обратном направлении, заливая поля и леса. Вершины гор стали раскалываться, и из них вырывались потоки пламени. Запылали леса. Пламя вступило в схватку с водами.

И впервые Арджуна решился бросить обвинение старшему брату:

— Как ты мог, Юдхиштхира, ради обретения царства совершить нечестивый поступок! Ведь Дрона, обращаясь к тебе, был уверен, что ты не обманешь. Ты же солгал нашему наставнику, произнеся неясно слово «слон». И нежно любящий своего сына отстранился от битвы и лишился жизни. А ведь Дрона был нам как отец. Сам знаешь — согласно предписаниям закона, он и был нам отцом.

На эти слова Юдхиштхира не ответил. Он стоял, низко склонив голову, пораженный стыдом и раскаянием, однако Бхима, преисполнившись гнева, молвил:

— Ты, Арджуна, возглашаешь подобно отшельнику, живущему в лесу, или брахману, суровому в обетах и чуждому закону насилия. Ты говоришь о справедливости, но где твой гнев, накопившийся за тринадцать лет нашего изгнания? Где твоя память об оскорблении нашей супруги Драупади? Оставайся же здесь вместе со своими наставлениями, я же один сокрушу своей палицей сына Дроны.

— Я не жалею, что отрезал голову Дроне, — сказал Дхриштадьюмна. — Ведь Дрона убивал моих родственников. Отказ же в убиении врагов — величайший грех.

Нараяна

Между тем тайное оружие Нараяны вступило в битву. Воздух заполнился стрелами, напоминающими змей с пылающей пастью. Показались железные шары и диски с краями, острыми, как бритвы. Всякий раз, когда Пандавы пытались отразить это оружие, действие его усиливалось. Разрезаемые на части, сжигаемые, теснимые со всех сторон, обратились в бегство Пандавы. Но от небесного оружия не убежать. От него не укрыться в пещерах или домах, если бы они и оказались неподалеку. Стрелы, шары, диски меняли направление, следуя за своими жертвами. И постигла бы все войско Пандавов гибель, если бы в его рядах не был Кришна. Он знал о дружбе Дроны и Нараяны и догадался, что оружием Дроны стала мудрость Нараяны, а мудрость эта состояла в том, что не надо отвечать на силу силой, на зло злом.

— Сойти всем с колесниц и коней! — прозвучал громовой голос Кришны. — Подальше отбросить от себя оружие. Стоять спокойно, сидеть или лежать, выбросив из головы даже мысль о сопротивлении. И оружие отступит. Оно поражает тех, кто ему противится.

Все последовали совету Кришны. Только один Бхима, закрыв голову щитом, орал во всю свою волчью глотку:

— Не слушайте его! Есть ли большой позор для кшатрия, чем бросить оружие! Смотрите на меня! Я отражу небесное оружие своими стрелами, разобью его своей палицей!

Но чем быстрее двигался Бхима, чем громче он орал и сильнее размахивал палицей, тем больше к нему летело стрел, шаров и дисков. И пришлось Арджуне, спасая неразумного брата, защитить его огненной мощью своего тайного оружия. Теперь колесница Бхимы была закрыта двумя огромными колпаками огня. Оставалось вытащить его самого наружу. И это удалось сделать, поскольку нараяна отступила перед безоружными Арджуной и Кришной. И как только последний из бойцов, уже лишенный оружия Бхима, был вытащен из беснующегося пламени, подул мягкий ветерок. Могучая сила небесного оружия была усмирена сопротивлением ему.

Дурьйодхана, видя, что вражеское войско спасено, сказал сыну Дроны:

— Теперь уничтожь их нараяной.

— Нараяна не может быть применена дважды, а у меня нет больше сил сражаться, — ответил Ашваттхаман.

Поединок

Распустился утренний туман. Далеко распространяющийся гул барабанов разбудил равнину, и она заблестела оружием, запестрела одеяниями, задвигалась колесницами. На горе Меру пробудились боги и заняли места, чтобы все видеть, ничего не пропустить. Ведь еще вчера, на пятнадцатом дне от начала битвы, было решено отдать судьбу великого сражения единоборству Карны и Арджуны, старых соперников в искусстве стрельбы из лука.

И вот они ринулись навстречу друг другу на колесницах. Сила этих колесниц была от могучего лесного дерева, быстрота — от Вайю, грохот — от Марутов. Вот сошлись соперники, как два слона, соперничающих из-за слонихи, как туча с тучей, как гора с горой, если бы такое можно было вообразить. Оба воинства отошли в сторону, чтобы наблюдать величайший из поединков, которые знала земля.

Боги кричали:

— Вперед, Арджуна! Давай! Давай!

Асуры, пуская слюни, вопили от нетерпения:

— Карна! Рази Арджуну!

Сперва Карна ранил Арджуну десятью великими стрелами. Арджуна выпустил столько же стрел и ранил Карну в бок. Оба, не чувствуя боли, продолжали сражаться, стремясь поразить друг друга в самые уязвимые места.

Видя, что брат в первые мгновения боя не добился победы, преисполнился гнева Бхима. Закусив губу, приплясывая на месте от нетерпения, крикнул он Арджуне:

— Как случилось, что Карна первым поразил тебя десятью стрелами? Или ты тотчас же предашь его смерти, или я сам убью его этой палицей!

— Немного терпения, брат, — отозвался Арджуна не оборачиваясь. — Сейчас я кликну грозное волшебное оружие. Оно даст мне победу, если, конечно, будет на то воля богов.

Гандива, откликавшаяся на свое имя, как верный пес, мгновенно явилась на клич. Но и у Карны была смертоносная, огненная, ярко полыхающая, гладко отполированная, змееголовая, полная жгучего яда стрела. Сын Солнца давно уже берег ее на случай встречи с Арджунной, лелеял ее в золоченом тростниковом футляре и сандаловом порошке, как любимое дитя, и воздавал ей почести, как божеству.

Едва Карна наложил свое детище на тетиву, как один из царей крикнул ему:

— Не коснется эта стрела шеи Арджуны. Цель в голову!

Глаза Карны покраснели от гнева, и ответил он, изготавливаясь к выстрелу:

— Знай, что Карна никогда не прицеливается дважды!

Заметив, что Карна отпускает натянутую тетиву, Кришна, стоявший на колеснице Арджуны как возникший, двумя ногами уперся в ее днище. И ушли колеса в землю. Поэтому стрела угодила не в шею Арджуны и не в его голову, а в диадему, славную во всех трех мирах. Сорванная стрелой и вспыхнув от яда, лежала она на земле, пламенея, как Сурья в час заката. Но Арджуна не медля повязал голову куском белой ткани и воссиял, словно гора Восхода. После этого он, натянув до уха тетиву, выпустил в Карну одну за другой двенадцать стрел, а потом метнул еще одну, лучшую, железную. Пробив кольчугу, напившись крови Карны, она ушла в землю по самое оперенье.

И долго они еще поражали друг друга стрелами, затмевавшими четыре стороны света. Но тут в земле увязло одно из колес, словно бы в колеснице Карны оказалась какая-то невидимая тяжесть. Влекомая конями, стала колесница мотаться из стороны в сторону. Зашаталось и знамя Карны — слоновья подпруга, — видное в любом месте поля боя.

И стал тогда Карна порицать изменившее ему счастье, вспоминая и о том, как Индра отнял у него панцирь и золотые серьги; Арджуна же, пользуясь этим, осыпал врага стрелами.

И брызнули слезы из глаз Карны. И крикнул он Арджуне:

— Стой! Потерпи немного! Видишь, что земля колесо мое пожрала. Не будь подобен трусу, стреляющему в того, у кого распустились волосы, в того, у кого иссякли стрелы, в того, кто сложил ладони в знак покорности. Ты ведь по рождению кшатрий, продолжатель великого рода. Адхарма не позволяет с колесницы убивать стоящего на земле.

Остановив колесницу, Арджуна ответил:

— Почему ты не вспомнил о дхарме, когда подлый Шакуни обыгрывал Юдхиштхиру, не сведущего в игре, когда втащили Драупади полуобнаженную в зал собрания? Ты был среди тех, кто катался от хохота. Где было тогда твое благочестие?

Между тем Карна сошел с колесницы на землю и стал возиться с колесом, выскальзывавшим из его рук. Арджуна же вынул из колчана стрелу, подобную пламени или солнечному лучу, губительную для самой смерти. Возложил он ее на лук и, оттянув тетиву воскликнул:

— Пусть моя стрела будет победной! Да пошлет она Карну в обиталище Ямы.

И пронзила стрела могучее, лишенное панциря тело Карны. Рухнул он на землю. Душа, выйдя из тела, пронзила своим сиянием небо.

И тогда Сурья, катившийся по небу колесом, увидел гибель своего сына. Склонившись, он нежно прикоснулся к нему своими лучами-руками, мгновенно наполнившимися кровью. Окрашивая ею весь небосклон, он удалился к Западному Океану, чтобы совершить там омовение.

И угас Карна, как Сурья, когда тот, клонясь к закату, с собою свет уносит. Раскололся небосвод. Обрушились с него блуждающие по небу звезды. Возопила земля, прервали свой бег реки. Повеяли свирепые ветры. Задымилась стороны света. Взволновались и заревели звери. Заколебались горы, и сонмы живых существ испытали смертную муку.

Арджуна, все существо которого было пронизано светом победы, воссиял, как Индра, одолевший Вритру. Он мчался по истерзанному колесами полю Куру на колеснице, громыхающей, как скопище туч, сверкающей, как светило высот, как горный хрусталь. И колыхалось его белое как снег знамя, и обезьяна на нем совершала победные прыжки. Но вот показалась колесница со знаменем, на котором распростер крылья царь пернатых. Колесницы Арджуны и Дхриштадьюмны помчались рядом. Воители поднесли к губам свои громозвучные раковины, словно бы целуя их, и звуки заполнили леса и горы, реки и стороны света, радуя Пандавов и Юдхиштхиру.

Услышали эти звуки победы и Кауравы. Израненные, объятые страхом, бежали они, то и дело оглядываясь на великие грозные знамена, на словно бы ожившие изображения обезьяны и орла над вражескими колесницами.

Отчаяние

И тогда же потрясенный Дурьйодхана обвел взглядом поле боя, дымящееся от еще не впитанной землею крови. Его взгляду предстали громоздящиеся горы тел — слонов, коней и воинов. Железноротые, иглорылые демоны жадно пожирали трупы. Разум великого воина омрачился скорбью. В воспаленной памяти проносились, подобно призракам, сцены сражений всех восемнадцати дней великой битвы и дорогие лица удалившихся в царство Ямы, но из уст вырывалось лишь одно имя: «Карна! Карна!» Дурьйодхана свалился на землю и стал биться о нее головой: «Карна! Карна!»

Внезапно руки и ноги Дурьйодханы содрогнулись и затряслись мелкой дрожью. Он был тяжело ранен. Лихорадка! «Война проиграна, — с горечью подумал он, — но ведь она не была бесполезной! Сколько тысяч недругов я отправил в царство Ямы!»

Эта мысль придала мужу-тигру бодрости. Поднявшись на ноги, он вытащил несколько впившихся в тело стрел и, пошатываясь, побрел подальше от места битвы. «Нет, это не бегство, — успокаивал он сам себя. — Никто не назовет меня трусом. Я ухожу, чтобы вернуть силы и снова вступить в бой».

Впереди резко закричали утки. «Там, должно быть, вода, — догадался Дурьйодхана. — Мне ее послали боги». Увидев спасительный блеск озера, могучий воин прибавил шаг. Раздвигая разгоряченным телом заросли камыша, он вошел в воду. Она была ледяной, но Дурьйодхана этого не ощущал — так пылало его тело, так велика была жажда возвращения к жизни и к битве. Дойдя до места, где вода коснулась горла, Дурьйодхана замер: одна из пролетавших над озером уток, приняв острие шлема за тростник, опустила на его голову.

В это время к берегу подошел охотник. Оглядев озеро, он увидел утку, странно возвышавшуюся над водой; когда же натянул лук, чтобы сразить птицу, понял, что она сидит на голове вождя Кауравов. «Теперь я буду богат», — возликовал охотник и поспешил к Пандавам, чтобы сообщить им о своем открытии.

Так Пандавы оказались у озера, и сразу их взгляд встретился с горящими ненавистью глазами Дурьйодханы.

— Что же ты, храбрец, — воскликнул Арджуна, — доведя свое войско до гибели, ушел в воду по шею, как змея? Плыви ко мне.

Но Дурьйодхана не шевельнулся.

— Вас много, а я один! — крикнул он.

— Не бойся! — отозвался Юдхипгхира. — Мы ведь кшатрии и не нападаем скопом! Ты сможешь выбрать противника.

— Пусть будет так! — воскликнул Дурьйодхана. — Я готов сразиться с одним из вас.

И поднялся Дурьйодхана на берег. Сверкнула в его руке палица, словно взметнул ее сам Яма.

— Кто первый?! — закричал он.

— Я! — отозвался Бхима, выступая вперед. — Вспомни, Дурьйодхана, что я тебе обещал, когда ты оскорблял Драупади.

В воздух взлетели палицы, и началась такая великая схватка, что в движение пришел весь мир. Из пустыни подули и взметнулись вихри, с неба обрушились молнии, затряслась в припадке ярости земля.

От первого могучего удара Дурьйодханы Бхима упал на колени. Ликуя, нанес Дурьйодхана своему врагу еще один удар, в висок. Залилось кровью лицо Бхимы. Но и вслепую он нанес ответный удар, и рухнул Дурьйодхана, поднимая столбы пыли. Когда он поднялся, Бхима был уже на ногах. И, кружа по полю, он отскакивал то вправо, то влево, избегая ударов Дурьйодханы.

И тут услышал Бхима слова, произнесенные Кришной вполголоса, но очень явственно:

— Бей ниже пояса.

И нанес Бхима запрещенный удар. Палица раздробила незащищенное бедро, и Дурьйодхана

свалился на землю.

Духи смерти, многорукие, многоголовые, уже приближались к нему. Издав торжествующий рев, Бхима наступил на тело врага и начал совершать на нем победную пляску.

— Прочь, Бхима! — закричал Юдхиштхира. — Это же твой брат! Он честно сражался, утратив царство, братьев, соратников. Позорно оскорблять поверженного!

Когда пристыженный Бхима отошел, Юдхиштхира склонился над умирающим со словами примирения.

— Не обижайся на нас, — проговорил он проникновенно. — Сама судьба свела нас с тобою в сражении. Не наши, а ее удары испытал ты за то, что не пожелал следовать правильным путем.

Но Дурьйодхана, кажется, уже не расслышал этих слов. Его могучее тело корчилось в предсмертных судорогах.

Сова и вороны

И крадется не знающий жалости воин, словно к стае вороньей — бесшумной совою. И во мраке горят его желтые очи. Колдовством победителей стан заморочен. И угасла великих воителей слава. Над Курукшетрой луною кровавой.

Весть о том, что могучий Дурьйодхана сражен, облетев весь мир, достигла места, где находились остатки разгромленного его воинства. И ринулся Ашваттхаман вместе с Крипой и возник к берегу озера, чтобы взглянуть на умирающего и с ним проститься. Еще издали они увидели парящих над Дурьйодханой коршунов и поняли, что властелин еще жив, и поспешили к нему. Он лежал в луже собственной крови, как смертельно раненный тигр. Соскочив с колесницы первым, сын Дроны сжал слабеющую руку вождя Кауравов.

— Знай, благородный, — сказал Ашваттхаман, — что твоя гибель для меня то же, что смерть моего отца, сраженного коварством и ложью. Я отомщу за вас обоих еще до восхода нового солнца.

Умирающий благодарно взглянул на юношу. Не мешкая Ашваттхаман вскочил на колесницу, и она понеслась в сторону леса. Еще издали ему и его спутникам бросился в глаза огромный баньян, возвышавшийся над своими лесными собратьями, как владыка над подданными, и воины решили отдохнуть под его царственной сенью. Прибыв к месту, они распрягли коней, омыли свои кровоточающие тела, сотворили вечернюю молитву и улеглись. Спутники Ашваттхамана сразу погрузились в сон. К нему же, мучимому тоской и яростью, покой не приходил. Он вспомнил слышанную еще в детстве сказку о сове, истреблявшей ночью тысячу своих врагов — заснувших на дереве ворон, и решил действовать.

Бесшумно, как сова на спящих ворон, напал Ашваттхаман на затихший лагерь Пандавов. Определив по местоположению и размерам шатер предводителя, он бросился туда. Дхриштадьумна спал под сладостно благоухающим покрывалом. Постояв несколько мгновений, Ашваттхаман схватил брата Драупади, сбросил его с ложа и прижал могучей стопой к земле.

— Умертви меня оружием! — умолял Дхриштадьумна. — Дай мне с честью войти в мир блаженных.

— Не будет тебе ни блага, ни чести! — вопил Ашваттхаман, втапывая своего противника в землю.

Покинув шатер предводителя войска Пандавов, сын Дроны вскочил на колесницу и стал, словно мясник, крушить всех, кто попадался ему на глаза, — простых бойцов, обезумевших коней, слонов, вопящих женщин. Но не было среди убитых им пяти ненавистных братьев. В эту ночь они удалились на охоту.

Головы, ноги и руки заполнили воздух. И многие перед тем, как погибнуть от руки Шивы, принявшего облик Ашваттхамана, говорили: «Если сыновья Кунти были бы с нами, мы бы избежали смерти. Ведь Вишну заботится о братьях Пандавах».

Утро победы

Отягощенные охотничьей добычей, возвращались братья из лесу. Вот уже на небе показалась золотая колесница богини зари Уша. Вскоре и они запрягут коней в свою колесницу и помчатся в лагерь. Но почему Кришна при их появлении даже не обернулся? Разве его не радует утро победы, завоеванной с его помощью?

Кришна закрыл лицо руками и зарыдал.

Пандавы, никогда не видевшие его плачущим, поняли, что произошло непоправимое. И только после этого они увидели, что лагеря нет. Вместо него высился черный холм — все, что осталось от их победы.

Молча двинулись Пандавы к тому, что было еще вчера лагерем. Между тем поле словно бы ожило, покрывшись фигурами в черном. Женщины разыскивали тела своих отцов, мужей, сыновей, братьев, прогоняя шакалов и сидевших на трупах коршунов. Плач и крики слились с воем хищников, хлопаньем крыльев, с треском погребальных костров. Но кто это идет навстречу? Дхритараштра и ведущая его Гандхари. Поле Курукшетра взяло у них сто одного сына. При виде несчастных Пандавы съезжились. Но Гандхари даже не взглянула на племянников. Ее горящий взгляд устремился на одного Кришну.

— Взгляни, лотосокий, на дело своих рук, — проговорила она, — на моих снох, носящихся по полю с распущенными волосами и кричащих, как чайки на взморье. Видишь, как, найдя отрубленные головы, они пытаются соединить их с телами? Видишь, как они царапают ногтями щеки, как бьют себя в грудь, как тащат тела своих любимых к кострам, чтобы сгореть вместе с ними?

Повернув лицо к Арджуне, Гандхари добавила:

— Взгляни, милый племянник, там Уттанка, твоя сноха, обнимает тело своего сына и разговаривает с ним, как с живым. Почему же ты не удержал свой меч, начиная битву? Ведь этот меч отнял и у тебя самое дорогое.

Арджуна бросился к царю и царице и крепко сжал их в своих объятиях. Что он мог им сказать в эти мгновения? Вспомнить, что перед тем, как поднять меч на братьев, он колебался до тех пор, пока Кришна не убедил его, что нет иного выхода, кроме как безумно сражаться и убивать? И был ли у него иной выход?

Вскоре братья вступили в опустевший дворец, где прошли их детство и юность, где все напоминало о детстве. От ноги что-то отскочило. Поняв, что это деревянный мяч, Арджуна поднял его и прижал к сердцу. В пустом зале высился трон слепого царя и на нем что-то блестело. Подойдя ближе, Юдхиштира увидел, что это корона. Он взял ее в руки и ощутил необыкновенную тяжесть, словно была она не из золота, а из свинца.

Последнее странствие

Через некоторое время Кунти объявила сыновьям, что уходит, по обычаю предков, в лес. И напрасно они уговаривали ее остаться. Вместе с нею удалились в лес слепой Дхритараштра вместе с Гандхари, решившие провести конец жизни в молитвах.

Прошло еще несколько лет, и однажды Юдхиштхира объявил братьям, что решил оставить царство и уйти в Гималаи.

— Разреши мне пойти с тобой, — первым сказал Бхима.

— И мне тоже!

— И мне! И мне! — слышались голоса.

— Но не можем же мы уйти все! — воскликнул Юдхиштхира. — На кого мы оставим царство?

— На нашего внука Паракшита, — сказал Арджуна.

Юдхиштхира едва удержался от смеха:

— Но ведь он еще ребенок!

— И поэтому не потерял интереса к жизни, — возразил Арджуна.

— И у него нет врагов и соперников, — добавил Бхима.

И вот настал день прощания с этим миром. Юдхиштхира первым подошел к Драупади, чтобы обнять ее, но она отстранилась.

— Я иду с вами, — проговорила она твердо.

— Это невозможно! — воскликнул старший из Пандавов. — Путь долг и полон опасностей. Тебе его не вынести.

— Но если годится вам, почему не мне?

Окружили братья супругу, и каждый, ласково обращаясь к ней, находил доводы, чтобы убедить ее остаться. Но она и слышать не хотела о разлуке. Пандавам пришлось уступить.

На заре, когда столица и дворец были еще погружены в сон, путники накинули на плечи шерстяные плащи, надели заплечные мешки с провизией на дорогу и, покинув дворец, двинулись улицей, ведущей к Северным воротам.

Последний раз стучали их подошвы по священным камням Хастинапуры. Их взорам предстали места, дорогие им с детства. За воротами, проходя мимо колодца, в который когда-то упал мяч, они остановились и заглянули вглубь. На воде дрожали удаленные отражения их бородатых лиц и лица Драупади.

Едва они отошли от колодца, к ним пристала невесть откуда взявшаяся собака со впавшими ребрами и облезшей шерстью.

— Это ваша собака? — спросил Юдхипгхира близнецов, зная, что с малых лет они любили возиться с четвероногими и птицами.

— Нет! — ответили Сахадева и Накула в один голос. — Мы видим ее впервые.

— Прогоним ее! — предложил Бхима. — Она будет лаять на животных и на ракшасов, не даст нам покоя.

— Пусть идет! — проговорил Юдхипгхира. — Животное само выбирает свой путь.

И так они шли гуськом. Впереди Юдхипгхира, за ним — остальные братья, потом Драупади, последней же, виляя хвостом, собака. Это было удивительное животное. Вопреки опасениям Бхимы, собака никого не беспокоила. Кажется, она была вообще лишена голоса. И никто не видел, чем это животное питается.

Месяца два дорога вела их полями и лесами. Потом начался подъем. Тропинка сменилась осыпью камней. Ледяной ветер подул в лицо. Покрытые снегом вершины слепили глаза.

В один из дней собака впервые подала голос. Нет, она не лаяла, а выла, да так, что мороз подирал по коже.

— Что ей надо? — проворчал Бхима. — Если ей трудно идти, пусть возвращается, мы ее не держим.

Собака немедленно умолкла, словно бы из страха, что ее прогонят и она останется одна в Гималаях. Юдхипгхира же сказал:

— Пусть остается.

Спустя несколько дней собака залаяла, да так сильно, что братья невольно оглянулись. Они увидели Драупади, лежащую на камнях, и окружили ту, которая была им женою и другом. Они стояли долго, не двигаясь, словно окаменев, и наконец, прикрыв тело любимой камнями, снова двинулись в путь.

И снова несколько дней спустя собака завывала, а потом залаяла. Теперь на камнях лежали близнецы. Неразлучные в жизни, они и ушли из нее вместе. Потом упал и не поднялся Арджуна, за ним — Бхима.

Старший из братьев шел к своей цели, ощущая за спиной дыхание и взгляд собаки, последнего живого существа в мире ледяного безмолвия.

Внезапно впереди выросла огромная фигура Индры.

— Боги приветствуют тебя, Юдхистхира, — промолвил Индра торжественно. — Следуй за мной на небо.

— Я пойду за тобой, если ты разрешишь идти и ей, — сказал последний из Пандавов, показывая на собаку.

Индра молчал несколько мгновений, словно бы онемев от этих дерзких слов, но затем проговорил:

— Это невозможно. Собаке нет места на небе.

— Тогда и я останусь здесь. Не могу же я покинуть последнего моего друга.

— Как! — загрохотал Индра. — Ты отказываешься идти на небо из-за какой-то собаки?!

— Эта собака проделала с нами весь путь. Она была свидетельницей смерти моих братьев и Драупади. Я видел на ее шерсти замерзшие слезы. Извини меня, Индра, но я останусь вместе с нею.

С этими словами Юдхистхира повернулся словно бы для того, чтобы взять собаку на руки, но вместо нее стоял Яма.

— Иди, Юдхистхира, своим путем справедливости, — сказал Индра. — Ты выдержал испытание. Тебя поджидают боги, гандхарвы, апсары в блистающих одеждах, туры — люди, витязи, отрешенные от гнева. Иди, Юдхистхира!

На этом завершился земной путь героев. Но не действие «Махабхараты». На небе Юдхистхира не нашел своих братьев и узнал, что за преступление им назначен ад. Тогда благородный Юдхистхира отказывается от райских наслаждений и просит отвести его к месту мук. У врат ада мрак преисподней рассеивается светом души Юдхистхиры. Братья соединяются для вечного блаженства.

НАЛЬ И ДАМАЯНТИ

Подсчитано, что «Махабхарата» больше чем наполовину состоит из «вставных» рассказов, основное содержание которых — война Пандавов и Кауравов. Строй «Махабхараты», подобно боевому порядку закованных в медь воинов, время от времени раздвигался, чтобы пропустить в свои ряды сравнительно небольшие по размеру и легкие в чтении рассказы о мудрецах и героях. Каждое из «поколений» великого эпоса имело свою творческую, и подчас более древнюю, чем он сам, историю. Так, нишадец Нала (Наль), ставший героем одной из «вставных» новелл, был известен уже «Шапатхабрахмане» — сказанию еще более раннему, чем «Махабхарата». Следы легенды о Нале и Дамаянти сохранились и в «Рамаяне», также предшествовавшей «Махабхарате»: героиня «Рамаяны» Сита говорит, что она «предана своему супругу, как Дамаянти — нишадцу». О глубокой древности «Сказания о Нале» свидетельствует и то, что в нем присутствуют ранние ведийские боги: Индра, Агни, Варуна, а также демон, имя которого, Кали, лишь много позднее было закреплено за кровожадной богиней смерти, супругой неведомого ранее Шивы.

Подобный процесс вхождения древних разрозненных сказаний в мифологическую систему — обычное явление. Известно, например, что в Ветхий Завет введены мифы Вавилона и Угарита, а гомеровские поэмы содержат явные вставки из более ранних произведений, авторами которых названы Орфей, Лин и другие. Но чем обусловлен выбор составителей индийского эпоса, включение ими той или иной фабулы более раннего происхождения? Применительно к «Сказанию о Нале» — скорее всего, сюжетной близостью.

Ведь в «Сказании...» присутствуют те же сюжетные ходы, что и в «Махабхарате», — «Сваямвара», «Состязание за невесту», «Игра в кости», «Утрата царства», «Уход супругов в лес», «Вынужденная разлука»; да и «Сказание о Нале» вводится в «Махабхарату» как рассказ отшельника, утешающего Юдхиштиру, жалующегося на свою горькую судьбу. Можно даже предположить, что общая цель такого рода самостоятельных эпизодов — замедлить темп эпического повествования, дать читателю оторваться на некоторое время от главных героев, чтобы вернуться к ним с прежней непосредственностью восприятия. Действие благодаря новелле замедляется, но одновременно приобретает большую объемность и глубину.

Имя «Нала» (Наль) носит не только герой «Махабхараты», но и персонаж «Рамаяны» — могучий и мудрый архитектор-обезьяна. В самом этом имени гибкость и изменчивость — качества, без которых трудно было выжить в бурные эпохи создания эпосов. Нала претерпевает различные метаморфозы, меняет облик, но при этом всегда сохраняет свою сокровенную суть. В этом смысле Налу ближе всего древнегреческий герой Одиссей, а Дамаянти — супруга Одиссея Пенелопа, как воплощение верности и самопожертвования. И кажется, что именно это сходство обеспечило «Сказанию о Нале» завидную популярность сначала в Западной Европе, а затем и в России. Первое стихотворное переложение этой легенды (1819) принадлежит перу немецкого поэта-романтика Риккерта; именно это произведение двадцать лет спустя стало главным литературным источником для В. А. Жуковского при создании поэмы «Наль и Дамаянти».

Некогда в Нишадхе, одном из царств Древней Индии, правил юный царь Наль. Не было прекраснее и отважнее его среди мужей. Твердой рукой вел он боевую колесницу, не уступая в этом благородном искусстве самому Солнцу, опоясывающему все небо на сверкающей золотом повозке. За сто шагов он сбивал не дающей промаха стрелой орех. Был воспитан в глубочайшем почтении к богам и в верности отеческим законам. Никогда не нарушал данного слова, поэтому и друзья и враги называли его Беспорочным. Молва о мудрости и благородстве Наля разнеслась по всему свету, а его удачливость вошла в поговорку.

Однажды после охоты отдыхал Наль на берегу светлого горного озера. Вместе с ним был его колесничий Варшнея, много видевший на своем веку и обладавший редким даром рассказчика. На этот раз речь шла о Видарбхе, которой правил могучий царь Бхима по кличке «Страх для врагов», о его прекрасной столице Кундине, о храбрых его сыновьях и дочери Дамаянти, краше которой нет на всей земле. Дойдя до этого места в своем рассказе, колесничий отыскивал такие краски и слова, что Наль слушал как зачарованный.

Заметив плывущего по озеру златокрылого лебедя, Варшнея прервал рассказ и схватился за лук.

— Взгляни, царь, — воскликнул он, — какая добыча идет нам прямо в руки!

— Оставь в покое лебеда! — отозвался Наль. — Прошу тебя, продолжай...

Лебедь подплыл к самому берегу и обратился к царю:

— Благодарю тебя, Наль. Ты сохранил мне жизнь. И я не останусь в долгу. Я расскажу Дамаянти о тебе, чтобы она полюбила тебя так же сильно, как ты любишь ее.

Сад и пруд у царского дворца в Кундине оглашались в то утро звонкими девичьими голосами. Как всегда, Дамаянти проводила время в играх и забавах. Вдруг в небе показалась стая лебедей и с шумом опустилась на водную гладь. Девушки бросились к берегу, чтобы покормить птиц и полюбоваться их красотой. От стаи отделился златокрылый вожак и царственно поплыл к берегу, отражаясь в едва колеблющейся поверхности пруда. Приблизившись к Дамаянти, лебедь приветственно взмахнул крыльями.

— Несравненная! — проговорила птица нараспев. — В Нишадхе царствует Наль, которого все называют Беспорочным. Среди тех, кто владеет мечом, нет ему равного по уму, красоте и храбрости. Силен он, как тигр — владыка лесов, и мудр, как отшельник-брахман. Ты всем его существом овладела. Он любит тебя. Он среди мужей драгоценный бриллиант. Ты — жемчужина дев. Если б он стал мужем твоим, две драгоценности, соединившись, весь мир смогли б ослепить неземной красотой.

Не шелохнувшись, внимала Дамаянти лебедю и, только когда он взлетел, крикнула ему вслед:

— Налю, царю, привет передай!

Кама

И столько было в этих словах ликованья, что каждый, кому посчастливилось их слышать, понял: Кама, могучий владыка любви, задел Дамаянти лепестками своего цветка-стрелы. И вскоре заметили подруги в царевне перемену. Обращая взгляд к облакам, она вздыхала. Румянец на ее щеках появлялся внезапно, после чего лицо становилось еще бледнее. Больше никто не слышал ее звонкого смеха. Служанка Кешини, что была к ней приставлена с детства,

прибежала к царю. Услышав рассказ, понял Бхима, что наступило для дочери время любви.

Тотчас он разослал по всем царствам гонцов с вестью, что через полгода, в назначенный день, он приглашает царей и их сыновей на пир, на котором сама Дамаянти выберет себе мужа.

Прошли шесть месяцев. Перед днем, какой был Бхимой выбран по звездам, по всем дорогам, ведущим в столицу, тянулись люди в богатых одеяниях — кто на коне, кто на слоне, кто на верблюде, а за ними их свита и повозки с дарами. Каждый из знатных гостей надеялся на благосклонность прекраснейшей из дев.

Весть о красоте Дамаянти достигла верхнего неба. И собрались на землю, чтобы счастье свое испытать, могучий властитель молний и грома Индра, Агни — повелитель огня, бог вод Варуна и Яма — судья человеческих дел, жизни и смерти. Решив отправить к Дамаянти свата, они узнали от вхожих на небеса праведных старцев, что нет в среднем из миров никого благороднее Наля.

И увидел Наль богов, стоящих, земли не касаясь. Несмотря на жаркое время, на лицах их не было пота, на одеяниях пыли.

— Здравствуй, владыка Нишадхи, — проговорил Индра. — Весть о твоём благородстве и верности слову достигла горы Меру. И мы решили избрать тебя нашим послом.

Наль склонился в низком поклоне.

— С величайшей радостью я выполню любое ваше поручение, которое мне под силу. Я внимаю!

— Нам стало известно, — продолжал Индра, — что выдают замуж прекрасную Дамаянти. Предстань перед нею и спроси, кого из нас она пожелает иметь супругом. Ведь нам самим не пристало соперничать со смертными.

— Не смогу я быть вашим послом! — воскликнул Наль, потрясенный услышанным. — Ведь сам я за тем же иду в Кундину.

— Но ты дал согласие! — проговорил Индра. — Ты хочешь слово нарушить?

— Нет! — вспыхнул Наль. — Я готов выполнить поручение. Но как мне проникнуть в покои царевны? Я слышал, что туда никого не пускают.

— Это наша забота! — хором ответили боги.

Через мгновение Наль уже стоял перед Дамаянти, не в силах оторвать от нее глаз. И она им любовалась. Щеки ее пылали.

— Кто ты? — спросила она наконец. — И как ты здесь оказался, не замеченный стражей?

— Я — посланец богов, — ответил Наль. — Владыки небес Индра, Агни, Варуна и Яма поручили мне узнать, кого из них ты избираешь в супруги.

— Но сам-то ты кто, посланец, ответь!

— Я — Наль, правитель Нишадхи.

— Благодаренье богам передай за великую честь, — проговорила Дамаянти. — Сам же знай, что мой избранник — ты. Об этом я сама объявлю завтра гостям, а отец пригласит их на свадьбу.

Возвращаясь на небо, встретили боги могучего демона Кали. И он торопился на пир, надеясь стать мужем самой красивой девушки в мире.

— Ты опоздал, — сказал демону Индра. — Дамаянти сделала выбор.

— И кто же из вас избранник?

— Никто. Избран Наль, царь Нишадхи.

— Как?! — завопил демон. — Дамаянти вам предпочла смертного? И вы ей простили эту обиду?

— Мы не в обиде, — ответил Индра за всех. — Ведь недаром Наль зовут Беспорочным. Мы

уступили Дамаянти тому, кто достоин быть ее мужем.

Оставшись один, Кали усмехнулся:

— Как бы не так!

Он вытащил игральные кости и призвал злого духа Дванару, приказав ему поселиться в них. Затем, приняв облик брахмана, Кали отправился к сводному брату Наля Пушкаре, который жил в своем городке, не мечтая об иной участи, и сказал ему:

— Вот тебе кости. Ты вызовешь Наля на игру, и твоим станет его достоянье: земли, кони, рабы. Он все потеряет. Жди, когда я назначу время для вашей схватки за игорным столом.

Прошло несколько лет после свадьбы Наля и Дамаянти. Не было в мире более счастливой пары, чем они. Появились дети. Этого и дожидался Кали, чтобы больнее для Наля и Дамаянти был удар, который он втайне готовил.

Наль принял вызов Пушкары, ибо о кознях Кали не знал, а игру в кости любил. Сначала на кон было поставлено золото, и Наль его проиграл. За золотом пошли земли. И они достались Пушкаре.

Напрасно молила Дамаянти супруга бросить игру. Он ее не слушал.

Вслед за землями были проиграны кони и колесницы. Кости летали над столом как живые, поблескивая злобными черными глазками.

Явился Варшнея, вернейший из друзей царя, и от имени народа предложил Налью бросить игру. Но тот словно бы оглох. Видя это, Дамаянти попросила колесничего отвезти детей к своему отцу в Кундину, а сама приготовилась к худшему.

Каждый раз, когда Наль бросал кость, она падала таким образом, что на ее внешней части оказывалось лишь одно очко, подобное злему глазу Кали. К утру Наль проиграл оружие. Затем Пушкаре досталась вся одежда, кроме одеяния, покрывавшего разгоряченное от азарта тело Наля.

— Теперь, — сказал Пушкара, — ставь на кон Дамаянти. Ибо что ей делать с тобой, нищим!

Ничего не ответив, Наль повернулся и покинул уже не принадлежащий ему дворец. Дамаянти ушла вместе с ним.

И шли они диким лесом, подбирая на ходу ягоды. А впереди по тропинке прыгали белые птицы с черными пятнышками, наподобие сорок. И решил Наль поймать хотя бы одну из них, чтобы накормить Дамаянти. Вместо сети он кинул плащ. Птицы, выскользнув, подхватили плащ и забросили на высокое дерево. Потом, спустившись, порхая прямо над головами Наля и Дамаянти, запели:

Кости мы! Кости! Один лишь бросок — Выхватим хлеба последний кусок. Мы все отнимаем! Всегда ты гордился своим плащом. Теперь же по лесу пойдешь нагишом. Мы все отнимаем! Был ты, несчастный, от нас без ума. Вот тебе посох твой и сума. Мы все отнимаем!

И путники побрели дальше, укрывшись единственным одеянием Дамаянти. Вскоре тропинка вывела их на равнину, к развилке дорог.

— Эта дорога ведет в Кошалу, — сказал Наль. — А эта к горам Виндхья, где обитают отшельники. Куда мы пойдём?

— Пойдем в Кундину, — сказала Дамаянти, — там нас примет отец.

— Я не нищий! — воскликнул Наль обиженно. — Иди одна...

— Как я смогу оставить тебя, возлюбленный, — Дамаянти прильнула к Налью. — Тебя, нагого, изнуренного голодом, потерявшего все, кроме меня. Знай, я всегда буду с тобою. Для мужа в бедствиях нет лекарства лучшего, чем верная жена.

— Но, на всякий случай, запомни, вот дорога в царство твоего отца, — проговорил Наль, отстраняясь. — Мало ли что может случиться.

Вступив снова в лес, они наткнулись на заброшенную хижину отшельника или охотника, без двери, с кровлей в дырах. Но все-таки над головой была крыша. Супруги легли на земляной

пол и, накрывшись одеянием Дамаянти, провалились в сон, впервые за много дней и ночей.

Ночью Наль проснулся и вышел из обители отшельника. Он решил покинуть Дамаянти и все придумывал оправдание своему предательству. «Ей без меня будет легче! Она вернется к отцу и детям. А я...»

Он взглянул на себя и, возвратившись в хижину, отрезал часть одеяния Дамаянти. Обвязавшись материей вокруг бедер, он снова покинул их общее пристанище. Над деревьями поднималась бледно-синяя луна. Налью показалось, что она насмехается над ним. Погрозив луне кулаком, он побрел ей навстречу.

Утром, проснувшись, Дамаянти обнаружила, что рядом нет Наля. «Наверное, решил поохотиться», — поначалу решила она, но тут же заметила, что накрыта лишь половиной одеяния. Ее охватил ужас. Она выбежала из хижины и стала звать Наль. Он не откликался. Почему-то ей показалось, что за деревьями метнулась какая-то тень.

— Наль! Выходи! — крикнула она. — Хватит шутить!

Наль не появлялся и не откликался. Но где-то совсем рядом завывали шакалы.

Дамаянти провела ладонью по лицу. «Нет, это не сон, — подумала она. — Наль и впрямь бросил меня одну в лесу, полном зверей и злых духов, без пищи и воды. Но не мог же он этого сделать в здравом уме! Значит, какой-то враг похитил его разум».

Воздев руки к небу, Дамаянти закричала:

— Пусть будет проклят враг Наль! Пусть он присохнет к месту, на котором стоит! Пусть он страдает, как страдаю я!

И снова кто-то показался из-за дерева. В ужасе побежала Дамаянти по лесу, натываясь на колючие кусты, царапая лицо, руки, ноги. Споткнувшись о гнилой ствол, она упала, и кто-то схватил ее. Это был огромный удав, сжимавший вокруг ее туловища железные кольца.

— Наль! Наль! На помощь! — в отчаянии зывала Дамаянти.

Этот крик услышал бродивший по лесу охотник. Он бросился на помощь женщине и успел убить змею стрелой.

Дамаянти взглянула на своего спасителя. Что-то в его улыбке, во всем его облике ее испугало, и она кинулась в чащу. Он же гнался за ней и кричал, чтобы она его не боялась, что он хочет взять ее в жены. Но именно это и пугало Дамаянти. Упав на колени, она обратилась к Индре с жаркой молитвой спасти от преследователя.

С чистого неба внезапно ударила молния. Ею Индра отозвался на мольбу. Охотник был испепелен.

Вскоре Дамаянти вышла на светлую поляну и увидела ряд одинаковых, ничем не отличавшихся друг от друга хижин. Возле них горели костры. Седобородые старцы, сидя на траве, пели гимн. По деревьям мирно прыгали обезьяны. «Конечно, это становье отшельников», — подумала Дамаянти и без страха подошла к старцам.

— Мир вам! — сказала она. — Как живется в лесной обители? Не обижают ли вас звери и злые люди?

— Слава богам! — отвечали старцы. — У нас все спокойно, чего желаем тебе и твоему дому, красавица. Но из какого ты рода и как оказалась в лесу?

Коротко рассказала Дамаянти о своих родителях, о себе, о супруге, о преследующих ее несчастьях и закончила вопросом:

— Скажите, не видели ли вы в лесу моего Наля, того, без которого мне лучше и не жить?

— Не видели, страдальца, — отозвался один из старцев. — Но мы в состоянии предвидеть будущее. Знай, что ты будешь счастлива. Безумие, овладевшее властителем Нишадхи, испарится, как туман на болоте. И станет Наль снова царем, грозным для врагов, верным для друзей, праведным для богов, твоим супругом, советником и защитником. Разделишь ты с ним богатство и счастье. И все это сбудется, если в тебе не ослабнут терпение и верность.

Старцы вновь затянули гимн. И под их пение уснула на траве Дамаянти, вся мокрая от слез.

Когда же она проснулась, не было ни поляны, ни хижин отшельников, ни их самих. Она снова оказалась в чаще, но мелодия гимна звучала в душе и пробуждала надежду.

В это же время по лесу блуждал и Наль. Его не пугали дикие звери и разбойники. Казалось, что он бежит от самого себя, от того, что в нем проявилось перед тем, как он и Дамаянти оказались в заброшенной хижине. Как он мог покинуть ее, нежную, любящую, верную? И это сделал тот, кого называли Беспорочным! Ночью Наль проклинал Луну, считая, что именно она выманила его и околдовала своими чарами. Днем он разговаривал с Солнцем: «Не за то ли ты меня жжешь так безжалостно, что я бросил Дамаянти? Ответь». Но Солнце молчало так же, как молчала Луна. Казалось, даже звери бежали от него, как от зачумленного. Наклонившись к ручью, чтобы напиться, он увидел свое отражение и отшатнулся. «О, если бы мне больше не видеть этого лица предателя!» — воскликнул несчастный и бросился бежать.

Тогда-то он увидел в чаще пламя в виде кольца и услышал жалобный голос:

— Явись! Явись, царь Наль! Освободи меня и будешь спасен!

— Я иду! — крикнул Наль. — Но где ты?

— Я в огне, — отозвался голос. — Не испугает ли тебя огонь, благородный Наль?

— Не испугает, — отвечал Наль. — Мне не страшны ни огонь, ни вода, ни дикие звери. С недавнего времени я боюсь только самого себя.

С этими словами он вступил в огненное кольцо и увидел прижатую камнем огромную змею с разинутой пастью.

— Кто ты? — спросил Наль. — И откуда тебе известно мое имя?

— Я, Каркатака, царь змей, — ответило чудовище. — Много лет назад я обманул праведника, чтобы избавить мой ползающий народ от справедливого наказания. Праведник проклял меня и обрек на огненную кару, объявив, что она кончится, когда меня освободит царь Наль. Вынь меня из огня, и я объясню путь к твоему спасению. Ведь змеи мудры, а я их царь.

С этими словами Каркатака стал уменьшаться и вскоре стал так мал, что смог обвить палец нишадца.

— Теперь беги и считай свои шаги! — крикнул змей.

При каждом шаге Наль пламя слабело, а на десятом и вовсе исчезло, словно его и не бывало. После этого змейка вонзила зубы в кожу Наль, который едва это почувствовал, и сразу же превратилась в огромного чешуйчатого змея. Он пополз к ручью, к тому самому, от которого в ужасе бежал Наль.

Напившись, змей раскрыл спасшему его от огненного плена Налью тайну его злоключений.

— Виной их злой демон Кали. Это он помог твоему брату тебя обыграть. Но мало того: он поселился в твоём непорочном сердце и пребывает в нем до сих пор. Когда я вонзил в тебя свои зубы, яд достался ему, а не тебе. Он обречен на муки и не может от них избавиться.

— А как мне избавиться от него? — спросил Наль.

— ИдикРитупарне, царюАйодхьи, знающему числа. Он тебе откроет тайну игры в кости, и ты отыграешь свое царство. Теперь же подойди к ручью и взгляни в воду.

— Кто этот урод? — изумленно воскликнул Наль.

— Это ты. Мой яд изменил твой облик. Теперь тебе нечего бежать от себя. Ты ведь хотел расстаться с самим собой. Твое желание исполнено. Отныне ты не Наль, а Бахука! Если же тебе надоест им быть, натяни эту мою кожу на свои пальцы и ты снова станешь Налем.

В это же время Дамаянти вышла к судоходной реке, близ которой, повторяя ее извивы, змеилась дорога. Ее потянуло к людям, и она пристала к пестрому сборищу путников, лошадей с повозками, слонов и верблюдов, какое называют караваном.

При виде Дамаянти, полунагой, прикрытой, как покрывалом, длинными шелковистыми волосами, бледной, но все же прекрасной, почти все в ужасе разбежались. И только несколько мужчин посмелее подошли и спросили:

— Кто ты — бессмертная или смертная?

— Я — земная, — ответила Дамаянти. — Я ищу своего мужа, царя Наля. А вы куда идете?

— Мы движемся в великий город Цеди на краю дикого леса. Идем с нами.

И пошла Дамаянти с караваном, как и прежде одинокая и печальная. Когда уже до цели было не более перехода, на караван, устроившийся на ночлег, напали разъяренные слоны. Под толстыми ногами лесных великанов, от ударов их хоботов погибло много людей.

Утром оставшиеся в живых едва не растерзали Дамаянти, подозревая, что она ведьма, виновница обрушившихся бедствий.

В Цеди Дамаянти вошла одна и сразу же была окружена гогочущей толпой детей. Взрослые же в ужасе разбежались. Но царица-мать, увидев нищенку из окон дворца, приказала ее впустить. Выслушав ее рассказ, — имени своего Дамаянти не назвала, — добрая женщина предложила страннице остаться во дворце и обещала не обременять работой.

Поблагодарив за участие, Дамаянти попросила царицу-мать сделать так, чтобы она не могла видеть никого из мужчин, кроме брахманов.

— Я дала клятву не разговаривать с мужчинами, пока не отыщу мужа.

— Хорошо, милая, — ответила женщина. — Ты будешь жить в покоях моих дочерей, куда нет входа посторонним.

И почти в то же время Наль, точнее Бахука, добрался до Айодхьи, где правил царь Кошалы Ритупарна. Он был большим любителем коней и скачек, собирая отовсюду лучших конюших.

Явившись во дворец, Бахука добился встречи с царем и, принятый им, сказал:

— Я — конюх Бахука. В искусстве править конями нет мне равных. Сто миль могу я в день проскакать. К тому же я умею готовить пищу вкуснее многих. Возьми меня на службу.

— Я согласен, — ответил царь. — Смотри за моими конями и приучай их к скачке. Товарищем же твоим будет мой заслуженный конюх Варшнея, служивший когда-то у Наля.

И стал Наль вместе со своим конюшим и другом Варшнеей служить одному господину. Но в разговоры с ним не вступал и о себе не рассказывал. Варшнея догадался, что в прошлом у нового конюха была какая-то беда. По ночам, запираясь в стойле, пел он одну и ту же грустную песню об одинокой страннице, бродящей по дикому лесу.

Между тем Бхима все время после ухода дочери и зятя в лес искал их. Он расспрашивал торговцев и странствующих певцов, посещавших Кундину, не видели ли они скитальцев, и обещал большую награду за любую весть о них.

Наконец брахману Судеве во время посещения Цеди посчастливилось по внешности и голосу узнать Дамаянти, и он поделился своим открытием с царицей-матерью. Та немедленно вызвала гостью к себе и, обнимая ее, сказала:

— Почему ты не назвала своего имени? Ведь я родная сестра твоей матери.

— Я хотела отдохнуть после всего, что мне пришлось пережить. Благодарю тебя, тетя, за прием. Теперь же я отправлюсь к родителям и детям, и они не испугаются меня, как испугались те, кто меня видел, когда я входила в твой город.

Через несколько дней Дамаянти была в Кундине, свиделась с отцом, матерью и братьями, прижала к груди детей. Но видно было, что ее гложет печаль. Бхима, поняв, что причина тоски — Наль, стал думать, как его отыскать. Думала об этом и сама Дамаянти. Она сочинила песенку и попросила всех странников, где бы они ни находились, ее петь:

Где странствуешь ты, одинокий игрок, В нашем с тобой одеянье? Лес от печали моей
изнемог. Избавь меня от страданья. О, если бы боги смогли вдохнуть Влагу в иссохшие
губы, Наставить тебя на правильный путь К той, которая любит.

Через несколько месяцев после этого вернулся в Кундину после путешествия один из брахманов. И вот что он рассказал Дамаянти:

— Я всюду напевал твою песенку, но никто на нее не откликнулся. Пел я ее и во дворце

Айодхьи, но не получил ответа. Когда же готовили мне повозку, я запел ее в конюшне. И из дальнего ее угла послышался чей-то голос:

Меч мой проигран. Проиграна честь. Утрачена часть одеянья. В душе и на теле шрамов не счастье. Осталось одно страданье.

Я бросился искать певца, но он исчез. Царские слуги сказали мне, что петь мог только карлик Бахука, обладающий редким искусством править колесницей и готовить пищу. Вот что я узнал.

«О мой Беспорочный, — подумала Дамаянти. — Это наверняка ты, изменивший облик».

По-царски наградив брахмана за весть, она его отпустила и стала размышлять, каким образом сделать так, чтобы Бахука оказался в Кундине.

Как-то на заре во дворце Ритупарны появился гонец от Бхимы.

— Царь выдает свою дочь Дамаянти замуж, — объявил он. — Завтра состоится выбор женихов.

Всполошился Ритупарна, слышавший о неземной красоте дочери Бхимы. Да и породниться с ним для него было бы большой честью. Немедленно кликнул царь Бахуку, а когда тот предстал перед его очами, сказал:

— Есть для тебя дело. Помнится, ты похвалялся, что за сутки можешь проскакать десять йоджан. Ровно столько отделяет мою столицу от столицы Видарбхи. Царь Бхима выдает замуж свою дочь Дамаянти. Надо поспеть к вечеру.

Наль побледнел. Мысли вихрем закружились в его голове: «Дамаянти выходит замуж? Может быть, и в нее вселилась какая-нибудь нечистая сила, как в меня Кали? Но подумала ли она о наших детях? »

— Что же ты молчишь, Бахука?

— Думаю, каких выбрать коней, — ответил карлик.

— Ну и на каких ты остановился?

— Я готов их показать.

В конюшне Бахука представил царю тощих, толстоголовых коней, с щетинистой шерстью и огненными глазами.

— Этих?! — воскликнул Ритупарна. — Да ты смеешься надо мной.

— Нет, не смеюсь, — ответил Бахука. — Вечером мы будем в Кундине. И пусть с нами поедет Варшнея.

И вот запряжена колесница. Царь и Варшнея устроились рядом. Впереди их Бахука. Взяв в могучие руки вожжи, карлик гикнул, и кони понеслись, подобно буре. Дивился царь быстроте, с какой мчалась колесница. Но еще более был удивлен Варшнея. «Откуда, — думал он, — этот уродец владеет таким искусством? Не нечистая ли это сила? Или в этом уродливом теле несравненный Наль? Нет, этого не может быть! Но почему тогда колесница гремит, как та, которой правит Магали, возничий самого Индры? Откуда такая скорость?»

От движения возник такой сильный встречный ветер, что с царя сорвало плащ, и Ритупарна коснулся плеча Бахуки, чтобы тот остановился.

— Поздно! — откликнулся Бахука. — Твой плащ от нас уж очень далеко.

— Ты несравненный возница! — воскликнул царь. — Ия хотел бы поучиться искусству, в котором у тебя на земле нет соперников. Но ведь и я кое-что знаю и умею. Видишь впереди развесистое дерево? Так вот, на нижней ветви две тысячи семь сучков и тысяча триста тридцать семь листьев.

Бахука остановил колесницу и спрыгнул на землю.

— Что ты делаешь! — воскликнул Ритупарна. — Мы же опоздаем.

— Но я никуда не поеду, пока не проверю чисел. Пусть колесницу поведет Варшнея.

— Не упрямясь, Бахука! — взмолился царь. — Ведь с тобой не может соперничать никто.

Но Бахука, не слушая, забрался на ветвь и стал считать сучки и листья.

— Удивительно! — сказал он, слезая на землю. — Как ты, царь, мог за мгновение сделать подсчет и не ошибиться?

— Я владею тайным знанием чисел и искусством вычислять кости, которые в руках у противника, — с неохотой ответил Ритупарна.

— Тогда передай это знание мне, а взамен я научу тебя править конями.

— Бери! — гневно прокричал царь. — И скорее за вожжи! Бери!

И только слово царя вылетело из уст, как открылись у Бахуки-Наля глаза, и он смог с такой же легкостью сосчитать все сучки, листья и плоды дерева. И силу он в себе ощутил необыкновенную, однако на мгновение потерял сознание. Очнувшись, Наль увидел рядом с собой своего мучителя Кали. И хотел уже его проклясть, как Кали бросился на колени:

— Удержи свой гнев, могущественный владыка Нишадхи, — умолял Кали. — Не проклинай меня! Меня уже раз прокляла твоя Дамаянти, после чего я не смог покинуть твоего тела. С потом в меня проник яд царя змей. Я испытывал муки не меньшие, чем ты. Пощади меня!

— Пусть будет так! — смягчился Наль. — Прочь с моих глаз! Вселись в это дерево!

Дерево мгновенно засохло. Такова была сила яда змеиного царя.

Оставив Кали корчиться в сухом дереве, Бахука вскочил на колесницу и схватил вожжи. Ощувив утроенную мощь возничего, кони помчались еще быстрее. Еще до заката солнца колесница въехала в ворота Кундины. Стук колес донесся до слуха Дамаянти, и она уловила в нем нечто, давно ей знакомое. На эти же звуки откликнулись ржанием кони, которых еще до изгнания Дамаянти успела вместе с детьми отправить к родителям. Подняв хоботы, загудели слоны. Распушив хвосты, как перед наступлением грозы, резко закричали павлины. Услышав эти звуки, Дамаянти воскликнула: «Да, это Наль! Мой владыка!»

Сойдя с колесницы, Ритупарна, к удивлению своему, не заметил никаких следов приготовления к свадебному торжеству. Видно было, что никто, кроме него, не прибыл на смотрины царей. Да и Бхима, вышедший встретить гостя, после обычных приветствий задал странный вопрос:

— Что привело высокого гостя в нашу столицу?

Не желая уронить своего достоинства, Ритупарна ответил:

— Мне давно хотелось видеть тебя, познакомиться с тобою, узнать, все ли благополучно в твоём царстве-государстве? И вот решил больше не откладывать...

Бхима подумал: «А все ли благополучно с твоей головой?» — но, разумеется, он этого не сказал, а, коснувшись плеча Ритупарны, молвил:

— У нас все благополучно. И мы всегда рады гостям.

Цари двинулись во дворец, а Бахука распряг коней, погладил их по мокрым спинам и повел в конюшню. Потом он вернулся и, заняв на колеснице свое место, предался грустным думам.

Дамаянти наблюдала за всем этим из окна и послала к нему умную Кешини, чтобы узнать, у кого при въезде в город были вожжи, и выяснить: не скрывается ли в уродливом теле возницы Наль?

Подойдя к колеснице, служанка завела с карликом разговор о том о сем. В беседе Бахука рассказал, что колесницу в город привел он и что в приготовлении пищи он столь же искусен, как и в управлении конями. На вопрос, не слышал ли он о Нале, Бахука ответил, что много слышал о нем от Варшнеи, бывшем возничим у Наля, но о том, где Наль и жив ли он, Варшнея не знает, а он, Бахука, тем более знать не может.

— Но почему, — внезапно спросила Кешини, — когда брахман пропел песенку об игроке, ты отозвался словами, понятными только тебе и Дамаянти?

На это карлик ничего не ответил, а только заплакал.

И удалилась служанка, чтобы слово в слово передать госпоже ею услышанное. И Дамаянти

еще больше уверилась в том, что Бахука и Наль хотя и имеют разный облик, обладают одной душой.

И все же она еще раз послала Кешини наблюдать за тем, как Бахука готовит еду для своего господина. Было подстроено так, что у слуги Ритупарны не оказалось ни воды, ни огня. Но еда все равно была готова. Служанка своими глазами видела, как по взгляду Бахуки сосуды сами наполнились водой, а солома загорелась. Когда же Кешини принесла госпоже на пробу кусок приготовленного карликом мяса, у Дамаянти исчезли всякие сомнения: память языка и нёба дополнила все другие наблюдения и соображения.

И наконец настал день, когда Бахука был приглашен во дворец. При виде Дамаянти он едва не лишился чувств. Она же, устремив на него взор, спросила:

— Скажи, Бахука, был ли тебе знаком человек, которого считали верным мужем, а он бросил в лесу беззащитную и ни в чем перед ним не провинившуюся жену? Как ты можешь объяснить поведение этого человека, давшего во время свадьбы клятву делить с женой все, что ни ниспошлет судьба, — и хорошее и дурное?

Выслушав со слезами на глазах упреки Дамаянти, Наль ответил:

— Тот человек, о котором ты говоришь, не виновен ни в проигрыше царства, ни в предательстве. В него вселился злобный демон Кали, а если он в чем и виноват, то давно уже расплатился за то муками.

С этими словами он достал змеиную кожу и натянул ее себе на кулак. И вот уже Наль и Дамаянти бросаются в объятия друг друга.

И наполнилась вся столица ликованием. Стены домов украсились тканями и гирляндами цветов. Зажглись огни. Всюду звучали пение и музыка. Среди тех, кто пришел во дворец поздравить Наль и Дамаянти, былцарь Ритупарна. Он попросил у Наль прощения за то, что, сам об этом не ведая, был над ним господином.

— Не надо мной ты был господином, а над Бахукой, — ответил Наль. — Да и он, насколько мне известно, не претерпел от тебя обиды. Теперь же прими от меня дар управлять конями, мне же пора отправляться в Нишадху, чтобы воспользоваться твоими дарами.

Прошло еще некоторое время, и в столице Видарбхи появился Наль, сопровождаемый воинами. Придя во дворец к Пушкаре, он сказал ему:

— Вот и я. Прими мой вызов. Можешь вступить со мною в схватку или сесть за игровой стол. Выбери!

— За стол, — сказал Пушкара. — Но какая твоя ставка?

— Я ставлю Дамаянти, аты все отнятое у меня. Согласен?

— Да! — ответил Пушкара. — Я рад сразиться с тобой за столом и надеюсь избавить Дамаянти от бедствий, которые она испытала из-за тебя.

Еле сдержал себя Наль, чтобы не заколоть Пушкару. Но лишь сказал:

— Безумец! Играй!

Бросок, и возвращена Нишадха, и вместе с этим восстановлена справедливость. Но благороден победитель.

— Знай, — сказал Наль Пушкаре, — твоя удача в прошлом подстроена коварным Кали. Поэтому не будет вражды между нами. Возвращайся туда, откуда пришел, владей тем, что имел. И благоденствуй!

Пушкара, не рассчитывавший на такой исход, прослезился:

— Сейчас же пойду к Ганге и омою свое тело и выкину проклятые кости, чтобы их не коснулась ничья рука.

За стенами дворца, принадлежавшего отныне Налью Беспорочному и его потомству, ликовал народ. Люди воспевали доблесть Наль и верность Дамаянти. Песнь эта поется до сих пор.

Пролог на земле

На землю, проломив хрустальный полог, Упала и рассыпалась звезда. Стал лемехом космический осколок, Проложена по полю борозда, Заколосилось золотое жито. Пусть точится железная коса, — Но мы ведь не единым хлебом сыты — Поэзией нас кормят небеса. Творец всего живого и Спаситель Нас сотворил не для одной еды. Поговорим о несравненной Сите, На борозде рожденной от звезды, И о любви к ней доблестного Рамы, Который одолел Равану — Смерть. «Рамаяна» — возвышеннее храма, И не дано ей, как любви, стареть.

Обратился как-то Вальмики, красноречивейший из риши, к божественному мудрецу Нараде с просьбой:

— Скажи мне, мудрейший, кто из людей самый безупречный, добродетельный, отважный, прекрасный, умудренный знаниями?

— Это Рама, сын Дашаратхи, — ответил Нарада не раздумывая. — Восславь его жизнь и деяния, если сумеешь. И лучше всего в таком песнопении, которое смогут прочувствовать все, обитающие на этой земле.

Поблагодарив мудреца, Вальмики удалился в растерянности, ибо не смог понять, что имел в виду Нарада, говоря о песнопении, какое в состоянии прочувствовать все живущие. Вскоре после этого бродил он со своими учениками по лесу, рассуждая о достойных предметах. И вот видит он двух куликов, затеявших любовную игру и в пылу ее не заметивших приближающегося охотника. Тот, воспользовавшись увлеченностью птиц друг другом, выпустил из лука стрелу, и самец упал, обливаясь кровью. Отчаянный крик самки пробудил в душе Вальмики гневные слова проклятия:

Охотник, любовь поразивший стрелою, Вовеки пребудешь ты в мире изгоем.

Выкрикнув это, Вальмики обратился к ученикам и продолжал их наставлять добру. Но слова проклятия то и дело всплывали в его памяти, и повторял он их, пока не понял, что проклял нечестивца стихом неведомого размера. И пришла ему в голову мысль: «Не это ли песнопение имел в виду Нарада, создатель многих стихотворных размеров и изобретатель первой вйны? Не оно ли способно лучше всего передать чувство любви, доступное всем живущим?»

Внезапно перед Вальмики предстал бог-творец.

— Это шлока! — возгласил он. — Поведай о Раме и Сите шлоками.

Едва только Брахма исчез, Вальмики отослал учеников и забросил все прочие дела. Он стал слагать поэму о Любви, прерванной разлукой, равной смерти.

Пролог на небесах

И вновь собрались боги на горе Меру, подпирающей тремя вершинами небо. Тысячелетия терзал небожителей страх перед смертью. Но и обретя бессмертие, они страдали от позора и бессилия.

Творец мира Брахма совершил величайшую оплошность. Поверив в добродетельность святого отшельника Раваны, он не только даровал ему неуязвимость, но и наделил его стрелой, не дающей промаха. Однако и безупречному мужу не выдержать испытания могуществом. Как только Раване были вручены дары Брахмы, он превратился в надменное десятиголовое чудовище, и все три мира потеряли покой. Сам владыка богов Индра в страхе перед Раваной принял облик павлина, и Равана прошел мимо, его не узнав. Когда же он вернул себе прежний облик, то был побежден сыном Раваны, взят в плен и с трудом обрел свободу. Побеждены были и другие боги, став поденщиками Раваны: Агни — поваром, Варуна — водоносом, Вайю — заметальщиком. После выполнения службы на острове Ланке, где был дворец Раваны, им было разрешено возвращаться на гору Меру.

Равана

Почувяв дуновение ветерка, боги разом повернули головы. Конечно, это Вайю! Как всегда, он запаздывает, а потом оправдывается, будто Равана заставляет подметать не только пол дворца, но и весь остров.

Устроившись на скале, Вайю радостно прошелестел:

— Слушайте, братья. Весть, которую я принес, поучительнее любой другой. Мне удалось подслушать разговор Раваны с его сыном Индраджитом.

При этом имени Индра заскрежетал зубами. Над Меру грянул гром и разнесся по миру.

— А много ли сыновей у Раваны? — грозно спросил владыка богов.

— Один Индраджит, он великий маг и волшебник, — отозвался легкомысленный Вайю, кажется не понимая, почему его перебили.

— Почему же ты не назвал его просто сыном?

— Прости, Индра, — проговорил Вайю. — Имя это вырвалось само. У меня не было намерения напоминать о позоре, нанесенном тебе «победителем Индры». Я взволнован. Я стал

обладателем тайны.

— Говори скорее! Что тянешь? — слышались голоса богов.

— Я узнал, — сказал Вайю, переходя на шепот, — что владычество Раваны не вечно. Сын, обращаясь к отцу, напомнил ему, что его может одолеть смертный, если его поддержат обезьяны.

— Это добрая весть, — проговорил Индра. — За обезьянами дело не станет. Ведь твой сын, Вайю, кажется, обезьяна?

— Хануман имеет облик обезьяны, — отозвался Вайю. — Но он великий воитель и главный помощник царя Сугривы.

— Что касается смертного, — продолжал Индра, — то у меня имеются сомнения. Сможет ли человек одолеть Равану и его сына, владеющего тайнами волшебства? Да и сколько нам придется ждать, пока этот смертный явится на свет?

— Прислушайтесь, боги! — слышался голос Агни. — Ко мне с алтаря на северном берегу Сарайю взывает Дашаратха, царь Кошалы.

— Что надобно еще этому старцу, прожившему шестьдесят тысяч лет? — воскликнул Яма. — В таком возрасте пора и перестать надоедать нам своими просьбами.

— Он просит наследника. Я слышу, как его голос заглушает мычание, по крайней мере, сотни быков.

При этих словах боги оживились, а Индра сказал:

— Люди на земле стали скупы. Мнится мне, что они проводили о нашем позоре. За последние сто лет нам никто не приносил в жертву более десятка быков. Дашаратха — достойный жертвователь, и ему надо помочь. Конечно, о сыне он мог бы подумать раньше.

— А что, если Равану сокрушит сын Дашаратхи? — перебил Индру Варуна.

— Прекрасная мысль! — воскликнул Вишну. — А есть ли у Дашаратхи жена?

— У него их три, — отозвался всеведущий Агни. — Старшую зовут Каушалья, среднюю — Кайкейя, младшую — Сумитра. Царь любит и балует более других Кайкейю, но он соблюдает закон очередности и в царском доме нет раздоров.

— Тогда я спущусь на землю и возрожусь в сыновьях Дашаратхи, — сказал Вишну. — И сыновей у него будет столько, сколько у света сторон, сколько колес в устойчивой колеснице, сколько у года времен. Но чтобы одолеть ракшасов, ивам, боги, придется всем спуститься на землю и возродиться там, как это уже сделал Вайю.

— Мы согласны! — ответил за всех богов Индра.

И возликовали боги, кажется, впервые поняв, что спасение не за горами. Но все же радовались они молча, опасаясь, как бы Равана не проведал об их замыслах. Не привлекая к себе внимания, Вишну поспешил на землю. Приняв там облик отшельника, он проник во дворец и предложил царским женам снадобье необыкновенного свойства. Каушалья отведала половину его, Кайкейя, закормленная сладостями, — восьмую часть, Сумитра, младшая из жен, — остальное.

И в тот же день каждая из трех понесла под сердцем дитя, но потребовалось еще три долгих месяца, чтобы о предстоящей радости стало известно им самим и их близким.

Кошала

Кошала считалась самым могущественным и богатым царством Индии. Блистательная столица ее Айодхья, сооруженная в незапамятные времена прародителем рода человеческого Ману, не уступала великолепием небесному граду Индры и сияла, как самый крупный бриллиант в короне земных городов. Не имели себе равных ее дворцы и чертоги. От них в разных направлениях, как солнечные лучи, отходили улицы, застроенные стройными рядами зданий, делаая столицу похожей на доску с клетками для игры в кости.

Город, омываемый тихоструйной Сарайю, защищала возведенная с величайшим искусством стена со многими башнями. Непрошенных гостей ожидали находившиеся в полной готовности орудия, мечущие камни и стрелы. В пустотах стены стояли наготове хорошо обученные боевые слоны и кони. Воители Айодхьи были отважны и благородны. Каждый из них владел колесницей и мог без труда пересечь с нее на боевого слона или коня. Попадая стрелой в цель по звуку, они никогда не позволяли себе стрелять в безоружных.

Нигде в Индии не было мудрее брахманов, чем в Айодхье. Никто лучше их не постиг духа вед. Они были чисты сердцем, не зная корысти и обмана, и потому угодны богам, дававшим им благоприятные знамения. Не уступали им слагатели гимнов риши, к которым благоволила Вач. Они вытесывали свои песни, как плотник колесницу, они сплетали слова, как ткачи пестрые ткани, и то, что создавалось их мастерством и вдохновением, переживало века.

Славились умением и мастера Айодхьи — прядильщики шелка, сверлильщики отверстий в драгоценных камнях, чеканщики, резчики, гончары, стеклодувы. Земледельцы Кошалы обеспечивали себя и жителей столицы рисом десяти видов, превосходным сахарным тростником, коноплей того прочного сорта, который шел на изготовление тетивы для царских луков и для священных одеяний. Скотоводы приводили упитанных быков и овец для пищи и приношения богам. Опытные лекари лечили от болезней. Лицедеи и фокусники развлекали народ, как всегда охочий до зрелищ. Женщины Айодхьи были прекрасны телом и душой, веселы и благочестивы.

Великим царством и достойными его обитателями управлял доблестный Дашаратха, бесстрашный, грозный для недругов, платящий за дружбу приязнью, за вражду враждой, господин своим чувствам и поступкам, равный могуществом Индре, богатством — Кубере. Не был он похож на тех царей, которые свои недостатки представляют величиной с горчичное семя, а пороки других — размером в гору. К нему съезжались раджи со всего мира как младшие к старшему, и не было ни одного, кого не одарил бы он подарком, достойным своего богатства и щедрости; но самым ценным даром считался совет Дашаратхи, ибо мудростью он соперничал с богоравным Ману, прародителем рода человеческого.

Подданные гордились своим царем, а царь — своими подданными, и управляющие миром боги уже привыкли к тому, что обитатели той части мира, которой правил Дашаратха, менее всего досаждали им своими жалобами и сетованиями, реже всего требовали вмешательства в свои неполадки, ибо, подражая царю, они были честны и не ведали зависти, лжи и коварства.

Ожидание

Дворец, столица и все царство были охвачены необыкновенным волнением. С быстротою Вайю распространилась весть, что не одна, а сразу три жены владыки ждут детей. По всем направлениям во весь опор скакали гонцы за разными диковинами, которыми пожелали обладать будущие матери, ибо выполнение любого пожелания беременной — наипервейшая обязанность супруга, заложившего семя и желающего иметь здорового наследника. Одновременно к соседним царям были отправлены почтенные члены совета старейшин с извещением, что Дашаратха, поразмыслив, возвращает безвозмездно захваченные им земли, служившие на протяжении нескольких поколений предметом раздора. И конечно же соседи понимали, с чем связана доброта Дашаратхи: во время беременности война опасна для супружеской пары и ожидаемого потомства. И хотя священный закон, запрещавший до родов стрижку ногтей, купание в стоячей воде и постройку нового дома, касался лишь той семьи, где была роженица, из солидарности с Дашаратхой ему добровольно последовали очень многие, и в Айодхье можно было видеть мужей, осторожно передвигающихся босиком, чтобы не обломать длинных ногтей. Возросло число тех, кого можно было принять по буйно растущим волосам за отшельников.

Со всей Индии прибыли в столицу врачи, чтобы следить за здоровьем царских жен. Брахманы перерыли священные книги и собственную память в поисках наставлений об обязанностях беременной, и не прекращались споры, какие из этих наставлений применимы в тех случаях, когда беременных сразу три.

Заблаговременно были выбраны три помещения в здоровой, юго-западной части дворца, из тысяч коров отобрали трех наилучших, которым требовалось поклониться за три дня до родов. С той же тщательностью были назначены женщины, имевшие здоровых детей, для сопровождения рожениц к месту родов. По всему дворцу, а затем и во всей столице были развязаны все узлы и, к великой радости узников, разбиты все колодки и оковы, чтобы ничто не могло помешать выходу новорожденных из материнского чрева на свет, чтобы роды были безболезненными.

Когда гонцы и трубачи возвестили наступление последнего дня перед родами, вся Кошала запела:

Четыре стороны у неба, У земли их четыре. Четыре семени боги вложили, Чтобы правде быть в мире.

Затаив дыхание, ожидало родов все царство. Ведь если, не приведя Брахма, жены Дашаратхи произведут на свет одних девочек, тогда после кончины царя его власть достанется их мужьям-чужакам. В храмах и домашних молельнях дни и ночи приносили жертвы богу Пушану, чтобы он даровал хотя бы одного мальчика. Можно себе представить всеобщее ликование при вести, что в царском доме за одну ночь один за другим появилось сразу четыре наследника, столько же, сколько сторон света, столько же, сколько колес у прочной колесницы!

Четырежды счастливый

И вот уже во внутренних помещениях дворца вместе с горьковатым дымом сжигаемого сандала разносится запах горчичного семени, от которого, как от огня, разбегается всякая нечисть, опасная для новорожденного. И великие заботы, возлагаемые священным законом на отца, легли на плечи четырежды счастливого Дашаратхи, отняв у него все время. Переходя от одного помещения к другому, безмянным пальцем он вкладывал в беззубые ротики младенцев священную смесь из молока, масла, меда, рисовой и ячменной муки, повторяя:

— Бхух! Я помещаю в тебя! Бхувах! Я помещаю в тебя! Бхух! Бхувах! Свах! Все это я помещаю в тебя!

Произнеся это, царь наклонялся кушку ребенка, стараясь не коснуться его бородой, и шептал: «Ты, Веда!»

Вместе с этой церемонией и этим словом сыновья обретали зародыш того, что станет главным в муже, — разум. Но еще оставалось позаботиться об их долголетию, об их сопротивляемости злу. Церемонии, церемонии... А после них предстояло вознаграждение всех, кто помогал родителям, кто просто присутствовал радовался, — золотом, серебром, коровами, постелями, зонтиками, гирляндами за каждого из четырех сыновей. Всякий получил на благо то, что было угодно его душе.

Однако все это было лишь преддверием к главной из церемоний рождения — к наречению имени, ибо имя давалось не просто, чтобы не спутать одного сына или дочь с другим и другой, — оно пророчески определяло характер и судьбу. Сколько же надо было думать, принимая советы брахманов и звездочетов, чтобы не ошибиться в выборе имен для царевичей! Сына от Каушалы Дашаратха решил назвать Рамачандра («Темный, как месяц»). Был младенец цветом кожи несколько темнее, чем сводные братья, и много подвижнее их. И впрямь, была судьба Рамы темна, и он провел много лет во мраке леса, где совершил великие подвиги, озарившие его имя сиянием славы. И оставался он темен для главного врага своего Раваны, который не сразу разгадал в царевиче великого противника, мстителя за богов и людей. Сын от Кайкеи получил имя Бхарата («Воспитанный»), и оно также определило его судьбу. Воспитание лишило его всего того недоброго, что он мог унаследовать от своей вздорной матери, сделало образцом порядочности. Сыновья от младшей, Сумитры, получили имена Лакшмана и Шатругхна, также соответствующие их судьбе.

Первые подвиги

И выросли сыновья Дашаратхи. Были они наделены красотой, силой, доблестью и жадой знания. Не было им равных в искусстве владеть луком, управлять колесницами, ездить верхом на конях и слонах. Могучерукие, крепко подпоясанные, готовые к схватке, они были любимцами горожан, взиравших на них с удивлением и восторгом. Поэтому слава о них обошла всю Индию.

Рама был мудрее и опытнее братьев. Еще будучи мальчиком и играя деревянным мечом, он вещал как опытный старец, был искусен в ведах и веданте, постигал человека с такой же быстротой, с какой выпускал стрелы из лука, был со всеми приветлив, умел обуздывать гнев, не терял достоинства в общении даже с дурными людьми.

Однажды во дворец явился прославленный праведник Вишвамित्रа. Предложил ему Дашаратха воду для омовения ног, полоскание для рта, почетное золотое сиденье. И рассказал праведник царю о бесчинствах, творимых в лесу нечестивыми ракшасами. Будучи наслышан о достоинствах Рамы, Вишвамित्रа попросил царя отпустить с ним сына, чтобы защитить лесную обитель. Не хотел Дашаратха расставаться с любимцем, но тогда отшельник разгневался, зашатался дворец и весь город, повалились на пол плохо закрепленные на стенах вещи. Испугался царь и уступил воле праведника. Рама был отпущен, и с ним вместе к подножью Гималаев отправился Лакшмана, неразлучный со старшим братом с детства.

Путь от тихой Сарайю к могучей Ганге занял много дней. Переправляясь через реку, великий отшельник впервые благословил юношей священной водой, произнес молитву, изгоняющую сглаз и чуждую волю.

На том берегу Ганги путники вступили в огромный и мрачный лес и сразу же увидели изуродованные деревья, безобразные ямы, разоренные гнезда, услышали стоны обитателей чащи.

— Это буйствует ракшаска Тарака, — объяснил Вишвамित्रа. — Она считает себя владычицей этого леса и вытворяет что хочет. Ростом она с гору и обладает мощностью тысячи взбесившихся слонов. Многие витязи пытались ее одолеть, но она ломала их мечи и копья, как былинки. Рама и Лакшмана! Вам придется ее убить. Да вот она приближается к нам со стороны дороги!

Юноши повернули голову и увидели столб пыли, скрывавший очертания чудовища. В путников полетели огромные камни. Один из них упал совсем рядом, врезавшись в землю.

Глаза Рамы загорелись гневом. Вытащив стрелу, он наложил ее на дугу лука и отпустил тетиву. Раздался дикий вопль. Тарака схватилась лапами за лицо. Сквозь пальцы ее хлестала кровь. Носа у Тараки словно не бывало.

— Вот я ее и проучил! — проговорил Рама, опуская лук.

— Убей ее! — посоветовал Вишвамित्रа. — Это очень мстительное существо и опасное, особенно ночью.

Рама наложил на лук вторую неотвратимую стрелу, и огромная голова ракшаски скатилась на дорогу.

После этого Вишвамित्रа приказал Раме взойти на камень и, когда юноша выполнил приказ, произнес заклятие:

— Будь тверд как камень и прими священное оружие.

Тотчас перед Рамой выстроились палицы, мечи и секиры.

Хором они произнесли:

— Владей нами, Рама! Ты господин, а мы твои слуги.

Рама поблагодарил Вишвамитру, а оружие отпустил, приказав:

— Слуги мои! Отдыхайте. Придете ко мне, когда я вам прикажу.

Вишвамित्रа и его спутники продолжали свой путь, пока не достигли местности, изобилующей благоухающими тенистыми деревьями. Сладкогласие птиц сливалось с журчаньем бегущих по камням ручьев, в которых плескались серебристые рыбки. Это и была лесная обитель

Вишвамитры.

Первую ночь царевичи отдыхали, а затем Вишвамитра поручил им охранять священное пламя алтаря. Пять ночей прошли без тревоги, на шестую раздался грозный гул, и на алтарь обрушились потоки черной крови. Задремавший было Рама вскочил на ноги и увидел в небе две огромные тени с перепончатыми крыльями, как улетучих мышей. Достаточно было двух стрел, чтобы пронесившиеся в небе кровожадные ракшасы подняли вопль. Один из них, Маричу, был отброшен стрелой к Океану, другой — Субаха, пронзенный насквозь, упал к ногам Рамы.

Лесной обители более никто не угрожал. Рама и Лакшмана могли возвращаться к себе домой. Но Вишвамитра уговорил их отправиться вместе с ним к царю видехов Джанаке, обещав им показать лук, которого не удалось согнуть ни богам, ни смертным.

Лук Шивы

С великой радостью принял Джанака святого праведника и прибывших вместе с ним царевичей. Рассказ же Вишвамитры о подвигах Рамы поверг царя и придворных в изумление. Проведя почетных гостей по дворцу, он пригласил их за празднично накрытый стол. И тогда Вишвамитра обратился к царю:

— Достоин удивления твой чертог, о Джанака. Но ты еще не показал сыновьям царя Дашаратхи свой божественный лук.

И хлопнул царь в ладоши, приказав выполнить пожелание праведника, и, пока шли за луком, рассказал братьям его удивительную историю:

— Однажды Дакша, тесть Шивы, устроил на небесах праздник, пригласив на него и земных царей. Так на небе оказался и мой предок Деварата. Но приглашение не было послано Шиве, и он, оскорбленный, явился с огромным луком. Не без труда удалось небожителям смягчить гнев Шивы, грозившего перестрелять всех. И тогда Шива, оглядев гостей, передал лук на вечное хранение моему предку.

Тут послышался с улицы скрип колес, дополненный тяжелым дыханием. Пять тысяч мужей с трудом катили огромную телегу.

— Вот святыня нашего рода, — сказал Джанака, подходя к окну. — Человеку и поднять-то лук Шивы не под силу.

— О Рама! — воскликнул Вишвамитра. — Мнится мне, что пора тебе взглянуть на это оружие!

Выбежав на улицу, Рама вскочил на телегу и откинул крышку огромного железного сундука. Все пространство вокруг наполнилось запахом сандала.

Царевич обратил лицо к Джанаке, вышедшему посмотреть, как Рама справится с луком.

Рама — натягивает лук Шивы

— Хочешь, — спросил Рама, — я подниму лук и соединю его концы тетивой?

Джанака кивнул в знак согласия.

Рама наклонился над сундуком, поднял лук одной рукой, надел на него тетиву и согнул. Раздался звук, подобный раскату грома. Мужья, катившие телегу, в ужасе повалились на землю. Царь смотрел на обломки гигантского лука широко открытыми глазами.

Опомнившись, он подошел к Раме и склонил перед ним голову.

— Исполнилось задуманное мною! — проговорил он.

Прочитав в глазах юноши недоумение, он продолжил:

— Я царствовал в Митхиле много лет, а боги все не давали мне потомства. Обратился я за советом к всеведущим брахманам, что мне сделать, чтобы не умереть бездетным. Они мне выбрали место для возведения алтаря и повелели вспахать его плугом. И вот когда я шел, держась за ручки плуга, из борозды вышла прекрасная дева, дарованная мне Притхиви, матерью-Землей. Обрадованный, я принес богам клятву, что отдам приемную дочь мою Ситу за того, кто сумеет натянуть тетиву на лук Шивы. После этого многие пытались это сделать, но отступили с позором, после чего, объединившись, пошли на меня войной и более года осаждали мою столицу.

— Эти же благосклонные боги прислали в Митхилу Раму. С таким зятем, как он, тебе никто не страшен, — сказал Вишвамитра. — Пошли, о царь, гонцов в Айодхью за Дашаратхой и пригласи его к себе. Думаю, что захочет он с тобой породниться.

Свадебный дар

В то утро дворец Айодхьи вместил едва ли не всех властителей Севера и Юга, Востока и Запада. Не было одного лишь Джанаки, раджи Митхилы, за которым второпях забыли послать гонца. Остальные же собрались в зале собрания и заняли места по старшинству, ожидая, когда появится любимец богов, покоритель вражеских городов Дашаратха. Царила атмосфера торжества и радостного ожидания, ибо каждый из собравшихся понимал, что не станут его приглашать издалека по маловажному делу.

И вот распахнулись настезь парадные двери, и под пение флейт в окружении пышной свиты перед великим собранием предстал махараджа. Пока он проходил к своему золотому трону под белым балдахином, раджи стояли, опустившись на сиденья лишь после того, как он сел.

Окинув взглядом зал, Дашаратха произнес речь голосом, подобным раскату грома:

— Многие тысячи лет минули с тех пор, как я начал править под сенью этого белого балдахина, следуя заветам предков, которые пеклись о подданных, как о своих детях. Ныне старость согнула мои плечи, и бремя дхармы утомило меня. Стремясь к покою, я возложил корону отчичей моих на старшего сына Раму, ставшего мужем дочери царя Митхилы и обладающего всеми достоинствами, какие надобно иметь государю. Я призвал вас, чтобы услышать ваше мнение о принятом мною решении. Рассудите меня, о мужи. Готовы ли вы подчиниться власти моего сына еще при моей жизни?

Едва отзвучали эти слова, как раздались единодушные возгласы одобрения. Раджи приветствовали решение великого владыки стоя, со сложенными ладонями.

И снова взял речь махараджа.

— Я имею честь, о мужи, пригласить вас на помазание моего сына в один из ближайших дней, когда луна войдет в созвездие Пушья. Пока же отправляйтесь в отведенные вам покои и ожидайте торжества.

В Доме гнева

Весть о решении Дашаратхи и о приготовлениях к великому торжеству, подобно счастливой птице, облетела Айодхью и все царство, переполнив всех радостью. Дома и хижины украсились гирляндами цветов. Забросив все дела, умастившись сандалом, одевшись в нарядные одеяния, люди стекались к царскому дворцу, чтобы занять лучшие места.

И во всей Кошале нашлись только два глаза, не излучавшие радость, а пылавшие злобой. Они принадлежали горбунье Мантхаре, выросшей вместе с царицей Кайкеей в доме ее дяди. Выглянув из окна дворца, услышав музыку и пение ведийских гимнов, смешивавшуюся с радостным говором толпы, ржанием коней и ревом слонов, и узнав о решении царя, она отправилась к своей подруге и наперснице, покоившейся на широком ложе.

— Вставай, неразумная! — проговорила Мантхара. — Известно ли тебе, что надвинулась беда, готовая смыть твоё благополучие, как разлившаяся река? Знай же, что твой супруг решил отказаться от власти в пользу Рама, а не твоего сына Бхараты. Несчастный живет в доме своего дяди, не зная, как и ты, ни о чем.

— Какое счастье! — воскликнула Кайкея. — Я горжусь Рамой не меньше, чем собственным сыном. И он будет радоваться принесенной тобою вести. Прими за нее в дар это ожерелье.

Но капля за каплей вливала Мантхара в душу недалекой царской любимицы яд зависти. И наконец Кайкея сама спросила совета, как сделать, чтобы царство досталось Бхарате.

— Удались в Дом гнева, — прошипела коварная советчица. — Предайся притворной печали. Супруг, увидев, что ты исчезла, бросится за тобою. И тогда ты выскажи две просьбы: пусть отправит Раму на четырнадцать лет в изгнание и назначит царем Бхарату.

— Но он верен своему слову и не нарушит его даже ради меня, — отозвалась Кайкея.

— Это верно! — воскликнула горбунья. — Но вспомни: когда ты вынесла раненого Дашаратху из боя, он обещал тебе на выбор два дара. Ты тогда от них отказалась, сказав, что жизнь с любимым — лучший из даров.

Злая женщина словно в воду смотрела. Отыскал царь свою любимицу в Доме гнева на голой земле, в затрапезном одеянии, без драгоценных украшений и бросился к ней со словами:

— Что стряслось? В чем причина твоей обиды? Чем я провинился перед тобой?

— Помнишь, — сказала Кайкея, вставая, — ты обещал выполнить две мои просьбы?

— Конечно, помню, — воскликнул царь. — Я готов их выполнить и теперь.

— Тогда, — сказала Кайкея, — пусть воцарится не Рама, сломавший лук Шивы, а мой сын Бхарата. Рама же пусть удалится на четырнадцать лет в непроходимые леса и носит одеяние из бересты, как положено отшельнику.

Услышав эти слова, царь потерял дар речи, когда же смог заговорить, объяснил Кайкее, какой вред она готова принести государству и всему Солнечному роду, какую обиду причиняет она безупречному Раме, какой несмываемый позор навлекает на свое имя. Но глупая и завистливая женщина была непреклонна. Упал тогда царь к ее ногам, умоляя пощадить его старость и любовь, которую он доказал своей жизнью. Но и это не помогло. И послал царь, никогда не нарушавший своего слова, возничего Сумантру за Рамой и Ситой.

Гроза

Рама и Сита еще почивали, но перед дверью их спальни толпились друзья и слуги, чтобы, как всегда, приветствовать их с наступлением нового дня. Вот раздались тяжелые шаги Сумантры, царского возничего, и лица ожидающих засияли. «Конечно же, — думали они, — Дашаратха послал за Рамой, чтобы объявить ему решение, и поэтому возничему велено не дожидаться пробуждения, а немедленно вступить в брачные покои».

Когда за Сумантрой закрылись двери, все взоры были прикованы к ней, и каждый, в силу своего воображения, представлял, что происходит в опочивальне, что говорит возничий и как радуются Рама и Сита.

Но вот и они. Огромная прихожая наполнилась гулом приветствий:

— С прекрасным днем, царевич! Возвращайся царем. Будь счастлив, сын Каушалы!

Начало дня и впрямь казалось прекрасным. Ярко светило солнце, и лужайка перед дворцом, еще не успев высохнуть, горела изумрудами. По ней туда-сюда с отвратительным криком расхаживали павлины.

— Павлины кричат к грозе, — проговорил Рама, обращая взор к небу, — но оно безоблачно.

Сита хотела ответить, но вдруг из кустов выскочила лань и потерлась головкой о ее бедро. Сита и лань были словно две сестры, большеглазые творения Любви.

Видя это, Рама успокоился.

— Наверное, — сказал он, — царь и всегда благосклонная ко мне Кайкейя решили ускорить коронацию. Иначе зачем бы им понадобилось прерывать наш сон?

— Да! Да! — согласилась Сита. — Я уже вижу тебя в одеянии из тигровой шкуры и слышу, как ты произносишь слова обета.

У входа в город Рама и Сита сошли с колесницы и двинулись ко дворцу пешком. Тысячи людей сопровождали их. За Рамой закрылись ворота. Стихли приветственные крики. Толпа ожидала в молчании выхода нового царя, начала нового царства и новой жизни. Обняв Раму на прощанье, Сита удалилась в женские покои.

Рама один медленно поднимался по ступеням царской лестницы, стараясь сдержать бешеное биение сердца. Слуга, ожидавший Раму на верхнем пролете лестницы, повел его не в тронный зал, а в покои Кайкейи. «Наверное, — подумал Рама, — в тронном зале еще не все готово для церемонии и Дашаратха решил мне что-то сообщить».

Но почему царь весь в черном? Почему так бледно и сумрачно его лицо? Почему он тяжело дышит — будто рыба, лишенная воды?

— Царь просил меня передать тебе, — властно произнесла Кайкейя, — что ты сегодня же должен покинуть столицу и отправиться в изгнание на семь и еще на семь лет. Готов ли ты выполнить приказание отца?

— Готов! — ответил Рама, складывая ладони.

И тогда Дашаратха обрел дар речи:

— Сын мой! У меня нет сил расстаться с тобой. Не уходи хотя бы сегодня. Уже близка ночь.

— Нет, государь, — ответил Рама. — Я обещал царице покинуть город сегодня и сдержу свое слово. Не печалься! Я вернусь через четырнадцать лет.

Изгнание

Почтительно приветствуя царевича, уже одетого в бересту, но не снявшего золоченых сандалий, Сумантра сказал:

— Взойди на повозку, доброславный, и я, как мне приказано, домчу тебя до цели.

И тогда из дворца выбежала Сита в грубом одеянии отшельницы. Напрасно умолял ее Рама не покидать Айодхьи и дожидаться его возвращения.

— Яне должна и не желаю расставаться с тобою, — отвечала Сита. И добавила: — Я не вынесу разлуки.

Рама и Сита заняли места в повозке. Слуги сложили на ее дно луки, мечи для Рамы, а для Ситы богатые одеяния и украшения, какие, рыдая, принес невестке царь. Дернул Сумантра поводья, и кони понеслись.

Высыпавшие на главную улицу люди умоляли замедлить бег коней, чтобы, может быть в последний раз, насладиться лицезрением Рамы и Ситы. В толпе был и царь в трауре, с лицом бледнее луны, когда ее заглатывает демон Раху. Выбежала и мать Рамы Каушалья и со стоном, заглушаемым ударами копыт о мостовую, побежала за колесницей.

Оглянулся Рама и едва не ослеп от зрелища горя родителей.

— Гони, Сумантра! Гони! — вырвался из груди его вопль.

И повозка помчалась, как яростный вихрь, как голубь, настигаемый ястребом.

Но почему Сумантра вдруг сдерживает коней? Это Лакшмана, милый Лакшмана стоит на дороге! Совсем недавно в ярости он порывался убить Кайкею, а если понадобится, и царя, впавшего в детство и потерявшего волю, а когда это вызвало гнев Рамы, с плачем удалился. Теперь все ясно! Как истинный брат, он решил разделить с Рамой изгнание.

Возмездие

Дашаратха долго не мог отвести глаз от удаляющегося облака пыли. Когда же пыль рассеялась, он пошатнулся и упал бы, если бы его не удержали с правой стороны Каушалья, с левой — Кайкейя. Обратив голову влево, царь сказал:

— Не касайся меня, негодная. Я больше не хочу тебя видеть. Я от тебя отрекаюсь.

Каушалья отвела Дашаратху в его покои. Изнуренный горем, царь уснул. Но ночью, открыв глаза, увидел сидевшую у постели Каушалью, которая охраняла его сон.

— Царица! — обратился он к ней. — Я хочу тебе рассказать о том, что случилось со мною в давние времена, когда ты еще не была моей женой. Будучи совсем юным, я не помышлял о женитьбе, отдавая все время охоте. Не было лучника, равного мне, ибо я попадал в цель по слуху, не видя ее. Это составляло предмет моей гордости. В один несчастный день я приказал запрячь колесницу и отправился к берегу Сарайю, надеясь в темноте подстрелить какого-нибудь зверя, идущего на водопой. Ночь была темной, ибо луна еще была серпом, а не диском. Оставив колесницу, я направился к берегу и услышал идущий от воды звук, напоминавший сопение слона. Я наложил на лук стрелу и отпустил тетиву. И тотчас услышал предсмертный человеческий крик. Раздвигая заросли камыша, я бросился к воде и увидел лежавшего в крови юношу. Вода выливалась из опрокинутого кувшина. Открыв глаза, умирающий сказал:

— За что ты убил меня, царевич? Ведь вместе со мной ты лишил жизни моих родителей, дряхлых и немощных, для которых я пошел набрать воды. Пойдя по этой тропинке, ты найдешь их хижину.

Когда я вытащил из спины юноши стрелу, он испустил дух. И я понес его тело по указанной мне тропе и положил его перед стариками, обливаясь слезами.

И тогда старец сказал:

— Я мог бы тебя испепелить на месте. Но я вижу, что ты погубил моего сына без умысла и сам страдаешь от своей вины. Поэтому моя кара постигнет тебя не сейчас, а через много лет. Ты умрешь от тоски по сыну. Пока же помоги мне собрать сухих сучьев и удались навстречу своей судьбе.

На следующий день, уже придя к этому месту, я не застал стариков. Родители убитого мною юноши взошли на погребальный костер. Теперь я умираю, как мне предсказано, от тоски по своему сыну. Благословенны те, кто дождутся возвращения Рамы и Лакшманы вместе с Ситой.

Дашаратха внезапно замолк. Из его груди вырвался последний вздох.

Бхарата

Бхарата не ведал о том, что случилось в столице. Вместе с братом Шатругхной он гостил в далеком царстве у своего дяди. И в ночь смерти отца приснилось ему, что на землю обрушилась луна и тотчас погасла. Отец привиделся ему нечесаным, бледным, покрытым цветочными венками, на колеснице, влекомой ослиами.

Пробудившись, стал Бхарата искать прибывших накануне послов, чтобы узнать о доме. Но послы его избегали, если же он их настигал, отводили глаза. Ибо кто из людей, наделенных сердцем, хочет быть вестником горя?

И поспешил Бхарата в Айодхью. Вступив в ворота, он не узнал города, в котором вырос. Улицы были пустынные. Из домов доносились стоны и плач.

— Где отец?! — закричал Бхарата, врываясь в царские покои. Но ему отвечало лишь эхо.

Наконец показалась мать в траурном одеянии и, склонившись перед Бхаратой, проговорила:

— Отца твоего постигла участь всех смертных.

Услышав эту весть, Бхарата лишился чувств. Кайкейя помогла ему подняться, и Бхарата нашел в себе силы спросить:

— Какой же его постиг недуг? Что он успел сказать перед смертью?

— Он сказал: «Благословенны те, кто дождутся возвращения Рамы и Лакшманы вместе с Ситой».

— А где же мои братья? Почему их нет в городе?

— Рама в изгнании, — ответила Кайкейя. — Ведь не могла же я допустить, чтобы трон был передан ему, а не моему сыну.

— Так это ты и есть недуг, погубивший моего отца! — воскликнул Бхарата. — И ты еще надеешься, что я займу трон, освобожденный таким путем?! О, как мне смыть позор, павший на мою голову! О, как мне вернуть в Айодхью Раму!

С этими словами Бхарата кинулся в покои Каушалы. Увидев его, она сказала:

— Вот и ты, с помощью матери обретший царство. Повели же, чтобы меня и Сумитру отослали в лес, где ведут жизнь подвижников твои братья.

— Не укоряй меня, царица! — воскликнул Бхарата, бросаясь к ногам Каушалы. — Я ничего не знал о замыслах моей матери. Из всех, кого опозорила моя мать Кайкейя, я самый несчастный.

В тот же день тело Дашаратхи, дожидавшееся в масле погребальной церемонии, было предано огню. И Бхарата, как положено сыну, принес поминальную жертву и одарил брахманов, совершавших погребальные обряды.

Дорога для Рама

Окончились дни траура, и царские советники явились к Бхарате. Поклонившись ему, они сказали:

— Страна, лишенная царя, подвержена бедам и мятежам. Она становится легкой добычей врагов. Младшие не повинуются старшим. Жены — мужьям. Жители не строят домов. Стань же царем, о Бхарата!

— Вам известно, — отозвался Бхарата, — что царь, назначенный моим отцом, в лесу. Никто не может его заменить. И если жители не хотят строить домов, пусть хотя бы проведут дорогу, по которой Рама сможет вернуться в Айодхью.

В то же утро из города вышли десятки тысяч людей с лопатами и топорами. Они расчищали заросли, прорубали в лесу просеки, засыпали рывины и ямы. Вслед за первыми строителями дороги со всего царства двинулись другие. На тысячах повозок был подвезен камень для мощения дороги. Через реки и ручьи были переброшены мосты. Любовь к Рама преодолела все преграды. Прямая как стрела дорога была доведена до Ганги, и за ее сооружением с небес наблюдали сами боги.

Как только дорога была закончена, в назначенный день из Айодхьи по ней двинулось огромное войско. Сто тысяч всадников, шесть тысяч лучников на боевых колесницах, тысяча слонов сопровождали Бхарату к месту изгнания брата.

Рама же вместе с Лакшманой и Ситой жил в лесу, не ведая о приготовлениях к его возвращению. Однако вскоре в лесу появилось множество оленей, буйволов, слонов и тигров, спасающихся бегством, и стал доноситься неясный гул. Рама попросил Лакшману забраться на дерево, чтобы взглянуть, что происходит. Обратившись к востоку, увидел Лакшмана проведенную через лес дорогу и двигавшееся по ней войско.

Взволнованный, он спустился на землю.

— Скорее отводи Ситу в знакомую одним нам пещеру. Я же пока буду отражать войско Бхараты, сына Кайкеи. Он намерен убить нас обоих, чтобы обеспечить свою власть. Это из-за него мы здесь. Нет греха его убить.

— Успокойся, брат, — проговорил Рама, положив ладонь на плечо Лакшманы. — Я не верю, что Бхарата может поднять против нас оружие.

Между тем, оставив войско, Бхарата в сопровождении Шатругхны и Сумантры по струйке дыма, поднимавшейся над деревьями, отыскал хижину отшельников и приблизился к ним, сидящим у горящего очага.

При виде Рама, одетого в бересту, с оленьей шкурой на плечах, Бхарата зарыдал и бросился к его ногам.

— О брат мой! — вопил он, обливаясь слезами. — Это из-за меня, несчастного, ты терпишь бедствия. Презренна моя жизнь!

— Не надо терзаться, брат! — успокаивал Рама Бхарату. — И как ты мог оставить в Айодхье нашего отца?

Еще пуще зарыдал Бхарата.

— У нас нет отца. Он покинул нас, сокрушенный горем. И всему виной моя мать, стремившаяся завладеть царством!

Весть о смерти отца лишила Раму чувств. Братья и Сита обрызгали его лицо вином, и Рама очнулся. И тогда Бхарата сказал:

— Я пришел за тобой от имени народа, который специально проложил для тебя дорогу через леса. Народ и мы с Шатругхной ждем тебя, повелитель!

— Что сказал отец, умирая? — спросил Рама.

— Последние его слова: «Благословенны те, кто дождутся возвращения Рама и Лакшманы вместе с Ситой».

— Вот видишь, отец, умирая, не изменил своего решения. И я останусь в лесу.

Поняв, что Рама не уступит, Бхарата молвил:

— О благородный! Я больше тебя ни о чем не прошу. Но сними с себя украшенные золотом сандалии и отдай их мне.

Недоумевая, Рама удовлетворил эту просьбу. Принимая сандалии, Бхарата поклонился им и сказал:

— Я беру их с собою, чтобы водрузить на отцовский трон, заняв его для тебя. Сам же я надену бересту и буду править вне дворца от твоего имени.

Весть о непреклонности Рамы достигла столицы. И сразу же жители ушли в леса, чтобы, став отшельниками, молиться за Раму. Бхарата вошел в пустой город, встреченный не радостными возгласами подданных, а мяуканьем одичавших кошек. Айодхья стала как поток, обмелевший от нестерпимого зноя, как обгоревший после последнего жертвоприношения алтарь в покинутом храме, как корова с печальными глазами, разлученная с быком, как перерезанная вражьей рукой тетива.

Золотой олень

Братья и Сита продолжали жить в хижине на прекрасной поляне, окруженной цветущими деревьями. Сита занималась хозяйством, Рама и Лакшмана по очереди охотились, чтобы не оставлять Ситу одну.

Однажды в поисках дичи к ним забрела самая безобразная из ракшасок, сестра Раваны. Она застыла, не в силах оторвать взгляда от мягких кудрей Рамы, от его удлинённых глаз, сияющих из-под густых ресниц подобно голубым лотосам. Вспыхнуло сердце уродины страстью, и она бесстыдно предложила себя Раме в жены, обещая оставить Ситу служанкой.

Братья расхохотались. И тогда, выпустив когти, с воплем: «Я ее съем!» — бросилась ракшаска на счастливую соперницу. Глазами испуганной лани смотрела царица в пылающие яростью гляделки страшилища. Защищая жену, Рама схватил ракшаску, а Лакшмана отсек ей мечом уши и нос.

Обливаясь кровью, добралась изуродованная ракшаска до Ланки и предстала перед братом, призывая к мести.

— Я его уничтожу! — воскликнул владыка ракшасов, выслушав рассказ сестры. — Я пошлю против него четырнадцатитысячное войско.

— Зачем? — проговорила ракшаска. — Тебе лучше похитить Ситу. Она так прекрасна.

Искусно описывая красоту Ситы, она с ликованием наблюдала, как загораются глаза Раваны.

Отпустив сестру, призвал Равана могучего и свирепого ракшаса Маричу, давно уже наводившего ужас на отшельников.

— Ты отправишься вместе со мной к хижине Рамы, — приказал он ему, — и примешь облик золотого оленя. Братья пожелают тебя поймать. Тогда в хижину вступлю я.

Маричу вздрогнул. Однажды он уже чуть не погиб от руки Рамы и с той поры избегал встреч с ним.

— Второй раз мне живым от Рамы не уйти, — сказал Маричу, — но и тебе не сносить твоих десяти голов, если ты посягнешь на Ситу.

Не внял восплаивший страстью Равана этому предостережению.

Первые лучи солнца разбудили Ситу, и она вышла на луг нарвать цветов. В нескольких шагах от нее пронёсся олень. Золотая его шкура была покрыта серебряными пятнами. На кончиках ветвистых рогов сверкали алмазы, копыта блестели изумрудами. Олень прыгал, скакал, скрывался и вновь появлялся. Громким криком разбудила Сита братьев, и они при виде оленя застыли в изумлении.

Первым обрел дар речи Лакшмана:

— Прекрасное животное! Но видано ли, чтобы олень разгуливал по лесу в золоте и драгоценных камнях? Не принял ли олений облик Маричу, гроза лесов?

— О Рама! — воскликнула Сита. — Поймай мне оленя! Я приручу его, и он будет нам утехой.

Рама взглянул на Ситу с любовью и не огорчил ее отказом. Лакшмане же, когда супруга удалилась, сказал:

— Кем бы ни был этот зверь, нынче он будет в моих руках. Ты же смотри за Ситой и не оставляй ее одну.

Взяв лук со стрелами и веревку, Рама бросился за оленем. Животное то бежало, прячась за деревьями, то взмывало в воздух. Все дальше и дальше уходил Рама от хижины. Наконец ему удалось пустить вдогонку оленю стрелу, целясь ему в ногу. Но стрела пробила голову, и взревел смертельно раненный ракша. Рассыпались чары, и уже не олень, а Маричу распростерся под пальмой. Но, умирая, он успел крикнуть голосом Рамы:

— О Сита! О Лакшмана! Помогите!

В испуге, что жена и брат поддадутся обману, бросился Рама к хижине, но было поздно: встревоженная Сита уговорила Лакшману бежать на подмогу брату. Лакшмана помнил

предупреждение Рамы, но крик взволновал и его.

Едва он удалился, как из-за дерева вышел Равана в облике пустытника. Сита радушно встретила гостя, разложила на банановом листе угощения. Но тут перед хижиной опустилась упряжка коней. Приняв свой истинный облик, Равана схватил Ситу и вместе с ней вскочил на колесницу.

И вот он уже уносит ее, потерявшую сознание, по воздуху. В своем желтом шелковом одеянии, развеваемом от ветра, царица сверкала, как молния в черной грозовой туче, как золотая подпруга на темношерстном слоне. Лепестки лотоса, слетавшие в быстром движении с головы Ситы, орошали кроны деревьев ливнем, украшения с ее ушей, рук и ног разбивались о землю, словно падающие звезды.

Поиски

Не найдя Ситы в хижине и не догадываясь, что с нею, Рама метался по лесу. Он звал подругу и вопрошал всю природу о ее судьбе. Он обращался к Сурье, свидетелю всего доброго и дурного, совершающегося на земле, к дереву ашоке, прогоняющему зло, к пальме, такой же стройной, как Сита, к воронам и гусям, к слонам и антилопам, к тиграм и львам. Но небесное светило, деревья, птицы и животные молчали, страшась гнева Раваны. В ярости угрожал Рама богам, уже готовый насытить воздух стрелами, преградить путь ветрам, обрушить вершины гор, погрузить всю землю во мрак, если они не вернут ему Ситу. Но безмолвствовали и боги. Рама бродил по лесу, натываясь на деревья, проливая слезы.

Но вдруг Лакшмана, страдавший не менее Рамы и к тому же винивший в случившемся только себя, заметил, что шедшие на водопой олени стремительно понеслись к югу и сразу же вернулись. Когда это повторилось трижды, понял Лакшмана, что животные, опасаясь из страха перед похитителем открыть тайну, своим движением указывают путь.

— Взгляни, Рама! — радостно воскликнул Лакшмана. — Олени показали нам, куда идти.

И двинулись сыновья Дашаратхи к югу, все время пристально смотря под ноги, нет ли на земле следов царевны Митхилы. Вскоре Рама заметил разбросанные на поляне цветы.

— Лакшмана! — воскликнул он. — Эти цветы я подарил Сите, чтобы она сплела из них венки. Удивительно, что они не завяли!

Двигаясь дальше, братья увидели обломки золотой колесницы и усыпанные изумрудами разбитые доспехи, а рядом с ними — перья большой птицы. Углубившись в лес, они наткнулись на смертельно раненного царя коршунов Джатайю. Узнав друга своего отца, Рама обнял его, и из прерывающейся речи братья узнали, что Джатайю услышал женский крик «Рама! Рама!» и, подняв голову, увидел летящего на золотой колеснице Равану с Ситой. Он сразил могучим клювом крылатых коней, убил возничего, сломал колесницу, но Ситу отбить не смог, ибо был уже дряхл.

— Не отчаивайся, Рама, — закончил Джатайю свой рассказ. — Боги дали мне понять, что ты отыщешь Ситу и ее освободишь. Помощником же тебе будет царь обезьян.

Это были его последние слова. Рама повелел Лакшмане набрать сухих ветвей, выбрать у реки место для погребения и предать тело крылатого героя священному огню.

— Теперь ты должен успокоиться, брат, — убеждал Лакшмана Раму. — Джатайю, облетающий небо, был близок к богам и знал их волю. Сита к тебе вернется.

— Не знаю, что и думать, — молвил Рама, грустно покачивая головой. — Меня смущают его слова о царе обезьян. Разве у обезьян бывают цари? А если они и есть, какая от обезьян помощь?

Долго шли братья непроходимым лесом, расчищая себе дорогу мечами, преодолевая завалы деревьев, переплывая реки, пока не достигли прекрасного озера. Прибрежные воды его сверкали белыми лилиями, вокруг зеленого островка в центре плавали белые лебеди, на склонах уходящей в небо горы тысячи цветов сплетались в многокрасочный ковер, по которому, соперничая с ним яркостью красок, плясали павлины. Шум колеблемой ветром листвы сливался с гудением пчел. Одурающие пахли жасмины.

Но и это великолепное зрелище, эти звуки и запахи не могли утешить Раму. Напротив, он еще больше страдал от разгорающегося пожара тоски. Листья ашоки жгли его, как раскаленные угли. Насыщенный ароматами ветер напоминал ему благоуханное дыхание Ситы. Она вставала в его воображении такой, какой он ее видел, покидая хижину, — спокойной, не ждущей беды. И рыдающей, как в то мгновение, когда им сообщили об изгнании.

Великий союз

В то утро царь обезьян Сугрива покинул пещеру, служившую ему убежищем, но, увидев двух воинов, расположившихся на берегу, немедленно спрятал голову. «Мой брат Валин изгнал меня, а теперь подослал людей, чтобы отправить меня в царство Ямы», — подумал он и растолкал спавшую в углу огромную обезьяну.

— Вставай, Хануман! — сказал он. — Там, на берегу озера, двое. Не их ли послал мой братец, чтобы меня убить? Если это не так, приведи этих людей; они могут оказаться нам полезными.

Приняв облик отшельника, сменив копье на посох, Хануман полетел вниз таким образом, чтобы пришельцы не видели, как он опускается на землю.

Приблизившись к братьям, занятым беседой, Хануман их приветствовал:

— Мир вам, добрые люди!

— И тебе мир, — отвечал Рама. — Ты выбрал для молитв хорошее место. Здесь все дышит покоем.

— Так вы пришли сюда за покоем? — спросил Хануман.

— Не совсем, хотя мы потеряли покой, — ответил Рама.

— И мой господин тоже его потерял. Он изгнанник. Видите гору? Посредине ее отверстие. Это вход в пещеру. Там я живу с владыкой Сугривой.

— Как же вы забрались по такой круче? — спросил Лакшмана.

— Забрались, — неопределенно протянул отшельник. — Мой господин приглашает вас в гости. Я помогу вам добраться к нам.

— Ты?! — удивился Рама.

И тут на глазах братьев отшельник превратился в огромную обезьяну с длинными мощными лапами, в одной из которых было копье.

— Ты обезьяна! — воскликнул Рама.

— Да, ибо мать моя чистокровная обезьяна. Но рожден я от бога ветра Вайю. Отец наделил меня быстротой и способностью увеличиваться или уменьшаться в размерах — подобно тому, как сам он постоянно меняет форму и величину облаков. Разрешите мне перенести вас в пещеру, ибо мой господин будет гневаться на меня, если ему придется ждать пару дней, пока вы до него доберетесь.

— Мы согласны, — сказал Рама, вспомнив о предсказании царя коршунов.

Хануман охватил братьев за шеи, и через мгновение они оказались в пещере перед такой же обезьяной, как Хануман, только менее мощной.

Хануман

— Мы — Рама и Лакшмана, сыновья царя Дашаратхи, — представился Рама. — Отец перед смертью осудил меня и мою жену Ситу на изгнание. Брат последовал за нами. Отец же вскоре умер от горя. А Ситу похитил Равана. Не пролетала ли над тобой колесница ее похитителя?

Сугрива вытащил желтый лоскут.

— Это упало с колесницы, пролетавшей над нашей горой.

Схватив лоскут, Рама бросился к Лакшмане.

— Смотри! Это же клочок ее платья, ее знак — мы идем по верному следу.

— Я могу вам помочь, — сказал Сугрива, — а вы мне. Ведь и я потерял жену вместе с царством из-за козней моего злого и завистливого брата Валина. Мне удалось скрыться вместе с Хануманом и еще двумя слугами в пещере. Я уверен, что брат разослал людей, чтобы отыскать меня и убить.

— Будем действовать вместе, — проговорил Рама, протягивая Сугриве руку.

Ладонь его потонула в мощной обезьяньей лапе.

Пора войны

Сурья ярился, как вепрь, сжигая раскаленным оком травы и осушая ручьи. Но вот наступило время дождей. Индра пролился с небес, чтобы поля, насыщенные влагой, проростили зерно. Свершив это, он удалился на покой. Растворились в небесной глубине громогласные тучи. Утихли ливни. Смолкли павлины. Стали просыхать дороги. Обнажились песчаные мели рек. А от Сугривы все еще не было вестей. Наслаждаясь любовью и властью, он, кажется, забыл о своем обещании. И Рама отправил к нему Лакшману, чтобы напомнить об их уговоре.

Взяв лук и стрелы, направился юноша к Сугриве, готовый его поторопить или покарать. При виде могучего воина, идущего по дороге к обезьянней столице, всполошилась стража. И оторвался Сугрива от своих жен Румы и Тары. И отправил он навстречу Лакшмане луноликую Тару, которая ласками умерила его гнев.

И в то же утро разослал Сугрива гонцов во все пределы своих необъятных владений. Очень скоро под стены обезьянней столицы стеклось огромное лесное воинство, десятки тысяч хвостатых подданных, готовых выполнить любое приказание своего царя. К ним присоединились их союзники — на вид неповоротливые медведи.

Рама и Лакшмана стояли у городских стен рядом с Сугривой и Хануманом. Было решено вызвать Валина на сражение.

— Давай это сделаю я! — предложил Рама царю.

— Но это мой долг! — проговорил Сугрива после долгого молчания. — Ведь я не могу допустить, чтобы мои подданные считали меня трусом.

— Он прав! — воскликнул Лакшмана.

И братья решили не участвовать в схватке, а за нею наблюдать.

Всю ночь на стенах обезьянней столицы горели огни. Слышно было, как меняется стража. Обезьянны выкрики сливались с голосами ночных птиц и с ревом вышедших на охоту хищников.

На заре Хануман подошел к воротам и крикнул:

— Мы пришли освободить вас от Валина. Радуйтесь!

Ворота тотчас распахнулись и оттуда, гремя доспехами, выступил брат Сугривы. Послышался звон скрестившихся мечей. Валин был моложе и сильнее Сугривы. Но присутствие Рамы и Лакшманы воодушевило Сугриву, и Валина стал отступать. Притворившись раненным, он опустил меч и застонал. Сугрива остановился. И тогда Валин одним ударом сбил его с ног. Сугрива выронил меч. Валин занес над ним свое оружие. И в это время из кустов вылетела стрела Рамы, пробившая Валину грудь.

Рама и Лакшмана вышли из кустов и подошли к умирающему. Тот повернул голову.

— Я тебя узнаю! — сказал Валин. — Ты мне явился во сне.

— Значит, этого захотели боги, — сказал Рама и отвернулся.

Так Сугриве было возвращено его царство.

Зайдя в город, он обратился к своему воинству:

— Вот что, звери. Вы помогли мне возвратиться на царство, а теперь помогите отыскать супругу Рамы, моего друга и спасителя. Отомстим ненавистному всем нам царю ракшасов Раване.

Спустившись вниз, Сугрива занял подготовленную Хануманом колесницу. С громогласным ревом двинулись за нею ряды обезьян и медведей. Впрочем, звери недолго держали воинский строй. Обезьянам было невозможно долго двигаться по земле, и большая часть их передвигалась вдоль дороги прыжками, от одного дерева к другому, медведи же топали, поднимая лапами столбы пыли, служившие обезьянам ориентиром.

Достигнув озера, где братья встретились с Хануманом, Сугрива разделил свое воинство на отряды, каждому из которых было указано направление. Было решено прочесать всю Индию.

Во главе тех, что пошли на юг, был племянник Сугривы и его наследник Ангада. Его вызвался сопровождать Хануман, решивший втайне от братьев слетать на Ланку.

У Агастьи

Ожидая возвращения отрядов, Рама и Лакшмана были заняты поиском оружия богов. Ведь они понимали, что с помощью обычного оружия им коварного Равану не одолеть.

— Как жалко, что ты, Рама, сломал лук Шивы. Ох, — вздохнул Лакшмана. — Он бы нам пригодился.

— Да, это было могучее оружие, — согласился Рама. — На нем я впервые испытал свою силу. Но, мне кажется, ему не уступает лук Вишну.

— Но где он?

— У Агастьи.

— Того, кто выпил море? — спросил Лакшмана.

— Его. Но Агастья, да будет тебе известно, совершил не менее удивительный подвиг. Случилось так, что гора Виндхья прониклась завистью прославленной своей сестре золотой Меру, вокруг которой вращаются все небесные светила. Виндхья потребовала, чтобы Солнце обходило ее слева направо. И когда оно отказалось выполнить этот нелепый каприз, она стала назло богам, живущим на Меру, расти. Дело дошло до того, что она уперлась своей вершиной в небесный свод, преградив путь свету. Можешь себе представить, как стало темно на земле. И тогда Брахма, зная, что для Агастьи нет ничего недоступного, посоветовал богам обратиться за помощью к Агастье, отдыхавшему после известного тебе подвига. И Агастье удалось уговорить упрямицу. Она склонила свою вершину, и на земле стало светло, как теперь. После этого Вишну вручил Агастье свое оружие.

— Ас какой стати он нам его отдаст? — вставил Лакшмана.

— Но ведь он нам не чужой человек, — продолжил Рама. — Дай Равана его злейший враг. За свою долгую жизнь он столько натерпелся от него и его ракшасов.

Путь к Агастье братьям указали птицы. Великий риши жил в глуши, питаясь кореньями и плодами. Он был любим всеми животными, и они, следуя его наставлениям, не обижали слабых, не истребляли друг друга.

Агастья приветливо встретил царевичей, ввел их в свою хижину, предложил напиться, угостил фруктами, а затем обратился к Рама:

— Мне известно, что вас ко мне привело. И вы не уйдете с пустыми руками.

— Произнеся это, Агастья снял со стены и протянул братьям колчан с тремя стрелами.

— Вот эти две стрелы простые, — отшельник прикоснулся к ним пальцами, — а эта, с алмазным наконечником, — особая. Храните до тех пор, пока не наступит время решающей схватки с Раваной.

— Но я слышал, что у тебя есть лук Вишну, — не сразу отозвался Рама.

— Вишну и есть твой отец. Ты рожден им для подвига.

Старец поведал Рама и Лакшмане тайну их рождения, начав с совета богов, на котором было принято решение во имя победы над Раваной дать жизнь четверем сыновьям в семье Дашаратхи. Потрясенные, внимали братья рассказу отшельника. Теперь они были уверены, что помощь богов в борьбе с Раваной будет им обеспечена.

У Океана

Уже через месяц, не отыскав следов Ситы и ее похитителя, начало возвращаться воинство с севера, востока и запада. Лишь южный отряд, рассыпавшись широким фронтом, двигался к южной оконечности Индии, омываемой океаном. Но и ему не удалось найти Ситу и даже что-либо узнать о ней. Однако, опасаясь гнева Сугривы, эти обезьяны решили остаться на какое-то время у океана.

Однажды они увидели огромного ястреба. Он летел невысоко, видимо для того, чтобы, как обычно делают его собратья, камнем упасть на добычу.

И тут сказал Хануман Ангаде:

— Взгляни, как необычно поведение этой царственной птицы. Она слишком долго парит. Я не удивлюсь, если она расскажет нам что-нибудь о Сите, как это уже сделал царь коршунов Джатайю.

На самом деле у ястреба не было такого намерения. Обессиленный голодом, он намеревался напасть на обезьян и выбирал добычу пожирнее и послабее, по своим силам. Но, услышав имя «Джатайю», птица опустила рядом с Хануманом.

— Что ты знаешь о Джатайю? — спросила птица.

— Я знаю со слов Рамы, что он пал в битве с владыкой ракшасов Раваной, пытаясь отнять у него похищенную деву. А тебе известен Джатайю?

— Это мой брат, — ответил ястреб. — Зовут меня Самнати. Я был неразлучен с ним в молодости и так же, как он, одержим мыслью взлететь на небо, чтобы утвердиться рядом с Солнцем. Теперь я понимаю, что это была безумная затея. Но мы были молоды и честолюбивы. Воздух поначалу был теплым, напоенным ароматом цветущих лугов и людских становий. Затем он утратил все запахи и стал холодным как лед, а пронизывающие его солнечные лучи стали подобны раскаленным иглам. Внизу под нами исчезли все подробности нашей земной жизни. Леса слились с полями и реками, и едва была различима громада Гималаев в виде белых зубцов гребня. Мы же поднимались все выше и выше, в бездонность, и все нестерпимее становился жар светила. «Останься, брат мой, — сказал мне Джатайю. — Дальше я полечу один». Но мог ли я его покинуть? И я от него не отставал. Солнечная колесница была совсем рядом, и мы не отводили от нее глаз. Мы видели самого Сурью и его колесничего Аруну. Но боги, возмущенные нашей дерзостью, приказали Сурье вспыхнуть с утроенной силой. Я почувствовал, как начинают тлеть мои крылья, и рванулсЯ вперед, чтобы защитить брата от гибели. Огонь обрушился на меня, выжег глаза, обуглил перья. Я камнем полетел вниз. Джатайю, которому я сохранил крылья, не дал мне разбиться и помог достичь земли. Мы спустились здесь, в месте, где вы расположились лагерем. С тех пор я не могу летать далеко и высоко подниматься. Но мне хватает корма. Ведь птицы, которых вы разогнали, здесь отдыхают перед перелетом через Океан. Что же надобно вам в моих угодьях?

— Мы ищем жену Рамы Ситу, которую пытался спасти твой брат и был убит Раваной.

— Но царство Раваны не здесь, — сказал Самнати. — Оно на Ланке, прекрасном острове посреди Океана. Наверное, та, о которой ты говоришь, там.

Едва ястреб успел произнести эти слова, как его обгоревшие крылья стали покрываться перьями и пухом. Обезьяны, и особенно сам Самнати, были этим очень удивлены.

— Наверное, бог Солнца простил твое прегрешение, потому что ты помогаешь нам отыскать Ситу, — предположил Хануман.

Попрощавшись с обезьянами, Самнати взмыл в воздух и скрылся из виду. Глядя ястребу вслед, Ангада сказал:

— Нам бы его крылья. Тогда мы бы вскоре оказались на Ланке и освободили пленницу Раваны.

Хануман шлепнул себя лапой по лбу:

— Прекрасная мысль. Я — бескрылый, но могу одним прыжком преодолеть расстояние, доступное птицам.

— Но что ты будешь там делать один? — удивился Ангада.

— Сражаться! — воскликнул Хануман. — Встречусь с Ситой. Ведь Рама передал мне свой перстень, чтобы Сита узнала меня как его посланца. А вы вернетесь и скажете Рама, чтобы он меня ждал.

Не долго думая, Хануман превратился в исполина, взлетел на гору и, оттолкнувшись от нее, взметнулся над Океаном в гигантском прыжке.

Рассказ Ханумана

Шли месяцы. Южное войско возвратилось к озеру, и дошла до Рамы весть о решении Ханумана, на которое мог пойти только безумец или безмерно преданный друг. Многие уже не ждали советника Сугривы, и поэтому весть о его возвращении грянула как с чистого неба гром Индры. Долгую зимнюю ночь длился рассказ смельчака о его удивительных приключениях в стране ракшасов.

— Я летел над волнами, — начал Хануман, — и моя огромная тень скользила по ним. Океан, мой дальний родич, был ко мне благосклонен. Повелел он горе Майнаке подняться из пучины, чтобы я мог на ней передохнуть, но я, едва коснувшись ее, продолжал полет. Вскоре моему взору предстал зеленый остров, и в центре его я увидел обнесенную стеной столицу и ее белоснежные дворцы. Опустившись на вершину горы неподалеку от столицы, я решил дожидаться ночи, чтобы, уменьшившись до размеров кошки, проникнуть в обрамленный золотом чертог Раваны. Конечно же я решил, что Сита томится в этом дворце среди жен владыки ракшасов.

Рама застонал.

— Нет! Нет! — успокоил его Хануман. — Не волнуйся, друг мой. Внимательно осмотрев всех красавиц, чем бы они ни были заняты, я не нашел среди них твоей супруги.

Рама застонал еще громче.

— Не было ее ни в трапезной, ни в спальне. Тогда я вспомнил про сад, который рассмотрел, пролетая над столицей ракшасов. Я влез на стену и шел по ней до тех пор, пока не увидел в конце сада прекрасную женщину, сидевшую в окружении безобразных ракшасок. Тогда я вернулся во дворец, набрал из чаш, находившихся повсюду, жареных зерен пшеницы и стал посыпать ими дорожки. Сразу же слетелись птицы и стали с криком клевать зерна. Затеяв между собой драку, они носились между деревьев, сбивая на землю цветы. Ракшаски, оставив свою пленницу, бросились отгонять птиц. Тогда я беспрепятственно прыгнул на дерево и смог разглядеть ту женщину, юную и газелеоую. Ее блиставшее красотой тело было в нищенских лохмотьях. По бледному, исхудавшему лицу катились слезы. На ее шее я узрел ожерелье, подобное тому, какое ты мне описал, но потемневшее от долгого ношения. Осмотревшись и убедившись, что ракшаски далеко, я опустился на землю. Сита отшатнулась, и я понял, что она принимает меня за ракшаса в облике обезьяны. Тогда я протянул ей твой перстень и стал, глотая слова, рассказывать о тебе, о том, как ты вместе с Лакшманой в поисках ее обошел пол-Индии. И предложил ей переправиться через Океан, уверяя, что для меня это проще простого. Но она отказалась от моих услуг, говоря, что боится высоты и может потерять сознание и упасть в пучину. После этого она сняла с ожерелья один драгоценный камень и попросила передать его тебе.

Принимая рубин, Рама дружески обнял Ханумана, тот же вскрикнул от боли.

— Что с тобой, друг? Ты ранен? — спросил Рама.

— Пустяки! — проговорил Хануман. — Ракшасы подожгли мне хвост. Одна из ракшасок меня заметила и подняла такой визг, что сбежались ракшасы со всего дворца.

Я укрылся на деревянной беседке, а они, принеся из кухни горшок с угольями, стали метать их в меня. Я ощутил, что на мне тлеет шерсть. Мои преследователи завопили с хохотом: «Смотрите! Мы запалили ей хвост!», — я же подумал: «Сейчас вам будет не до смеха!» — и перескочил одним прыжком на бамбуковый дом, в котором жили слуги Раваны. Дом вспыхнул. Еще один прыжок — и я на сторожевой башне. Загорелась и она. С башни я перенесся на крышу дворца. Вскоре пылала половина города, и стали слышны крики спасающихся бегством и обожженных. «Сам Агни принял облик обезьяны!» — вопили метавшиеся в страхе между домами ракшасы. Перебравшись через городскую стену, я перебежал равнину и оказался на берегу Океана. Потушив хвост в его волнах и вновь приняв свой прежний облик, я взметнулся в небо, оставив пылающую Ланку за своей спиной.

Новый друг

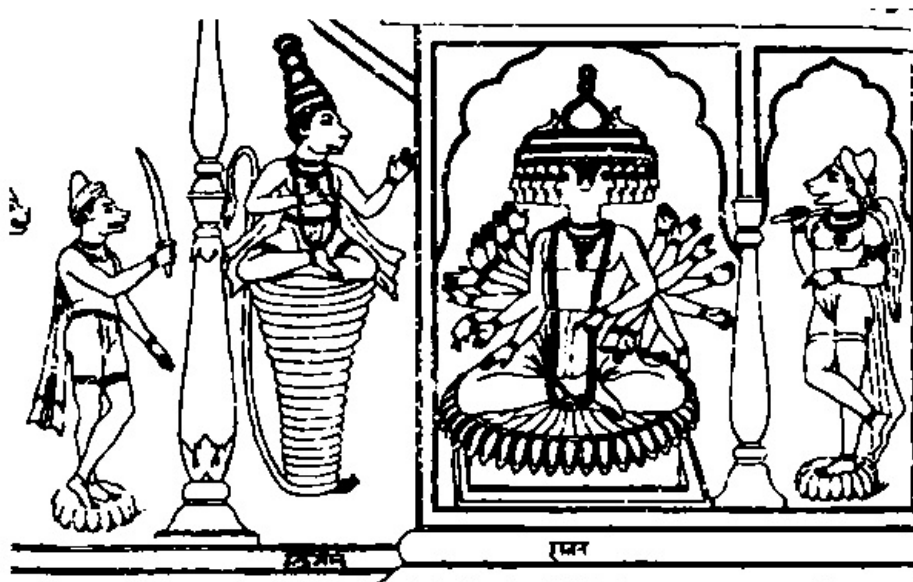
На следующий день в поход на Ланку выступила великая лесная рать во главе с Рамой, Лакшманой и Сугривой. От топота и рева медведей, от крика обезьян срывались камни с гор, а другие звери покидали свои норы и логовища. Дрожала земля. В небо вздымались облака пыли.

О походе стало известно на Ланке. Вибхишана, добродетельный младший брат Раваны, призывал владыку ракшасов опомниться и вернуть Ситу царевичу Кошала, чтобы не погибнуть самому и не погубить весь их род. Но Равана, ослепленный злобой, не внял голосу разума и призвал к оружию всех ракшасов, вечных врагов небожителей и героев.

Узнав это еще до переправы на Ланку благородный Рама попытался решить спор миром. Он отправил к Раване посла с предупреждением: если Ситу не возвратят, город и дворец будут разорены, а его самого уничтожат. На совете Вибхишана, употребив все свое божественное красноречие, вновь убеждал брата и его советников уступить, ибо все равно Рама и Сита неотделимы друг от друга, как вода и молоко. Но Равана, ослепленный греховной страстью, был неумолим.

— Никогда Рама не увидит Ситы! — яростно воскликнул он, — Тебе же лучше жить среди явных врагов или среди разъяренных змей, чем среди нас, выдавая себя за друга.

И тогда Вибхишана вместе с четырьмя верными друзьями перелетел в стан Рамы.

Хануман, восседающий перед Раваной

Обезьянны вожди не поверили перебежчикам. Подозревая Равану в злом умысле, они умоляли Раму остерегаться чужаков и ни в чем им не доверять.

Но Хануман посоветовал не пренебрегать свалившейся с неба помощью. И поразмыслив, Рама встретился с Вибхишаной. Обняв его при всем войске, он провозгласил его своим другом и будущим правителем Ланки.

И вскоре Вибхишана оказал Рама и всему его воинству неоценимую услугу. Он посоветовал Рама воздать почести Океану, обителю Варуны, и попросить его о помощи.

— Не откажет он тебе в этом, — закончил Вибхишана свою речь. — Ведь Океан сотворен некогда твоим пращуром Сагарой. Устройся на берегу на ложе из травы куши и жди.

Переправа

Три дня и три ночи приносил Рама жертвы Океану и молил о том, чтобы он переправил его и войско на Ланку. И вместе с ним возносили мольбу и боги, напоминавшие, что Океан один раз уже пошел им навстречу и разрешил добыть амриту.

На четвертое утро, утомившись, Рама задремал, и во сне к нему явился владыка вод, изобилующих рыбами, в окружении своих многочисленных жен — рек и речек. «Сын Дашаратхи, — проговорил Океан громовым голосом, — есть в твоём войске обезьяний муж Нала, рожденный от божественного строителя Вишвакармана, воздвигшего Раване его прекрасную столицу Пушпаку. В Нале живет дух великого зодчего. Пусть он построит мост, а об остальном я позабочусь». Проговорив это, Океан скрылся, и вместе с ним исчезли и реки. Открыл глаза Рама, рассказал свой сон Хануману, и тот помчался за Налой.

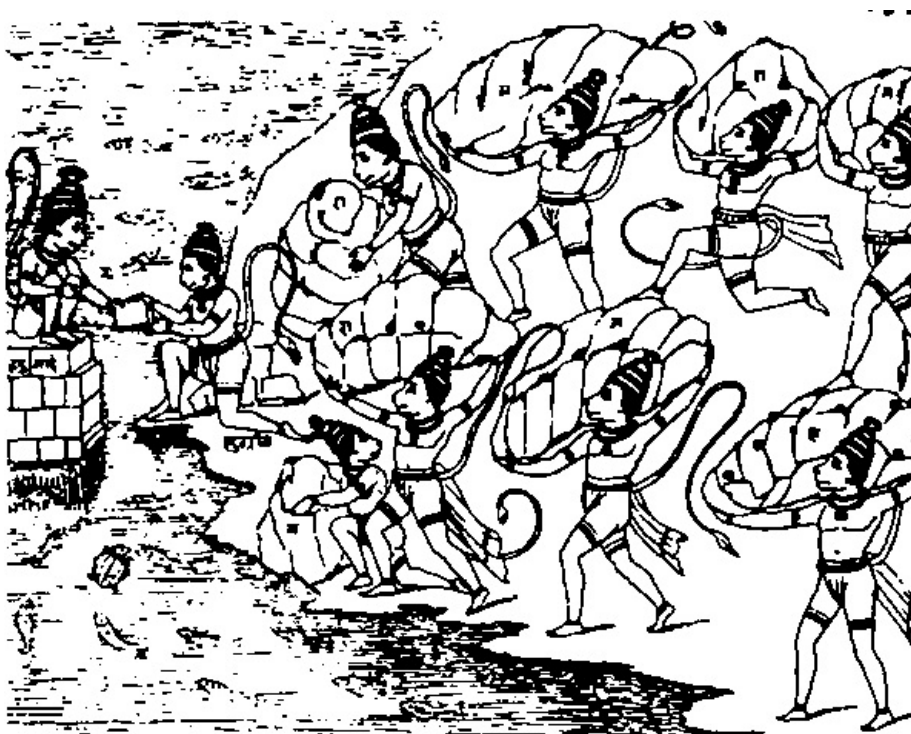
И вскоре перед Рамой предстал обезьяний муж исполинского роста, а за его спиной на некотором расстоянии, приплясывая, двигалась вся его длиннорукая обезьянья дружина.

— Нала! — обратился к обезьяне Рама. — Покажи прославленное искусство своего божественного родителя. Переведи нас через Океан на Ланку.

— Будет сделано! — сказал Нала и удалился.

И тотчас обезьяны принялись за работу. Они быстро натаскали с берегов ближайших озер камыш и стали под руководством Налы сплетать из него циновки, связывая их друг с другом крепкими лианами. Через пять дней тростниковое полотно длиною в сто и шириной в десять йоджан было готово. Но выдержит ли оно тяжесть огромного войска? Океан обещал помочь. Но как он это сделает? Вот о чем думали Рама и его военачальники все эти пять дней.

Внезапно подул сильный ветер. Океан вспучился огромными валами. «Наверное, это козни Раваны, — подумал Рама, — ведь он великий чародей!»

Обезьяны, строящие мост для Рамы

Но ветер внезапно прекратился. Наступило затишье, которого так не любят мореходы: как лепестки лилий, опадают паруса, и водная поверхность, недавно радовавшая глаз, напоминает степь, скучную, неподвижную, враждебную всякому порыву, движению и, кажется, даже

мысли. Но на этот раз в одном месте этой степи, прямо под горой Махендрой, с которой недавно Хануман совершил свой знаменитый прыжок на Ланку, океанские валы не опустились, а застыли, образуя прерывистую линию огромных полупрозрачных зеленовато-голубых глыб. Точно такие подчас доставляют в Айодхью из Гималаев и изготавливают из них драгоценные камни, которые так ценятся не только царями Кошалы, но и во всей Индии и за ее пределами.

При виде этих глыб лесное войско разразилось ликующим ревом. И не было в нем ни одного столь непонятливого медведя, ни одной столь глупой обезьяны, которые бы с первого взгляда не поняли, что благородный Океан воздвиг из своего пребывающего в вечном колебании тела неподвижные опоры для моста. Оставалось лишь накинуть на них полотно, сплетенное из деревьев и хвороста Налой, сыном Вишвакармана, и его хвостатыми помощниками.

И вот мост, блистающий, как Млечный Путь, в ночном небе, переброшен на Ланку. Обезьяны при виде его пустились в пляс, оглашая воздух торжествующим ревом. Услышали его на небесах боги, риши и гандхарвы. Мост предстал им подобно пробору на косматой голове Океана.

Рама и Лакшмана не скрывали своей радости. Хануман перенес их на остров первыми. Братья обнялись и принесли жертву Океану, оказавшему им помощь.

Первая битва

С плоской крыши своего дворца Равана наблюдал за тем, как вприпрыжку и вприскачку движутся бесчисленные отряды обезьян, как, поднимая столбы пыли, топают медведи. Несметная рать облепила холмы и долины. Кому не хватало места на земле, зацепились хвостами за ветви и качались, пожирая какой-либо плод, корча физиономии и еще издали грозя ему кулаками. Зоркий взгляд царя ракшасов выхватывал огромные фигуры вожаков — царя обезьян Сугривы, его советника Ханумана, недавно побывавшего на острове и причинившего столько бед, исполинского обезьяньего мужа Налы, строителя моста.

— Взгляни, сын мой, — сказал Равана Индраджиту, — недруги уже разделились на четыре отряда и готовы начать нападение с четырех сторон. Приготовь свои ядовитые стрелы и порazi ими вражеских вождей так, чтобы они тебя не видели.

Битва у стен столицы разгорелась еще утром. Засыпав рвы камнями, бревнами и землей, тысячи и десятки тысяч обезьян обступили твердыню Ланки. Они обрушили на золотые ворота города град камней и удары бревен. Сотнями они полезли на стены, оглашая местность ревом.

И тогда Равана, возгоревшись гневом, приказал своему войску выступить. Рама и его бойцы сражались яростно, крушили ракшасов топорами и палицами. Медведи сжимали врагов в своих мощных объятьях, ломали им головы. Обезьяны царапались и кусались. Весь остров наполнился воплями, исступленным ржаньем коней, звоном оружия, грохотом.

Раму окружило целое полчище ракшасов. Тысячи стрел летели в него, но отлетали от его панциря, не причиняя вреда. Стреляя из лука по средоточью врагов, он пробивал одной стрелой троих-четверых. Столь же успешно бился с ним рядом Лакшмана. Но внезапно Рама упал. Склонился к земле и Аакшмана. Это Индраджит, став невидимым, с близкого расстояния поразил их обоих ядовитыми змеями, которых он превратил в стрелы.

Небесный спаситель

Долго лежали братья неподвижно на поле боя. Обезьяны окружили павших героев кольцом, не давая никому приблизиться к ним. В это время со своим отрядом подошел Вибшихана. Приняв отряд за ракшасов, многие обезьяны бросились врассыпную. Но бегство было остановлено. Вибшихана, увидев Раму и Лакшману, пронзенных стрелами, залился слезами, и вслед за ним завывали обезьяны и медведи. Вой поднялся до самого неба. И услышал его пролетающий в облаках Гаруда. Мгновенно опустился он на землю, наклонился над израненными, окровавленными лицами братьев и коснулся их перстами. Мгновенно кожа лиц и тел сделалась чистой и золотистой, а торчавшие стрелы, став змеями, в ужасе выползли наружу.

Ритуальный сосуд с изображением Гаруды

— Кто ты? — спросил Рама, приподнимая голову.

— Гаруда. Ты ведь слышал о моей вражде со змеями, — отвечал царь птиц. — Боги дали мне власть над змеиным родом.

— Ты спас нам жизнь, — проговорил Рама, вставая. — Ты стал нам вторым отцом, и наши сердца исполнены благодарности к тебе, о сын прекрасной Винаты.

— Отныне вам змеиный яд не страшен, — сказал Гаруда, обнимая братьев. — Но будьте отныне осторожны. Берегитесь коварства ракшасов.

Проговорив это, Гаруда взмахнул огромными крыльями и поднялся в небо. Рама и Лакшмана благодарно глядели ему вслед.

При виде оживших витязей все войско взревело. Охваченные восторгом, запрыгали и заплясали обезьяны и медведи. Вырывая из земли деревья, с громкими воплями подступили они к стенам города.

Схватка

Весть о спасении Рамы и Лакшманы вызвала ярость Раваны. На сверкающей как солнце колеснице он выехал из ворот столицы. За ним следовали его лучшие военачальники, сын Индраджит на колеснице с огромным, натянутым до предела луком, на боевом слоне отважный, свирепоревающий воитель Маходара, на скакуне с раззолоченной сбруей бестрепетный всадник Пишача, ростом своим подобный горе, что уходит снегами своими за облака, на быке, словно месяц рогатом, великий Трешера, готовый метнуть свой зазубренный дротик, за ним же Нинумбха, муж чернокожий, схожий по облику с тучей.

Рама впервые узрел Равану в немыслимом блеске, могущим затмить сияние солнца, и понял, что предстоит битва, подобной которой еще не знали ни земля, ни небо. И вот уже могучей дланью Раваны повергнут на землю Хануман. Гигантское копье поражает отважного царя обезьян Сугриву. Лакшмана посылает во владыку ракшасов одну стрелу за другой, но тот, улучив момент, направляет в него стрелу, дарованную ему некогда Брахмой. Лакшмана обливается кровью. Тем временем приходит в себя Хануман и ударом кулака сбивает Равану с ног и выносит из битвы Лакшману.

И тогда вступает в бой Рама. Натянув свой огромный лук, он несколькими стрелами убивает колесничего, коней, раскалывает вдребезги колесницу, расшвыривает оружие Раваны. И вот владыка ракшасов, еще не опомнившийся от нанесенного ему удара, пошатываясь, стоит перед Рамой.

— Возвращайся к себе в столицу, — бросил ему Рама. — С безоружными я не воюю.

Пробуждение Кумбхакарны

Во дворце Равану окружили ракшасы и молча ждали его решения. Он же стоял, наклонив голову, и размышлял. Вновь и вновь вспоминал Равана советы брата вернуть Раме Ситу. И, может быть, теперь он бы пошел на это, если бы не позор, который ему пришлось испытать. Рама даровал ему жизнь, посчитав совершенно неопасным. У него и впрямь сейчас нет сил вступить в новый бой. Но ведь есть еще Кумбхакарна, наведший на богов страх и погруженный в полугодовую спячку. Он и сейчас пребывает во сне, не зная, что враг уже на Ланке, что над царством нависла смертельная угроза. Разве можно спать в такое время!

— Разбудите Кумбхакарну! — приказал Равана.

Зал дворца загудел — тысячи отправились к пещере со спящим исполином.

Его храп стал слышен сразу за городской стеной, несмотря на то что до пещеры было не менее трех йоджан. По мере приближения к пещере свистящие звуки нарастали, а у входа в пещеру первых, кто туда собирался войти, отбросило словно бы порывом Ваты. Поняв, что войти к Кумбхакарне можно лишь тогда, когда исполин вбирает ноздрями воздух, в пещеру вбежала первая сотня ракшасов, за нею вторая и третья.

Устроившись таким образом, чтобы им не мешало дыхание Кумбхакарны, ракшасы разом крикнули. С неба попадали птицы, но Кумбхакарна даже не пошевелился. Длинные толстые волосы, вившиеся на его груди, продолжали колыхаться, как черные змеи. Тогда несколько десятков ракшасов, из тех, что посмелее, взобрались на грудь исполину и стали нещадно колотить по ней молотами, вбивать между ребрами острые осколки больших камней. И это не помогло. Кто-то придумал привести слонов, и целое стадо их провели по груди спящего. Кумбхакарна дышал так же ровно.

И когда уже была потеряна надежда его разбудить, Кумбхакарна приоткрыл щели глаз и, не поднимая головы, протянул руку к громоздившимся у входа в пещеру тушам животных. Открылась огромная пасть, подобная входу в царство Ямы, и туда одна за другой полетели туши кабанов и оленей. Послышались звуки перемалываемых костей. Огромный комок проскочил в горло, вздувшееся, подобно горе.

Немного подкрепившись, великан приподнялся на локте и спросил ракшасов:

— Что там стряслось? Зачем вы меня разбудили?

И стали ракшасы наперебой объяснять исполину, что произошло за время его пятилетней спячки. Узнал Кумбхакарна о том, что сгорела столица, сожженная огромной обезьяной, но была восстановлена в прежнем великолепии, что на Ланке высадилось обезьянье войско, что брат его Вибхишана перелетел к Раме и воюет на его стороне, что первую битву у стен столицы пришельцам удалось выиграть, что Равана просит его о помощи.

Кумбхакарна покачал огромной головой.

— Мой неразумный брат! Конечно же ему надо было вернуть Ситу Раме. Упрямство до добра не доводит. Но все же я ему помогу. К тому же, — добавил он, облизывая растрескавшиеся губы, — что может быть слаще обезьяньего мяса!

И поднялся Кумбхакарна во весь свой огромный рост и зашагал к городской стене, сопровождаемый воинами Раваны. Самый высокий из ракшасов едва достигал его лодыжки.

Ракшас-гора

Воодушевленное победой, воинство Сугривы готовилось к штурму столицы ракшасов. Участки стены были уже распределены между отдельными обезьяньими племенами, выдвинутыми на переднюю линию. Был назначен сигнал, по которому должно начаться одновременное наступление, и определен план движения по вражескому городу.

Тем больший переполох вызвало появление Кумбхакарны. Исполин шагал, неся в одной руке меч, а в другой копье. Железные доспехи на нем гремели так, что их было слышно издали. Земля прогибалась под его каменными сандалиями, реки выливались из берегов, когда он переходил их вброд, и самая глубокая из них не достигала ему до пупка. Казалось, над головою Кумбхакарны клубились грозные тучи. Сразу все вокруг потемнело. Взревел Океан, повелитель рек, как во время непогоды, до неба взметнул пену. Из леса выбежали стаи шакалов с пламенеющими как угли глазами и, запрокинув головы, завывали на почерневшее солнце. Среди бела дня промчалось и с грохотом свалилось в море небесное тело в форме кувшина без ручек.

Воины Раваны, шедшие за исполином, зашептались:

— Что бы это значило? Почему так сгустились черные тучи? Слышите, как закаркали синие вороны и хрипло лают шакалы? И что это пролетело и упало, поднимая огромные волны?

Но исполин шагал, не обращая внимания на зловещие приметы. Перемахнув через горы, он очутился перед городскими воротами.

Одновременно с выходом исполина на равнину туда выкатили из ворот грозные ряды двухколесных боевых колесниц, выскочили отряды всадников на леопардах, львах, антилопах, гигантских быстроходных птицах и на драконах. За ними двигались с грозным кличем ракшасы, вооруженные чем попало.

Но обезьяны, казалось, ничего этого не замечали. Охваченные ужасом, остолбенев, они смотрели на великана, на его разверстную пасть с огромными зубами, на свирепые глаза, вращающиеся подобно тележным колесам, на дергавшееся над левым глазом веко, на цепь из бриллиантов, сиявших на шее, подобно звездам. Замерли лапы, сжимавшие дубины, секиры, колья и камни. Придя же в себя, они с отчаянным визгом бросились врассыпную, а Кумбхакарна, догоняя их, хватал и не останавливаясь десятками отправлял в свою пасть, выплевывая оружие. Огромные челюсти двигались, как жернова, и их шум сливался с рокотом вышедшего из берегов Океана.

И тут на пути беглецов вырос Ангада.

— Назад, обезьяны! — вопил он, простирая лапы. — Где ваше бывшее бахвальство? Где хвастовство одержанными победами? Над вами будут потешаться жены и усомнятся в вашей мужской силе! Не позорьте безупречный обезьяний род. Пусть не покажется нашим потомкам, что Рама мог расправиться с братом Раваны без вашей помощи.

Пристыженные беглецы вняли голосу разума. Подавив страх, они покинули деревья и скалы, избранные убежищем, и с храбростью отчаяния ринулись в бой. Они ломали утесы, вырывали с корнем стволы и наносили Кумбхакарне удары. Он же валил их сотнями, устилая трупами землю. Но отважные обезьяны кидались на него вновь и вновь. Облепленный сплошь обезьяньей дружиной, исполин напоминал царственного Гаруду, истребителя змей.

Успехи брата окрылили Равану, и он сам вышел на равнину.

— Все обезьяны да обезьяны, — проговорил Кумбхакарна недовольно. — Где же твои недруги? Где братья, о которых мне прожужжали уши твои посланцы? Неужто меня лишили сна из-за обезьян!

И в это время из лагеря выступил бесстрашный Лакшмана. Он шел с неприкрытой грудью. В его руке был лишь один верный ему, испытанный в боях дротик...

Увидев противника, Кумбхакарна с том двинулся ему навстречу. Оба войска затаили дыхание. Единоборство началось.

Обнажив меч, исполин нанес удар первым. Ловким движением Лакшмана отклонился и сам метнул дротик. Заметив это, исполин швырнул ему навстречу свой меч. Раздался звон от столкновения металла. Оружие упало на траву. Оглянувшись, Лакшмана увидел одинокое дерево. Вырвав его с корнем, он наотмашь ударил им противника. Исполин зашатался, но,

собрав силы, метнул в Лакшману копье. Тот еще раз уклонился, и только кончик копья задел кисть его руки.

— Царапина! — крикнул Лакшмана. — А теперь берегись!

И в это время камень, который он поднимал с земли, вывалился из его рук. В глазах потемнело. Ноги подкосились, и он рухнул на траву. Копье было отравленным.

Крики ликования, вырвавшиеся из уст ракшасов, слились с горестными возгласами воинов Сугривы. На поле выбежал сам Рама и опустился на колени рядом с братом. Подхватив тело, он перенес его в лагерь и положил на свой расстеленный плащ. Полдненное солнце при виде поверженного Лакшманы печально прикрылось облаками.

Гора Спасения

Главу ты склонила свою на Ланке, краса Гималаев, Гора Махадая, Меру великой сестрица родная. Тоскует она и поныне о Химавате далеко И все еще верит наивно об исполненье зарока.

Рама все еще стоял на коленях перед неподвижным телом Лакшманы. Сердце его не билось. Рука, задетая отравленным копьём, посинела.

— О брат мой! — восклицал Рама в отчаянье. — Почему я не отговорил тебя от твоего непреклонного решения? Почему я не вышел на поле боя сам?

Между тем стали прибывать лекари со всех концов Ланки, за которыми Сугрива сразу же разослал самых быстрых обезьян.

По одному они подходили к Лакшмане, осматривали и ощупывали его и отходили, печально покачивая головой. Что может спасти от яда, распространившегося по всему телу? И только один очень старый лекарь, всю свою жизнь проведший в лесах, сказал:

— На севере страны, из которой вы пришли, там, где земля сходится с небом, есть гора. Ее легко узнать, ибо она стоит особняком. Она покрыта целебными травами. Одна из них обладает силой, способной изгнать яд. Нелегко ее найти. Женщины, которых посылают за ней, долго ползают на коленях, перебирая стебли, пока ее не отыщут. Этому же человеку без травы с той горы не пережить заката. Осталось полдня.

— Целых полдня! — воскликнул Хануман, пускаясь в полет.

Он несся как стрела, со свистом прорезая воздух. Промелькнул Океан, его родич, когда-то к нему благосклонный. Потянулись сплошные леса. Из-за быстроты движения не было видно ни одного города, ни одного селения. Слева величественно двигалось Солнце, приближаясь к горизонту. Вот и громада Химавата. Хануман был здесь впервые, но любоваться не было времени. Где же одинокая гора? Да вот она! Как молния, Хануман опустил на ее вершину и стал перебирать пальцами стебли. Но уже начинало темнеть. Времени для поисков не оставалось.

Трава, наверное, прячется. Тогда он унесет гору со всем, что на ней есть.

— О Махадая! — обратился Хануман к горе. — Тебе предстоит приятное путешествие. И у тебя будет много впечатлений. Ведь ты никогда не видела Океана, и Океан не видел тебя. Когда же ты насладишься красотами, я верну тебя на место. Не противься мне, гора!

И гора не воспротивилась. Как все существа женской породы, она была любопытна. Да и никто в жизни не обращался к ней с такими просьбами.

Так Хануман, превратившись в исполина, вырвал гору и взвалил ее себе на плечи. Солнце шло к закату, а с горой не было прежней скорости. И взмолился Хануман к своему родителю:

— О Вайю, тысячеглазый, быстрый как мысль, хранитель мира. Разрушив гору Меру, ты из ее вершины создал остров Ланку. Помоги мне его достичь, прежде чем Солнце скроется за горизонтом.

И мольба была услышана. Могучий вихрь зародился в горных ущельях, подхватил Ханумана и понес его с огромной быстротой.

На Ланке тысячи обезьян, облепив холмы и вершины деревьев, обратились на север в ожидании Ханумана. Не сводил глаз с уходящего Солнца и Рама. Конечно, никакая самая жаркая молитва не сможет задержать его хотя бы на миг. Оно подчиняется вечному Закону, которому следует и все согреваемое солнечными лучами и ждущее его восхода.

Хануман

И вдруг светлая тень прочертила темнеющее небо. Стал слышен шум приближающегося урагана, и на плоский берег опустилась гора. И сразу же послышался громовый голос Ханумана:

— Скорее ко мне!

И вот уже лекарь, знающий, как выглядит трава, возвращающая дыхание, на горе. Наклоняясь, он привычно перебирает пальцами стебли. И вот она, спасительница, в его руках. Еще несколько мгновений, и трава приложена к ранке на руке Лакшманы. И на глазах пораженных воинов рука его начала розоветь. Сбежала с лица белизна, и он вдохнул полной грудью.

Рама бросился к нему в объятия. Ожил затихший в ожидании лагерь. На гору больше никто не

взглянул. Теперь до нее никому не было дела.

Колдовство

Окровавленное светило медленно опустилось в Океан, чтобы омыться, и покинутую им землю поглотили мрак и покой. Но ракшасы, опечаленные гибелью могучего Кумбхакарны, и возбужденные этим зрелищем обезьяны не могли погрузиться в сон. Часть обезьян, с горящими головнями и воспламененной паклей, перебралась через крепостную стену, взобралась на кровли зданий и дворцов, а также в оставленные караулом башни.

И город, отстроенный после Хануманова пожара, вспыхнул сразу во многих местах. Пожар стал виден на многие йоджаны на суше и на море. Но вдруг на поджигателей из лука, висящего в воздухе, посыпалась туча стрел. Это сын Раваны Индраджит, владеющий искусством майи, спас отцовскую столицу от полного уничтожения.

Огромный город продолжал гореть, и оттуда разносились вопли и стоны обожженных ракшасов и их жен. Но загорелся и восток. В свете нового дня стало заметно на черной от копоти городской стене какое-то движение. Ракшасы привели женщину. Да это же Сита! Рама, Лакшмана и Хануман услышали ее голос, который не спутаешь ни с каким другим. Сита рыдала и молила о пощаде. Но тот, кто ее привел, — это был Индраджит в алом одеянии палача — схватил Ситу за волосы и отрубил ей голову топором. Из шеи хлынул поток крови.

Горю Рамы не было пределов. Он потерял сознание и упал наземь. Открыв через некоторое время глаза, он увидел над собою встревоженное лицо Вибшиханы, доброго брата Раваны.

— Вставай! — услышал Рама. — Это ложное видение, которым владеет Индраджит. Равана не решится убить ту, ради которой он затеял эту гибельную для него и нашей семьи войну. Сейчас Равана в священной роще приносит жертву вечно сияющему Агни, чтобы твое оружие потеряло свою силу. Индраджит сейчас для тебя страшнее всего. Ведь он может стать невидимым, и нельзя знать, что он еще придумает. Я готов с ним сразиться.

— Ия тоже! — послышался голос Лакшманы.

— Возьми стрелу Индры, обманутого и побежденного Индраджитом, — проговорил Рама, поднимаясь. — Она обладает памятью и отомстит за своего повелителя.

И вот на поле боя с грохотом вылетели две колесницы. Навстречу Лакшмане несется Индраджит. Тучей летят и сталкиваются в воздухе стрелы, ломаясь, как былинки.

— Пускай стрелу Индры! — крикнул Вибшихана.

И вот Лакшмана накладывает на лук громоносную стрелу. Она вылетает как молния и сносит голову Индраджита. Вопль ликования обезьян и медведей сливается с горестным воплем защитников столицы Раваны. Это слышит он сам и, заканчивая жертвоприношение, решает осуществить то, что было представлено Индраджитом как видение, — убить Ситу. Но от этого его отговаривает мудрый советник.

— Не лучше ли тебе убить Раму и завладеть Ситой? — говорит он ему.

Колесница Индры

Боги, собравшись в небесном дворце Индры, не отрываясь наблюдали за сражениями на Ланке. Горели их глаза, пылали их возбужденные лица, словно бы от тройной порции сомы. Порой они издавали ликующий крик, который можно было услышать во всех трех мирах, порой же — горестно вздыхали, и тогда их прекрасные лица мрачнели, как небосвод после удаления колесницы Сурьи. В тот миг, когда после гибели Индраджита на поле боя вновь показалась колесница Раваны, Агни завопил:

— Неужто ты, Индра, ослеп! Разве ты не видишь, что Равана на колеснице, а Рама — пеший?! Поединок неравен!

И тогда кликнул всепобеждающий владыка Востока своего верного возничего:

— Матали! Нагрузи мою колесницу оружием и отвези ее на землю потомку Рагху.

— Слушаю и повинуюсь, — сказал Матали, складывая ладони.

Кони при виде своего повелителя нетерпеливо забили копытами. Из их расширившихся ноздрей вырвалось пламя. Матали оглядел колесницу, на какую не мог подняться, кроме Индры, ни один из богов, подтянул постромки и одним махом занял свое место. Щелкнул бич, и понеслась колесница, сверкая изумрудами и алмазами, рассеивая мрак, наполняя все три мира звоном укрепленных на дышлах колоколов. Гордо развевался стяг охранителя мира: темно-синий лотос на золотом бамбуке.

Сражающиеся под стенами Ланки, отдыхая во время боя, вдруг слышали усиливающийся мелодичный звук. Вскинув головы, они долго вглядывались в небо и не могли понять, откуда он исходит, пока не связали его с каким-то увеличивающимся в размерах предметом, напоминающим птицу. И вот уже всем стало видно, что это не птица, а колесница, запряженная конями. Она плавно опустилась недалеко от перенесенной с Гималаев горы. Матали соскочил на землю и обратился к подошедшему Рама с почтительными словами:

— Я направлен к тебе благосклонной волей громоносного Индры. Сдоблаговоли подняться на его колесницу, доблестный Рама. В кузове ты найдешь оружие Индры, громовые палицы, заревые всполохи, исполинский непробиваемый панцирь и лук. Я, Матали, рад быть твоим колесничим.

Обошел Рама колесницу слева направо, пощупал толщину борта, толкнул ногой одно колесо, чтобы проверить, прочно ли оно держится на оси, подтянул подпругу. Затем, наклонившись, он отвязал прикрепленный к скрепам панцирь, поднял лук и молниеносным прыжком занял место на превосходной колеснице рядом с Матали, уже державшим вожжами упряжку.

Гибель Раваны

И вот на поле под стенами Ланки в дыму и грохоте развернулся бой колесниц. Равана могучей рукой бросил дротик, но острее его расплющилось о панцирь Индры, скованный из небесного металла. Тогда Равана выпустил тучу приятных глазу золотых стрел, превращавшихся на лету в ядовитых змей. Рама же применил оружие, дарованное ему Гарудой. Его стрелы в полете превращались в орлов и пожирали змей. Тогда Равана выпустил другие стрелы. Одна из них ранила колесничего Индры. Другой стрелой Равана сбил стяг Индры, развевавшийся на золотом древке. Две стрелы Раваны застряли в крупе небесных коней. Стрелы Раваны не давали Рама приладить к бою лук, и неистовый гнев охватил великого воителя. Его пылающее яростью лицо заставило содрогнуться Равану, но все же владыка ракшасов пересилил страх и взял в руку оружие беспредельной мощи, извергавшее огонь, схожее блеском и твердостью с алмазом.

— Сейчас, — крикнул владыка летающих ночью, — ты будешь уничтожен вместе с Лакшманой, разделишь участь моих воинов!

И занес Равана за плечо свое колдовское копье, и полетело оно со звоном, ибо к древку было привязано восемь колоколов. Но и это оружие отразил Рама тучей стрел. Они неслись к пламени, как мотыльки к приманке, и погасили его. После этого Рама метнул копье, посланное ему Индрой, и вдребезги разбил оружие, на которое Равана возлагал надежды, а затем засыпал стрелами коней Раваны и несколькими стрелами ранил его самого. Равана пошатнулся и мог бы упасть, если бы его не подхватил колесничий, который повернул коней и погнался к городским воротам.

Придя в сознание, Равана загорелся гневом.

— Как ты посмел увести колесницу! — вопил он. — Теперь меня сочтут трусом!

— Я это сделал для твоей же пользы, господин, — оправдывался колесничий. — Ведь ты был без чувств. Но теперь я могу вернуться на поле боя, если ты прикажешь.

— Ты еще спрашиваешь?! — закричал Равана.

И вот снова разгорелась битва. Колесница Рама ринулась навстречу показавшейся из ворот колеснице Раваны. Над головою Рама гордо развевался стяг Индры. Охваченный яростью, Равана решил его во что бы то ни стало сбить, но его стрелы лишь задевали золотое древко. Стрела же Рама, рванувшись со свистом, снесла стяг Раваны. Еще сильнее разъярившись, пустил Равана тучу стрел в коней, ранив одного из них.

И тогда обратился к Рама Матали, возничий Индры:

— Сразить Равану может лишь оружие Брахмы, стрела, подобной которой нет ни в одном из трех миров.

И вынул Рама из колчана стрелу, сотворенную Брахмой, полученную от Агастьи. Она сверкала, словно бы вобрала в себя весь жар мироздания. И задержать ее были бессильны гранит и железо. Как игла мастерицы, что проходит сквозь лен, она могла пронзить всю землю.

Произнеся заклинание из веды, приложил Рама стрелу к дуге огромного лука, заправил конец ее в тетиву и натянул лук могучим усилием. И понеслась Неотвратимая, пробила грудь Раваны и сама вернулась в колчан. Упал Равана, испуская дух, на землю. И тотчас послышалось гуденье раковин, рокот божественных барабанов, и Вайю, посланный богами, осыпал победителя ливнем цветов.

Когда все стихло, стало слышно причитание Вибхишаны:

— О мой могучий брат! Свершилось то, что я тебе предрекал. Ты погубил себя и все наше семейство.

И подобно эху на это причитание ответил вопль жен Раваны, донесшийся из города.

И сказал Рама Вибхишане:

— Царь! Твой брат был могучим воином. Принеся миру много зла, он пал в честном бою. Вражда уходит вместе со смертью. Прошу тебя, соверши погребальный обряд.

Брахманы накрыли тело павшего шелковым пологом, подняли на носилки и понесли к месту сожжения. В погребальной процессии участвовали все уцелевшие от побоища ракшасы, ставшие подданными Вибхишаны. Вся равнина к югу от столицы покрылась огненными точками факелов. И вскоре оттуда донесся запах сандала и благовоний от погребального костра, разносимый ветром и заглушающий все другие запахи.

Эпilog

Рама обратил к Хануману бледное, похудевшее лицо.

— Где же Сита? — спросил он.

— Сейчас я ее приведу, друг мой, — отозвался Хануман.

И вот он уже бежит по улицам Ланки, покрытым обуглившимися телами ракшасов и головнями.

Бледная и печальная, сидела Сита в саду за дворцом, окруженная стражей из ракшасок. Не ждала она от будущего ничего хорошего. Но вот зашевелилась листва. Сита увидела Ханумана и услышала его голос:

— Рама победил! Могучий Равана пал от его руки.

Радость Ситы была столь велика, что она на мгновение утратила дар речи. И поднял Хануман лук, чтобы расправиться с ракшасками.

— Не трогай их! — послышался слабый голос Ситы. — В бедах, выпавших на мою долю по воле богов, нет вины их, подневольных.

— Поднимись на паланкин! — распорядился Хануман. — Рама хочет тебя видеть.

Печальным был путь царевны по улицам города, устланном телами ракшасов. Раненые, поднимая головы, говорили:

— Смотрите! Вот она, разрушившая наш город, погубившая тысячи тысяч. Это из-за нее обезумел Равана и ввязался в гибельную войну.

Хануман, несущий Раму и Ситу

Слыша это, Сита опустила голову, когда же она ее подняла, она увидела Раму в окружении обезьян и медведей, замерших, любясь ее красотой.

— О супруг мой! — молвила Сита. — Велика моя вина перед тобою и народом трех царств — людей, обезьян и медведей. Страсть, внушенная мною Раване, обернулась великой бедой.

— Спустись на землю! — произнес Рама сурово.

Удивляясь тому, с каким выражением были произнесены эти слова, Сита спустилась с паланкина и склонилась в низком поклоне.

— Дочь Джанаки! — произнес Рама. — Я исполнил свой обет. Твой похититель Равана уничтожен. Нанесенное тебе оскорбление смыто кровью. Но кто из высокого рода может принять жену, так долго находившуюся вне дома? Пусть тебя не коснулись чужие руки, но тебя ощупывал нечистый взгляд. Ты запятнана. Тебе надо удалиться.

Из глаз Ситы потоком хлынули слезы. Но вот она выпрямилась, и Раме предстало ее лицо, гордое и прекрасное в горе и оскорблении.

Рама и Сита после победы над Раваной

— Не забывай, Рама, — отчетливо проговорила она. — Мой род не ниже твоего. Я — дочь Земли и достойна другого обращения. Если ты решил со мною расстаться, почему ты прислал за мною Ханумана? И я могу доказать тебе свою верность. Прикажи приготовить костер.

В несколько мгновений быстрые обезьяны собрали и сложили в пирамиду вязанки ароматного самшита и тонкие веточки бимбы. Кто-то с размаха бросил в костер пламя, и оно осветило прекрасное лицо дочери Земли, готовой принять смерть.

— Агни! Будь свидетелем, что сердце мое никогда не отвращалось от Рамы.

Костер принял Ситу. Багровые языки пламени взметнулись в воздух. И все, кто это видел, — уцелевшие ракшасы, обезьяны и медведи испустили горестный вопль.

Но вдруг пламя разделилось на две части, и из него выступил муж в багровом одеянии, неся Ситу на могучих руках. И вот он вскидывает над вихрем черных волос свою ношу, и все увидели Ситу. И одновременно с небес прозвучало трижды:

— Безгрешна! Безгрешна! Безгрешна!

И вот уже заложена воздушная колесница Куберы, которую Рама решил возвратить ее владельцу. Держа за руку бледную, но все еще прекрасную Ситу, Рама поднялся на колесницу. Рядом с ним устроились Лакшмана и Сугрива. Колесница под торжествующий вопль обезьян и медведей взметнулась ввысь. Впереди нее, указывая путь, неся Хануман, похожий на льва и птицу.

Исполнен мной данный зарок, И ожили древние шлоки. Из листьев багряной ашоки Сплетен для Вальмики венок. «Рамаяны» высится ствол, Лианою Ситой обвитый. Любовь, что вкусила амриты, Справляет свое торжество. Проходят веков караваны, Но слово поэта цветет. Смотрите, в год обезьяны Вершит Хануман свой полет.

Шестая книга «Рамаяны» завершается возвращением Рамы и его спутников в Айодхью и воцарением победителя на троне, сохраненном благородным Бхаратой. Правление Рамы («Рамараджья») описывается как Золотой век — без смерти, болезней, преступлений, войн. Затем Рама обретает облик своего небесного отца Вишну и вместе со всеми жителями Айодхьи переносится на небо, миновав муки смерти. Седьмая книга содержит рассказ об изгнании

Рамой беременной Ситы, об укрытии ее певцом Вальмики в лесном убежище, о рождении двух сыновей Рамы — Куша и Лавы, похожих на отца, как две капли молока. Вальмики, пораженный рассказом Ситы и ее благородством, перенес радости и страдания любящей пары в шлоки «Рамаяны». Росли Куша и Лава — и одновременно, как мощное дерево над кровлей хижины, разрасталась «Рамаяна», и ее шлоки, подобно птицам, разлетались по всей Индии.

Хануман, возвещающий оправдание Ситы

Куша и Лава знали поэму о подвигах Рамы наизусть, и пришли они по совету Вальмики в Айдохью, чтобы спеть под окнами царского дворца. Рама пригласил их в свои покои, и они спели для царя и его гостей вступление к поэме. Восхищенные гости потребовали, чтобы они пропели поэму до конца. И только через несколько дней, когда поэма была окончена, Рама понял, что перед ним сыновья Ситы, и распорядился, чтобы ее привели.

Он не простил ее, но попросил доказать еще раз перед всем народом свою невиновность. И обратилась Сита к матери:

— О Земля! Возьми меня в свои объятия, дай доказательство, что я невиновна перед моим супругом и перед людьми.

И Земля разверзлась, поглотив Ситу. Из образовавшегося провала выползли змеи, неся на головах золотой трон. На нем восседали Притхиви и ее дочь Сита, слившиеся в объятьях.

Народ ликовал, возглашая:

— Невинна! Невинна!

Рама стоял с опущенной головой. Слезы струились из его глаз. Он потерял Ситу навсегда.

Просветление

У подножья седых Гималаев жило небольшое племя шакьев, которым правил мудрый вождь Шуддходана. Однажды главная из его жен, Махамая, увидела себя во сне перенесенной к священному озеру в горах. Небесные хранители омыли ее в водах, после чего к ней приблизился огромный белый слон и вошел в ее бок. Обратилась Махамая за истолкованием приснившегося к домашнему жрецу, и тот сказал:

— Ты зачала великого сына, который станет либо вселенским правителем, либо учителем мира.

Минуло время, для созревания семени назначенное, и Махамая, направляясь в дом своего родителя, в роще сандаловых деревьев родила младенца. Явившись на свет, он твердо стал на ножки и явственно произнес:

— Это мое последнее рождение. Отныне больше рождений у меня не будет.

Шуддходана решил посвятить всю свою жизнь столь одаренному ребенку. Чтобы он жил, не ведая о смерти, болезнях, страдании, было приказано огородить чертоги и окружавший их парк высокой стеной и не говорить ни о чем, что могло бы огорчить мальчика, которому дали имя Гаутама. Так в счастье и радостях текли его годы. Когда пришло время брака, Гаутаме было разрешено ненадолго выйти за стену для участия в состязаниях за право владения прекрасной Яшодхарой, двоюродной его сестрой. Гаутама затмил всех своих соперников, в том числе завистливого двоюродного брата Девадатту, получил руку красавицы и стал на двадцать девятом году жизни отцом, продолжая с наивностью ребенка считать, что всем людям живется так же легко и беззаботно, как ему.

Он бы и далее пребывал в этом счастливом неведении, не обвалился в одном месте окружавшая парк стена. Прогуливаясь по саду в сопровождении верного и молчаливого слуги, Гаутама обнаружил отверстие. Его взгляду предстала каменистая дорога и с трудом передвигавший ноги человек.

— Кто это? — спросил Гаутама у своего спутника.

— Старец, — ответил слуга.

— Почему он так согнулся?

— От тяжести долгих лет, — ответил слуга.

— Значит, и я буду таким, — задумчиво произнес Гаутама. Его прекрасный светлый лоб впервые перерезала линия страдания.

Слуга промолчал, вспомнив, что ему было приказано не говорить ни о чем, что могло бы огорчить царевича.

С этого дня словно бы какая-то сила тянула Гаутаму к месту, откуда открывался неведомый дотоле мир.

Как-то Гаутама проснулся ночью и вышел, сопровождаемый слугой, в благоухающий сад. Дорога была освещена факелами. Люди молча шли с носилками, на которых недвижно лежал очень бледный человек. Время от времени из уст идущих вырывались какие-то странные, непонятные Гаутаме звуки.

— Что делают эти люди? — спросил Гаутама слугу.

— Они несут мертвого на сожжение, — отвечал тот.

— И меня так понесут? — спросил Гаутама.

Слуга молча отступил. Никто не заметил первой горькой морщины на челе царевича.

На следующий день Гаутама, сопровождаемый слугой, вновь подошел к проему в стене. Он увидел странное существо в грязном тряпье, то ли ковылявшее, то ли припадавшее на одну ногу. Оно чем-то напомнило ему обезьян, иногда проникавших в сад и опустошавших плодовые деревья. «Наверное, это неведомая мне порода людей», — подумал Гаутама.

Вдруг человек вскинул руку и зазвонил в колокольчик — так, как это делали в предтрапезные

часы слуги, проходя по аллеям сада.

— Подойди сюда! — крикнул Гаутама.

Незнакомец сделал несколько шажков и остановился.

Царевич увидел, что лицо остановившегося сморщено, как кожура печеного яблока, а грудь под лохмотьями в белых язвах и струпьях.

— Кто ты? — спросил Гаутама. — Как тебя зовут?

— Разве не видишь, я — прокаженный.

— И ты призываешь на помощь?

Из уст несчастного вырвался звук, напоминающий бульканье воды в котле над огнем. А это был смех!

— Нет! Я звоню, чтобы все разбегались. Десять лет я не слышал человеческого голоса.

Гаутама был пронзен состраданием. Из его светлых глаз хлынула соленая влага. В ней расплылось очертание стены, отгораживавшей его от людского горя. Мир, полный страхов и страданий, звал к себе. И царевич пошел, повинувшись этому зову.

Удалившись от города, Гаутама снял с себя царские одеяния и облачился в простую одежду отшельника цвета охры, представшую ему во время одного из видений, срезал волосы мечом и передал их вместе со всем, в чем покинул дворец, слуге. Не вынеся разлуки с господином, тот умер.

С тех пор во многих городах и селениях Северной Индии видели удивительного человека. Его не привлекали дома, откуда доносились пение, музыка и счастливый смех. Он появлялся лишь там, где слышались плач и стоны. Став добровольным помощником лекаря, он поил больных, обмывал зловонные раны. Он стоял у шалаша чандалы, питающегося отбросами из разбитой посуды, и на его лице не было и тени отвращения. Он не творил чудес, не исцелял больных, слепых и хромых и лишь однажды, откликнувшись на призыв соперничавших с ним проповедников, ненадолго поднялся в воздух.

Как-то, собирая подаяние, Гаутама посетил главный город страны магадхов. Царь Бимбисара, увидев его с террасы, удивился благородному облику нищего.

— Взгляните! — обратился царь к приближенным. — Этот нищий в желтом держится прямо. Чело его прекрасно. Нет, не низкого он рода. Слуги! Приведите его ко мне.

Пока слуги сообразили, чего от них хотят, пока они бежали к воротам, Гаутама скрылся. Царь обещал наградить каждого, кто укажет место обитания странника царственного вида в одеянии нищего.

Прошло немало времени, пока одному из царских пастухов удалось удовлетворить любопытство владыки. Склонившись перед троном, он сказал:

— О махараджа! Юноша, которого ты ищешь, отшельник. Он обитает в жалкой хижине далеко в горах.

Царь приказал запрячь в колесницу коней и отправился в горы. Когда начался подъем, он сошел с колесницы и стал подниматься по тропинке, змеившейся по склону горы.

Переступив порог хижины, царь приветствовал отшельника, сидящего за своей жалкой трапезой, и обратился к нему с такими словами:

— Неподражаемый! Я увидел тебя, когда ты проходил мимо моего дворца. Твоя красота достойна лучшей доли. Я буду счастлив разделить с тобою мои покои. Идем со мной. Но сначала скажи, как тебя зовут и какого ты рода.

— Я Гаутама, сын Шуддходаны, из племени шакьев. Я покинул отца и мать, жену и сына, чтобы узнать, как живет людям, и чтобы наставить их на путь добра и праведности. Нет лучшей доли, чем та, которую я избрал, и я не намерен ее менять.

И ушел царь, поняв, что отшельнику не нужно то, что он ему предложил, что он тверд в своем решении.

А Гаутама вновь пустился в странствия, чтобы познать людское горе, а когда душа переполнилась им через край, он отыскал неподалеку от города Варанаси дерево с пышной кроной, защищавшей от палящих лучей, и сел под ним. Случайный прохожий мог бы подумать, что этот человек охраняет зарытое под деревом золото. Но он оберегал свою мысль, как еще не окрепшую молодую веточку.

Дав торжественный обет, что не встанет и не удалится, пока не разрешит загадку жизни, даже если ему придется сидеть до тех пор, пока не высохнет его кровь и не истлеют кости, он сидел сорок девять дней. Лишь один раз за это время он поел кашу, сваренную на молоке, принесенную Суджатой, дочерью земледельца.

Через некоторое время Гаутаме предстали сонмы богов и духов, ожидавшие великого мига просветления. Затем их место занял искуситель Мара, принесший весть, что злой Девадатта поднял мятеж, бросил мать и жену в темницу и что они ждут его помощи. Но Гаутама не

тронулся с места. Тогда Мара силой майи призвал полчища ракшасов, наслав с их помощью такой смерч, что могучее дерево, под которым сидел Гаутама, закачалось и осыпало его ливнем листьев. Но Гаутама даже не шевельнулся. Затем разлилась текущая внизу река, и ее воды коснулись ног праведника. Но он продолжал сидеть. И потребовал искуситель, чтобы Гаутама доказал свою щедрость и великодушие. Не открыл Гаутама рта, а лишь коснулся пальцами земли, и отозвалась она голосом грома:

— Свидетельствую за него!

И отступил Мара, раненный истиной, но вскоре вернулся вместе со своими юными и прекрасными дочерьми. Они приплясывали, и сияющие глаза их колебались, как чашечки лотоса при порыве ветра.

— Отрекись! — нашептывал злой волшебник. — Отрекись, и красота моих дочерей будет твоею.

— Нет! — отрезал мудрец. — Во время странствий я видел фокусника с размалеванной деревянной куклой. Она танцевала так забавно, что все покатывались со смеху. Но стоило разрезать нитку, и игрушка распалась. Что в ней может пленить сердце? А красота истины не увядает.

И зашипел Мара, как кобра, когда ей наступают на хвост, и растворился в воздухе. Потеряв надежду соблазнить Гаутаму, он низвергал с неба молнии, обрушивал скалы, но не мог сокрушить мудреца: человек, верный истине, крепче каменной горы.

Однажды мудрец поднялся и твердым шагом спустился в долину. Там он увидел пятерых своих прежних учеников, оставивших Гаутаму, когда тот отказался от сурового умерщвления плоти. Они продолжали сидеть, выразив этим свое отношение к нему. Но как только он заговорил, ученики встали и слушали как завороченные. Так началась первая проповедь того, кого с этого дня называли Просветленным — Буддой. На самом деле он стал Просветленным еще тогда, когда был впервые пронзен жалостью к людям.

Совсем недолго Будда побыл в родительском доме, где сумел обратить в свою веру отца, жену, сына Рахулу и даже двоюродного брата, завистника Девадатту. После этого он вновь пустился в странствия в сопровождении учеников, оказавшихся свидетелями его проповедей и бесед. Самый молодой спутник Будды, Ананда, записал наставления учителя после его смерти.

Немало опасностей и приключений выпало на долю Гаутамы после просветления. Однажды в горах близ Митхуры он был схвачен дикарями, заставлявшими чужеземцев разгадывать загадки и при неправильных ответах их убивавшими. Будде удалось убедить нечестивцев отказаться от их образа жизни, а некоторых сделать своими последователями. В другой раз Будда отправился в стан свирепого разбойника Ангулималы, убивавшего каждого встречного. Пораженный бесстрашием гостя, разбойник выслушал его, присоединился к его последователям и кончил жизнь праведным буддийским монахом. Будде приходилось сталкиваться с презрением со стороны людей, видевших в каждом, не занятом повседневным трудом и питающемся подаванием, бродягу и бездельника, и с открытой ненавистью таких же, как он, бродячих проповедников, считавших его опасным соперником. Однажды некий брахман, привлеченный цветущим видом скитальца, предложил ему в жены свою красавицу дочь, а отказ кшатрия воспринял как оскорбление. В нем и его дочери, вскоре вышедшей замуж за царевича, Будда обрел злейших врагов.

На пути Будды встречались и люди, испытывающие к нему симпатию и готовые сделать для него все возможное и невозможное. Богатейший из купцов Судатта, к которому Будда попал во время дождей, купил для отдыха ему и его спутникам рощу, заплатив за нее затребованную владельцем сумму — столько серебряных монет, сколько могло уместиться на ее площади. Среди горячих сторонников Будды были брахманы, шудры и даже чандалы, питавшиеся мясом собак, мужчины и женщины.

Многие из них, оставаясь на своих местах, образовывали группы монахов, следовавших наставлениям учителя и ведших отшельнический образ жизни, не соприкасаясь с обществом. Он же продолжал свой путь с немногими учениками, удивляя их своей выносливостью. В семьдесят девять лет, пока ученики искали лодку или плот, чтобы переправиться через Гангу, он переплыл реку и приветствовал их с другого берега.

Однажды Будда с учениками оказался близ дерева, давшего ему когда-то свет истины. Один из учеников, самый преданный и любимый, пал на колени, чтобы поклониться месту рождения истины. Будда поднял его и, взяв с земли горсть листьев, спросил: «Скажи, юноша, есть ли еще листья, кроме тех, что у меня в руке?» — «Осенние листья падают повсюду, — ответил ученик, — их не счесть». — «Вот так и я, — сказал Будда, — оставляю вам лишь горсть истин, но, кроме них, имеется бесчисленное множество других».

Веер

И взял ученик из рук Будды горсть листьев и прижал их к своей груди и никогда с ними не расставался. После смерти Учителя он разложил эти листья веером — их было восемь — и попытался, вспоминая проповеди Будды, закрепить за каждым из них одну из частей учения.

С первым листом он связал убежденность Будды в том, что мир полон скорби, порожденной жадностью, алчностью, своекорыстием. Подавление желаний — начало пути ко всеобщему умиротворению.

Второй лист — любовь к ближним и забота об их счастье. Не надо увеличивать богатство за счет других и искать власти над людьми, предаваться роскоши и чувственным наслаждениям.

Третий лист — правдивая речь, чуждая лжи, клеветы, дружелюбная и сдержанная.

Четвертый лист — праведность деяний, совершение поступков, не приносящих вреда живому, отказ от насилия.

Пятый лист — добывание средств к существованию праведным путем; не торговать спиртным, не гнать животных на убой.

Шестой лист — праведно мыслить, отторгать от себя все злое, настраиваться на одно добро.

Седьмой лист — правильная оценка самого себя, осознание того, что тело твоё состоит из нечистых частей, зовущих к грязи и злу; подчинение плоти духу.

Восьмой лист — праведное созерцание, умение сосредоточить мысли на главном и достойном.

Подняв все восемь листьев над головой как знамя, ученик отправился в странствия путем Будды, разъясняя смысл каждого листа, если он нуждался в толковании.

Первый лист был доступен каждому, ибо не требовал от верующего ничего того, что нарушало бы привычный образ его жизни.

Второй лист вызывал споры: как понимать отказ от чувственных наслаждений? Ведь без них нет брака, а отсутствие брака приведет к вымиранию рода человеческого. Приходилось объяснять, что от брака должны отказаться лишь те, кто составляет узкую группу последователей, что Будда благосклонно отнесся к престарелой супружеской чете, счастливо прожившей вместе много лет и наивно добивавшейся того, чтобы остаться мужем и женой в последующей жизни, что он нашел слова, чтобы укрепить их брак на праведных основах и сделать его образцом для всех.

Более всего сомнений вызывал четвертый лист — отказ от насилия. Как отказаться от насилия по отношению к преступнику, готовому убить тебя и твоих детей? Может ли последователь Будды быть воином, для которого насилие — обязанность? Пришлось растолковывать, что воин не может быть принят в монастырь, стать монахом; что находясь на службе, он обязан оставаться справедливым к своим товарищам по оружию и милостивым к врагу, если последний складывает оружие.

Говоря о пятом листе, ученик Будды объяснял, что учитель добывал средства к существованию милостыней, но не призывал к этому всех, что он не убеждал купца Судатту стать нищим, но ставил его в пример другим купцам, которые копят сокровища вместо того, чтобы делиться ими со всеми нуждающимися. Он вспоминал также и кузнеца, ковавшего не только лемехи для плугов и косы, но и оружие, несущее смерть. Будда за это его не осуждал. Когда же кузнец, желая доставить ему удовольствие, накормил его грибами и довел до гибели, беседуя с ним, Будда уделил ему столько же внимания, сколько и праведникам.

В годы после кончины Будды его путем следовало много учеников, умевших столь же наглядно, как и обладатель листьев, объяснять смысл великого учения. Один из них в большом городе собрал целую толпу перед домом, используя для наглядности ступени лестницы. Поднимаясь по каждой из первых восьми ее ступеней, он разъяснял содержание учения, не исключая того, что кто-то сможет подняться и выше, на девятую и десятую ступени, ибо Будда не отрицал других ступеней истины.

Среди слушателей монаха в оранжевом одеянии были два стражника, крестьянин с корзиной, в которой был большой гусь, фокусник с обезьянкой на плече, брадобрей и стоявший особняком мусорщик. Проповедник обращался ко всем сразу, не говоря ничего такого, чтобы могло бы сблизить слушателей или увеличить рознь между ними. При этом, спустившись с

восьмой ступени на землю, он перешел к рассказу о прежних жизнях того, кто еще не был Буддой, но готовился им стать, упомянув и белого гуся из корзины, и обезьяну, и слона, призывая быть милосердными и к меньшим братьям.

Чуллаккасеттхи

В давние времена, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, бодхисатва возродился в семье торговца при царском дворе. Звали его Чуллаккасеттхи.

Однажды по дороге на службу он увидел дохлую мышь. Сопоставив это обстоятельство с расположением созвездий, он сказал сопровождавшей его дочери:

— Если бы какой-нибудь сообразительный юноша взял бы эту мусику, он смог бы содержать жену и быть при деле.

Один бедный юноша из хорошей семьи услышал эти слова и, будучи наслышан о мудрости Чуллаккасеттхи, подумал: «Не станет он такое зря говорить».

Когда отец с дочерью удалились, он подобрал мусику и понес ее, держа за хвостик, на базар и там продал ее как корм для кошки за каканик. На этот каканик он приобрел ложку патоки. Набрав в кувшин воды, он бросил туда патоку и напоил из черпака водой выходящих из царского парка садовников. За это каждый из садовников дал ему по букету цветов. За них он тотчас получил восемь каршапан.

Однажды ночью в Варанаси был сильный ветер. Едва он утих, юноша отправился к царскому парку. Он увидел сторожа, сносящего к воротам сбитые ветром сучья.

— Почтенный! — обратился он к нему. — Хочешь, я тебе помогу, если ты мне позволишь унести этот мусор?

— С удовольствием! — ответил обрадованный старик.

Через некоторое время гончар, идущий со своим товаром на базар, увидел юношу с вязанкой сучьев и купил ее у него, а также и другие сучья, сложенные в кучу у ворот парка, за шестнадцать каршапан и согласился уступить цену за горшки, кувшины и другую посуду. Так юноша обзавелся посудой.

Наполнив ее водой, он поставил все это у городских ворот и вдоволь напоил пятьсот косцов.

У косцов не оказалось денег, но они были благодарными людьми и сказали юноше:

— Дорогой! Что нам для тебя сделать?

— Когда будет нужно, что-нибудь сделаете, — ответил юноша.

Через некоторое время один торговец сообщил:

— Завтра в город приезжает барышник, чтобы продать пятьсот коней.

Узнав об этом, юноша сказал косцам:

— Принесите мне сегодня по вязанке травы, свою же больше никому не продавайте.

Косцы согласились и, принеся пятьсот вязанок травы, сложили ее у его дома. Барышник, не найдя во всем городе корма для лошадей, взял у юноши всю траву и заплатил за нее тысячу каршапан.

Потом предприимчивый юноша узнал, что в порт пришел большой корабль. Он за восемь каршапан нанял колесницу и прибыл в порт с большой пышностью. Дав корабельщикам залог за все привезенные на корабле товары, он расставил по дороге к порту своих людей, чтобы никто из перекупщиков не мог подойти к кораблю без его согласия.

Таким образом, став посредником, юноша получил от каждого торговца по тысяче каршапан в качестве залога за товары на корабле, после же продажи товаров они ему дали еще по тысяче каршапан.

Получив двести тысяч каршапан, юноша вернулся в Варанаси и, взяв тысячу, отправился к Чуллаккасеттхи.

Передавая бодхисатве тысячу каршапан, юноша сказал:

— Прими от меня это в благодарность. Четыре месяца назад у меня не было ни одного каршапана, а теперь их двести тысяч.

— Как же тебе удалось разбогатеть? — удивился Чуллаккасеттхи.

— Я следовал указанному тобою пути, благочестивый, — ответил юноша и рассказал все по порядку, начиная со случайно услышанного разговора бодхисатвы с дочерью.

Слушая юношу, бодхисатва думал: «Вряд ли я смогу отыскать для моей дочери более подходящего мужа, чем этот человек. Ведь он извлек выгоду даже из дохлой мыши».

И отдал бодхисатва юноше в жены свою дочь, красивую девушку, уже достигшую зрелости, ввел его в свои дела и объявил своим наследником.

После кончины Чуллаккасеттхи его зять занял должность при царском дворе, стал самым богатым человеком в Варанаси, а бодхисатва возродился согласно карме.

Бодхисатва и раб

Давным-давно, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, бодхисатва возродился в семье богатого сеттхи. В тот день, когда жена родила ему сына, родился мальчик и у его рабыни. Дети росли вместе. Когда сын бодхисатвы стал ходить к учителю, юный раб провожал его, нес ученическую доску и ожидал, когда окончится урок. Так он обучился грамоте, а затем постиг несколько ремесел и со временем стал красивым и образованным юношей.

Исполняя обязанности эконома, он, однако, тяготился положением раба и часто думал: «Стоит мне совершить какой-нибудь проступок, меня пошлют на тяжелую работу, а то и побьют, бросят в оковы, поставят на мне клеймо. Пойду-ка я в соседнюю область к одному сеттхи, другу моего хозяина, и назовусь его сыном».

Он взял пальмовый лист и написал на нем: «Посылаю я к тебе своего сына Катахаку. Если ты сочтешь родство полезным для наших отношений, отдай моему сыну в жены свою дочь, посели его у себя. Я же навещу тебя при случае».

Оттиснув на листе печать хозяина, Катахака взял денег на дорогу, благовоения, одежду и все другое, что ему могло пригодиться, и отправился в соседнюю область.

Явившись к сеттхи, которому он не раз писал от имени господина, беглый раб приветствовал его поклоном.

— Откуда держишь путь, любезный? — спросил хозяин.

— Из Варанаси, — отвечал раб.

— По какому делу ты явился?

— Прочти и все узнаешь, — сказал Катахака, протягивая письмо.

Прочитав письмо, сеттхи возликовал, ибо для него породниться со столичным сеттхи было высочайшей честью.

И поселился раб в его доме как зять, пользуясь его богатствами. У Катахаки появилось много слуг, которые ухаживали за ним. Желая показать, что все это ему не в новинку, он часто ворчал:

— Ох эта деревенщина! Не умеет она ни обед приготовить, ни стол накрыть.

Между тем бодхисатва, обнаружив отсутствие раба, отправил своих людей на его розыски. Один из посланных разыскал Катахаку и, оставшись неузнанным, вернулся и сообщил обо всем бодхисатве, который сказал: «Я его пристыжу» — и стал готовиться в дорогу.

Весть об этом достигла города, где жил Катахака, и он сказал тестю:

— Почтенный! Мой отец хочет тебя навестить. Готовься к приезду, а я пойду ему навстречу с дарами.

И вот отправился Катахака с большой свитой в путь. Встретившись с бодхисатвой, он поклонился ему и вручил дары, а затем, отведя в уединенное место, бросился к его ногам, умоляя не разоблачать его.

— Не бойся, — утешил бодхисатва раба. — Ты плохо поступил, но я не из тех, кто мстит.

После этого бодхисатва отправился в город, где жил Катахака, и с величайшим почетом был принят его тестем. Когда гостя усадили на почетное место, тесть Катахаки сказал:

— Господин! Я отдал свою дочь в жены твоему сыну. Хочешь на нее взглянуть?

Бодхисатва милостиво кивнул головой.

Когда жену Катахаки привели, бодхисатва принял ее как свою дочь и удалился с нею, чтобы она могла почесать ему голову. Когда она это сделала, он поблагодарил ее и спросил:

— Действительно ли мой сын и в счастье и в несчастье заботлив, и вы оба живете в согласии и дружбе?

— Это так, как ты сказал, господин, — ответила жена Катахаки. — У твоего сына лишь один

недостаток. Он очень разборчив в еде и без конца ворчит, что наш стол хуже столичного.

— Он всегда был ворчлив, — произнес бодхисатва умиротворяюще. — Но я научу тебя, как его исправить. После того как он сядет за стол, прочти ему эту шлоку:

За стол чужой садясь, не задирай ты, Катахака, нос, А то лишишься ты всего, когда придет знакомый гость.

С этого времени Катахака перестал привередничать, полагая, что бодхисатва раскрыл его тайну жене.

Бодхисатва и брахман

Как-то блуждая по земле магадхов, бодхисатва остановился в одной из брахманских деревень. Была пора сева. Уже запрягли быков в плуги. Дымился котел. Работникам раздавали пищу. Блаженный подошел к месту раздачи и в свой черед подставил чашу для пищи. Видя это, брахман, следивший за раздачей, сказал:

— Прежде чем есть, я пашу и сею. И ты, странник, сначала вспаши свое поле и посеи свои зерна, а потом насыщайся.

— Так я и делаю, — ответил бодхисатва.

— Но что-то я не вижу у тебя упряжки, быка, плуга, кнута — всего того, без чего немыслима ни вспашка, ни посев.

Бодхисатва ответил гатхой:

Есть и взору невидимый труд. Ведь ничто не дается само. Выдержка — дождь мой, память — мой кнут. Верность — зерно и мудрость — ярмо. Мужество служит мне вместо быков. Тянет прямую оно борозду в край, который не знает оков. Отдых и счастье там пахаря ждут. Каждый может пахарем быть. В руки свое грядущее взять. И о печалях мира забыть. И в труде нирвану познать.

Выслушав эти мудрые и вдохновенные слова, брахман от души наполнил большую бронзовую чашу сваренной на молоке рисовой кашей и обратился к пришельцу:

— Отведай кушанья, почтенный. Воистину ты — пахарь и сеешь добро.

Бодхисатва вновь ответил гатхой:

Не беру я награды за пение гатх. Истина не имеет цены. Мудрые обходятся без наград. Дхарме они до смерти верны.

— Как же мне распорядиться этой молочной кашей? — спросил брахман.

— Не знаю, — ответил бодхисатва. — Только в трех мирах не найдется никого, кто смог бы переварить предназначенное мне кушанье. Пожалуй, вылей кашу туда, где не растет трава, или в горькую воду, не имеющую живых существ.

Брахман отыскал такую воду и опрокинул туда чашу. Вода закипела, задымилась. Клубы дыма достигли неба. Пораженный случившимся, дрожа от ликования, брахман приблизился к бодхисатве и припал к его ногам.

— Поразительно, — воскликнул он, — какими разнообразными, неповторяющимися словами тебе удалось разъяснить суть своего учения! Отныне ты — мое прибежище. Посвяти меня в свою веру.

Бодхисатва и царь Махапинтала

В отличие от сутр, связанных с практикой обучения молодых монахов приемам вовлечения иноверцев в истинную веру, существовал специальный жанр произведений, обращенных к мирянам, — джатаки. Они построены как рассказ самого Будды о своих прежних рождениях, когда он был бодхисатвой.

Давным-давно в славном городе Варанаси правил злой и несправедливый царь Махапинтала. Не было для него большей радости, чем причинять боль. Грубый, жестокий и суровый, он не ведал жалости, был неумолим не только к своим женам, сыновьям и дочерям, но и к придворным, брахманам, знатнейшим кшатриям, невыносим, словно песчинка в глазу, словно камень в пище, словно колючка в пятке.

В то время бодхисатва возродился в образе сына того царя. Когда после долгого правления неносный и ненавистный царь умер, жители Варанаси ликовали так, будто одержали победу над внешним врагом. На место сожжения праха навезли тысячу возов дров, надеясь, что сильное пламя унесет подальше от города ненавистную душу.

Надо ли рассказывать, с какой радостью была вручена власть Махапинталы его сыну? В городе состоялось торжественное шествие, и каждый дом был празднично украшен. Непрестанно бухали барабаны, гудели рога и раковины, всякий колотил в какую-либо металлическую посудину, стараясь этими звуками изгнать навсегда память о злом царе.

Каково же было удивление бодхисатвы, занявшего золотой, украшенный гирляндами цветов трон, когда до его слуха донеслось всхлипывание. Повернув голову, бодхисатва увидел старого привратника, смахивавшего с морщинистого лица слезы.

— Что с тобой? — удивился бодхисатва. — Неужто ты скорбишь об уходе того, кого в Варанаси называли Красноглазым?

— О нет, — отозвался старец, — разве можно скорбеть о смерти такого изверга! Не было дня, чтобы твой отец, покидая дворец, не ударял меня по голове тяжелым кулаком. Возвещая о прибытии во дворец, он вновь меня ударял. Это вошло у него в привычку. Вот я и подумал, каково придется привратнику нижнего мира, когда Яма не пожелает принять твоего отца и отошлет его назад, а он будет вновь и вновь пробиваться к нему, так что отцу твоему не останется ничего, как возвратиться сюда.

— Не бойся! — улыбнулся бодхисатва. — Тот, кто над тобой издевался, сожжен на костре из тысячи возов хвороста и поленьев, а место сожжения залито водою из тысячи кувшинов и окопано рвом. К тому же существа, попавшие в тот мир, никогда не возвращаются на то место, которое они покинули.

Акробат

Давным-давно, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, бодхисатва возродился в одной семье сильным и ловким мальчиком. Его отдали в обучение акробату. Он быстро усвоил эту науку и так же легко, как его учитель, играл мячами и искусно владел своим телом, но не воспринял ни одного из пороков своего наставника. К тому же бодхисатва не стремился превзойти других акробатов, был безразличен к тому, сколько бросят на его коврик монет, угостят ли его в трактире обедом или он уйдет голодным. Он никогда не сетовал на отсутствие имеющегося у других, радовался жизни, видя в ней высшее из благ.

Как-то перед представлением в одной деревне они зашли в трактир, и люди налили им вина. Ученик не стал пить, а учитель, радуясь даровому угощению, выпил много и расхвастался:

— Как сейчас шел я в город, мне дорогу перебежал заяц. Это плохая примета, подумал я, и погнался за косым. Он туда, сюда. Но от меня не уйдешь! Нагнал я его, хватя за уши и приволок в город. Вокруг меня собралась огромная толпа. Сколько крику было! Подняли меня на руки и понесли. И все показывали пальцами: «Вот человек, нагнавший зайца!»

Трактир заполнился удивленными возгласами. Ободренный акробат продолжал:

— В другой раз вместе со многими я шел в город на великий праздник. Дело было в пору разлива. Разбушевавшаяся река снесла мост. Видя это, люди постояли и повернули назад. Я же, разбежавшись, совершил прыжок, которому мог бы позавидовать Хануман, и оказался на другом берегу реки.

И тут кто-то из находившихся в трактире выразил сомнение:

— Этого не может быть!

— Ты мне не веришь?! — возмутился учитель. — Сейчас ты увидишь, что я прыгну через пять дротиков.

— Не делай этого, почтенный, — шепнул бодхисатва. — Ты прыгаешь лишь через четыре дротика.

Акробат отмахнулся от него, выбежал на улицу и воткнул в землю пять дротиков острием вверх.

Бодхисатва подошел и настойчиво предложил:

— Разреши, я уберу один дротик.

— Не смей! — закричал акробат, дыша в лицо бодхисатвы винным перегаром. — Ты еще не знаешь, на что я способен!

Разбежавшись, он прыгнул, перескочил через четыре дротика, а на пятый же накололся животом и стал похож на цветок мадхуки, нанизанный на собственный стебель. Тогда бодхисатва сказал:

Перед народом не хвались ни ловкостью, ни скоростью, Четвертый дротик одолев, на пятом ты наколешься.

Золотой гусь

Давным-давно, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, бодхисатва возродился в семье одного брахмана и, достигнув зрелости, взял в жены дочь брахмана. У нее родились три дочери-близнецы. Им дали одно имя — Нанда.

Эта жизнь бодхисатвы была недолгой. Он не успел обратить жену в свою веру, объяснить ей, что алчность — первый из пороков, что алчный омерзителен не только людям, с которыми ему дано жить, но и матери, его родившей.

После смерти Будды его жена и дочери жили в бедности. Переноса ее как величайшее из наказаний, они завидовали каждому, кто хоть немного богаче их. А Будда возродился в облике золотого гуся, наделенного разумом и знанием былых воплощений. Вспомнив о жене своей и дочерях, он прилетел к их хижине и незаметно стал за ними наблюдать. Видя, что они живут, прислуживая соседям, бодхисатва решил: «Покажусь-ка я им! Мое тело покрыто золотыми перьями. Буду отдавать им по одному перу, и они заживут безбедно».

Утром, проснувшись, увидели вдова и три ее дочери золотую птицу на соломенной кровле, и разгорелись у них глаза.

— Откуда ты, почтеннейший? — спросила мать.

— Оттуда! — сказал гусь, поднимая клюв к небу. — Я твой супруг и отец твоих дочерей. После того как мы расстались, я возродился в образе гуся. Теперь вы заживете в достатке.

С этими словами он вырвал клювом одно из своих перьев и бросил его вниз. Женщина кинулась на землю, закрыв перо грудью, так и не заметив, как улетел гусь.

И стал гусь прилетать время от времени, оставляя семье по одному золотому перу. Однажды мать позвала своих дочерей и обратилась к ним с такими словами:

— Милые! Теперь у нас появился достаток, и мы уже не прислуживаем чужим людям, как шудры. Но у нас нет служанок и слуг. Мы ходим пешком, живем в хижине. Давайте, когда прилетит отец, выдернем у него все перья и разбогатеем.

— Но ему будет больно, — робко возразили дочери.

— Перетерпит! — упрямовствовала жадная женщина.

На следующий раз, когда прилетел золотой гусь, брахман-ка ласково подозвала его к себе. Когда же он, ничего не подозревая, приблизился, схватила его и ощипала. Но перья бодхисатвы, вырванные против его воли, из золотых стали серыми, как у журавля. Взмахнул гусь крыльями, чтобы улететь, но не смог. Брахманка поместила его в ящик и стала закармливать, чтобы он стал жирнее, надеясь продать подороже. Когда у гуся отросли перья, они стали белыми. И тогда он улетел и больше не возвращался.

Священное древо

Давным-давно, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, бодхисатва возродился в образе священного древа, росшего на берегу реки и ушедшего корнями в ее дно. Тогда же среди рыбаков, ловивших сообща рыбу и деливших доходы поровну, возродился и его враг Девадатта.

И вот Девадатта взял удилище и отправился с маленьким сыном к месту, где был хороший клев, под огромное дерево. Насадил он на крючок червяка, закинул удочку и почувствовал, что не может ее вытащить. «Наверное, — подумал он, — на крючке большая рыба. Я ее продам и разбогатею. Лишь бы о моей добыче не узнали в деревне!» И сказал он сыну:

— Милый! Беги к матери и передай ей, что мы поймали большую рыбу, и скажи, чтобы она затеяла ссору с соседями.

Когда мальчик ушел, рыбак, опасаясь оборвать леску, разделся, сложил одежду на берегу и полез в воду. Ему не терпелось поскорее вытащить свой улов, и он не заметил, что крючок зацепился за подводную корягу.

Наткнувшись на ее острие, он сразу же лишился обоих глаз, когда же вынырнул, не нащупал своей одежды — ее унес вор.

Жена тем временем вырядилась как чучело. Намазала лицо сажей, прицепив к уху пальмовый лист и взяв на руки дворовую собаку, стала ходить из хижины в хижину. Видя ее, люди говорили:

— Ты рехнулась, что ли? Вымазалась и держишь собаку, как ребенка.

В ответ она стала оскорблять соседей. Поднялся шум. Прибежал деревенский староста и, увидев жену рыбака, сразу понял, кто виновник ссоры.

Видя эти бедствия — одно в лесу, другое в деревне, — бодхисатва, высунувшись из дерева, произнес гатху:

Слышна в деревне брань. Рыбак всего лишен. Кто зол, к тому беда идет со всех сторон.

В поисках нового имени

Возродился бодхисатва в Таксиле наставником и начал обучать дхарме пятьсот учеников, слетевшихся к нему со всех концов Индии, как мотыльки на свет. Был среди них некто по имени Паршва. Слыша без конца: «Паршва, иди туда», «Паршва, иди сюда», он возненавидел собственное имя и, явившись к учителю, сложил ладони и обратился к нему с просьбой:

— Не могу я слышать свое дурное имя. Дай мне хорошее.

— Я знаю хороших и дурных людей, — ответил учитель. — Имена для меня безразличны. Но я готов называть тебя так, как это тебе по душе. Назови свое новое имя.

Паршва замолчал, перебирая в памяти имена.

Не дождавшись ответа, учитель сказал:

— Походи по стране и поищи себе имя. По возвращении ты его обретешь.

Паршва поклонился учителю, взял с собою в дорогу провизии и отправился в путь, из деревни в деревню, из города в город, спрашивая у всех встречных их имена.

В одном месте он увидел похоронную процессию и, будучи человеком благочестивым, к ней присоединился. На кладбище, после того как тело умершего было предано огню, он спросил у родственников:

— Как звали безвременно скончавшегося?

— Живака, — ответили ему.

— Как же мог Живака умереть?

— Умирает не имя, а тело того, кто его носил, — ответили ему. — Ты, кажется, не в своем уме.

Услышав это, Паршва отказался от понравившегося ему имени и отправился на поиски другого.

Идет он по городу и слышит свистящие удары, сопровождаемые стоном. Пошел он на эти звуки и увидел привязанную к дереву обнаженную женщину, наказываемую хлыстом. После каждого удара бьющий приговаривал: «Вот тебе, Богатыка!»

— Эту женщину зовут Богатыкой? — удивился Паршва. — За что ты ее бьешь?

— Таково имя моей рабыни, — ответил хозяин, заноса хлыст для нового удара. — Она, негодная, утаила часть заработка.

— Почему же, будучи Богатыкой, она рабыня и вынуждена работать на других?

— Да ты не в своем уме! — воскликнул хозяин, нанося удар. — Имена ведь даются не для того, чтобы можно было судить о состоянии людей, а чтобы отличать одних от других.

И отправился Паршва далее, пока не встретил человека, растерянно оглядывавшегося по сторонам.

— Ты кого-то ищешь? — спросил Паршва, поздоровавшись с незнакомцем.

— Я сбился с дороги. Скажи, какая дорога ведет в Варанаси?

— А как твое имя? — спросил Паршва.

— Меня зовут Провожака, — ответил заблудившийся.

— И ты, Провожака, спрашиваешь дорогу у меня, Паршвы! — воскликнул ученик Будды и поспешил в Таксилу.

Учитель, увидев его, спросил:

— Каким же именем тебя называть?

— Называй прежним, — ответил Паршва. — Ведь о людях судят не по имени, а по делам их.

И произнес учитель следующую строфу:

Живаку мертвецом узрев, а Богатыку — нищей, Доволен именем мудрец и перемен не ищет.

Одинокий слон

Когда тебя в трясину занесло
И слышится последний звук свистящий,
К тебе спешит на помощь
белый слон,
От глаз людских скрывающийся в чаще.
Когда волками будешь окружен,
Прощаясь с жизнью, вдруг услышишь топот
К тебе спешит на помощь белый слон,
Сверкающий протягивая хобот.
И если мир в конце своих времен
От молнии небесной запылает,
Придет ему на помощь белый слон,
Священный слон, живущий в Гималаях.

Давным-давно в Гималаях родился слоненок. Выйдя из мрака на свет, он был белым, как слиток серебра, огромные глаза его сверкали, как драгоценные камни, рот пламенел, как красная ткань, а хобот светился, как серебряная цепь с искорками алого золота. Ноги его были гладкие и блестящие, словно покрытые лаком, походка быстрая.

Когда слоненок вырос и возмужал, не утратив красоты, он обрел мощь, и восемь тысяч слонов, сойдясь в одно место, дружным ревом избрали его своим вожаком. Но он недолго правил слонами. Увидя, что слоны нарушают справедливость, разоряют участки мирных земледельцев, буйствуют из-за самок, он удалился и стал жить в лесу один.

Слава об одиноком и справедливом белом слоне распространилась по всем Гималаям, и риши слагали о нем песни, но мало кому удавалось с ним встретиться. Однажды житель города Варанаси — да сотрется из памяти его недостойное имя — заблудился в чаще. Долго он метался, наталкиваясь на деревья, запутываясь в лианах, вопя, как шакал, пока понял, что дороги к городу не отыскать.

Потеряв всякую надежду на спасение, он лег на землю и приготовился к смерти. И вдруг он слышит шум продирающегося сквозь чащу большого зверя. Бодхисатва, — а это он возродился в одной из своих блаженных жизней в облике слона, — решил помочь несчастному. Но человек, не поняв намерений животного, обратился в бегство. Тогда бодхисатва остановился и трижды дружелюбно помахал человеку хоботом. Остановился и человек. Так повторялось несколько раз, пока заблудившийся догадался, что ему не желают зла, и подпустил слона на близкое расстояние.

— Почему ты плачешь? — спросил бодхисатва, обратив к человеку огромное ухо.

— Я заблудился в твоём лесу, — отвечал человек, от волнения даже не удивившись, что слон разговаривает. — И вот я не знаю, как найти дорогу в город. К тому же я ослабел от голода и уже не могу идти.

Слон привел человека к себе, накормил его досыта сладкими плодами и, обхватив его поясницу хоботом, посадил себе на спину. Он шел медленно, выбирая дорогу таким образом, чтобы человек не ушибся и на него не упала с дерева змея.

Стражники еще с башни над воротами увидели приближающегося к городу слона и созвали трубами весь город. Горожане высыпали из всех ворот навстречу редкому гостю. Они никогда не видели слона, к тому же такого могучего. Человека же, которого доставил слон, считали давно погибшим. Но, кажется, никто ему не обрадовался, кроме ростовщика, которому он задолжал.

Подойдя к слону, ростовщик потрогал клык и сказал, обращаясь к спасенному:

— Этот клык настоящее сокровище!

Слон покачал головой, словно соглашаясь с этой оценкой, а затем, повернувшись, с царственным достоинством удалился.

Человек же, не заходя в свою хижину, отправился на рыночную площадь в ряд резчиков по кости. Обращаясь к мастерам, он спросил:

— Скажите, дорого ли стоят бивни живого слона?

— Клыки живого слона стоят вдвое дороже клыков мертвого слона, — ответил старший мастер и назвал цену.

Вскоре после этого спасенный вернулся в лес и нашел там убежище одинокого слона.

— Ты снова заблудился? — воскликнул бодхисатва удивленно.

— Нет, — ответил человек. — Я пришел к тебе за помощью.

— Чем теперь я могу тебе помочь? — спросил слон с готовностью.

— Видишь ли, я бедный человек и мне не на что жить. У тебя же два клыка, а ты можешь обойтись одним. Дай мне клык, я его продам и буду кормиться.

— Что ж, — сказал слон. — Сходи за пилой.

— Я ее захватил, — сказал человек, сбрасывая со спины мешок, который зазвенел.

Слон подогнул ноги, чтобы человеку было удобно работать, и тот отпилил один клык, а потом, подумав, и другой.

— Ты не думай, — сказал слон, поднимаясь, — что клыки мне не дороги. Знай: с их помощью можно достигнуть спасения и просветления.

Но человек, кажется, не понял смысла сказанного. Он засунул бивни в мешок и, взвалив его на спину, зашагал к городу.

В городе он продал клыки по обещанной ему цене, рассчитался с ростовщиком и некоторое время жил в роскоши. Когда же золото кончилось, он вновь пошел в лес и, отыскав слона, сказал ему:

— Почтенный! Я продал твои клыки. Но деньги пришлось отдать за долги. И снова мне нечего есть. Дай мне остатки твоих клыков.

— Возьми, — сказал слон, опускаясь на землю.

Человек достал пилу и, срезав остатки клыков, отправился восвояси.

Через некоторое время он пришел еще раз и потребовал корни клыков.

Слон молча лег на землю. Неблагодарный забрался по хоботу слона, как по серебряной цепи, на голову, напоминавшую снежную вершину, и стал пяткой отбивать корни клыков. Потекла кровь. Видимо, слону было больно, но он не пошевелился, не застонал. Отбив корни клыков, негодяй ушел. Но недалеко. Земля, выдержавшая тяжесть гор, дрогнула под его ногами. Донесся отвратительный запах человеческих нечистот. Из трещины вырвалось пламя в форме хобота и, схватив предателя, швырнуло в бездонную пропасть.

Бодхисатва тогда сказал:

Глаза неблагодарного повсюду так и рыскают. Всем миром не насытится душа людская низкая.

Любовник

Давным-давно, когда в Варанаси правил юный царь Шамба, бодхисатва возродился в облике нага и царствовал над подобными себе в Серумадине.

Однажды он явился в Варанаси, чтобы помериться с Шамбой искусством игры в кости. И застучали кости о доску. Началась азартная игра. Наблюдавшие за игрой служанки царицы отправились к ней, прелестной Суссонди, и, поклонившись, сказали:

— Наш господин играет в кости с каким-то красавцем. Как бы он не проиграл ему царство.

Принарядившись, царица явилась в игральную комнату со своей свитой, но игра и судьба царства ее не интересовали. Она не отводила глаз от прекрасного юноши. Почувствовав это, бодхисатва оглянулся, увидел лицо несравненной красоты, вдохнул аромат неведомых ему благовоний и потерял голову от любви.

Уловив в глазах царицы зов, он силой своего колдовства поднял в городе ураган. Люди свиты, опасаясь, что обрушится дворец, разбежались. Затем, наведя тьму, царь нагов подхватил Суссонди и скрылся. И никто не знал, как и куда исчезла царица. Иногда бодхисатва вновь появлялся во дворце, чтобы продолжить игру, а остальное время наслаждался с Суссонди любовью.

Был у Шамбы музыкант по имени Сагга, которому он доверял больше, чем другим слугам. Призвал он его к себе и сказал:

— Вот тебе деньги на дорогу. Обойди сушу, оплыви моря, разыщи царицу.

Обходя Индию, Сагга дошел до портового города Бхригукагчи, где купцы снаряжали корабль. Подойдя к ним, он сказал:

— Возьмите меня на борт. Я вам заплачу и буду играть на вине, ибо я музыкант.

— Поднимайся! — отозвались купцы. — В долгие дни плавания нам музыки не хватает.

Когда берег скрылся из виду, купцы позвали Саггу и сказали:

— Развесели нас музыкой.

— Я готов, — ответил Сагга. — Но знайте, что развеселятся не только ваши сердца, но и сердца тех, что живут в океане.

— Ты смертный человек? — спросили купцы.

— Да, — ответил певец.

— Тогда играй. Игра смертного не может привлечь рыб.

— Пеняйте на себя, — сказал Сагга, настраивая вину. Затем, не заглушая своего голоса музыкой, запел:

Просьба несчастного Шамбы на сердце моем, как гиря. Сумею ли отыскать я красавицу, первую в мире?

Опьяненные мелодией, рыбы пришли в движение, и многие из них высунули морды из волн, а неповоротливая Макара прыгнула на корабль и разбила его. Сагга схватился за одну из досок и, лежа на ней, по ветру доплылдо Магадиппы.

Это произошло как раз в то время, когда Будда играл с Шамбой в кости, а его супруга, скучая, бродила по берегу, вглядываясь, не подойдет ли какой-нибудь корабль. Увидев вместо корабля доску и сидящего на ней обнаженного мужчину, она подбежала и, узнав в спасшемся певца Саггу, воскликнула:

— Тебя послал ко мне сам Кама!

Сагга рассказал Суссонди свою историю и поделился опасениями, что царь нагов, узнав о его появлении, может с ним расправиться.

— Не бойся! — сказала Суссонди. — Его сейчас нет, а когда он вернется, я тебя спрячу.

После этого Суссонди повела Саггу во дворец, дала ему сытной пищи, омыла его в благоуханной воде, умастила благовониями, украсила яркими цветами и отвела в спальню на свое широкое ложе. Там она наслаждалась с ним любовью и ухаживала за ним, а когда ее супруг возвращался, прятала поблизости, чтобы затем снова с ним наслаждаться, когда царь отправлялся играть.

Когда прошел месяц и еще полмесяца, купцы из Варанаси высадились на острове, у подножья баньяна, чтобы запастись водой и топливом. Сагга сел с ними на корабль, вернулся в Варанаси и увидел двух царей, увлеченных игрой. Тогда он взял вину и, ударив по струнам, запел первую строфу:

Шумит неумолчное море, благоухает тимира.Далеко отсюда Суссонди, красавица первая мира.

Услыхав это, наг пропел вторую строфу:

Но как ты попал на остров, что посреди Океана,И как ты встретился, Сагга, с Суссонди, моею желанной?

И тогда Сагга пропел три строфы:

От Бхригукагчи отплыли купцы за наживой с товаром.Я спасся один, когда судно разбила рыба-Макара.Сжимая в жарких объятьях, благоухая сандалом,Суссонди по-матерински, как сына, меня обласкала.Дала царица сама мне одежду, питье и ложе.Узнай же об этом царь Шамба, владыка острова, тоже.

В то время, когда певец пел, царь нагов преисполнился раскаяния. «Хотя я жил на далеком острове, где не было людей, я не сохранил верность Суссонди. И она поступила так же. Зачем мне эта распутница? » И он принес ее обратно, отдал царю и больше не возвращался, чтобы играть в кости.

Богач

В одной из своих жизней был бодхисатва богачом, обладателем величайших сокровищ, оставаясь при этом человеком непорочным и незлобным, готовым прийти на помощь любому. Многие пользовались его щедростью, так что богатыми стали все, кому он не уставал давать.

Однажды в час трапезы, когда бодхисатва вкушал яства, приготовленные опытным и благородным поваром, к его жилищу подошел нищий, сжегший огнем своей мудрости все, что могло поддерживать пламень нечистых страстей, и пожелавший общением с бодхисатвой умножить его мощь.

Стоял нищий спокойно, безмятежно, с выражением доброты и твердости на лице, держа в руках чашу для подаяний. Видя это, Мара, не выносивший щедрости бодхисатвы, создал между почтенным пришельцем и порогом дома глубочайшую пропасть, откуда поднимались языки пламени и слышался зловеющий гул.

Бодхисатва, увидев нищего, сказал своей супруге:

— Дорогая! Передай благородному святому полную меру пищи.

Женщина, повинувшись мужу, набрала из всего, что было на столе, самое лучшее и поспешила к воротам, но, увидев бездну и в глубине ее корезившихся в страшных муках людей, отпрянула назад. Когда же супруг спросил у нее, почему она остановилась, женщина не смогла вымолвить ни слова, настолько ее сковал ужас. Бодхисатва поспешил к ней, опасаясь, как бы нищий не ушел. Когда же приблизился к воротам, сам увидел бездну. Он не понимал, откуда она появилась. И в это время из-за его спины от стены отделилась длинная тень и заколыхалась в воздухе. И услышал бодхисатва слова, произнесенные так, словно бы исходили от доброжелателя:

— Домовладыка! Перед тобою великая преисподняя по имени Махараурава. Вглядишься! Ты видишь внизу тех, кто был прельщен пороком щедрости, поддавшись уловкам нищих, кто раздавал свои богатства направо и налево. И вот они внизу уже много тысяч лет, не зная, как им вырваться наружу. Тот, кто распыляет богатство, тот губит праведность. Как за это не оказаться в преисподней? Она пришла за тобой, ибо ты согрешил щедростью. Поэтому остановись, если не хочешь разделить участь тех, кто внизу.

Ни тон, ни сами слова не обманули бодхисатву. Он понял, что перед ним Мара, и ответил ему ласково, но и решительно:

— Спасибо тебе за добрый совет, за твою заботу о моем благополучии. Если ты считаешь, что щедрость это недуг, то ты опоздал. Он настолько в меня проник, что я не в состоянии даже понять, как можно, чем-либо обладая, не быть щедрым. Раздавая богатство, мы помогаем бедным, а сохраняя его, обогащаем воров, охотников до богатств. Что же касается того, что дающие попадают в ад, то меня это не пугает, ибо все, что я делаю, не имеет целью достигнуть высшего блаженства самому. Все мои деяния для блага мира.

— Но ты все-таки подумай о сказанном, — продолжал Мара. — Верь мне, что, идя таким путем, ты потом будешь раскаиваться.

— Прости меня, господин! — сказал бодхисатва. — Я готов хоть сейчас броситься в преисподнюю, но не откажусь от привычной мне щедрости.

С этими словами богач отстранил жену, пытающуюся его удержать, и шагнул в пропасть, которая в тот же миг исчезла, а на ее месте выросли прекрасные лотосы с открытыми рядами белых тычинок. Казалось, они насмеются над еще одной неудачей совратителя. При виде этого Мара позеленел от злости и исчез. Нищий же с сердцем, полным спокойствия и радости, принял милостыню.

Чаша

И в прежних своих рожденьях Великосущный стремился к благу мира. Однажды, озирая мир, увидел он царя Сарвамитру, вконец опустившегося от употребления опьяняющих напитков и поведшего весь свой народ по этому же зыбкому и порочному пути. Долго размышлял бодхисатва, как направить царя и народ к истине и добру, и наконец принял решение, обратившись в брахмана.

Во дворце Сарвамитры пир еще не начался, но стол был накрыт. Слуги уже наливали в бокалы суру, сидху, майрею и другие опьяняющие напитки. И в это время из воздуха возник брахман с ликом цвета расплавленного золота и волосами, заплетенными в косу. На нем было платье из мочала. В левой руке он держал небольшую чашу.

При виде этого чуда все поднялись и приветствовали брахмана благоговейным соединением ладоней. Он же обратился к присутствующим с речью:

— Вот чаша, полная до краев. Всем чашам чаша! Кто ее желает у меня купить?

— Кто ты, сиянием подобный солнцу? — спросил царь. — Под каким именем ты известен в мире?

— Об этом ты узнаешь потом, — продолжал бодхисатва, — пока же постарайся купить эту чашу, если не страшишься бед в этом мире и кары в преисподней.

— Станный способ продажи, — отозвался царь. — Обычно продающий выставляет достоинства и скрывает недостатки своего товара. Но ты еще не сказал, с чем у тебя эта чаша и что ты хочешь за нее в обмен.

— Не водою наполнена она, — продолжал брахман, — не медом ароматным, собранным с тычинок лотоса, не чудным маслом, не молоком цвета лучей луны. В нем зелье, от которого утрачивают разум, спотыкаются и падают на ровном месте. Выпивший его становится тупым и неразумным, теряя стыд. Он способен пуститься в пляс перед многолюдным собранием и стать посмешищем. Вот что я вам предлагаю купить. Выпив этого зелья, даже женщина способна наложить оковы на родителей своих, готова оскорбить своего супруга, хотя бы он был богат, как Кубера. Не из-за этого ли зелья древние боги утратили свое высокое блаженство и утонули в океане? Оно же погубило высокоблагородные когда-то роды. Ведь именно оно позволяет лгать так же смело, как говорить правду, творить постыдное с такой же радостью, как достойное похвалы. Поистине содержимое этой чаши — воплощение проклятья.

Слова эти проникли в самое сердце Сарвамитры и, осознав греховность употребления хмельных напитков, он почувствовал к ним отвращение. Добившись своей цели, бодхисатва исчез. Царь же с горожанами и селянами перестал употреблять хмельное.

Казначей

Некогда бодхисатва был царским казначеем. Высокое происхождение, ученость, возвышенный образ мыслей, красноречие, сострадание к людям, щедрость обеспечили ему всеобщее уважение. Был он счастлив и в семейной жизни. Жена в нем души не чаяла.

И вот когда он отправился во дворец на встречу с царем, в его отсутствие в дом явилась навестить дочь теща. Разговор пошел о том о сем. В конце же, собираясь уходить, старая женщина спросила:

— Не пренебрегает ли тобой супруг, доченька? Как он с тобой обращается?

— Мой муж добродетельнейший человек. Такого обращения, полного благородства, не встретишь даже у нищенствующего монаха, — тихо промолвила жена бодхисатвы.

Мать же, у которой от старости ослабел слух, решила, что зять ее стал нищенствующим монахом, и разразилась громкими рыданиями.

— Как он может, — причитала она, — покинуть добродетельную и любящую супругу! Где это видано, чтобы такой молодой и красивый человек, оставив дом, город, царскую службу, ушел в лес к диким зверям!

Эти вопли привели дочь в такое состояние, что, забыв, с чего они начались, она тоже решила, что ее супруг намерен уйти в монахи, но об этом ей пока не сказал, чтобы не волновать. Плач матери и дочери поднял на ноги весь дом. Забились в рыдания служанки и слуги. Сбежались соседи и просто прохожие, испытавшие благодеяния бодхисатвы и решившие разделить горе семьи.

Между тем бодхисатва, завершив беседу с царем, в добром настроении возвращался домой. Приняв его отчет о доходах и расходах казны, царь осыпал его благодарностями и назвал первым из друзей. Уже в начале улицы, на которой стоял его дом, казначей увидел огромную толпу и сразу подумал, что в доме случилась какая-то беда. Поэтому он послал слугу узнать, что случилось. Тот, вскоре вернувшись, не только успокоил его, но и обрадовал.

— Все живы и здоровы. Но говорят, что ты решил покинуть свой дом, стать нищим монахом.

Лицо бодхисатвы покрылось румянцем стыда. «Как же так случилось, что я сам не пришел к мысли оставить город, вместившие дурных страстей? Выходит, народ лучше, чем я о нем думал. И он обо мне такого высокого мнения, что считает способным презреть все, что меня здесь удерживает!»

Не возвращаясь домой, бодхисатва пришел во дворец и, получив разрешение на прием, обратился к царю с такими словами:

— Дозволь мне, царь, оставить службу и этот мир.

Царь был настолько удивлен, что утратил дар речи. Придя в себя, он спросил:

— Что же могло произойти за столь короткое время после того, как мы расстались, чтобы ты решил изменить свою жизнь и нанести мне, столь тебя любящему, жестокую обиду? Отвечай!

— Идя к дому, о царь, я узнал, что народ верит в то, что я могу стать нищенствующим монахом.

— Что с тобою, мой друг? — проговорил царь, обхватив голову обеими руками. — Я ведь знал тебя как благоразумного, трезвомыслящего человека, содержащего государственную казну в образцовом порядке, не поддающегося ни слухам, ни соблазнам. И ты прислушался к болтовне людишек, которым пришло в голову невесть что?

— Ты не прав, царь, — возразил бодхисатва. — Я достиг уважения людей честностью и исполнительностью. Но есть высшие добродетели, доступные лишь тому, кто не связан с этим миром путами, кто может отказаться от имущества и мирской славы. Не ставь мне в этом препон, о царь!

Слова эти убедили царя, и он не стал задерживать казначея, который, оставив все, тотчас отправился в лес. Но у городских ворот бодхисатву нагнали друзья. Одни протягивали к нему с мольбой руки, другие пытались преградить ему путь, третьи обрушивали на него брань, упрекая в бессердечии. Нашлись и такие, которые пытались убедить бодхисатву вернуться,

приводя мудрые изречения из священных книг об обязанностях главы дома. Бодхисатва обратился к ним с такой речью:

— Не оплакивайте меня, друзья. Ибо это следует делать по отношению к умирающим и мертвым. Если же причина скорби разлука со мною, то что вам мешает разделить мой жребий? Взгляните на меня: я не скорблю, не страдаю. Я уйду от страданий, ибо причина их в привязанности к путам, которые я разрываю.

Простившись с друзьями, бодхисатва ушел в лес и провел там жизнь в счастье, сияя своими добродетелями.

Кормчий

Бодхисатва сидел на берегу, обратив неподвижное лицо к морю. Уже несколько лет, как он потерял зрение, но, проведя большую часть жизни в море, по-прежнему ощущал себя его частью, и говор волн заменял ему человеческую речь со всеми ее оттенками — от тихой ласки до гнева и ярости. Но он уже не мог предвидеть капризов погоды, ибо для него были скрыты знакомые ему приметы — изменение цвета воды, парение птиц, прыжки рыб. За спиной послышался стук перекачивающихся голышей, и слепец повернул голову.

— О Супарага, победитель бурь, тигр среди кормчих, — услышал он. — Позволь припасть к твоим ногам.

— Говори, — сказал бодхисатва.

— Мы, кормящиеся торговлей, просим тебя отправиться с нами в плавание и разделить будущую прибыль.

— Неужто и вы ослепли, почтенные?! — изумился Супарага. — Разве вам не ясно, что от меня на море не будет никакого прока? Даже если вы хотите взять меня в трюм для тяжести вместо камня, то я и на это не гожусь.

— О нет! — затараторили купцы. — Мы все видим и все знаем о тебе. Мы не ждем, что ты поможешь избежать мелей или покажешь более короткий путь. Но само твое пребывание на корабле — залог безопасности. Поскольку ты чувствуешь течения, вихри, водовороты, то и стихии должны ощущать твое присутствие и робеть перед тобою, как робеем мы, твои почитатели.

И был внесен Супарага на судно, ибо тело его настолько ослабело, что сам он не смог бы дойти до сходней и тем более подняться по ним. Устроившись рядом с кормчим, Великосущный сидел, вслушиваясь в море. Первые десять дней оно было удивительно спокойным, словно бы и впрямь робело перед властелином. Но потом стало роптать, и Супарага ощутил, что судно потеряло уверенность хода.

— Какого цвета сейчас море? — спросил он у кормчего.

— Темно-синего, — ответил тот, — как будто кто насыпал в него груды сапфиров и украсил ее гирляндами из морской пены. Земля же исчезла из виду.

На лице Супараги промелькнула тревога.

— Закрепляйте паруса! — посоветовал он.

И впрямь, вскоре Океан стал страшным, словно сбросил оковы молчания. Огромные валы неслись рядами, рассыпаясь пеной. Солнце закрыли тучи, темные, как многоголовые змеи. Засверкали лианы молний, раздались страшные раскаты грома, а затем стрелы ливня осыпали пучину волн. И тогда корабль весь затрясся, словно напуганный заяц, повергнув в уныние сердца мореходов. Несколько дней судно находилось в полной власти бурных волн, вздымаемых ураганом. Нигде не было видно ни берега, ни благоприятных признаков, сулящих успокоение стихии. И это привело мореходов в ужас и отчаяние.

И обратился к ним бодхисатва со словами ободрения:

— В том, что происходит, нет ничего необычного. Мы достигли великого Океана. Поэтому не нужно падать духом. Беритесь за дело.

Купцы приободрились и бросились на помощь гребцам. Но вдруг корабль огласил вопль.

— Что случилось? — встревожился бодхисатва.

— Там, за бортом, — дрожащим голосом проговорил кормчий, — тела, подобные человеческим, словно воители в серебряной броне, ужасные на вид, с мордами, безобразными, как копыта.

— Это не люди, не демоны, но рыбы, — засмеялся Супарага. — Не бойтесь их. Значит, мы далеко отплыли от нашей гавани. Это море Кхурмалин — Копытоцветное море. Постарайтесь поскорее повернуть назад.

Но ураган дул в корму, вздымая огромные массы воды и с неодолимым бешенством увлекая корабль все дальше и дальше. И вот уже судно в другом море, сиявшем подобно серебру.

Пораженные мореходы обратились к Супараге:

— А это что за море, словно бы потонувшее в белой пене?

— Беда! — встревожился Супарага. — Это Датхималин — Млечное море. Нас занесло совсем далеко. Если можете, возвращайтесь.

Но ход корабля нельзя было замедлить из-за необычайной быстроты течения и неукротимого ветра. И корабль вступил в новое море, с красноватой, как пламя, водою. Его беспокойные волны переливались подобно золоту. Пораженные мореходы вновь бросились к Супараге.

— Теперь мы видим море, пылающее огнем, сияющее красотой солнечных лучей. Скажи, как оно зовется?

— Это Агнималин — Златоцветное море. Было бы в высшей степени своевременно повернуть хотя бы отсюда, — сказал бодхисатва, благоразумно промолчав о том, что цвет огня придает морю растворенное в нем золото, — ведь он знал тягу рода человеческого к этому металлу, ставшую причиной множества бед.

А корабль тем временем стремительно несло к новому морю, вода которого сверкала топазами и сапфирами.

— А сейчас мы входим, надо думать, в Изумрудное море — вода его блещет драгоценным камнями, — сказал кормчий.

— Это море Кушамалин, — пояснил бодхисатва, еще больше испугавшись, что купцы бросятся черпать воду и опрокинут корабль. — Цвет ему дают водоросли, напоминающие священную траву кушу. Оно подобно неукротимому слону. Оно неодолимо.

Купцы всеми силами пытались повернуть корабль подальше от этого моря. Но это им не удалось. И перед ними открылось еще более прекрасное море, с блестящими, как смарагд, зелеными волнами, украшенными, словно цветами лотоса, прозрачной пеной.

Купцы не могли скрыть своего восторга, а из груди бодхисатвы вырвался глубокий вздох.

— Необычайно далеко зашли мы, — проговорил он. — Это море Наламалин — Тростниковое море, лежащее почти у края света.

Заметались купцы при этих словах. Но еще больший страх охватил их, когда солнце начало погружаться в море и стал слышен шум наподобие треска охваченного пламенем тростника, и вскоре показался обрыв, куда с грохотом вливался Океан.

Услышав это, Великосущный застонал:

— Горе! Горе! Мы достигли зловещей Вадабамутхи, откуда никто не возвращается.

При этих словах раздались крики. Некоторые от ужаса потеряли рассудок, другие обращались с мольбами к богам — Индре и другим адитьям, марутам и васу, а также к самому Океану. Третьи же припали к ногам Супараги.

— О тигр среди кормчих! Ты всегда спасал попавших в беду, ибо сердце твое переполнено высокой добродетелью и состраданием. Уйми же жестокое волнение Океана — не посмеет он преступить твою волю.

Тогда Супарага-бодхисатва, накинув на одно плечо верхнюю одежду, опустил на правое колено и возгласил:

— Будьте же свидетелями вы, купцы и боги, обитающие в лоне Океана! Напрягая память, я не вспомню, чтобы когда-нибудь обидел живую тварь. Так пусть же силой моих заслуг корабль вернется, минуя пасть Вадабамутхи!

Едва прозвучали слова праведника, как ветер задул в противоположную сторону, и вместе с течением корабль повернул обратно. Увидев, что корабль удаляется от гибельного места, купцы испытали величайшую радость и, почтительно поклонившись Супараге, известили его о чуде. И тогда Великосущный обратился к ним с такими словами:

— Скорее поднимайте паруса!

И вот уже натянут парус, и корабль, блистая, словно лебедь, на безоблачном ясном небе,

понесся с быстротою колесницы как бы по своей воле. Кормчий же внезапно крикнул:

— Я вижу берег!

Но это был не берег, а мель. И, узнав об этом, бодхисатва сказал купцам:

— Наберите здесь на случай бури песок и камни и загрузите ими трюм.

Преисполненные величайшего уважения к Супараге, купцы понесли на корабль, как им казалось, песок и камни, на самом же деле это были бериллы и другие драгоценности.

На следующее утро корабль пристал к берегам своей страны, полный драгоценностей.

Дятел

Возродился как-то бодхисатва в далекой лесной стране в облике дятла — птицы с красивым оперением и длинным острым клювом, могущим пробить любое дерево. Но обычная жизнь дятла была для него невозможна. Проникнутый состраданием, он не питался личинками, во множестве обитавшими в деревьях. Ведя жизнь праведника, он довольствовался побегами и упавшими на землю плодами, следя за тем, чтобы не съесть живущего в них червяка. Перелетая от дерева к дереву, он спасал птенцов, упавших из гнезд, поучал хищных птиц и змей не разорять гнезда. Случалось ему указывать дорогу и людям, зашедшим в чащу. Птицы, змей, насекомые и люди вскоре стали почитать этого дятла как наставника и справедливого царя. И среди всех лесов, покрывающих землю, появился уголок, где вместо взаимного уничтожения и злобы процветало добро.

И вот однажды, облетая свои владения, бодхисатва увидел льва с растрепанной и грязной от пыли гривой, корчившегося от боли.

Спустившись на землю, бодхисатва подошел к царю зверей и почтительно к нему обратился:

— Что с тобою, почтенный? Мне кажется, ты тяжело болен. Может быть, ты пострадал от слонов или устал от погони за оленем? Или тебя поразила стрела охотника? Скажи, чем я могу тебе помочь?

— О добродетельнейшая из птиц! — отвечал лев. — В моих бедах я виновен сам. Растерзав оленя, я ел слишком быстро, и кость застряла у меня в горле. Я не могу от нее избавиться. Никто мне не может помочь.

— Открой рот, насколько можешь, — потребовал дятел.

Когда лев послушно открыл свою пасть, усеянную острыми зубами, и высунул длинный шершавый язык, бодхисатва укрепил между двумя рядами зубов палку и просунул клюв вплоть до основания глотки. Он вытащил кость так ловко и безболезненно, как не смог бы сделать самый искусный из хирургов.

Поблагодарив птицу, лев отправился своим путем, а дятел взлетел на дерево, радуясь, что избавил существо от боли, и будучи уверен, что обрел нового друга.

Вскоре ему пришлось встретиться с этим же львом, наслаждавшимся мясом только что убитой им антилопы.

С испачканными кровью пастью, когтями и гривой царь зверей напоминал осеннее облако, освещенное огнем заката. Бодхисатва сильно страдал от голода, но все ж из скромности обратиться ко льву не смог, а стал прогуливаться перед ним с робким видом, надеясь привлечь на себя его внимание. «Лев, кажется, меня не узнает, принимая за другого дятла», — подумал бодхисатва и решил напомнить о себе.

— Да будет тебе благо, царь зверей. Не почтишь ли ты меня своим благодеянием, увеличив тем самым свои заслуги и добрую славу?

Лев повернул голову и взглянул на дятла взглядом, полным ярости.

— Разве тебе мало того, что я отпустил тебя живым, когда ты уже был в моей пасти? Или тебе надоела жизнь?

Пораженный неблагодарностью и грубостью, бодхисатва улетел, поняв, что услуга неблагодарному все равно что семя, брошенное на скалу, или жертва, вылитая на потухший пепел.

Царь племени Шиби

Накопив во множестве своих рождений великий опыт мудрости и добра, стал бодхисатва царем племени Шиби. Было его явление подобно облаку Критаюги, пролившему людям дождь даров. Нуждающимся он предоставлял пищу и одежду, повелев устроить специальные дома бесплатной раздачи. Каждый, пожелавший от него что-либо, получал желаемое. Обойдя весь мир и ни в ком не встретив расположения, бедняки стремились к нему, как лесные слоны к большому озеру на водопой.

За всем этим с вершины сияющей блеском сокровищ горы Меру наблюдал царь богов Шакра. И однажды гора задрожала, словно от землетрясения. Задумавшись над причиной этого явления, Шакра понял, что гора дрогнула от высочайшей добродетели царя племени Шиби, от его готовности отказаться от всего во благо другим.

Потрясенный таким могуществом, решил Шакра испытать этого царя. Приняв вид старого слепого брахмана, Шакра спустился с горы Меру на землю и влился в поток нуждающихся, следующих к царю племени Шиби. Когда до него дошел черед, царь, полный дружелюбия, обнял пришельца и спросил о его нужде.

— Я стар и слеп, — сказал Шакра. — У тебя же, лотосокий, два глаза. Не уступишь ли ты один мне?

— Но кто тебя научил прийти ко мне? — спросил бодхисатва. — Кто такого высокого мнения о моих достоинствах, что надоумил тебя обратиться ко мне, презрев поговорку: «С оком разлука — высшая мука»?

— Эту мысль мне внушил Шакра, — ответил брахман.

— Неужели он думает, что я не смогу расстаться и с другим глазом?! — сказал бодхисатва. — Я отдаю тебе оба, почтенный.

Услышав это, министры стали уговаривать царя этого не делать. Один из них сказал:

— Есть, о царь, у тебя царство, которое можно обрести лишь созерцанием и тяжкими трудами и которое своим благополучием может поспорить с царством Шакры. Почему же ты отдаешь свои глаза и лишаешь себя света? Этим ты не достигнешь высшей власти, какой ты достоин.

— Я не стремлюсь к высшей власти, — ласково ответил царь. — Моя цель — спасти мир. И если я отклоню чью-либо мольбу, мир не будет спасен.

После этого царь приказал вынуть у себя сначала один глаз. Когда, согласно указаниям врачебной науки, один глаз был вынут и царь увидел его сияющим наподобие лепестка голубого лотоса на лице слепца, другой глаз царя зажегся величайшей радостью, и он отдал и второй глаз.

После этого сердце Шакры переполнилось изумлением, и он подумал: «О стойкость! О доброта! О высокое стремление ко благу всех живых! В подобное совершенство я не могу даже поверить».

Через некоторое время, когда раны на лице царя зажили, он сидел в уединении на берегу заросшего лотосами пруда, вдыхая аромат цветов и внимая жужжанию пчел. Услышав шаги, он повернул на их шум лицо и спросил:

— Кто это?

— Я — Шакра, владыка богов, — услышал он.

— Добро пожаловать! Какая просьба свела тебя с сияющей вершины на землю?

— Я не хочу от тебя ничего, — ответил Шакра. — Я пришел тебя одарить. Выбирай все, что тебе угодно.

— Богатства мои велики, моя армия огромна и сильна, — ответил с достоинством царь. — Я могу обрести все, что ты мне можешь предложить, кроме смерти. И я ее хочу, ибо я исполнил желания всех, кто ко мне обратился с какой-либо просьбой, а теперь не вижу их лиц. Пришли мне ее, о Индра!

— Оставь эту мысль! — отозвался Шакра. — Объясни мне, почему твое сердце привязано к

тем, кому ты благодетельствовал? Ведь ими же ты и доведен до состояния, в каком находишься!

— Я думаю о них и радуюсь, — ответил царь. — Но хотя бы краешком глаза увидеть их счастливыми!

Едва были произнесены эти слова, как на лице царя засветилось одно око, как кусочек сапфира, прикрытый веком — лепестком лотоса.

— Я вижу тебя, Шакра, — сказал царь. — Но окуне положено быть одному. Пусть явится и другое.

И тотчас на лице царя загорелось второе око.

И задрожала земля вместе со всем, что на ней находилось. Реки вышли из берегов. Разлился Океан. Низкими и приятными тонами зазвучали в небесах литавры небожителей. Дивная даль небес засияла безмятежной лаской от исходящего из очей бодхисатвы света. С небес посыпались чудные цветы, и воздух наполнился запахом сандала. Со всех сторон слышались напевы, сливающиеся в один могучий хор:

Все славное станет презренным. Все юное будет старо. Рассыплются вечные стены. И только одно неизменно: Воздастся добром за добро.

Таковы были передававшиеся из уст в уста рассказы о спасителе мира и великом учителе человечества Сиддхартхе Просветленном, историческом Будде, совершавшем подвиги любви и милосердия, и о его предшествующих воплощениях в животных и растениях. Перенесение Будды в прошлое человечества и всего природного мира не просто ставило его в глазах верующих выше всех богов, обитавших на горе Меру или в небесных сферах, но и делало причастным к реальной, полной забот жизни простых людей — подобно близкому другу или доброму соседу, учило добру, состраданию ко всему живому. Джатаки ввели в буддийскую проповедь огромное богатство народной сказки и басни с их занимательностью и поучительностью. Многие из сюжетов джатак стали известны за пределами Индии и вошли в сокровищницу мировой литературы и изобразительного искусства.

Индию, не уступающую в величине всем странам Переднего Востока, вместе взятым, отличает, при редкостном природном многообразии, удивительная целостность духовного наследия. Эту целостность, складывавшуюся на протяжении тысячелетий великой цивилизации, обороняли высочайшие в мире снежные горы. Могучие реки, берущие начало в Гималаях, сыграли роль, сходную с ролью Нила в Древнем Египте или Тигра и Евфрата в Месопотамии, отделяя области надежного земледелия от бесплодных пустынь и малопроездимых тропических лесов, изобилующих млекопитающими, птицами, змеями.

Исключительное природное богатство огромной страны стало питательной почвой, на которой возник, расцвел и разросся поистине фантастический мир ее мифов. В них запечатлена тысячелетняя память великого множества племен и народов, населявших эту благодатную землю, их духовный опыт. Но как отделить миф от реальности? Ведь подчас единственный источник сведений о древнейших этносах Индии — те же мифы. Как выйти из этого порочного круга или, если хотите, лабиринта, не причинив ущерба научной истине? Многие исследователи пытались и пытаются найти ее с помощью археологических и языковых данных. Разумеется, эти данные достаточно надежны и объективны; и тем не менее они не всегда могут быть использованы в строго историческом контексте, ибо принадлежат иной генетической системе. «Состыковка» мифов с другими источниками — и Индия здесь не исключение — осложняется также и тем, что сплошь и рядом археологические сведения принадлежат одним народам, а языковые и мифологические — другим. Во избежание ошибок, подобных тем, которые допустил открыватель Трои Генрих Шлиман, объясняя мифы археологией, а археологию — мифами, мы до поры до времени воздержимся от синтеза источников и будем излагать их порознь.

В XIX в., когда европейская наука, захлебываясь от изобилия археологических данных и сопутствующих им надписей, впервые намечала впечатляющую картину ближневосточных цивилизаций, Индия также была в поле ее зрения. Но тогда образ Индии складывался по необходимости лишь на основе литературных памятников, оставленных индоевропейскими переселенцами, и это создавало впечатление, будто культура была привнесена в джунгли Индии извне. Однако в первой четверти XX в. в научный оборот были введены ошеломляющие археологические открытия, показавшие со всей очевидностью, что эта страна обладала городской цивилизацией, не уступавшей в древности и богатстве классическим цивилизациям Востока. Поэтому, какая бы из специфических сфер индийской культуры ни становилась отныне предметом изучения, его принято начинать с археологических, а затем — и лингвистических данных.

Города и сельские поселения, выявленные в ходе раскопок на протяжении почти трех последних человеческих поколений, — это целый мир, для обозначения которого существует понятие «хараппская цивилизация». По охваченной территории она соперничает с египетской и месопотамской цивилизациями, протянувшись на субконтиненте примерно на 1600 км с запада на восток и на 1250 км с севера на юг. Ее хронология — предмет давних споров, возникающих каждый раз с новой силой, по мере того как расширяются возможности датировки памятников материальной культуры. Наиболее надежным датирующим ориентиром признаны находки индийских вещей в археологических слоях Двуречья, где их можно датировать с помощью месопотамской хронологии. Как бы то ни было, хараппская цивилизация хронологически охватывала почти все III тысячелетие и первую половину II тысячелетия до н. э.

Холмы мертвых

Давайте же вслед за археологами вступим в один из древнейших городов Индии, получивший название по холму над ним — Мохенджо-даро («Холм мертвых»). За воротами крепостной стены начинается достаточно прямая улица, время от времени принимающая в себя переулки. По обе ее стороны — двух- и трехэтажные добротные здания с плоскими крышами. Они сооружены из обожженного кирпича или сырца. Выходящие на проезжую часть дома несколько закруглены, чтобы их не задевали при поворотах повозки. Войдем в один из дворов. Недавно пролился дождь, но луж не видно. Натекая с крыш вода уже шумит у нас под ногами в проложенной ближе к дому глиняной трубе. Значит, есть канализация — признак высокоразвитой технологии.

Окна в стенах напоминают щели-бойницы средневековых замков. Они одновременно освещали жилье и защищали его от летней жары. Дверь была деревянной и потому не сохранилась. В комнате на земляном полу несколько больших кувшинов. В стене стержень для полотенца. Мы попали в комнату для омовений. Глиняных или каменных ванн не найдено. В своих домах хараппанцы мылись стоя, поливая воду из кувшина себе на голову. Можно было охладиться в двухметровой общественной купальне, сложенной из кирпича. Отверстия между кирпичами для водонепроницаемости залиты специальной смесью, напоминающей асфальт. Неподалеку — горячая баня, подогреваемая обогретым воздухом.

В Мохенджо-даро имелись и общественные сооружения — возможно, зернохранилища. В верхней части города, находившейся под защитой крепостной стены и сторожевых башен, — дворцы, дома знати и обширный храмовый комплекс. В Калибангане выявлены платформы из сырцового кирпича, служившие местами для жертвоприношений.

Главным занятием обитателей Мохенджо-даро было земледелие, не менее развитое, чем в Месопотамии и Египте, но с большим разнообразием культур. Едва ли не в каждом из домов были обнаружены зернотерки. Основными сельскохозяйственными культурами были пшеница, ячмень, просо, гречиха, бобовые, сезам, горчица, а в некоторых богатых влагой местах — рис. Выращивались и овощи — тыквы, арбузы, баклажаны; культивировалась финиковая пальма, находил применение в изготовлении парусов и одежды хлопчатник, зафиксированный раскопками в Белуджистане. Помимо растительной пищи употреблялось мясо домашних животных и молочные продукты. На окружающих города пастбищах вскармливался крупный рогатый скот — коровы, быки, зебу, а также овцы и козы. В домашнем хозяйстве держали свиней и кур (последние, кажется, впервые были одомашнены в Индии). Полагают, что хараппанцам известна и лошадь, но она не находила применения ни в транспорте, ни в сельском хозяйстве, ни в военном деле. Признавали только одно вьючное животное — буйвола.

Города хараппанцев были центрами ремесленного производства — прядения, ткачества, гончарного дела, деревообработки, резьбы по кости, изделий из бронзы. Железо еще не было известно. В строительном деле мастерами использовались природные камни и глина, из которой изготовлялись разнообразные по форме кирпичи. Кирпичная кладка хараппских стен отличалась не только прочностью, но и изяществом.

Ремесленники жили в городах, занимая улицы жилищами-мастерскими по профессиям; некоторые селились за городской стеной. Сосуды бытового и ритуального назначения, различных размеров и форм, выделялись на гончарном круге, а затем обжигались в специальных печах. Типичной была керамика с декором черным по красному фону, с изображением растений, животных, птиц, геометрических фигур. Своеобразный тип керамики представляли собой сосуды, украшенные в наружной своей части рядами тесно расположенных шишечек (они найдены также в Месопотамии, в слоях, соответствующих хараппским, и служат для датировки последних). Химический анализ изделий из бронзы показал, что использовались месторождения меди в пустынной части Индии, а олово и драгоценные металлы доставлялись караванами из Центральной Азии. Некоторые орудия труда хараппанцы продолжали выделывать из местного камня и твердых пород дерева. Им был известен лук со стрелами. Технология ремесленного производства была весьма изощренной. Предметы быта и украшения свидетельствуют о своеобразном художественном вкусе.

Такому уровню производства и его масштабам соответствовала интенсивная торговля по сухопутным дорогам, речным путям и вдоль океанского побережья. Хараппанцы обладали и средствами водного транспорта — лодками, барками, морскими судами.

В ходе раскопок одного из хараппских центров, Лотхалы, выявлены портовые сооружения типа доков, рассчитанные на стоянки крупных судов. В текстах Шумера и Аккада III тысячелетия до н. э. упоминаются страны Мелаха (Мелухха) и Дильмун, откуда доставлялись «красный камень», эбеновое дерево, экзотические животные — «огромные слоны, обезьяны», кони,

какие-то особые собаки, которых водили по улицам городов. При этом люди Мелахи названы «черными». На этом основании Мелаха отождествлена с Западной Индией, а Дильмун — с Бахрейнскими островами, промежуточной базой при транспортировке индийских товаров в Двуречье. Само название страны Мелуха соотнесено с санскритским обозначением иноземцев — млеччха. Караванные пути соединяли города Западной Индии с Афганистаном и современным Южным Туркестаном. Свидетельство тому — открытие на севере Афганистана, на реке Амударье, хараппской торговой фактории и находки в Южном Туркестане печатей типа Хараппы.

Протоиндийская мифология

Хараппские печати, амулеты и другие предметы с пока еще окончательно не прочитанными надписями и изображениями — самый красноречивый тип памятников древнейшей цивилизации Индии, характеризующий, помимо хозяйственной, и духовную жизнь древних ее обитателей, их религиозно-мифологический мир и искусство. Герои хараппских изображений — мифологические персонажи в сценах почитания и умилоствления. Печати, подобно словесному повествованию, раскрывают представления хараппцев о мифологическом пространстве и времени и в основе своей сходны с теми, какие существовали и у других народов древности. Пространство ориентировалось по сторонам света и по вертикалям — «верхнему» и «нижнему» мирам. Одна из печатей — как бы изображение мирового дерева со стволом из сплетения бамбука. От нижней части ствола отходят две симметрично расположенные мощные шеи с бычьими головами, образующие подобие ветвей. Каждая состоит из прямых тонких ветвей кроны и завершается древесным листом (всего листьев — девять). Таким образом, мировое дерево мыслилось как первоначало животного и растительного миров. Число листьев — скорее всего, число месяцев или лет.

Другой вариант аналогичного осмысления пространства и времени — прямоугольная печать, в центре которой божество с бычьей головой и туловищем человека; слева от него — фигуры тигра и слона, справа — быка и фантастического зверя, рогатого тигра. Симметричное расположение фигур и само их число, возможно, указывают на то, что перед нами изображение календарного мифа: каждое из животных олицетворяет один из сезонов года. Между тигром и львом схематически изображена человеческая фигурка, обозначающая осенний месяц и дату праздника, зафиксированного печатью.

Одно из наиболее часто встречающихся на хараппских печатях существ — единорог. Античная греко-римская традиция видела в нем реального зверя, как правило, связывая его изображение с Индией. В позднейшей индийской мифологии великий бог Вишну в образе кабана или единорога спасает первочеловека во время потопа, привязывая его ковчег к своему рогу. Среди других фантастических животных обращает на себя внимание тур с тремя головами, бык с выросшей на спине сразу за шеей еще одной головой; звери, состоящие из частей быка, слона, змеи и тигра. За всеми этими химерами хараппского мира, без сомнения, скрываются повествования об их происхождении, мифы, содержание которых мы вряд ли когда-нибудь узнаем.

Многочисленные глиняные женские фигурки, обнаруженные в ареале хараппской цивилизации, служат свидетельством широчайшего распространения у аборигенов культа богини-матери. Не исключено, что это древнейшие следы культа богини, известной в индуистской традиции как Дурга, Ума, Паравати.

Боги имели у хараппцев человеческий облик, но с обязательным присутствием какого-либо признака животного, чаще всего это рога. Такова, например, богиня с лунообразными рогами, обьятая ветвями дерева. Рога и у человека, застывшего в позе преклонения перед этой «дриадой», — видимо, жреца.

К хараппскому богу-быку (и его супруге корове) восходят известные нам из индийского эпоса мифы о Нандине, быке бога Шивы, о «корове желаний», разметавшей вражеское войско, о схватке предводителя войска богов Сканды с духом буйвола, о боге Валине, убивающем буйвола, и многие другие. Таким образом, распространение культа быка-коровы в Индии не всегда связано с появлением на ее территории индоевропейских пришельцев, скотоводов ариев, как можно было предположить до раскопок городов хараппской цивилизации. Подобного рода обожествление, засвидетельствованное впервые в изображениях бизонов на стенах палеолитических пещер, было характерно для многих народов Евразии.

Археологией доказано, что города долины Инда были внезапно оставлены их обитателями. На этих местах больше никто не селился, что, пожалуй, способствовало их удивительной сохранности. Но в чем же причина столь внезапного поспешного бегства из благоустроенных городских центров? Чье-то неожиданное вторжение? Катастрофическое изменение природных условий (наводнения, засоление почвы)? Эпидемии? Какие-либо особенности внутреннего развития хараппского общества? Или сочетание всех этих или каких-либо иных факторов? И можно ли надеяться на однозначный ответ? Ведь даже при массе литературных памятников, современных падению античной цивилизации, нет удовлетворяющего всех ответа на аналогичный вопрос.

Арьи

Между тем появление в ареале угасшей или угасавшей хараппской цивилизации пришельцев с северо-запада, арьев, не вызывает сомнений. Они появились после того, как эта цивилизация начала клониться к упадку. Принадлежность арьев к обширной группе народов, говоривших и продолжающих говорить на близких арьям языке, дает в распоряжение науки в качестве источника ценнейший лингвистический материал. Наличие в языке индоарьев терминологии и образов, сохранившихся в других индоевропейских языках, служит свидетельством того, что они перешли за Гималаи с уже сложившимся уровнем освоения окружающего мира и знаний о нем, а не обрели все это на новых местах расселения. Помимо того, с помощью сведений об арьях в текстах Передней Азии удастся если не решить, то хотя бы поставить вопросы о том, откуда вышли арьи и когда это произошло.

За давностью лет не удастся выяснить, что заставило один из индоевропейских народов сняться с мест многовекового обитания и искать убежища в чуждой природной и этнической среде — палящее ли солнце, вызывавшее засуху, подобную той, от которой, согласно индийским мифам, избавил человечество Индра; потоп, описанный в индийских и иных древних мифах, набеги других могущественных племен или просто жажда обогащения. Переселение могло длиться несколько поколений — отправились в путь прадеды, перешли Гиндукуш правнуки. Сходство религиозно-мифологических представлений арьев Индии с мифами иранцев в «Авесте» и, соответственно, ведийского языка с авестийским делает вероятным, что переселенцы отделились от иранцев, с которыми жили рядом на территории Иранского нагорья, Афганистана или Средней Азии. Но не может быть исключена возможность того, что индоарьи отделились от говоривших на родственном им языке обитателей Малой Азии, о которых известно по памятникам этого региона середины II тысячелетия до н. э., а также выходцев из этого региона этрусков. Так совпадают этрусские и ведийские боги солнца *Suri* и боги *deva* (ведийск. *angiras*) и сами термины для обозначения богов (*этр. tiv*, ведийск. *divah*).

В мифах индоарьев содержатся представления об обитании богов на севере, в полярных областях. Есть даже научная гипотеза, согласно которой побережье Северного океана — первоначальная территория проживания создателей этих мифов. Однако эта деталь указывает лишь на общность мифологий индоевропейских народов, ибо у греков страна гипербореев («живущих выше северного ветра») служит местом обитания Аполлона, и у этрусков обиталище главных богов — север. И если образ севера в мифологии индоарьев занимает большее место, чем у других индоевропейских народов, то это, скорее всего, связано с тем, что на их пути в Индию встали высочайшие в мире горы, и мифологические представления слились с воспоминаниями о суровых испытаниях, которые приходилось преодолевать.

Еще у себя на родине, где бы она ни находилась, индоарьи, как и остальные народы Евразии, обожествляли природный мир и его обитателей. Особенно почиталась корова, дающая людям не только пропитание, но и прочие блага. Коровами расплачивались, ими обменивались. Волков запрягали в по-возки, колящие по степным просторам. Быков и яловых коров приносили в жертву богам. Эти четвероногие настолько прочно вошли в жизнь и сознание индоарьев, что весь окружающий мир воспринимался ими в образах соответствующей символики. Грозовая туча, из которой проливалась небесная влага, представлялась черной или пегой коровой, а заря — розовогубым теленком. Богов наделяли силой быка. Океан наполняли в своем воображении молоком, а не бесплодными солеными водами.

Корова была кормилицей, а конь, запрягаемый в двухколесную колесницу, — непревзойденным защитником от нападения (или, напротив, средством нападения), дающим преобладание над другими народами, которым он либо был неизвестен, либо не использовался в военном деле. Изучение терминологии древнеиндоевропейских текстов, современных переселению индоарьев, связанной с содержанием и использованием лошадей, во многом проясняет не только вопрос о территории перемещения индоарьев, но и продолжительность этого процесса.

Арьи в долинах Инда и Ганга

Пришельцы, оказавшиеся включенными в городскую хараппскую цивилизацию, скорее всего по периферии, некоторое время сосуществовали с ней и впитывали ее влияние. Однако мирное взаимодействие перемежалось войнами, притом не только с преемниками хараппцев, но и между самими арьями. Опустошительные наводнения, бывшие, скорее всего, главной причиной оставления хараппцами своих городов, могли быть использованы арьями, жившими в верховьях рек и менее пострадавшими от стихии, для расселения на опустевших территориях.

К этому времени у арьев уже сложилась довольно стройная иерархия прослоек (сословий): брахманы, кшатрии, вайшьи. Брахманам принадлежала привилегия владения знаниями — и не только о богах, но и об окружающем мире, считавшемся созданием и вотчиной этих богов. Поэтому их главным назначением было способствовать общению простых смертных и властителей государства с благосклонными к ним богами, а также распоряжаться жертвоприношениями и молебствиями. Второй прослойке, кшатриям, наделенным «могуществом», для которых главной профессией была война, отдавалась власть. Третья прослойка, вайшьи, состояла из скотоводов, земледельцев, торговцев.

Принадлежность к этим трем первоначальным группам (варнам) определялась рождением и подтверждалась особым обрядом посвящения, символизирующим второе рождение. Проходившие через этот обряд мальчики получали звание «дваждырожденного» и особым образом сплетенный шнур (для каждой варны из разного материала), который были обязаны носить на шее. Допущенное в общины арьев местное население первоначально, в эпоху создания вед, еще оставалось вне варны. Были среди аборигенов и люди, владевшие большими стадами, и неимущие. Но поскольку они почитали других богов, а потому не могли участвовать в богослужениях арьев, их считали людьми низшего порядка; но отнюдь не презирали. В эпической поэме «Махабхарата», приобретшей законченную литературную форму в середине I тысячелетия до н. э., можно прочесть: «Свидетельством праведности служит дружелюбное отношение со стороны членов трех варн к лишенному варны шудре... Подобно тому как при восходе солнца предмет на горе начинает блестеть, так блестит даже лишенный варны при общении с благами».

Предания арьев относили возникновение варн ко времени появления первых людей и считали их освященными богами. Размытые следы деления общества на три группы сохранились на Евразийском континенте у народов, говоривших на родственных арьям языках, но в столь завершённой форме такая система присутствует лишь в Индии, что, очевидно, связано со специфическими условиями освоения огромного субконтинента. В мифах имеются многочисленные намеки на вражду между кшатриями и брахманами. Видимо, эти явления могли иметь место в ту эпоху, когда, начиная с VI в. до н. э., брахманские династии в возникавших государствах повсеместно стали сменяться кшатрийскими. В условиях напряженной борьбы за власть правители-кшатрии становились деспотами, ущемляя авторитет и интересы жречества.

Влившись в чуждую этническую среду (дравидскую или мундскую), арьи поначалу оказались в явном меньшинстве; однако влияние пришельцев, как правило, определяется не численностью, а степенью востребованности тех или иных элементов их ментальности и культуры. Арьи не уничтожили хараппскую цивилизацию, не вытеснили ее; напротив, они слились с ней, придав ей динамику и ритм, присущие их духовному миру. То же самое произошло, если оставаться на почве древневосточной истории, с шумерами в Двуречье, с хеттами в Малой Азии, с филистимлянами и евреями в стране Ханаан. Это обстоятельство помогает полнее и точнее понять и мифологию Древней Индии.

В подтверждение вывода о контактах арьев с хараппской цивилизацией более всего свидетельствует установленное во второй половине XX в. соответствие культуры арьев, представленное памятниками словесности, с археологической культурой «серой расписной керамики», обнаруженной в верховьях Инда с его притоками, в верховьях Ганга и главного его притока Джамны и в пространстве между этими речными системами (Раджастхане). При этом первая стадия названной культуры, локализуемая в Пенджабе, характеризуется чертами бронзового века, тогда как вторая стадия — это уже культура раннего железного века. Оказалось, что серая расписная керамика находится над слоями тех поселений, которые упоминаются в индийском эпосе и ранних буддийских текстах, и археологически представлены чернокрасной керамикой и культурой «медных кладов». Таким образом, в некоторых местах хараппская цивилизация дожила до прихода арьев.

Индийские эпические поэмы рисуют девственный лес как враждебную стихию, населенную

четвероногими хищниками и еще более страшными, чем они, злыми духами — ракшасами, борьба с которыми требовала огромного напряжения физических и духовных сил. Теперь же нам известно, что для вырубки лесов использовался железный топор, а в борьбе с «ракшасами», под которыми, возможно, подразумевались местные племена охотников и рыболовов, — оружие из железа. Употребление железа позволило быстрее осваивать новые территории и превращать непроходимые до толе лесные массивы в места, пригодные для земледелия и скотоводства.

О материальной стороне жизни арьев дает представление их словесность, в незначительной мере дополняемая археологическими данными. В сравнении с богатством языка гимнов арьев свидетельства археологии применительно к ранней эпохе скудны, сбивчивы и ненадежны. Гимны характеризуют аскетизм арьев, их сознательную обращенность к миру идей и презрение к накопительству. Хотя из гимнов мы знаем о грабительских набегах, сопровождавшихся захватом добычи, она, видимо, не украшала жилищ и явно не сопровождала покойников на тот свет, как это имело место у обитателей европейских степей, родственных арьям по языку. Индоарьи верили в силу Вач, речи, а не вещи, полагая, что Вач обладает неограниченными возможностями для сохранения истинных, нетленных богатств мысли и воображения. Сокровища Речи доверялись не камню и металлу, а текучей человеческой памяти, и она благодаря сохранению многовековой религиозной традиции оказалась вечнее пирамид, а на почве самой Индии — письменности мертвых городов.

Индийская поэтическая речь сохранила в терминах и образах сведения о том, что можно назвать бытом или обиходом, ибо мысленно витавшие в небесах певцы жили все же на земле и доверяли свои земные заботы богам. Центром социальной жизни было жилище, дом (dam, dama). Другой термин жилища — *dirya* (т. е. дом с дверью) указывает на существование другой формы дома, где входом и выходом служил лаз. Но в любом случае под домом мыслилась хижина из бамбука или тростника, обмазанная глиной, подобная той, которую сохранили воспетые нашим поэтом «всечеловеческие холмы» Тосканы.

Один из ведийских гимнов («Атхарваведа», IX, 3) сохранил детальное описание сборки хижины. На избранном участке земли рисовалось схематическое изображение человека — Пуруши, из которого была создана вселенная («Ригведа», X, 90). Пуп Пуруши становился центром дома. В него вбивался опорный столб — древесный ствол, очищенный от сучьев. Об этой опоре, помимо текста гимна, свидетельствуют выявленные археологически отверстия в земляном полу. Видимо, поблизости располагался резервуар с водой и очаг-жертвенник, отдававший огонь и его богу Агни. Отверстие в кровле, через которое пропускался столб, соединяло обитателей дома с небом и одновременно служило выходом для дыма. От столба в разные стороны отмерялись части будущего дома, среди которых названы помещения для женщин и для скота: «Хижина, что отмеривается с двумя сторонами, с четырьмя сторонами, с шестью сторонами, в хижине с восемью сторонами, с десятью сторонами огонь постоит как зародыш. Повернувшись к тебе, о хижина, я прохожу через тебя, невреждая — ведь внутри огонь и вода, первые врата закона» («Атхарваведа», IX, 3, 21 — 22). Таким образом, дом мыслился как микрокосм: «Та ширь, что между небом и землей, — я ее забираю для тебя, хижина. Тот воздух, что есть мера пространства, его делаю чревом для сокровищ» («Атхарваведа», IX, 3, 15).

Обстановка жилища арьев неизвестна. Упоминается лишь лежанка (*tolp*), скорее всего из дерева, как в доме Одиссея, но вряд ли украшенная. Были и сиденья (*sad*) но, надо думать, обитатели располагались на полу, застеленном циновкой из тростника или ковриком из шерсти. Лучше всего применительно к индоарьям известно о древнейшей спутнице человека керамике. Ее индийские термины позволяют выделить сосуды для питья, варки пищи, переноса воды. Посуда лепилась от руки и обжигалась в печах. Археологически индоарьи времени создания гимнов отождествляются с носителями серой расписной керамики, выявленной в ходе раскопок в Восточном Пенджабе верховьях Ганга и Джанаки. Этому соответствуют и упоминаемые в «Ригведе» гидронимы и топонимы.

Обитатели мазанок и домов с дверью разводили скот и обрабатывали землю. Основной их пищей и лакомством было коровье молоко и изготавливаемые из него продукты. Поэтому и океан мыслился молочным, и путем его пахтанья было добыто бессмертие богов. Из злаковых культур был известен ячмень (*yava*); рис стал культивироваться позднее. Лепешками из ячменной муки кормили богов; для тех же из них, кому мясо было не по зубам, варили на молоке ячменную кашу. В одежде арьи были непритязательны. Использовали шкуры животных и их шерсть. Ткачество было принесено из индоевропейской прародины, о чем свидетельствует термин ткать — *otum* (ср. рус. «уток»). Достаточно разнообразен был набор инструментов: топор, лопата, заступ, стамеска, шило. Они были из металла, но не железа. Под словом *ayas* подразумевался металл вообще. Функции кузнеца на небе выполнял бог Триту, пользовавшийся мехами для раздувания огня. В какой-то мере был подобен кузнецу бог

Вишвакарман. Однако особого бога-кузнеца типа греческого Гефеста или этрусского Сетлунса индийская мифология не знала. В пахоте использовался плуг (*langaba*), влекомый быками. Применялось искусственное орошение и удобрение почвы навозом.

Война была излюбленным, освященным небом занятием индоарьев и их главным призванием. Это нашло отражение в терминологии оружия. Большим количеством названий представлены лук и стрелы, нередко смазываемые ядом. В ассортименте были пики и копья (*rsti, culf*), боевые секиры (*culica, palasa*), палицы (*ghano, drughana*), пращи для метания камней, панцирь (*valman*). Особое место занимала боевая колесница, оружие формирующейся аристократии. Ее термин *ratha* является индоевропейским (вспомним итальянского колесничего Ратумену). *Ratha* — это колесо (ср. *лат.* *rota*, *нем.* *Rad*, *лит.* *rathas*, но также и *фин.* *rata*, свидетельство древности общения индоевропейцев и устро-финов). Согласно ведам, Индра запустил солнечного бога Сурью в небо, как колесо, и все, что было связано с колесом, обладало особым престижем, блеском и святостью. Стремительность, сияние, блеск колесницы в «Ригведе» подчеркивается около 200 раз, нередко сопоставляясь с сиянием солнца.

Недостаточно ясна политическая структура и политическая история древнейшей Индии. Применительно к хараппской цивилизации выявлены некоторые археологические следы, обычно оставляемые царской властью (например, руины дворцовых сооружений), однако нет данных о культе носителей верховной власти. Для эпохи, сменившей хараппскую, подобных археологических данных нет, но в ведийской литературе имеется немало сведений о царях. Последние описываются как вожди племен (куру, панчала, яду и пр.), а не как правители тех или иных регионов. Монархия рассматривается как норма организации общества, имеющая небесный прототип. Согласно мифу, поражение, понесенное богами в войне с асурами, заставило их задуматься о причинах этого бедствия и прийти к выводу, что оно — результат отсутствия царя и военного предводителя. Им был назначен Индра. Эта параллель наталкивает на мысль, что усиление царской власти в ведийском обществе, неизвестное нам в деталях, было результатом завоевания Индии и установления господства над более многочисленным местным населением, отличавшимся от ариев по языку, образу жизни и религии. Миф о победе Индры над Вритрой, поглотившим все реки и ввергшим «нижний из миров» в губительную засуху, был переосмыслен как победа над дасью (неарьями) и приобрел такую не свойственную космическому противоборству подробность, как захват крепостей. Однако организация ведийского общества в целом и царская власть как ее элемент долгое время сохраняли пережиточные патриархальные черты: во главе сельских общин — виш (ср. *лат.* *vicus*) — находились старейшины, само обозначение которых — вишпати — указывает на отцовскую власть.

Постепенно власть царей становилась наследственной, но певцы вед еще помнили о временах, когда царей выбирали и могли их изгнать и даже убить за нарушение обязательств, которые брал на себя отец своего народа. Напоминанием о первоначальном характере царской власти была церемония помазания на царство. Из непременно сопровождавших ее магических заговоров можно понять, что царь, будучи верховным жрецом, наделялся полномочиями защитника своего племени и охранителя его от других племен. Пережитком патриархального совета старейшин было ближайшее окружение царя, состоявшее из его родственников. В нем, судя по эпосу, были домашний жрец (пурохита), военачальник, возничий, казначей, сборщик налогов, домоправитель.

Сами царства, судя по их описаниям, были невелики и не превышали по своим размерам греческих полисов, которыми первоначально также управляли цари (басулеи). Нет недостатка и в именах царей, распределенных по двум династиям — Солнечной и Лунной. Бесспорно, за рассказами об этих царях стоит какая-то реальность, но не представляется возможным отделить ее от мифов и прямых вымыслов позднего времени, имевших целью возвеличить те или иные царства. Тем более затруднительно представить даже в самых общих чертах процесс возникновения древнеиндийского государства.

Однако ко времени Будды (VI в. до н. э.) уже существовали достаточно мощные государственные образования, обозначенные в источниках как «шестнадцать великих стран» (маханджапад), в число которых входили Магадха, Кошала, Гандхара и др. Сам термин «великие страны» предполагает и множество других, менее значительных. Их названия фигурируют и в сравнительно ранних, и в поздних источниках.

Раздробленность Индии, сохранявшаяся до времени Александра Македонского, вела к постоянному соперничеству между правителями, непрекращающимся войнам между ними, делавшим Индию легкой добычей завоевателей.

Веды

У ариев в процессе освоения ими Индии не было письменности, а значит, и летописей, фиксировавших события внешне- и внутрисполитической истории. Духовная же их история, восходящая к этим и еще более отдаленным временам, дошла до нас в ведах — поэтических сборниках на особой, не совпадающей с санскритом разновидности древнеиндийского языка, наиболее близкой к авестийскому языку. Слово *veda* восходит к индоевропейской основе *ved*, от которой в русском произошли слова «ведать», «ведьма». Это священное знание, обладание которым постигалось интуицией, внутренним взором. Создатели вед были не столько жрецами, сколько провидцами, подобными не Гомеру, а его героям Орфею и Калханту, а само сочинение гимнов и их воспроизведение воспринималось как священнодействие. Наиболее архаичный материал вобрал в себя огромный сборник «Ригведа» — первый по времени из дошедших до нас памятников древнеиндийской словесности. К «Ригведе» примыкают два других сборника — «Самаведа», содержащая наставления об исполнении гимнов, и «Яджурведа», включающая описание деталей ритуала. Особое место среди ведийских текстов занимает «Атхарваведа», сборник заклинаний и заговоров, используемых для защиты от всякого рода напастей — болезней, укусов змей, колдовства, нечистой силы. Создатели гимнов прибегают и к помощи богов, но прежде всего они рассчитывают на магическую силу слова и обряда. В центре, таким образом, — человек, но он живет в мире мифов, и косвенно сборник дает ценнейшую информацию о том, как воспринималась на простонародном уровне религиозно-мифологическая концепция «Ригведы» и двух ее сестер, объединенных не только содержанием, но и общим названием — «Тройное знание». Но возвратимся к «Ригведе», самой древней и самостоятельной части вед. Гимны «Ригведы» образуют мандалы («круги»; ср. *лат. mundus* — «мир», «мироздание»). Всего их десять, при этом первая и десятая мандалы состоят из одинакового числа гимнов, явное свидетельство стадии упорядочивания, собирания собрания, возможно совпавшей с записью гимнов. Точное время последней неизвестно. Первое упоминание рукописи «Ригведы» принадлежит знаменитому путешественнику XI в. Ал-Бируни.

На работу составителей указывает содержание и форма отдельных манд ал. Гимны мандалы VIII имеют особую строфическую структуру (объединение в одну строфу стихов разных размеров). При этом она содержит наибольшее число длинных и зачастую редких гимнов с персонажами, имена которых не поддаются толкованию на индоевропейской основе. Особенностью мандалы IX является то, что все ее гимны посвящены богу Соме. Мандала X выделяется новизной космогонических идей, исчезновением некоторых старых и появлением новых богов — персонификаций абстрактных явлений, развитием редких в предшествующих мандалах элементов диалогического повествования. На этом основании ее считают добавлением к ранее существовавшим мандалам.

Значительная часть гимнов упоминает автора-певца, обращающегося во вводной части с мольбой к богу или группе богов. Но эти указания столь же недостоверны, как в библейских псалмах. Подчас авторами гимнов названы сами боги, в других случаях имя риши извлекается из самого гимна. В то же время пометки о мнимом авторстве важны для установления отдельных школ риши, которым приписывалось полубожественное происхождение.

В «Ригведе» гимны отождествляются с колесницами, и за этой метафорой, которая может показаться надуманной, стоит социальная реальность. Для певцов-риши гимн был таким же признаком общественного положения, как для раджани (кшатриев) — боевая колесница. Он был единственной возможностью выявить интеллект, талант и благоволение богов. Между риши устраивались такие же состязания, как между колесничими, и поэтому можно было говорить о том, что они «запрягают свои гимны».

Гимны «Ригведы», созданные разными певцами в разное время, едины в миропонимании и мироощущении. Они исходят из существования двух главных одушевленных частей вселенной — богов и людей, бессмертных и смертных. Термин, обозначающий бога, восходит к общеевропейскому обозначению неба и дня (греч. *theos*, *лат. deus*, *эпр. tiv*, рус. «диво») и имеет форму *devah*. Среди смертных выделены правоверные арьи и чуждые их богам *dasa* (местное темнокожее население). Этот же термин прилагается к демонам.

Промежуточной группой между богами и людьми были питары («отцы»), обожествленные предки, перенесенные мифами на небо, где они получали новые тела. Как и в других мифологиях, в ведийской существовало представление о поколениях богов. Старшие боги назывались асурами (*asura*), и отношения между ними и богами (*devah*) мыслились такими же, как в греческой мифологии между титанами и олимпийскими богами.

В «Ригведе» мировое пространство мыслилось уже вырванным из хаоса, освобожденным от

чудовищ и освоенным богами. История этого освоения составляет содержание мифов, раскрываемых, однако, не полностью. Более того, то, что при чтении воспринимается как фрагмент повествования или отрывок диалога между людьми и почитаемыми ими богами, на самом деле есть магия: заклинание, заговор, либо молитва с их функциональным или ритуальным назначением. Например, рассказ о подвигах Индры, разрушающего крепости дасью, завершается словами: «Умело метни в дасью дротик! Умножь арийскую силу и блеск, о Индра!» Для поющего гимн его смысл — в возбуждении ярости у призываемого бога, в умножении его сил, а рассказ о былом подвиге, служащий как бы напоминанием о его прежней удаче, не обращен к слушателям. В этом глубокое отличие ведийских мифов от греческих (гомеровских), прославляющих подвиг бога и рассчитанных на его восхваление. Вообще ритуальный аспект главенствует над повествовательным. Однако создатели вед знали мифы, как бы держали их в уме, и по ведам, используя параллельно древнюю комментаторскую литературу и эпические поэмы, можно реконструировать мифологический сюжет, разумеется, без полной уверенности в том, что реконструкция в точности соответствует оригиналу.

В ряде случаев ведийский миф разворачивается, подобно побегу из семени, разрастается, как тропическое дерево, и, сплетаясь с подобными себе, наполняется шумом, шелестом и звучанием множества имен. Непостижимое искусство создателей индийских мифопоэтических текстов таково, что не кажется преувеличенным восторженное отношение к ним индийской традиции. Их обозначение — риши (от глагола в значении «течь», «изливаться») — связано с Вач, владычицей речи, на том же уровне, на каком она сама связана с рекою (рус. «река» — «речь» сохранило эту семантику). Создателей гимнов называли также «кави», мудрецами, используя индоевропейскую основу «ков», от которой происходят наши «ковать» и «ковы» в смысле «чародейство». Третье их имя — качи — «восхвалители», «вдохновители». И конечно же среди тех, кого они восхваляли, была и Вач, провозглашенная в одном из гимнов «Ригведы» духовным началом, заполнившим небо и землю, несущим на себе богов и обладающим чувством признательности к тем, кто постиг ее законы: «Кого возлюблю, того наделю могуществом, сделаю брахманом или риши» — так о себе говорит сама Вач. Степень древности вед не поддается точному определению. Сходство имен богов в ведах и древних религиях других индоевропейских народов приводило ученых к мысли, что некоторые части вед могут восходить даже к III тысячелетию до н. э. Но для датировки вед решающий признак — не эта общность, а расхождение между религией вед и авестийской (древнеиранской) ветвью индоевропейской религии. При всей общности пантеона и культа авестийской и ведийской религий существуют и кардинальные различия: в «Авесте» дэва — злой дух, а в ведах — бог; соответственно в первой Индра — демон, а во второй — один из главных богов. Таким образом, веды могли возникнуть лишь после того, как их создатели покинули общую индоиранскую почву, т. е. в начале освоения ими Западной Индии.

От вед к веданте

На фундаменте вед еще в древности возникла необозримая словесность, очевидной целью которой было сделать доступным понимание этих ранних произведений последующими поколениями и облегчить их использование в культе. К первой группе комментариев принадлежали «Брахманы» — священные книги, отображающие ритуальную сторону вед, разъясняющие связь между отдельными ведами и предлагающие их всестороннее теологическое, этимологическое и грамматическое толкование. Так же как веды, они анонимны, но приписаны древним авторитетам. Эти тексты служат свидетельством приоритета культа, осуществлявшегося брахманами-жрецами, подчас ставящими мистическую силу жертвоприношения выше власти богов. Наиболее известны священные книги — «Шатапатха» («Брахмана ста путей»), содержащая наибольшее число мифологических сюжетов, и «Айтарея». Весьма интересен сюжет о мудреце и знатоке жертвоприношений Шунахшепе. Это единственный литературный текст с множеством стихотворных вставок («Айтарея-брахмана», VII, 13). В «Шатапатхе» наряду с объяснением ритуала «Белой Яджурведы» приводится миф об апсаре Урваши в версии, более развернутой, чем в ведах («Шатапатха-брахмана», XI, 5,1). Часть легенд создана самими жрецами на предмет лучшего усвоения деталей ритуала. Так для объяснения, почему при жертвоприношениях Праджапати молитвы произносятся шепотом, приводится спор между Разумом и Речью, победу в котором — благодаря судейству самого адресата жертв — одерживает Разум, после чего обиженная Речь переходит на шепот. Тем не менее речь впервые рассматривается как универсальная категория, используемая не только людьми, но и животными («Шатапатха-брахмана», IV, 1,6). В то же время «Брахманы» ценны изложением ведийской космогонии. «Шатапатха-брахмана» сохранила рассказ о рождении из изначальных вод яйца и появлении из него бога-творца Праджапати. Автор уверяет, что у Праджапати не было противников, ибо произведенных им же асуров он истребил в самом начале. В других частях этой же книги асуры — постоянные противники Праджапати и других созданных им богов.

Хронологически «Брахманам» близки араньяки («лесные книги»), как полагают, названные так потому, что тайный их характер требовал ухода в глухомань. Основное содержание араньяков — аллегорическое истолкование ритуала.

«Брахманы» не внесли в религиозную мысль Индии ничего принципиально нового. Эта некая систематизация вед, в сущности нарушающая их естественную целостность и угрожающая растворить религиозную экзальтацию и парение поэзии в мелочной обрядности. Вкрапленные в «Брахманы» мифологические сюжеты находятся на службе у жреческой касты, используя для объяснений происхождения ритуала. Реакцией на столь губительную формализацию стали упанишады — религиозные трактаты, авторы которых вернулись к идее о нерасчлененном единстве природы и человека, пронизывающей «Ригведу», и дали внутренней сущности бытия художественно-философское обоснование. И если «Ригведу» именуют «великим началом священного знания», то упанишады стали ее великим концом — ведантой, соединив «услышанное» («шрути») с другой традицией — «запомненным» («смирти»). Всего известно более двухсот упанишад, древнейшие из них датируются VI–III вв. до н. э. Они написаны как научные трактаты, но имеют повествовательные вставки, подчас в стихах, диалоги между учителем и учениками, а также содержат аллегории и притчи.

Буквально термин «упанишады» восходит к санскритскому глаголу *sad* («сидеть») и толкуется как «сидящие возле» (учителя), но, характеризуя смысл своего труда, древние авторы в пояснениях исходят из того, что упанишады «разрушают» природное незнание или, что одно и то же, — «вводят» в «сокровенное знание». Упанишады — доступное лишь избранным учение о том, что видимый мир вещей, сам по себе лишенный значения, представляет собой продукт деятельности некогда породивших его высших сил. Веды были инстинктивным и поэтическим проникновением в смысл человеческого существования, в связь человека с огромным множеством богов и духов, обитающих в трех мирах. (К этому сюжету мы еще вернемся.) Упанишады сводят все это многообразие к двум основным понятиям — Атману (субъективному, личностному, духовному началу) и Брахману (космическому, безличному абсолюту, пронизывающему собой все существующее), дополняющим друг друга вплоть до полного слияния. Атман мыслится как нечто более древнее и поэтому познанное, Брахман — как молодое и еще нуждающееся в познании. Это взаимосвязанные и в то же время противоположные понятия — как знание и незнание, как сила, присутствующая во всех существах, во всем космосе, все созидаящая и все в себе принимающая, и как то, что присутствует лишь в человеке и стремится к познанию и слиянию со всеобщим.

В соответствии со спецификой подходов в толковании Атмана и Брахмана выделяются четыре системы ведант:

1) теология, учение о принципе всего сущего, 2) космология, учение о проявлении принципа во вселенной, 3) психология, учение о вхождении его как мировой души, явленной в мир, 4) этика и эсхатология, учение о судьбе души при жизни и после смерти. В применении к мифологическим сюжетам вед вся эта система стремилась выявить скрытый в них сокровенный смысл и усилить их моральную направленность. Так, Пуруша, присутствующий в ведах в качестве первочеловека, жертвенного материала для создания мира, человечества, общества, трактуется в упанишадах как воплощение духа, сознания в его абсолютной противоположности первоматерии. Таким образом, в упанишадах ведийский обряд с его фетишистским или анимистическим истолкованием заменяется цельной философией, стремящейся объяснить, «откуда мы произошли, где мы живем и куда мы движемся... по чьему повелению мы существуем здесь то в страдании, то в удовольствиях, будет ли этому причина и время, или природа, или необходимость, или случайность, или элементы, или тот, который называется Пуруша, представляя собой верховный дух».

Более всего пострадали от абстрактизации космогонические представления вед и священных книг, ибо Атман в упанишадах рассматривается как единственная реальность, за которой нет ничего, и этот исходный пункт по сути исключал существование мира вне Атмана, ибо Атман и мыслился как мир. Поэтому космогония упанишад сводилась к выяснению роли Атмана в сотворении мира и его вхождению как мирового духа в отдельные души. Конкретно это выглядит следующим образом: «Мир тогда еще не был создан, и он создавался в именах и образах... в него вплоть до кончиков ногтей вступал Атман, как нож входит всем своим острием». Или: «Атман возжаждал: я хочу быть многим, хочу разрастаться, и он создал весь мир и в него вошел». Или: «Вначале не было ничего, кроме Атмана, и не на что было бросить взгляд, и он решил: «Я буду создавать миры, и он создал эти миры: поток, пространство света, мертвое, воду». Но Атман, таким образом, не просто первоначальная одухотворенная материя, а материя, обладающая волей, способной принимать решения и их осуществлять. Создавался образный миф, единственным персонажем и действующим лицом которого был Атман.

Первозлементом сотворенного мира считалась, в соответствии с «Ригведой», «правода», содержащая в себе землю, пространство света, небо, горы, богов, людей, диких зверей и домашних животных, птиц и прочие живые существа вплоть до червей, равно как и деревья, и все остальное в природе. Дальнейшим шагом мироздания, если бы авторы упанишад следовали своему источнику, должен был быть переход «праводы» в остальные элементы (в неорганическом мире их было пять: помимо эфира и ветра — огонь, вода и земля); но в этом случае творческие возможности Атмана приняла бы на себя вода, принизив его роль. Поэтому, несмотря на признание «праводы» первозлементом, сообщается о сотворении сразу нескольких элементов, причем вода оказывается на четвертом месте — после эфира, ветра и огня: «Из этого Атмана возник эфир, из эфира — ветер, из ветра — огонь, из огня — вода, из воды — земля». Для перехода Атмана в органическую природу потребовалось введение еще одного звена творения — Брахмана и вхождение в него Атмана как в индивидуальную душу «вплоть до кончиков ногтей». Таким образом, все живое создается Брахманом, который изображается как организатор социального бытия:

Как города, он создал двуногих, Как города, он создал и четвероногих. В города, как птица, вступил он, В города, как гражданин, вступил он.

Органическая природа делится упанишадами на три класса: рожденные из яйца, рожденные из зародыша и живорожденные, к которым были в поздних текстах добавлены рожденные с хвостом. В каждом из этих созданий, будь то животное, насекомое, растение, обитает свой Брахман как проявление жизненной силы Атмана, ибо это индивидуальная душа, проникающая во все живое. По отношению к ней вторичны даже боги, потому что Атман составляет и их сущность, выковывая прекрасные образы небожителей, как это делает кузнец, когда он использует драгоценные, а не обычные материалы. Впрочем, вхождение Брахмана во все живое мыслилось как внутренний, непостижимый процесс, подобно превращению сока цветов в мед, и сами творения остаются в неведении о предстоящей им метаморфозе, не зная, кто из них получится в следующей жизни — тигр или лев, волк или кабан, червь или муха.

Представление о возникновении человеческого рода и животных в одной из упанишад приобретает форму мифа такого же «научного» типа, какими были мифы Платона. Читая упанишады, мы можем найти в них и многое другое, созвучное Платону. Это и понимание души, и центральное место человека в мире. Божество Платона близко верховному богу упанишад, ведущему человека через мрак к свету. Разумеется, трудно себе представить, что до Платона дошли идеи упанишад: видимо, появление мистической струи в том и другом учениях было естественным развитием философской мысли, совпавшим по времени.

Упанишады возникли в среде мудрецов-отшельников, для которых интеллектуальная деятельность стала не только профессией, но и способом общения с внешним миром. В связи с

этим и внешний мир приобретает в них философскую окраску. Царь Видебхи Джанака, известный индийскому эпосу как могущественный воитель, превращается в мудреца, организатора и верховного арбитра публичных философских диспутов. На одном из них мудрец, засыпавший присутствующих вопросами о причине всех вещей и устройстве мира, получил в награду тысячу коров с золотыми слитками на рогах.

В соответствии с этим образом царь-философ, глядя на свою сгорающую в пожаре столицу, не испытывает сожаления, говоря: «Митхила горит, но в ней нет ничего моего».

Джанака был, скорее всего, реальным правителем, мифологизированным в упанишадах и героизированным в эпосе. В этом преображении реальных персонажей для тех, кто знаком с европейской историко-поэтической традицией, нет ничего нового: достаточно вспомнить эволюцию образа Александра Македонского. Отсутствие светской литературы типа летописей делает невозможным определение того, каким в действительности был Джанака в годы создания упанишад, как, впрочем, и все остальные их персонажи.

Одна из упанишад сохранила рассказ, действующие лица которого — животные, выступающие в качестве ораторов. Это древнейшие из басен, сведенные позже в сборник «Панчатанатра». Индию трудно назвать родиной басен, поскольку, скажем, греческие басни древнее; но не исключено, что индийская идея переселения душ в животных оказала влияние на развитие этого жанра не только в Индии.

Боги вед

Ведийский пантеон складывался тысячелетиями. Индийская мифология, как и многие другие разветвленные мифологические системы, напоминает большой странноприимный дом на перекрестке дорог. Состав его обитателей постоянно менялся. Одни, едва поселившись, исчезали, оставив лишь имена в книге для гостей, другие, ютившиеся в помещении для слуг, переселялись в господские покои. И вот в глазах уже пестрит от множества имен, лиц и одеяний. К старым богам, незримым спутникам арьев в «страну обетованную», присоединялись новые, которых почитали аборигены. И это означало не просто увеличение числа небожителей, но и изменение представлений о них, придание им нового облика и свойств. Наиболее могущественные прежние боги порой уступали новичкам, становясь их слугами. Их черты размывались. Общее число богов оставалось загадкой даже для древних знатоков религии. Встречаются цифры 3339 и 33, и при этом ни одна из них не соответствует сведениям, содержащимся в ведах и комментариях к ним. Вообще число 33 было священным, поскольку в нем имелись три десятки и тройка.

С радостью узнавания мы встречаем среди богов ведийского пантеона соответствия богам древней и средневековой языческой Европы и Ирана: Дьяус-Питер (бог-владыка, бог-отец) — Юпитер; Параджани, бог грозы — литовский Перкунас, славянский Перун; Ушас — латышское Усины, славянское Утро; маруты — итальянский Мамерс, латинский Марс; Митра — иранский, а затем и средиземноморский Митра; Яма — иранский Йиму; Сома — иранский Хома. И мы уже начинаем вслушиваться в звучание имен и понятий, узнавая некоторые сразу (например, Агни — «огонь», Вата — «ветер»), другие с трудом (Индра — «ядренный», Тваштар — «творец», амрита — «бессмертие»). Однако все они персонажи собственного мифологического мира, действующие по его законам и подчас наделенные пугающим обликом.

Еще на ранней стадии религиозно-мифологического развития арьев прослеживается тенденция к выделению высшего божества, творца всего мира — богов, людей, установителя культа, создателя добра и зла. Это Праджапати, первым своим выдохом («бхух») сотворивший землю, вторым («бхувах») — воздушное пространство, третьим («свах») — небо. Первым принесший жертву, он сам едва не стал жертвой сотворенного им Агни (огня) и для прокормления последнего создал на земле растительность, а для ее произрастания и распространения — еще двух сыновей: Сурью (Солнце) и Вайю (Ветер), а затем и дочь Ушас (Зарю), дающую росу. Как и другие индийские абстрактные божества, Праджапати наделялся некоторыми человеческими свойствами — чувством страха, хитростью. Ведомо ему и усталость: после утомительной работы по сотворению мира у него отвалились руки и ноги.

Близок к Праджапати по своим деяниям и назначению бог Тваштар («творец»), один из многих абстрактных богов ведийского пантеона с единственным антропоморфным признаком — рукой, вооруженной топором, орудием созидания. К этому же типу мифологических персонажей принадлежит Сурья, «глаз богов» и сам бог, подчас принимавший облик рыжего коня. Вокруг него группировались Савитар, олицетворявший животворящую силу солнца, с которым иногда отождествлялся Митра, воплощавший дружественное отношение солнца к людям, объединявшимся под его лучами, а также одна из наиболее загадочных фигур ведийского пантеона — Пушан, воплощение плодоносящей силы солнца. Он ассоциировался с набуханием почек, с пухом, разносящим семена, с пушным зверем и стадами, которым покровительствовал. Но в то же время он и господин путей, обладатель колесницы, запряженной конями и козлами. (В индоевропейской мифологии Пушану соответствует божество вымершего балтийского народа прусов Пушкайтс и греческий Пан.)

Арьи, как и другие индоевропейские народы, почитали реки. Первое место из них занимала Сарасвати, описываемая как мать и богиня, превосходящая все другие реки славой и величием. При этом остается неясным, была ли это реальная река или сакральное имя Инда, первой крупной реки, с которой столкнулись проникшие в Индию арьи. Как и другие божества, Сарасвати соединялась с себе подобными — как с реками, так и с богами-небожителями. В первом случае это реки Ида (Ила) и Бхарати, к которым поэты зывали как к сообществу, во втором — боги природного цикла Агни, Индра, Варуна, Пушан и связанное с ними животное — корова.

В плане легкости перехода из одного мира в другой показательна мифологическая судьба Вивасвата, сына Адити, родившегося без рук и без ног. Старшие братья отсекали у него все остальное, после чего Вивасват, округлившись, стал Солнцем Сурьей (Вивасват — эпитет Сурьи). От дочери Тваштара Сараньи он рождает близнецов Яму и Ями, становясь первым прародителем человечества и родоначальником Солнечной династии. В числе чисто природных божеств и Ушас, соответствующая греческой Эос, римской Авроре, латышскому Усиныпу. Она показывается утром на розовеющей колеснице, чтобы вытеснить свою мрачную

сестру Ночь, пробудить и поднять к молитвам, обнадежить и одарить все живое. Заря и Ночь рассматривались как некое единство, подобно паре Небо — Земля. Оставаясь девой, Ушас, согласно мифу, имела от Сурьи небесных близнецов-ашвинов, связанных с предрассветными и вечерними сумерками. Разбуженные матерью, они, светозарные, мчатся на золотой колеснице, влекомой конями, ослами или орлами, или же плывут на стовесельном корабле, трижды в день совершая объезд вселенной, творя чудеса и развозя достойным небесные дары — кому жене, кому золото. Ашвины считались спасителями арьев, дарующими коровам молоко, а их владельцам — богатство, здоровье, счастье, спасающими утопающих, исцеляющими слепых и хромым.

Важнейшим из божеств считался Варуна — хранитель, как и Митра, универсального миропорядка, вечного закона (риты), небесный судья, карающий отступивших от правды и изменивших долгу. Поэтому в обязанности того и другого входило устранение погрешностей в жертвоприношениях. Женами Варуны считались обитательницы вод, и сам он представлялся живущим в водах, что при последующем перераспределении между богами трех миров — «верхнего», «среднего» и «нижнего» — обеспечило ему власть над «нижним» — водной стихией.

Наибольшим могуществом веды наделяют бога-грозовика Индру, самого антропоморфного из индийских богов. В эпоху создания «Ригведы» он превзошел своих соперников адитьев, будучи младшим из них, и принял функции Праджapati, став Махендрой («Индрой Величайшим»), Его победа над Вритрой — нечто большее, чем преодоление засухи. Это космогонический акт освобождения изначальных вод. В этой же функции он отрезает у гор крылья, чтобы они, спускаясь при перелетах на землю, не давили ее своей тяжестью. Как в победе над Вритрой, так и в других своих деяниях, Индра — бог брани. Он дает арьям победу над местными племенами, сокрушает их крепости, громит их, а также и демонов своим страшным оружием ваджрой, в которой можно видеть громовую стрелу. Бог-убийца, он наделяется также чертами целителя, не раз спасая раненых мудрецов (риши) и возвращая им жизнь.

Индре близок Рудра, обитатель горных высот, пастух, покровитель пастухов и в то же время — воплощение буйства неконтролируемых сил природы. Сыновья Рудры маруты считались воплощением грома и молнии. Это юноши, восхищающие красотой и в то же время внушающие ужас. Относясь к классу архаических божеств, они впоследствии были отданы в услужение Индре.

Значительную эволюцию претерпел первый из богов — Агни, постепенно превратившийся из олицетворения огня — небесного, земного и подземного — в божество алтаря, своего рода посредника между людьми и богами, защитника человеческого жилья от холода, от ракшасов и иных порождений мрака. Близкими к Агни, богу жертвоприношений, считали Сому — обожествленный жертвенный напиток. Перенесшись, подобно многим божествам, на небо, Сом стал мыслиться луною, господином неба и звезд, первым творцом, стимулирующим могущество солнца и подвластное ему творческое вдохновение людей, прежде всего певцов и сказителей.

Среди ведийских богов имеется и Гибель (Ниррити), но миф о гибели мира разворачивается в рамках мифа о мировых эпохах («югах»), сходного с греческим мифом о четырех поколениях — с тем же соединением судеб космоса с падением добродетелей. Превращению космоса в хаос предшествует нарушение нравственных норм («дхармы») в человеческих взаимоотношениях. При этом уничтожается не только космос со всеми его обитателями, но и сам творец мира Брахма.

Веды уделяют мало внимания судьбе человека после смерти. В одном из гимнов поздней, десятой, книги «Ригведы» можно прочесть, что взор умершего обращается к солнцу, дыхание — к ветру, речь — к огню, а кровь — к воде. Таким образом, первоначальные четыре элемента человеческого организма как бы растворяются в четырех стихиях, соответствующих четырем богам. Из других гимнов видно, что душа представлялась уносимой ветром или дымом погребального костра на небо, где соединялась с себе подобными. Путь же на небо первым указал дух первого из умерших — Ямы. Представлений о подземном царе мертвых, подобном греческому Аиду, в ведах первоначально не было. При последующем разделении мира на четыре части мир мертвых, помещенный на крайнем юге, был отдан богу смерти Яме.

Наряду с «распределением» богов в мифологическом пространстве ведийская теология разработала сложную систему отношений между ними: каждый мыслился не «богом в себе», а частью некоей «группы богов» с общим родовым именем — маруты, якши, гандхарвы, апсары и т. д. Подобные групповые божества — «братья» и «сестры» — существовали и у других народов на ранних стадиях их развития. И везде они постепенно отесняются на периферию религиозного мышления, им отводится подчиненное положение по отношению к богам,

приобретавшим индивидуальный облик и мыслившимся «главными». Система господства / подчинения в фантастическом мире зеркально отражает реальные «земные» процессы, начавшиеся в эпоху замены родоплеменной организации общества зарождавшимся государством.

Иногда религиозное сознание сбивало в группы божества с индивидуальными именами. Этот механизм может быть прослежен на примере группы адитьев. Ее основа — пара богов Митра-Варуна, служившая воплощением магико-юридической функции общества. Митра — первоначально солнечное божество, почитавшееся под этим именем иранцами — выступал как бог справедливости и охранитель договоров. Варуна (ср. греч. Уран) — первоначально бог изначальных вод, а затем неба, блюститель нравственности, всевидящий верховный судья, изобличающий любую ложь, карающий за грехи и преступления. Эта великая пара притянула к себе в качестве третьего — древнего бога Арьямана, также почитавшегося в «Авесте», покровителя брачных связей, наподобие греческого Гименея. Он отделял невесту от отчего дома, подобно тыкве от ее плетей, и соединял ее другими «плетями» с домом супруга.

Эта троица, получившая имя «адитья», присоединила к себе четвертого — Бхагу (в «Авесте» — Бага), распределителя благ (богатств), счастья, счастливой доли. В славянской мифологии это имя стало нарицательным — бог. К этой четверке примкнули боги Дакша и Анша. Главная черта Дакши — ловкость, умелость, позволившая ему, родившемуся от матери Адити, быть одновременно ее родителем. Анша, так же как и Бхага, считался божеством счастливой доли. Так образовалась шестерка богов, к которой обращались в одном из гимнов: «Да услышат нас Митра, Арьяман, Варуна могучего рода, Бхага, Дакша, Анша!» Эта шестерка была открыта для дальнейшего расширения. Число адитьев постоянно менялось, но не выходило за пределы дюжины, и все они стали мыслиться сыновьями Адити, у которой не было супруга.

Сообщества богов не только распадались, но и возникали в соответствии с потребностями обслуживания главных богов. «Ригведе» известен только один полубог — Гандхарва, соответствующий древнеиранскому водному демону Гандарве (и возможно, греческому Кентавру). Он супруг «женщины вод» Апсары. В «Атхарваведе» Гандхарва, размножившись, превратился в несколько тысяч вредоносных духов воздуха, лесов и вод. Для их обитания пришлось создать в небесах особый город, который подчас можно было увидеть, подобно миражу в пустыне, что фатально грозило бедой узревшему.

Ведийский пантеон видоизменялся — со временем небесных богов стало гораздо меньше, но сила и власть их необозримо возросли. Отметим, однако, что боги, оттесненные на обочину культа, оставались в памяти людей, о чем свидетельствуют красочные предания. Они теряли абстрактные очертания адитьев и наделялись вполне конкретными живыми чертами. Так, Дакша стал отцом пятидесяти дочерей, двадцать семь из которых были отданы в гарем Сомы, предпочитавшего, однако, общаться, к неудовольствию отца, лишь с одной из них, Рохини. Этому же Дакше приписывалось знаменитое жертвоприношение, в ходе которого обойденный приглашением Рудра-Шива, олицетворявший разрушительные силы, учинил богам разгром.

Воздушная сфера была заселена тремя братьями Рибху («умелыми»), показывающими чудеса ловкости и сообразительности. Согласно мифу, они превзошли в ювелирном искусстве самого Тваштара. Духами вод, речными богинями, подобными греческим нимфам, римским каменам, славянским русалкам, считались апсары. Перенесенные в небесное царство, они стали мыслиться танцовщицами и гетерами.

Наряду с богами и духами почитались предки; судя по похоронным гимнам «Ригведы», забота о пропитании духов-отцов (питаров) была священной обязанностью сыновей. Поэтому рождение дочери считалось несчастьем. Обряд трупосожжения рассматривался как отделение образа и духа от тела, открывавшее возможность воссоздания предка на небесах: «В солнце уйдет твое зрение, в ветер — твое дыхание, вступая в землю, как должно, или удаляясь к водам, если это тебе на благо, члены тела да пребудут в растениях». Но четкого представления о загробной жизни, о новом рождении в «Ригведе» еще нет. Нет ясного представления и о наказании за грехи, хотя иногда упоминается бездна, куда низвергаются демоны и грешники.

Космогония вед

Тому, кто привык судить о языческих богах по хорошо знакомым греческим мифам, индийский пантеон покажется непроходимыми джунглями, выбраться из которых — задача не из легких. Это и понятно, ибо здесь мы имеем дело с богами самых разных мифологических уровней. Одни из них еще сохранили в своем облике первоначальные черты мира обожествленных природных явлений, другие же — плод абстрактного мышления, отождествляющего богов с высшими непостижимыми силами и идеями. Единственное, что может внести некоторую ясность в понимание мира индийских богов, — это космогония.

Согласно «Ригведе», вселенная произошла из хаоса, мыслившегося как теснота. В этой лишенной пространства тесноте небо и земля были огромным единым комком. Творение мыслилось как два акта: 1) разделение неба и земли, 2) создание в промежуточном широком пространстве опоры для их поддержания. Эта операция чаще всего приписывалась Индре или Варуне, а их помощником выступал Вишну, расширивший пространство тремя своими шагами, второстепенное божество местного происхождения, получившее в эпической мифологии одну из первых ролей.

Опора, поддерживавшая вселенную, виделась то как столб, подобный держащему кровлю жилища, то как мировое дерево, уходящее корнями в первичные воды и служившее источником священной очистительной влаги, питавшей бессмертие и мощь богов.

Греческому «космос» в индийской мифологии соответствует понятие «лока» (ср. лат. locus) — «место», «пространство», «мир». Космогонические мифы вед толкуют локу не как данность, а как нечто, созданное воображением богов и ими «организованное» таким образом, чтобы оно было открыто «свету небес»; если какое-либо пространство заполняется враждебными небу силами, оно перестает быть локом. Так, Индра, смертельно ранивший Вритру, покрывшего своим гигантским телом всю землю, вновь создает локу. Всего же их мыслилось три (трилока): небо, воздушное пространство и земля, образующие строгую триединую систему.

Появление мира небес (сваргалока), так же как и земли, ведийская мифология связывала с присутствием и деяниями богов. В «Ригведе» земля и небо — это два камня, между которыми Индра возжег пламя, или два колеса на разных концах оси; но для большей части ведийских текстов сваргалока — мир небесного света. В одном из гимнов некто «румяный» (подразумевается солнце) описывается не просто как небесное тело или божество, но и как создатель и охранитель всего очерчиваемого им пространства. Идея солнца, солнечного света, небесного сияния неразрывно связана с понятием благополучия, счастья, активности, нормального человеческого существования. В одном из ведийских гимнов солнцу можно прочесть: «Ты проходишь, как небесный свет, который все создания получают от тебя». Солнце — средоточие небесного света, оно дает его всему живому. Сваргалока считалась также местом «небесной жизни» части умерших — тех, кому указывали туда путь брахманы. В ведах содержится представление о нескольких небесах, высшее из которых отдается творцу всего сущего.

В другом гимне «Ригведы» небо и земля мыслились как две наложенные друг на друга чаши мироздания, а воздушное пространство между ними отдавалось Сурье.

Таковы «три мира» в их классическом понимании, образующие замкнутый шар. Все, что за их пределами, — находится вне поля зрения поэта, создавшего гимн, как и вообще индийской космологии. «Три мира» скреплены не своими краями (они размыты, как и границы греческого космоса), а связаны осью — горой Меру, опорным столпом мироздания. Меру мыслилась в виде пирамиды, каждая из граней которой имела свой цвет и была обращена к четырем сторонам света горизонтальной плоскостью, разделенной на две половины: одна ориентировалась по северному, другая — по южному полюсу. Меру — место обитания богов, откуда их взорам открывается вся «трилока»; в то же время сама гора — русло для спуска на землю священных небесных рек и лестница, по которой достойные души поднимаются на небо. В индийской космологии упоминается, вне какой-либо связи с Меру, также «пуп земли» — место, куда Всеведущий поместил мудреца Бхригу и где Агни совершает свои жертвоприношения.

С моделью двуединого мира вед, видимо, связано представление о двух группах могущественных сверхъестественных существ — асурах и богах, борьба между которыми рассматривается как основополагающая концепция ведийской мифологии. Как уже говорилось, асуры (asura) и боги (devah) уходят своими корнями в индоевропейскую древность. В религии иранцев термин asura входит в имя верховного бога Ахурамазды, дэвы же — это класс враждебных Ахурамазде не-богов, демонов. В ведийской религии, напротив, devah — боги, а asura — их противники, наделенные демоническими чертами, однако не являющиеся

порождением зла. Это соперники богов в еще не оформившемся космосе, а порой и их союзники, как, например, в мифе об обретении бессмертия.

И более того — асуры древнее богов. Они подчас мыслятся отцовской почвой, из которой выросли боги. В одном из гимнов «Ригведы» Агни и Сома — сыновья древнего отца Вритры, отождествляемого с асурой, настолько тесно связанные с ним, что знают о его коварных помыслах и могут предупредить о них Индру. С другой стороны, у Индры встает проблема, как убить Вритру и не причинить вреда Агни и Соме.

Могущественное космическое божество Варуна колеблется в выборе статуса: одной ногой он находится в мире асуров, другой — в мире богов. Когда его помыслы склоняются к девам, Индра предлагает ему власть. И эта двойственность выходит за рамки вед. В «Махабхарате», где уже мир мыслится поделенным между богами, Варуна описывается находящимся в подземном дворце в окружении прислуживающих ему асуров.

И при этом асуры трактуются как непримиримые противники богов, вынесенные за пределы освоенного богами мира. Они — могущественные боги изгнания, обладающие собственными твердынями, словно бы оставленные для того, чтобы богам было на ком проявлять свое могущество.

Буддизм

Во второй половине VI — первой четверти V в. до н. э. возникло еще одно религиозно-философское учение, вступившее в открытое противоборство с ведийским религиозно-мифологическим мышлением, проявившимся в ведах и эпосе. Оно связано с проповедями религиозного деятеля Северной Индии Сиддхартхи Гаутамы (623–544 гг. до н. э.), призывавшего к религиозному очищению человечества, к его освобождению от противоречащих монотеистической идее социальных, половых или каких-либо перегородок и к переходу от созерцания истины к внутреннему перерождению.

Ведическая традиция уже подготовила индийцев к мысли, что человек может быть озарен огнем божественной истины и поставлен рядом с богами. В Будде ощущается аскетизм и религиозная сосредоточенность отшельников индийского эпоса. Рассказы о его жизни, полные фантастических деталей, сочиненных благочестивыми почитателями, воспринимаются не как обычная биография, а как священная история обретения религиозным мыслителем нового видения жизни, нового слова, нового мировоззрения. В сведениях об открытии Буддой истин и их распространении имеется много неясного, вызывающего сомнения. И сам образ Будды, обросший мифами, как днище идущего сквозь века корабля ракушками, сформировался под непосредственным воздействием брахманской мудрости. Воинствующий аскетизм соединился в нем с глубочайшим религиозным сосредоточением Ману и Маркандеи. Однако, согласно буддийской традиции, вскоре после смерти вероучителя его ученики и последователи собрались в Паталипутре — столице государства Магадхи, и один из ближайших учеников Просветленного воспроизвел хранившиеся в его памяти наставления о монашеской жизни (Виная-питаку), тогда как другой ученик огласил свод проповедей учителя (Вутта-питаку), свидетельствующий о традиции. Только через сто лет после смерти Будды его последователи вновь сошлись, чтобы разрешить возникшие разногласия в понимании учения. Но это им не удалось.

Третий собор буддистов в Паталипутре проходил под предводительством царя династии Маурьев Ашоки, о религиозной деятельности которого можно судить по множеству его указов, так называемых «Надписей Ашоки», высекавшихся на скалах, на колоннах и на стенах пещер. В царствование Ашоки (273–237 гг. до н. э.) буддизм не был государственной религией, но пользовался необычайной популярностью. Количество памятников, связанных с верованием Будды и его почитанием от времени Ашоки до 200 г. до н. э., превосходит все оставшееся от брахманизма и джайнизма, вместе взятых. Надписи свидетельствуют о пожертвованиях в пользу буддийских монастырей от царей и частных лиц. Во многих местах Индии появляются буддийские святыни, из которых поныне наибольшей сохранностью славится монастырь у деревни Санчи. Для понимания специфики буддийской мифологии наиболее типичны так называемые ступы — символические и мемориальные сооружения, хранилища реликвий из камня или земли, как правило, в форме башни. Таковы, например, знаменитая ступа в Санчи или ступа в Бхархуте, рельефы которой воспроизводят эпизоды жизни Будды таким образом, что сам Будда в них не присутствует.

Буддисты всячески подчеркивали свое неприятие брахманистских идей, полную самостоятельность и новизну своего учения. Такая позиция характерна для любого ответвления древней религии, стремящегося к самоутверждению. Однако применительно к буддизму объективное сопоставление его с установками упанишад — а именно с ними буддисты спорят чаще всего — показывает, что как раз ряд главных положений (прежде всего идея кармы, закона перерождения, представления об иллюзорности индивидуального существования) заимствован у последних. Совпадают также понимание высшего назначения человека (в брахманизме — мокша, в буддизме — нирвана), отношение к монашеству и многое другое. Различными были акценты, нюансы, которым сами буддисты придавали решающее значение, и это опять-таки характерно для вновь возникающих религий (и идеологий), ответвляющихся от первоначального ствола. Буддизм не ниспровергал богов, и это сближало его с христианством, принявшим Ветхий завет с его представлением о высшем и единственном божестве. Из брахманизма в буддизм вошли боги Брахма, Индра (под именем Чакра), Вишну, Ганеша и другие. Но допущенные в буддийскую догматику и мифологию, старые боги утрачивают не только свое могущество, но и первоначальную специфику и отныне действуют в соответствии с предписаниями Будды, выступающего и для них в роли учителя, освободителя, спасителя.

Нетерпимость, будь то в политической, социальной или теологической сферах, вообще-то чужда буддизму, но своим толкованием священных книг брахманизма буддизм ограничил всепроникающую силу богов пределами девалоки (пространства), оставив им в качестве места обитания лишь гору Меру и воздушное пространство над нею. Оттуда они могли созерцать жизнь, развивающуюся по чуждым им законам, без права вмешательства в нее. Они были

лишены бессмертия, а после смерти получали возможность перерождения лишь в низших формах. Достигнуть нирваны боги могли лишь в том случае, если они родились людьми. И это лучше всего выявляет место в буддизме человека, поставленного над богами, обреченными на вымирание.

Будучи в принципе безразличен к культу, буддизм не препятствовал сохранению его в тех формах, которые усиливали воздействие идей и способствовали их популяризации. Сохранялось в разумных пределах почитание деревьев, хранящих в своих корнях святость погребенных под ними праведников, в особенности же дерева бодхи, под которым достиг просветления Будда, цветов, преимущественно лотоса, символа чистоты и чудесного рождения, ряда животных (газелей, быка, слона, льва и др.). Связь древнейшего их культа с Буддой находила отражение в мифах, согласно которым в прошлых своих жизнях он многократно был тем или иным животным, а также в легенде, рассказывающей, что среди первых слушателей Будды были и олени.

В то же время буддизм отрицательно относился к тому, что в брахманизме рассматривалось как высшая форма почитания богов — к подвижничеству, превращавшемуся в издевательство над природой человека, ибо освобождение толковалось буддистами не как механический, а как глубоко осознанный процесс. Буддизм утверждал, что жизнь — это страдание, причина которого — желания, поскольку исполнение любого желания неотвратимо порождает новые и новые, что человек должен стремиться к прекращению жизни, т. е. разрыву цепи бесконечных перерождений, и что путь к этому спасительному избавлению от жизни — в моральном самоусовершенствовании. Именно поэтому для буддизма характерно главенство этических предписаний как своего рода практических наставлений, принятие которых делает добровольный переход в новую веру не формальным, а продуманным и прочувствованным.

Главными были те заповеди, которые отражали представление о добродетели (метта). Высшей добродетелью считалась любовь ко всему живому: «Пусть каждое существо, слабое или сильное, большое или малое, видимое или невидимое, близкое или далекое, рожденное или нерожденное, — пусть каждое живое существо возрадуется». Исходя из этого постулата, верующий должен был принести обет: «Я буду воздерживаться от причинения вреда живым существам». Это первоначально не предусматривало полного вегетарианства, но впоследствии первый обет стал толковаться именно в таком смысле. Другой обет исходил из представления о священном характере частной собственности, изначально чуждого родоплеменным религиям: «Я даю обет не брать того, что мне не дают», — гласит еще одно предписание. «Я буду воздерживаться от дурного поведения, внушенного влиянием страстей». В культовой сфере это стало означать безбрачие. Буддийские монахи и монахини не могли иметь семьи и обязаны были устранить в своем облике все, что могло придать им привлекательность (отсюда — обязательное бритье головы, запрещение пользоваться благовониями, мазями, украшениями). Предусматривалось также воздержание от лжи, клеветы, любого рода

доносительства, хвастовства.

В дальнейшем в правила поведения приверженцев новой религии было введено воздержание от алкогольных напитков, от танцев, музыки, театральных представлений, от пользования широкой и высокой постелью, от приобретения золота и серебра. Запрет на танцы и музыку не распространялся на культовые действия; имелось в виду светское искусство, возбуждающее дурные инстинкты, служащее злу. Заповеди предусматривали благотворительность, милосердие, не просто соответствующий образ мыслей, но и активность в осуществлении добра — помощь бедным, заботу о больных, неприятие воинственности и, в соответствии с этим, всего, что входило в понятие доблести у арьев. В философском плане буддизм близок к упаниадам и выработанному ими толкованию абсолютного, знания и незнания, дхармы, но в нем почти ничего не оставалось от вед с их чувственными порывами к богам, воплощавшим явления природы. Чувство вытесняется нравоучениями. Любимые народом предания о Пандавах и Кауравах, о Раме и Сите, о любовных приключениях Кришны заменяются мифами о духовных подвигах Будды и Бодхисатвы.

Буддийская мифология

Понимание человека как вершины цепи бесконечных перерождений (сансары) изменило характер буддийской мифологии. Центром ее становится Бодхисатва — существо (человек, зверь, растение), становящееся в последнем рождении Буддой, чтобы спасти от страданий все живое. Все другие существа — боги, асуры, герои — участники грандиозного психологического действия, лишённые, однако, возможности вырваться из порочной цепи бытия (для этого они должны были бы стать обычными людьми). В буддийский пантеон включены многие боги брахманизма, действующие под своими или новыми именами. В народном буддизме — они реальные существа, а в философском — создания человеческой психологии.

Буддийская мифология сохраняет и космогоническую систему брахманистской мифологии, переосмысливая ее под углом зрения собственной концепции. Все элементы мироздания умножаются до бесконечности. Бесчисленное количество миров группируется в огромные мировые системы, которых, по образному выражению буддийских текстов, больше, чем песчинок в Ганге. Мир в отдельности представляет собой плоский диск. Воздух же является частью пространства. Как прежде, в центре мира высится окруженная семью горными хребтами гора Меру, вокруг нее вращаются Солнце, Луна и звезды. Остающиеся части диска занимали четыре континента, к каждому из которых примыкал архипелаг из 500 островов, омываемых мировым океаном.

Континенты были населены людьми, отличавшимися временем жизни и способностями. На востоке располагался континент Пурвивидеха, на западе — Апарагодана, на севере — Уттаракуру, на юге — Джамбудвипа. Последний, по описанию, наиболее близкий к Индии, был населен людьми, обладавшими благочестием, мудростью и мужеством. Там время от времени появлялись будды и идеальные справедливые цари (чакраватины — «поворачивающие колесо»). Каждый из них обладал семью сокровищами: летающим по воздуху диском, могущим перенести в любой из миров целое войско, слонем и конем, наделенными человеческим разумом, драгоценным камнем, бросающим свет на далекое расстояние, красавицей царевной, мудрым советником и талантливым полководцем, чаще всего из числа ста его сыновей. На материке Уттаракуру у людей не было собственности, зерно на полях вырастало само собой, без труда.

Боги, возглавляемые Индрой, находились на горе Меру и в небе над нею. Они считались смертными, подчиненными дхарме, но были наделены долголетием, используемым для наслаждения благами духовного созерцания. Брахма считался обитателем иной высшей сферы, разделенной на четыре части. Он мог оказывать некоторое влияние на ход событий, но мир развивался по своему, не зависящему от него закону. Сохранялись представления об асурах (им были отданы пещеры горы Меру), о претах — душах умерших, соединяющихся при выполнении их родственниками определенных ритуалов с питаемыми. Местом обитания претов мыслились земные глубины. Еще ниже находились различные круги ада.

Таковы некоторые черты мифологии, общие для всего буддизма. Однако каждое из трех его основных течений, восходящих к учению Будды, обладало собственным духовным складом и своей более или менее обширной мифологией. Наиболее разнообразна мифология махаяны, основателем которой считался буддийский богослов Нагарджуна (I в.), выходец из брахманской среды. Махаяна, исходящая из утверждения о недоступности буддизма простонародью, нуждающемуся в боге, была уступкой брахманизму. Таким богом стал сам вероучитель. Однако при этом возникло предостережение, что он лишь один из многих Будд, в число которых оказались включенными брахманские боги и буддийские святые (архаты). Предметом почитания стали и бодхисатвы — предшественники Будды, отказавшиеся от перехода в нирвану ради спасения других существ. Уступкой брахманизму было также учение о «рае», размещенном в блаженной стране Субхавате, доступной лишь праведникам, и «аде» — для тех, кто нарушает установления Будды. В то же время буддисты махаяны начали проповедовать доступность нирваны не только монахам, но и мирянам.

Эти уступки, мало что оставившие от первоначального буддизма, все же оказались недостаточными для вытеснения народных религий Индостана. Буддизм обнаружил меньшую стойкость и сопротивляемость, чем христианство, столкнувшееся со сходными сложностями, но сумевшее их преодолеть. Индуизм, вросший в почву Индии всеми своими корнями на протяжении многих веков, в конце концов вытесняет буддизм, который подхватывают обитатели Ланки, Бирмы, Сиамы, островов Индонезии и, наконец, Китая. Главной же страной, воспринявшей буддизм в форме махаяны, стал Тибет, постепенно покрывшийся сетью буддийских монастырей. Здесь была создана строгая иерархия, а вероучитель окончательно превращается в верховное существо без начала и конца — в Адибудду.

Буддийская литература

Оригинальное в своей этической основе учение породило великую литературу. Она начала складываться в монастырях Индии на разных ее языках, а после продвижения в долину Ганга мусульман, разгрома ими монастырей и бегства уцелевших монахов — в монастырях Тибета, Бирмы и Шри-Ланки. Кодификация буддийских текстов произошла на этом острове, считавшемся ранее обиталищем ракшасов и местом великой победы над ними Рамы.

Ученый Буддхагоша, живший на Шри-Ланке в V в., перевел буддийский канон с сингальского пракрита на язык пали и, очевидно, его переработал. Канон этот состоял из трех частей, получивших название «корзин» (питак), поскольку рукописи, писавшиеся на специально обработанных пальмовых листьях, складывались в корзины и там хранились. В одной из корзин, наряду с приписанными Будде изречениями, проповедями и поучениями, рассуждениями философского и религиозного характера, собраны гимны монахов и монахинь, произведения высокой поэзии, а также «Джатаки» — сборник первых сказаний (ок. III в. до н. э.) о перевоплощениях Будды. Включенные в него стихотворные отрывки светского характера приписываются самому Буддхагоше. Со времени первой джатаки этот жанр древнеиндийской литературы (проза, перемежающаяся стихами) получил широкое распространение. Их сюжетная основа — басни и сказки о животных, притчи, исторические предания.

Быт Индии нашел также отражение в небольших лирических поэмах, написанных монахами и монахинями, гатхах — «Тхера-гатхе» и «Тхери-гатхе», величайших произведениях мировой лирики. Но главное в них — тончайшая передача переживаний людей, ушедших от мирской суеты, открывших для себя красоту природы, чистоту дружбы, радость духовного просветления. Поистине сокровищницей мудрости стала «Дхаммапада», в которой абстрактные этические идеи буддизма переданы в форме афоризмов, подобранных таким образом, что они вписываются в одну смысловую линию, дополняя друг друга.

На санскрите были написаны некоторые сутры — своды лаконичных афористичных высказываний, дошедшие до нас в китайских и тибетских переводах. Для мифологии наиболее важны «Лалитавестара» (описание жизни Будды, неизмеримо более красочное, чем в палийских вариантах), «Лотос благого закона» — собрание диалогов теологического содержания, «Описание Счастливой земли» (о буддийском «рае», где праведники растут в лотосах перед престолом Будды), «Вступление на Ланку». Многие мифологические элементы содержатся в комментариях к каноническим буддийским текстам, в жизнеописаниях учеников Будды, превратившихся в мифологические персонажи. Ценнейший источник для изучения буддийской мифологии — памятники буддийского искусства, дополняющие и развивающие литературное повествование изобразительными средствами. Из них наиболее знамениты фрески пещер Аджанты.

От Бодхисатвы к Будде

Из памятников бумийской литературы в историческом контексте наиболее интересны уже упомянутые нами джатаки — своего рода синтез буддийской религиозной идеи с богатейшим фольклором, включенным буддизмом в свою орбиту. Внедряясь в сокровищницу народного творчества, буддизм сохранил его в преображенном виде, в литературной форме рассказов из жизни различных сословий индийского общества, животных и даже растений, ибо идея аватары — воплощения («нисхождения») бога Вишну в облике героев — Кришны, Рамы, а также вепря, карлика ит. д., совершивших подвиги на земле, — не препятствовала тому, что в одной из своих прошлых жизней Будда был не только брахманом, кшатрием, вайшьей, но и слоном, зайцем, рыбой и даже деревом. При этом каждая из жизней того, кто готовился стать Буддой, рассматривалась как ступень к просветлению, после которого, достигнув нирваны, к этой жизни он уже не возвращался.

Буддизм, зародившийся как нравственная и философская реакция на социальное неравенство, встретил поддержку среди экономически окрепшего купечества, и героями джатак вследствие этого часто выступают сеттхи — купцы, казначеи, дельцы, перекупщики; одобряются и предпринимательский дух и богатство, хотя и не как самоцель, а лишь как условие благополучной жизни и возможности для проявления милосердия. Полубожество Бодхисатва сам часто возрождается в облике сеттхи или оказывает им помощь — например, в качестве кормчего.

Джатаки — это своего рода свод моральных заповедей: любви ко всему живому, честности, кротости, терпимости, показывающий, к чему приводят противоположные свойства — предательство, невоздержанность плоти, жестокость, скарედность, носителями которой были вселявшиеся в человека духи скареды. Испытывая на себе зло окружающей жизни, Бодхисатва с каждой новой жизнью становился все мудрее, благороднее, ближе к просветлению, порой не удерживаясь от того, чтобы покарать зло. Слушатели или читатели джатак на примерах жизней Бодхисатвы проходили школу буддийского воспитания, постигая, что их будущее зависит от каждого их помысла, каждого шага. При этом джатаки не звали к монашеской жизни, рассчитывая на то, что каждый останется в своем звании и даже будучи торговцем, стремящимся к обогащению, не будет этого делать несправедливым путем и использует богатство для помощи страждущим.

До нас дошли 547 наиболее ранних джатак буддийского канона на языке пали. Каждая из них включает стихи, приписываемые самому Будде, и обрамляющую их прозу в виде художественного комментария. Впоследствии этот сборник неоднократно переводился и пересказывался на многих языках, став основой литературы джатак.

Из ранних пересказов наиболее интересен санскритский (не позднее VI в.) — «Гирлянда джатак», автором которого назван Арья Шура. Это сборник из 34 рассказов о предшественниках Будды. Некоторые из таких переложений составлены из двух или нескольких палийских джатак, большая часть им соответствует, но имеются джатаки, отсутствующие в палийском сборнике.

Санскритские джатаки, отражая ту же идеологию буддизма, отличаются необыкновенной изысканностью поэтических образов, обилием красочных описаний и более развитой моралистической тенденцией. Единые по стилю, они несут отпечаток творческого дарования человека высокой культуры. Бодхисатва в санскритских джатаках — спаситель человечества, отличающийся от своего палийского предшественника еще большим благородством и величием духа.

От ведизма к индуизму

С победой над буддизмом как реформаторским течением, с его вытеснением из субконтинента ведизм (мы включаем в это понятие и брахманизм как его позднюю стадию) приобретает на гончарном круге истории форму новой религиозной системы — индуизма. Это был чрезвычайно сложный и во многих аспектах скрытый для нашего понимания процесс, ранний этап которого отражен в эпосе, а поздний — в пуранах. Политеистическая религия вед сменяется тем, что может быть, по сути, обозначено как монотеизм — возможно, здесь определенную роль сыграло противодействие буддизму. Как бы то ни было, главными персонажами новой стадии мифологического развития становятся Брахма, Вишну и Шива.

В ведах Брахма входил в молитвенную формулу «брахман», не имея зримого образа и действенной роли в мифах. Властные функции принадлежали появившемуся в период «Брахман» богу-творцу Праджапати. Он и передал Брахме в числе множества титулов самые главные: Творец (Тваштри), Установитель (Дхатри), Распределитель (Локагуру), а в конце концов и свое основное имя — Праджапати, Владыка сущего. Брахма, обретший облик лотосоглазого бородатого старца с четырьмя туловищами, столькими же лицами и восемью руками — на все четыре стороны света, — стал главным действующим лицом космогонических и космологических мифов, к участию в которых по его милости на вторые роли были допущены ведийские боги и мудрецы — Рудра, как порождение гнева Брахмы, и Нарада, как сын, рожденный из его бедра (подобно тому, как из бедра Зевса родился Дионис). Великие риши вед Ангирас, Дакша и другие были объявлены порождением духа Брахмы, родоначальниками богов и людей. Ему отдается верхнее, седьмое небо, становящееся «миром Брахмы» (брахмалокой) и мировое яйцо (брахманда), плавающее в первозданных водах, в котором он — «золотой зародыш» — пребывал в начале своего бытия.

Усилению могущества Брахмы способствуют местные боги, подчас дублирующие ведийских. Брахме мало образа Рудры, обитателя Гималаев, и он обретает Кали в качестве одной из супруг. Ее чернота толкуется как проявление гнева Брахмы, однако во всем другом она раکشаска, злая демоница тропических лесов, с отрубленными головами в четырех руках, с ожерельем из черепов, с высывающимся из пасти языком, красным от крови жертв.

Второй член великой триады — Вишну — был известен ведам как бог неопределенного облика, «широко ступающий» (совершающий «три шага»). Будучи младшим партнером Индры, Упендрой («Младшим Индрой»), Вишну становится Атиндрой («более могущественным, чем Индра»), главным героем мифологического мира. Само его имя трактуется как «всеобъемлющий», «всепроникающий». Ведийский мудрец Маркандея, спасенный Вишну, проникает в его чрево и видит там все три мира. В конце каждого мирового цикла (юги) Вишну, как губка, вбирает в себя всю Вселенную и дремлет, лежа на мировом змее Шешу, замышляя новое творение.

У создателей вед был могучий интеллект, выразивший себя в осмыслении мира как системы, и богатое воображение. Но им была чужда сфера эмоций, в которой проявили себя аборигены уже в эпоху хараппской цивилизации. В процессе перерождения ведизма в индуизм эти эмоции влились в религию потомков пришельцев мощным потоком. Воплощением беспредельной сексуальности стал восприимчивый ведийского Рудры Шива.

К тому времени уже не оставалось незанятых богами гор. Меру была резиденцией древних ведийских богов; горным хребтом Кайласа, отделявшим Индию от Тибета, владел бог местного происхождения Кубера, объявленный «владыкой Севера». Кубере пришлось потесниться, дав место буйному соседу и его супруге Деви. Здесь Шива вместе с нею совершал на телах поверженных противников сексуальную пляску и вовлекал во грех тысячи умерщвлявших свою плоть отшельников-аскетов. Шива изображался в виде фаллоса (лингама), пронизывающего женские гениталии. Он одолел «саморожденного» ведийского бога любовной страсти Каму, испепелив его своим третьим, открывавшимся во время любовной игры глазом. Будучи в триаде третьим, он добился первенства, заставив Брахму и Вишну добираться до нижнего и верхнего конца лингама, облик которого он принял, и после их неудачи был признан верховным богом и творцом мира. Сексуальность сочеталась в Шиве с невероятной кровожадностью. Он участник кровопролитных сражений (в собственном облике или вселившийся в могущественных воителей), чья цель — освобождение земли от отягощающей ее людской массы. Как бог смерти, Шива, подобно Кали, супруге Вишну, носит на шее вместо ожерелья гирлянду человеческих черепов. Во многом близкий к Вишну (что, кстати, характеризует и мирские взаимосвязи между шиваитами и вишнаитами), Шива враждебен Брахме, и потому последний оберегает себя от могущественного соперника, время от времени погружая его в состояние медитации.

Тогда же в образе кровожадной богини в мифологию арьев входит богиня-мать аборигенов, олицетворяющая жен Шивы и Вишну под родовым именем Деви (Богиня) и различными личными именами (Ума, Дурга и др.). Последовательность браков Шивы отражает изменения в представлениях о нем по мере распространения его культа.

С Вишну связана совершенно новая для индийской мифологии фигура Кришны, мыслившаяся как восьмая его аватара. В «Махабхарате» он предстает как могущественный царь и бог, согласившийся участвовать в битве, решающей судьбу героической Индии; он становится колесничим, взявшим на себя роль вдохновителя одного из главных героев поэмы, обнаружившего нерешительность в исполнении воинского долга. В других текстах, возможно, более поздних, Кришна — бог, воспитанный пастухами и пастушками, в среде, далекой героическому миру, но уже в младенчестве проявивший необыкновенные способности воителя и любовника. Можно было бы считать бога-царя и бога-младенца разными персонажами, слившимися, как это нередко бывает, в один мифологический образ, если бы во время своей проповеди на поле боя Кришна-царь не высказал совершенно чуждую брахманизму истину: самый короткий путь человека к богу проходит не через подвиги, физические или духовные, а через любовь. Ведь эта идея пронизывает и образ младенца-бога, хотя там любовь включает в себя не только духовную близость, но и необъятное сексуальное влечение. Чуждость Кришны ценностям героического века проявляется и в том, что он выступает не только как борец с демонами (и в этом Кришна един с героями эпоса), но и как победитель самого Индры, которого он заставляет прекратить потоп.

Другие ведийские боги сохранили свои имена, но изменили роли. Варуна, лишенный положения владыки мира, остается лишь властелином вод. Яма из первого умершего превращается в бога смерти и властителя предков. Появляется новая грозная десятирукая богиня-мать Дурга, олицетворение созидательной и разрушительной силы природы. Ее колесницу влекут львы, или она сама сидит то на льве, то на слоне.

Уже в ведах по присущему индийскому мифологическому мышлению свойству ассоциировать явления, весьма отдаленно напоминавшие друг друга, бог эликсира жизни Сомы был отождествлен с луной (иранский Хаома, тот же алкогольный напиток, этого изменения не претерпел). В индуизме Сомы полностью утвердился в ипостаси небесного тела, получил несколько десятков небесных имен, стал «супругом» «красной» Рохини и одновременно приобрел антропоморфные черты. В пуране он сын Атри, одного из древнейших мудрецов, обладавших властью над солнцем. Антропоморфные черты усиливаются и в других богах, демонах и сакральных атрибутах. Матали, упомянутый в «Атхарваведе» как добытое Индрою в водах волшебное средство, превращается в лучшего в мире колесничего Матали, ближайшего друга Индры.

Ведийские боги не отождествлялись с животными. В постведийскую эпоху — это обычное явление. Богу Агни сначала придается баран или козел, используемый им как средство для передвижения, а потом он и сам превращается в барана, и это не препятствует ему восседать в человеческом облике на колеснице, запряженной семью красными конями, обладать семью лицами и семью красными языками.

Происходят изменения и в представлениях о священных животных. Сохраняет святость корова, но рядом с ней становится боевой конь, в котором видят «самое возвышенное, благородное, крепкое, могущественное, прославленное и быстрое из четвероногих», столь же близкое кшатриям, как корова была близка брахманам. Соответственным образом жертвоприношение коня (Ашваметха) рассматривалось как царь жертвоприношений и главная церемония царской коронации. И в этом акте особую роль играет Варуна, оттесненный на обочину пантеона. Он к этому времени превратился в поильца и кормильца коней, которые так любят остающиеся под его властью воды. Впрочем, в этом нет особой индийской специфики: конь является символом воды и в других индоевропейских религиях.

Одновременно боги мыслятся уже не отцами, а господами, владыками. Термин господства выражен в латинском *dominus*, в литовском *visipat*, в русском «господь», английском *lord*, восходит к понятию «владыка дома, племени, народа». Расширяясь, оно переносится на территорию, пространство, на землю, на живой мир, на всю природу. Общеиндоевропейское *poti* (греч. *posis*, лит. *pats*, рус. слог «под» в слове «господь») является составной частью в имени владыки пресных вод Посейдона. Но *poti* имел и значение «путь», превратившееся в Путана в господина дорог. В Греции те же функции выполнял Гермес, не только владыка дорог, служивших для передвижения, но и пути к знанию, сокрытому для людей, в том числе и пути в мир смерти.

Эпос

Тематически примыкают к ведической литературе эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», отделенные от нее значительным промежутком времени. Они являются памятником индуизма, победившего буддизм, и поэтому о них приходится говорить после буддийской литературы.

«Махабхарата» (санскр. «Сказания о битве Бхаратов»), первая из эпических поэм Индии, видимо, сначала состояла всего лишь из 8800 строк (джайя), затем расширилась до 24 000 строк (Бхарата), а впоследствии разрослась в огромное произведение из 170 000 строк (85 000 двустиший), включив многочисленные дополнения к первоначальным сюжетам и новые произведения, с этими сюжетами не связанные.

В своем ядре «Махабхарата» содержит повествование о соперничестве в борьбе за господство в царстве Хастинапуры двух родов потомков Бхараты — Пандавов и Кауравов. Симпатии авторов, от имени которых ведется повествование, в начальных частях поэмы всецело на стороне Пандавов, законных наследников племени бхаратов, упоминаемого в «Ригведе». Однако в центральных книгах они не уступают по коварству своим соперникам Кауравам. По мнению, высказанному в конце XIX в. американским исследователем Э. Хоркинсом, в «Махабхарате» столкнулись два культурных и социальных комплекса — кшатрийский и брахманский. Позднее развитие сюжета было связано с ритуалом межродового и межплеменного обмена в дуальной племенной организации.

Великая битва между Пандавами и Кауравами, относимая к концу калиюги («железного века»), — это крушение мира, подобное германским эсхатологическим мифам о сумерках богов, и конец героического века, наступивший в результате бесчестной игры.

Разнородность слагаемых, кричащая пестрота сюжетов не превратила поэму в искусственное собрание «малых песен», ибо в них присутствует некая дидактическая идея. Носители ее, Пандавы, не только благородны, самоотверженны, отважны; они не просто сражаются за власть и богатство, а служат добру и этим выполняют свое человеческое предназначение. Но и их противники Кауравы, несмотря на все коварство и неразборчивость в средствах, следуют непреложному моральному закону: служение долгу и верность друг другу. Именно поэтому на их стороне сражаются такие «невольники чести», как Карна и Бхишма, вызывающие восхищение и симпатию даже у непримиримых противников. Борьба Пандавов и Кауравов — это своего рода состязание человеческих качеств, итог которого до самого трагического конца ясен одним богам. Боги даруют бессмертие только одному, самому человеческому из героев, Юдхиштхире, в служении которого добродетели нет ничего личного, показного. Его слова: «Среди болтающих о добродетели худший тот, кто ею торгует» — раскрывают суть духовного превосходства старшего из Пандавов.

«Махабхарата» — это целый мир, напоминающий солнечную систему. Вокруг основного сюжетного ядра — войны Пандавов и Кауравов — вращаются небольшие поэмы-спутники, которые, хотя и населены собственными персонажами, пронизаны светом центральной дидактической идеи. Среди них известная русскому читателю по стихотворному переводу В. А. Жуковского трогательная история любви Наля (Налы) и Дамаянти; религиозно-философский трактат «Бхавадгита», который не устают толковать все современные философские школы и религиозные конфессии, выявляя каждая по-своему его смысл; этико-политический трактат «Шантипарва», авторство которого приписывается герою поэмы Бхиме. Мифы о древних ведийских богах и рассказы об отшельниках и царях как бы венчают художественное и философское «обрамление» повествования о Пандавах и Кауравах.

Как и в «Илиаде», наряду со смертными в «Махабхарате» действуют боги, с интересом наблюдающие за течением событий и в критические моменты его направляющие. Но в отличие от олимпийских богов, не имеющих после победы над гигантами, титанами и Тифоном соперников, обитатели Меру находятся в постоянном напряжении и страхе перед могущественными противниками и нередко оказываются их рабами. И эта борьба сказывается на людских судьбах — боги обычно спускаются на землю не для встреч с возлюбленными, а для укрепления своих позиций в борьбе с асурами или ракшами. И в этом отражается ситуация, в которой находились почитатели ведийских богов, пришельцы арии, заброшенные в огромный, чуждый им мир.

Миф о соперничестве богов и асуров, пронизывающий веды, унаследован и «Махабхаратой», занимая в ней центральное место. Его главный герой — Индра. Наряду с ним действуют и другие ведические боги — Агни, Ашвины, Вайю, Яма (уже бог, а не первый смертный). Но в ряде сказаний появляются неведомые ведам божества — Сканда, Лакшми, Дурга. Кришна — еще не бог, а воин, друг и наставник Пандавов. Важную роль играет триада Брахма, Вишну и

Шива.

Влияние упанишад сказалось в размышлениях героев эпоса о смысле жизни, о будущем человеческой души. Уже знакомы учения о карме и метампсихозе. И в то же время эти герои продолжают жить в мире, который в эпоху создания поэмы стал анахронизмом. У братьев Пандавов одна жена Драупади, в ходу умыкание жен, выбор жениха невестой и другие архаические брачные обычаи. Это преднамеренная архаизация, знакомая нам и по «Илиаде», но более развернутая и интенсивная, отражающая тенденцию идеализации старины в эпоху крушения аристократического общества и его идеалов под давлением экономических и социальных перемен.

Все это затрудняет использование «Махабхараты» как источника социальной истории, однако это ценнейший памятник для понимания постоянно меняющейся этнической картины субконтинента. Наряду с ведийскими племенами бхаратов, панчалов, куру, «Махабхарате» известны тохарцы, саки, китайцы, греки и римляне. Герою Сахидеве приписывается даже завоевание Антакхи и Ромы, т. е. Антиохии и Рима. Здесь можно вспомнить, что и в римском эпосе Вергилия Август назван покорителем индийцев. Эпос отразил реальные этнические контакты и конфликты, но передал их в обобщенном виде, свел стычки, длившиеся столетиями, в одну грандиозную битву таким же образом, как «Илиада» представила столкновения между ахейцами (Аххиявой) и троянцами в виде грандиозной Троянской войны.

Определение времени создания эпоса возможно преимущественно путем извлечения из него сведений о контактах с иноземными народами. И это позволяет видеть окончательную редакцию «Махабхараты» современницей пуран, памятником IV-V вв. н. э., т. е. времени торжества индуизма. О Будде и буддизме «Махабхарата» молчит, поскольку для ее создателей — это прошлое, не представляющее интереса; так же и для «Рамаяны» Будда — не соперник, а вор. Таким образом, «Махабхарата» была создана в эпоху величайшего развития индийской литературы. Однако ее трудно назвать искусственным литературным эпосом, ибо она включила огромный материал древних сказаний, не сумев их как следует «переварить». И в этом ее особая историческая ценность.

Оставаясь, как и «Махабхарата», развернутым повествованием о героическом прошлом, широко используя мифологические мотивы, «Рамаяна» в большей мере, чем ее сестра по эпосу, обращена к личным переживаниям, чувствам. Это история любви и разлуки персонажей героического мира — Рамы, потомка богов, и Ситы, дочери богини земли, но чувства их и переживания — чисто человеческие. Сита вспоминает о своем высоком происхождении лишь тогда, когда Рама отторгает ее от себя, напоминая любимому, что она по своему рангу выше обычных женщин. Раскрытие глубины переживаний героев потребовало приемов, чуждых эпическому стереотипу, и прежде всего — психологического обоснования поступков, в котором важна каждая деталь.

Принадлежность «Рамаяны» к более поздней, чем «Махабхарата», стадии литературного творчества явствует также из присутствия в ней значительных элементов выросшей из эпоса волшебной сказки. Участниками действия являются не только люди и боги, но и обезьяны, при этом одна из них, Хануман, наделенная магической способностью увеличивать свой размер, входит в число главных героев повествования. В поэме достаточно широко используются чуждые эпосу сказочные мотивы, создающие особый колорит. Человеческими чувствами наделены деревья, горы, реки и озера. Ландшафт служит не только материалом для излюбленных эпических сравнений — он сопереживает героям, радуется или страдает вместе с ними.

Пураны

Затухавшая в буддийскую эпоху традиция вед и эпоса была возрождена при Гуптах (IV–VI вв. н. э.), создавших на севере субконтинента мощную державу. Это время называют по праву «золотым веком — веком древнеиндийской культуры». Памятником победы над буддизмом в это время стали пураны. Термин этот впервые появился в «Атхарваведе» и упанишадах как некий синоним слова «веды». В «Чхандогья-упанишаде» пурана названа пятой ведой. Об отличии этой «пятой веды» от прежних можно судить по замечанию в «Деви-Бхагавата-пуране»: «Женщины и шудры и не отмеченные достоинствами дваждырожденные не имеют права слушать веды, и только лишь для блага их были написаны пураны».

Итак, пураны рассчитаны не на теологов, не на образованных людей, а на широкие слои индийского населения, но они оперировали тем же материалом, теми же мифологическими данными, которые излагались в ведах и эпосе. Разумеется, миф по-прежнему связан с культом, и Индия не доходит до отторжения мифа от культа, как это имело место в Греции. Но культ отступает на задний план. Вместо неформального обряда, в котором прежде видели главный путь приближения к божеству, на первое место выходят приверженность к божеству и поведение, которое могло считаться ему угодным.

Пураны — это 18 (священное число в вишнуитской символике) больших и столько же малых сборников, названных по именам богов или мудрецов. Наиболее информативными и ценными в научном плане среди первых считаются пураны «Маркандея», «Вайю», «Вишну», «Бхагавита» и «Матсья». Применительно к культу божества, с которым были связаны пураны, они считаются вишнуитскими, шиваитскими и брахманистскими, но в целом они отражают идеологию и практику индуизма как сложившейся религиозной системы, допускающей сосуществование различных религиозных течений и соперничество между ними.

Главные темы литературы пуранов — происхождение и становление мира, повествование о новом его возникновении из составных элементов распавшегося старого, родословные богов, мудрецов, царей, история легендарных солнечной и лунной династий, а также предсказания о царях будущего.

По форме пураны близки к «Махабхарате» и «Рамаяне» и по большей части написаны стихами (шлоками), но уступают им по части художественных достоинств, как всякая популяризация блекнет перед оригиналом. Составители пуран не вдаются в сложные теологические проблемы и удаляют из своих текстов все или почти все, могущее быть истолкованным в нескольких смыслах.

В то же время, несмотря на установку на популярность, пураны далеки от упрощения. В них сохраняется множественность мифологических версий. Они отличаются друг от друга не столько различным подходом к тем или иным мифологическим сюжетам, сколько темпераментом и талантом их авторов.

Наряду с историей богов и мудрецов в поле зрения создателей пуран знание в широком смысле этого слова (география, астрономия, философия, медицина, поэтика, музыка, живопись, архитектура), неотделимое от индуистской мифологии и теологии. Пураны не конфессиональные тексты. Они широко открыты для жизни и современности, преобразуясь в соответствии с современными научными течениями и достижениями. Эта их особенность нашла отражение в изложенной легенде о ветшающей пуране, в которую добавляет новую страницу сам Вишну, принимающий образ автора-мудреца.

Эта открытость пуран при всех ее достоинствах создает определенные трудности для их датировки. Подобно тому как поступил Вишну, могли модернизировать тексты и поздние авторы. И мы действительно обнаруживаем в памятниках времени Гуптов интерполяции не только XII–XIII, но и XV–XVI вв. Этические идеи пуран оказали влияние на многих писателей и философов индийского средневековья, черпавших из этой сокровищницы, равно как и на европейских авторов эпохи романтизма.

Драматургия

Хронологически, тематически и идейно к эпосу и пуранам примыкает индийская классическая драматургия, подобно своей греческой предшественнице, черпающая сюжеты из мифологии. Чувствуется, что некоторые части «Махабхараты» были рассчитаны не только на чтение, но и на инсценировку. Такова, например, «Виратапарва», где герои примеряют к себе маски и, действуя в соответствии с ними, создают театральный эффект. Можно себе представить, что подобные сценки разыгрывались в глубокой древности умельцами типа скоморохов.

И на самом деле известно, что задолго до классической драмы существовала лирическая народная драма — джатра, являвшаяся частью праздника бога общественных низов Кришны. События из его жизни среди пастухов и пастушек и в царском дворце воспроизводились странствующими актерами-любителями, использовавшими все доступные им сценические средства — речь, мимику, пение и пляску.

За этим начальным малоизвестным этапом народного театра следует его превращение в дворцовый театр, в зрелище для общественной элиты, доступное нашему пониманию благодаря множеству дошедших до нас пьес и специальных трактатов о театральном искусстве, определяющих его задачи и обобщившие его опыт. В отличие от древнегреческого театра, действовавшего под открытым небом и привлекавшего все свободное население полиса, индийский профессиональный театр использовал закрытые помещения или дворы храмов. Его актеры обучались многие годы, осваивая тщательно разработанный язык жестов и искусство выразительной речи.

В пьесах, использующих как санскрит, сохранявшийся как язык религии, науки и придворного искусства, так и разные языки — пракриты, на которых на сцене изъяснялись простолюдины и женщины, прозаический текст перемежался стихами. Не существовало представлений об единстве времени, места и действия. Действие свободно переносилось с городской площади или из дворца в лес и на небеса. Не было никаких ограничений в числе действующих лиц и в их составе. Драматурги выводили на сцену как богов, мудрецов, царей, так и воинов, купцов, монахов, гетер, рабов, профессиональных воров. Пьесам предлагалось иметь счастливый конец. При этом не следовало изображать на сцене убийств, мятежей, дворцовых переворотов.

Элитарность индийского театра сохранилась для нас как источник мифологии. Пользуясь ведами, «Брахманами», эпосом и пуранами, великий индийский драматург Калидаса не просто их пересказывал, но и предлагал зрителям новое, собственное истолкование древнего мира с позиций своего времени, подчас прямо откликаясь на современные события. И это потребовало от него не просто внесения изменений в сюжет, но и психологического обоснования классических образов древних мифологических персонажей.

Так, в своей прославленной пьесе «Шакунтала», сюжет которой заимствован из «Махабхараты», традиционный сюжет обмана ищущим приключений соблазнителем юной девушки, дочери Природы, превращается в трагедию любящей пары, ставшей жертвой судьбы. Царь, оставивший Шакунталу и забывший о своем юношеском счастье под влиянием проклятия разгневанного отшельника, которого она неумышленно оскорбила невниманием, оказывается в плену лицемерной морали. Но благодаря находке подаренного им героине перстня он находит Шакунталу и признает своего сына Бхарату, предка эпических героев, Пандавов и Кауравов.

Другая драма Калидасы, «Мужеством обретенная Урваши», основана на сказании о любви царя Пурураваса к апсаре Урваши и также воспекает мужественную и чистую любовь, преодолевающую все внешние преграды. В отличие от источников, которыми пользовался драматург, где любовь представлена как непреодолимое влечение одного пола к другому, изображается красота и сила любовных переживаний, облагораживающих человека. Поэт уничтожает дистанцию между богами и людьми, сводя небожителей на землю, наделяя их чисто человеческими чувствами и заставляя их вместе с людьми исполнять торжествующий гимн жизни.

Индийская классическая драма способствовала широкому ознакомлению с индийской культурой других народов. Ее произведения стали известны в переводах китайцам и тибетцам уже в Средние века. «Шакунтала» Калидасы появилась в английском переводе у Джонса впервые в Европе в 1789 г. Три года спустя она стала известна русскому читателю благодаря переводу с английского Н. М. Карамзина. Гёте тогда охарактеризовал эту пьесу как «женственную красоту, невинную покорность, непостоянство мужчины, материнскую самоуглубленность, естественное состояние жизни, поэтически внесенную в сферу чуда». Индийская драма, раскрывая заложенный в мифологии потенциал, придала завершенность

великому циклу, открытому ведами, и стала посредницей в его понимании в категориях европейской философии и культуры.

Примечания

1

Это самое раннее описание создания мира, даваемое в ведах, является в то же время наиболее отвлеченным. Не упоминается ни один бог или иной мифологический персонаж. Автор гимна отказывается от каких-либо твердых суждений. Таким образом, общераспространенное мнение, что абстракции чужды первобытному мышлению, опровергается этим текстом.

Асам («не-сущее») — вселенная, глубинная сфера мира, где нет света и тепла. *Сам* («суть», «сущее») — вселенная, состоящая из трех миров, включая обиталище богов.

Слова «бездонная и глубокая» могут быть отнесены и к мысли певца, достойного занять место среди семи мудрецов. Заданные вопросы остались без ответа, но высказано то самое сокровенное, что волнует каждого мыслящего человека, верующего и неверующего: как бытие могло возникнуть из небытия. Естественное сомнение в возможности этого перехода рождает категорию вождления, которой найдены великолепные параллели — «семя мыслей», «сила жара». Они так же, как, казалось бы, немотивированное появление «бездонной и глубокой воды», сами по себе выводят гимн из философской абстракции в мир высокой поэзии. Но ведь остаются еще не передаваемые при переводе средства — звуки: в гимне, согласно Т. Я. Елизаренковой, присутствует несколько переплетающихся друг с другом звуковых тем. Одна из них, наполняющая первую строку, определяется глаголом *as* (быть).

Вожделение, лежащее у истоков возникновения мира, тайны, сокрытой не только от людей, но и богов, имеет явную параллель в Эросе гесиодовской космогонической системы, где Эрос — одно из четырех космических первоначал, необоримая сила влечения, существующая в мировом пространстве как непреложный закон (Theog., 120 и сл.). Эта сила приводит в движение и бесформенный, неопределенный в своих размерах Хаос (персонификацию разверстого пространства, близкого по сути ведийскому Асат) и Землю. Хаос производит женское начало — Ночь и мужское начало — Мрак. Этот вполне конкретный образ Ночи и Мрака греческой мифологии в индийской религиозно-философской концепции, отдающей предпочтение тайному знанию и до конца не раскрывающей того, что требует толкования и осмысления с помощью мудреца-учителя, имеет параллель в том рывке (или порыве) вниз и насыщении (удовлетворении) наверху, которые текст гимна связывает с оплодотворением и возрастанием.

Невозможно однозначно ответить на вопрос, чем объясняется совпадение в двух мировоззрениях идеи взаимного влечения, лежащей в основе творения. Однако нельзя игнорировать тот факт, что схема Гесиода складывалась под влиянием восточного, точнее, малоазийского мира, того самого малоазийского мира, куда устремился западный поток движения индоарьев (вспомним общность ряда богов, в том числе таких значимых, как Митра и Варуна, в индийской и хеттской религиях).

Концепция изначальных вод, несущих в себе семя жизни на земле, разрабатывается ведическими певцами во множестве мифов. Возникновение земли в водах рассматривается как результат процесса уплотнения — из изначальных вод путем пахтанья возникает бессмертие для вершителя мира богов. Согласно одной из версий мифов, создателем земли был кабан, принесший на рыле грязь со дна вод. В изложенном мифе воды рассматриваются как среда, вырастившая золотое яйцо, которое предшествует появлению Праджапати — первого бога первоначального, еще не разделенного мира. В более поздних пересказах этого мифа он заменяется Брахмой.

Представление о мировом яйце, из которого возникла вселенная, присуще многим мифологиям. Вспомним египетский миф о происхождении мира из яйца, снесенного птицей «великий Гоготун». Значительна роль яйца в погребальных обрядах этрусков (на фресках покойный часто изображался с яйцом в руке), а также место яйца в праздниках плодородия у восточных славян.

Итак, вначале существовали лишь неразделимые воды. И чудесным образом выявило себя желание — Эрос. Появилось золотое яйцо с эмбрионом внутри, давшее жизнь Праджапати — демиургу, который, в свою очередь, дает существование богам и демонам, людям и животным, элементам, мирам, мощи и т. д. И все эти следующие друг за другом творения появляются благодаря творческому жару (*tapas*), усилию (ритуальному) и слову в виде гимнов вед.

Это литургические восклицания, мыслимые как олицетворения трех миров — Земли, Промежуточного пространства и Неба.

Сезонов четыре. Пятый — это время дождей между летом и осенью. Весна — март-апрель. Лето — май-июнь. Дожди — июль-август. Осень — сентябрь-октябрь. Зима — ноябрь-декабрь. Изморозь — январь-февраль.

Небо — div, боги — devaḥ образованы от одного и того же корня div, выражающего идею светового излучения, испускаемого небесным сводом.

Пророк — и здесь и всюду этим словом переводятся риши (название, данное мифическим существам, которые имели видением гимны «Ригведы»).

Эпитет Индры.

Ипостась Праджапати, тогда как Индра, Агни и Сома — независимые боги.

Жертвоприношение — акт, приносящий плоды. Жертвователю формулирует желание, которое должно реализовываться по мере осуществления ритуала.

Совершающий богослужение совершает его на благо Жертвователя, имя, данное тому, кто оплачивает церемонию.

Вариант сотворения мира из тела космического человека, из которого возникают элементы космической и одновременно общественной организации. Принесение человека (бога) в жертву нельзя считать спецификой индийской религии: оно присутствует и в греческой культовой практике и чаще всего связывается с культом Диониса, бога, приносящего в жертву людей и животных и принесенного в жертву.

Вираджу — женское начало. Происхождение мужчины от женщины, женщины от мужчины — пример космической взаимообратимости, выработанной индийской философией.

Впервые в индийской литературе появляется описание варн брахманов (жрецов), раджаныи, или кшатриев (воинов), вайшья (скотоводов, земледельцев, торговцев), шудр (низшего сословия, призванного своим трудом обслуживать три первые Варны). Это мифологическое объяснение происхождения варн многократно повторяется в брахманистской литературе с различными вариантами: варны произошли также из частей тела Брахмы, Вишны, реже Шивы. В «Законах Ману» люди происходят от сыновей Ману. В «Сказании о четырех веках», напротив, сообщается, что в старину люди были одинаково добродетельны и считались брахманами, но, постепенно утрачивая добродетели, попадали во все более низкие варны.

Пуп Пуруши — это пуп земли. Пуп играл особую роль и в других мифологиях, рассматриваясь как мировая ось или центральная мировая гора. Но ни одна из мифологий не знает возникновения из этого центра воздуха.

Эпиграфы без указания автора или переводчика принадлежат А. И. Немировскому.

Праджапати («господин потомства» встает из этого и других гимнов «Ригведы» не только как главная фигура жертвоприношения, жертвователь и жертва одновременно, но и как бог вечного кругооборота природы, текущего и постоянно возвращающегося к своим истокам, и времени, бог календаря и его празднеств, отмечаемых в начале каждого нового года и сезона. В этой ипостаси у него много общего с этрусским Киленом и римским Янусом. Подобно тому как у каждого из главных богов этрусского пантеона, занимающих участки ободка печени из Пьяченцы, был свой Килен, так и свой Праджапати был у ведийского Брихаспати и затем у его восприемника индуистского Брахмы. Как воплощения их функций богов природы и вечного ее кругооборота — смены дня ночью, месяца месяцем, года годом, жизни смертью. Именно поэтому он воспринимался как главный бог—так же как и у этрусов главным богом считался не Тиния, а Килен (Янус). Совершение жертвы на алтаре Праджапати или превращение в жертву его самого рассматривались как культовый акт, и в этом плане он близок к Агни в его ипостаси жертвенного огня, без которого боги не могут существовать.

Агни — в ведийской и индуистской мифологии бог огня во всем его многообразии — от домашнего очага до пламени солнца; считался посредником между людьми и богами («ближайший из богов»), поскольку переносил жертвы смертных из жертвенного костра к небожителям.

Вайю—ветер и бог ветра, обозначаемый как «быстрейший из богов», вихрь, отождествляемый с Агни.

Сурья — в ведийской мифологии бог солнца, входящий в ведийскую триаду Агни — Индра — Сурья, глаз богов; отождествляется с Савитаром. В эпосе с Сурьей связано множество сюжетов, в которых он противник богов, грозящий испепелить их лучами, но также и демонов, и родоначальник героев.

В этом варианте мифа о творении в акте сотворения жизненной силы, лежащей в основе растений, участвуют два бога — Солнце и Сом («Месяц»). Однако в мифе их роль неясна. Солнце — и отец, и одновременно женское начало, оплодотворяемое своим собственным жаром и превращенное в изначальный пар дождем.

Это указание на видимый глазу оборот солнца от юга к северу и от севера к югу, в ходе которого возникают времена года.

Далее в тексте «Махабхараты», где содержится изложение мифа, называется 108 имен, выражающих проявления солнечного бога-творца, — Сурья, Тваштар, Пушан, Савитар, Индра, Яма и др.

В ведийских текстах нет сюжета о создании Речи, но образ Речи как творения божества присутствует во многих гимнах. Для передачи непереводимой семантики Речи в индийских мифах мы использовали ведийский метод повторов (переклички слов или словесного эха) в русском языке.

Согласно индийской и кельтской мифологии, у богов и людей были свои языки.

Сарасвати, Сарью, Синдху— синонимическое обозначение реки на северо-западе субконтинента. К ней обращались певцы гимнов как к величайшему потоку, матери, кормилице, богине. Партнерами ее в мифах считался Пушан, бог плодородия, невозможного без орошения земными или небесными водами, Маруты, боги грозовых туч, Агни, Ашвины, а также женские божества Илу и Вач. С последней она была в постведийское время отождествлена. Посвященные Сарасвати гимны характеризуют культ рек, присущий многим древним народам.

Певец выступает на состязании, обращаясь к Вишвакармане, направителю внутреннего видения мира, с вопросами об акте творения, из которых бог предстает то как кузнец, то как плотник, с просьбой раскрыть ему свои творческие тайны и их повторить — принести себе в жертву небо и землю и отдать себя в жертву своему творению.

Вишвакарман — бог-двойник Праджапати.

Бивасвата — свет жизни, одно из солярных божеств.

Саранью — дочь Твапггара.

Яма и *Ями* соответствуют авестийским близнецам Йиме и Ймак, также ставшим первой супружеской парой.

Плачу Ями в египетском мифе соответствует плач Исиды по Осирису, в вавилонском — Иштар по Таммузу, в скандинавском — Нанны по Вайдру.

В мифах индоевропейских народов нет единого образа Смерти. У греков и скандинавов она мужского пола, у славян, как у индийцев, женского. У греков Танатос (смерть) связан с подземным миром, где он пребывает вместе со своим собратом Гипносом («Сном»). Брахма оставляет Смерть при себе, заставляя выполнять ее функцию освобождения Земли от излишнего бремени жизни. Идея греха и наказания за него в индийской концепции смерти не развита.

В индийской мифологии красный цвет ассоциировался со смертью.

Юг во многих мифологиях ассоциировался с царством смерти, поскольку жилища бессмертных богов помещались на севере.

В ведийской мифологии не было бога-похитителя огня, подобного греческому Прометею, но сам божественный огонь Агни по свойственной ему подвижности скрывается от богов и возвращается, лишь добившись повышения своего статуса и увеличения доли в жертвоприношениях. Видимо, гимн X, 51 воспроизводит заключительную часть мифа о бегстве Агни и его возвращении к своим обязанностям. Агни рисуется богом, вступившим в сообщество богов позднее, чем другие боги, которых возглавляет Митра-Варуна, всеобъемлющий бог, связанный с изначальным миром, охраняющий космический закон и карающий его нарушителей.

Агни избирает своим убежищем изначальные воды, поскольку это место его рождения («Атхарваведа», I, 33, 1).

Яма в этом гимне хотя и не назван богом — не «последний из умерших», а фактически один из богов.

Это место трудно для понимания. Некоторые толкователи полагают, что речь идет о блеске тел Агни на протяжении десяти дней пути.

Видимо, имеется в виду возлияние жертвенным маслом до и после жертвоприношения.

Брихаспати («Господин молитвы») — бог-покровитель жертвоприношений и молитв. Он мыслился семиустым и стокрылым, обладателем ясного голоса, владыкой дубины грома, отпрыском двух миров, неба и земли.

Химават («снежный») — персонификация Гималаев, обители ракшасов. Он считался супругом апсары Менаки.

Дакша (доед, «ловкий») — в ведийской и индуистской мифологии божество класса адитьев. «Ловкость» выразилась в том, что он был рожден от адити и он же ее родил. Отцом его считался Праджапати (Брахма), но родился он от большого пальца его правой ноги. От его дочерей родились даитьи, данавы.

Сати (доел, «сущая») — дочь Рудры и жена Шивы, не приглашенного на выбор мужей (сваямвару), как не был приглашен ее отец на жертвоприношение. Оскорбленная, она бросилась в священный огонь. Термин «сати» применялся к вдовам, сжигающим себя на погребальном костре супруга.

В поздних вариантах мифа, где Рудра заменен Шивой, антилопа выступает его противницей, посланной против него враждебными ему аскетами, и он навечно зажимает антилопу в своей руке, и она становится таким же его символом, как молния, лук и стрелы. Возможно, антилопа отражает первоначальный аспект Рудры-Шивы как божества гор, покровителя животных.

Женой Рудры, так же как подругой марутов, была Родаси. С нею связывают и его имя. По другой версии, они происходят от рудреветь.

Отождествление марутов и рудриев вызывает сомнение. Первоначально рудриев было восемь, затем одиннадцать и тридцать три.

Дьяус — индоевропейское божество неба. Ср. лит. Диевс, греч. Дий-Зевс, лат. Deus, персонификация сияющего неба.

Васиштха — один из семи божественных мудрецов, рожден из семени богов Митры и Варуны.

Этот сын, «дарованный Гангой», известен в эпосе под именем Бишмы.

Виварупа, как божество еще не разделенного мира, принадлежит к асурам, являясь одновременно пурохитой (домашним жрецом) богов. В «Брихаддевати» он подвижник, встающий на сторону асуров Индра пытается его соблазнить красотой апсар и, ничего не добившись, отрубает все три его головы. Образ Вишварупы близок к трехглавому Гериону греческой мифологии, побежденному Гераклом.

Брахмавадхья — смерть брахманам.

Ангирасы, полубоги, происходящие от Ангираса, одного из семи легендарных создателей гимнов, или от Праджапати, жрецы богов. В римской мифологии ангирасы соответствовали богине календарного цикла Ангеропе, связываемой с богами подземного мира.

Вала («охватывающий», «скрытый») —такой же космический противник Индры, как Вритра, однако его облик и функции не столь ясны. Он не только тюремщик холма, скрывшего коров, но и сам холм. В одном из гимнов он — огороженное место, полное вод. В этом смысле победитель Индра освободил не только коров, но и изначальные воды где-то в стране заката. Семантически Вала связан с италийским речным божеством Волтурном —то царем Вей, то царем Альбы, утонувшим в реке, которая получила его имя и этрусской Волтумной (богом или богиней). В славянской мифологии его параллель — «скотий бог» и покровитель домашних животных Велес, в балтийской мифологии — бог скота и подземного мира Веле.

Помещение Сомы на недоступную для смертных высоту, скорее всего, связано не с тем, что растение, из которого изготовлялся возбуждающий напиток, росло в горах, а с недостаточно ясной ассоциацией напитка с небесным телом — Луной уже в ведийскую эпоху. Возможно, в основе ассоциации было сопоставление изменения в состоянии луны с самочувствием человека, выпившего сому, и во влиянии луны на все живое, то, что уже в ведах называлось майей.

Согласно «Тайтиррия-брахману», асуры возникли издыхания Праджапати, в другой версии этого же текста — из брюшной полости.

Дити (букв. «связанность») —старшая дочь Депеши, жена Кашьяпы. Вместе со своей сестрой Дану она родоначальница асуров. Ей противостоит *Адити* — родоначальница богов.

Сканда — в индуистской мифологии предводитель небесного воинства. По одной из мифологических версий, он сын Агни и Свахи, по другой — бога Шивы и его супруги Парвати, рожденный для уничтожения Тараки.

Сложная структура города асуров вписывается в присущие многим народам Древнего Востока представления о священных космических городах, объединяющих три мира — подземный, земной и небесный. Таков Иерусалим библейских пророческих текстов, фантастическая персидская столица Экбатаны с семью кольцами стен, окрашенными в цвета радуги, этрусский небесный город Ойнарея. По этой же восточной модели создана Атлантида Платона.

Жертвенных огней, согласно ритуалу, было обычно три, из них два считались обязательными — праздничный и дароприносивительный.

Сюжет призван объяснить наличие булыжника на месте, предназначенном для жертвоприношения. Это место аналог Земли, которую богам удалось закрепить, тогда как она не имела опоры в пространстве. Это частый сюжет ведийских мифов — универсум нестабилен, непостоянен, грозит распадом. Боги и люди благодаря ритуалу обеспечивают неизменность мирового пространства.

Агастья — персонаж эпической мифологии, божественный мудрец, сын богини вод апсары Урваши, рожденный в кувшине с водою от семени двух богов, Митры и Варуны, излившегося при виде апсары. Своей духовной силой он сотворил из лучших элементов мира для себя жену Лопамудру, превратил в змея властителя трех миров Нахушу и возвратил Индре престол богов.

Связь океана с подземным миром, местонахождением нижних богов (асуров), засвидетельствована также в хеттской мифологии.

Хираньякашипу является, таким образом, функциональным двойником Раваны, получившим от Брахмы аналогичный дар.

Прахлада (др. — инд. «радость», «восторг») — сын Хираньякашипу, дед Бали.

О трех шагах Вишну сообщается уже в ведах. Из этого делается вывод, что первоначально Вишну был солнечным божеством. В эпоху пуран Вишну — главное космическое божество, вбирающее в себя всю вселенную. Причину такой метаморфозы ищут в увеличении влияния доарийских религиозных культов.

Ману—в ведах — сын Вивасвата (солнечного божества) и брат Ямы, первый из живущих на земле и царь. В эпосе насчитывается 14 Ману, 7 бывших и 7 будущих, от которых ведет начало человечество в каждый из мировых периодов).

В тексте приводится санскритское название рыбы, но оно не поддается идентификации. Впрочем, подругой, более поздней версии мифа, рыба — аватара Вишну, и спасает она множество живых существ.

Миф о потопе был широко распространен в древности. Это предание, датируемое VIII в. до н. э., в некотором отношении близко к библейскому: бог предупреждает человека о грядущих бедствиях. Но потоп не служит наказанием за грехи человечества. Ману — единственный из избежавших гибели людей, и ему приходится воссоздавать с помощью богов человеческий род.

Северная гора так же, как в библейском мифе, является местом спасения, что, возможно, связано с общими представлениями о севере как месте обитания богов (ср. греческий миф о стране гипербореев и этрусскую печень из Пьяченцы, где главные боги занимали северную сторону).

Поскольку *санскр.* «человек» — *manusa* (в дословном переводе — потомки Ману), надо думать, что само это слово послужило основой для возникновения мифа о Ману как прародителе человечества.

Этот сюжет характеризует падение значения Индры в постведийскую эпоху, когда главными богами стали Брахма, Вишну и Шива.

Очищение — самый распространенный ритуал религий индоевропейских народов. У греков это *sponde*, у хеттов — *sipant*, у римлян — *libatio*. Очищение совершалось после соприкосновения со всем, что чуждо живущим и жизни вообще (с чужаками, с трупами), — как путем возлияний водой, вином, медом, так и прохождением через скрещенные копыя, арку и т. п. К этому ритуалу восходит и изложенный сюжет очищения земли от всего чрезмерного, избыточного, противоречащего закону кругооборота природы. Под очищение подпадают и изначальные боги асуры, понимаемые как носители враждебной богам демонической силы.

Нахуша, сын Аюса, внук Пуруруваса. Основа его имени *nash* позволяет видеть в нем местного правителя, для которого змея была тотемом.

Таким образом, Брахма выступает как бог-очиститель Земли, и очищение осуществляется путем уничтожения «нечистой силы». Такого же рода очистителем и одновременно губителем в средиземноморских религиях является этрусский Аплу и греческий Аполлон.

Сказание о первых царях Вене и Притху посвящено проблеме возникновения государства и роли насилия как основы общественного порядка. Добрый царь Притху кость от кости, плоть от плоти своего своенравного отца-деспота Вены, убитого брахманами. Добиваясь восстановления плодородия в стране, т. е. выступая как культурный герой, он действует с помощью принуждения, терроризируя мать-Землю и заставляя ее плодоносить. Примечательна трактовка задач созданных впервые сказителя и певца — восхваление государственной власти независимо от реальных заслуг ее носителей.

Имя Притху впервые несколько раз упоминается в «Ригведе» и «Атхарведе», однако окончательную обработку мифы, связанные с его именем, получают в пуранах.

Сута и *Магадха* — имена прародителей двух каст, певцов и сказителей. *Сута* — колесничий, ведший колесницу царя, а затем воспевавший его подвиги. Сказитель «магадхиец» получил имя.

Жертва коня — ритуал, известный и другим религиям индоевропейцев. В Древнем Риме он осуществлялся весной, в конце старого года под названием equigria, а также в октябре нового года (eques October— «октябрьский конь»), сопровождаясь плясками с оружием жрецов-салиев. И так же как в индийской ашвамедхе за коня боролись боги и асуры, в Риме череп коня доставался одной из состязающихся в силе сторон — обитателей Священной улицы (Via Sacra) и Субуры.

Грозовые облака, как место любовной связи Шивы с Парвати, видимо, появились как часть другой версии рождения Сканды, согласно которой он был сыном Агни и Свахи, одной из дочерей Лакши. Согласно этой версии, младенца необычного вида нашли в тростниках на берегу Ганга шесть жен, отвергнутых своими мужьями-мудрецами. Их шестеро мудрецов обвинили в том, что они вступили в связь с Агни и родили найденыша. Говорили, что к нему приходил Агни, обернувшись мужем с козлиной бородой, и развлекал малыша. Все это оказалось напраслиной, ибо Сваха повинулась в грехе. Успокоившись, мудрецы вернули жен и удалились на небо, где уже был седьмой мудрец, и все вместе составили созвездие Большой Медведицы.

Планета Сатурн считалась зловещей и в других мифологиях. Ее связывали с миром мертвых. Греки отождествили ее с Кроносом, пожирающим своих детей.

Согласно легенде, именно этим пером Ганеша написал со слов мудреца Вьясы «Махабхарату», в которой Ганеша представлен сыном Шивы и Парвати. В индуистской мифологии Ганеша — бог мудрости, устранитель препятствий, и в соответствии с этим его жены носят имена со значением «разум», «успех». Поныне Ганеша — один из наиболее популярных богов. Храмы его находятся преимущественно на юге Индии.

Имя «Кришна» впервые появляется в «Ригведе», где оно принадлежит противнику Индре титану, но, скорее всего, оно просто означает «черный». В «Чхандогья-упанишаде» засвидетельствован Кришна, сын Деваки, ученик одного из мудрецов и сам учитель, возвещающий тайну религиозной истины. Трудно сказать, тот ли это Кришна, чьи деяния описаны в «Махабхарате», где он преимущественно воин и политик, союзник пандавов. В «Бхавад-гите», поэме, включенной в «Махабхарату», Кришна колесничий Арджуны, излагающий ему перед решающей битвой на Курукшетре религиозно-философскую доктрину, известную в Индии и за ее пределами как кшатризм. Полная «биография» Кришны представлена в «Бхавата-пуране» и «Вишну-пуране» и других пуранах. В образе Кришны слились древнейшее солнечное божество, бог-покровитель скотоводства и культ бога Вишну, воплощением которого он считался.

Матхура — город основанный героем «Рамаяны» Лакшманой на месте разрушенной им крепости ракшаса Мадху, ставший столицей племени ядавов и рода Кришны. Реальный город находился на берегу р. Джамна, между городами Дели и Агра.

Канса (инд. Камса, от глагола в значении «разрушать») — царь Матхуры.

Кали — в индуистской мифологии одно из воплощений: Деви, или Дурги, жены Шивы, олицетворение его губительной энергии. Культ ее, имевший неарийское происхождение, был связан с человеческими жертвоприношениями. Она изображалась в шкуре пантеры, с ожерельем из черепов вокруг шеи, с длинным окровавленным языком, высовывающимся изо рта. Главный ее храм находился в городе Калигхате (ныне Калькутта).

Мифологема о двух волосах, черном и белом, остается трудно объяснимой. Черный был цветом племен дасью, с которыми вторгшиеся в Индию арии вели борьбу. Нет ли здесь намека на местное, неарийское происхождение этого великого бога индуизма?

Васудева — отец Кришны и брат Кунти, матери рода пандавов, героев «Махабхараты». Во времена Пуран этот воин и предводитель войска мыслился как божество. Близость кришнаизма и васудевизма скорее всего превратила его в отца Кришны.

Баларама (также Баладева) — первоначально мифологический образ, связанный с кшатриями, в эпоху Пуран — воплощение змея Шеши, в свою очередь, воплощения Вишну, зачатый матерью Кришны Деваки.

Кришна почитался неарийскими пастушескими племенами на севере Индии, где Индра воспринимался как враждебный бог. Отсюда соперничество Кришны и Индры. Сохранились также сказания о похищении Кришной коров Индры. На основании этого эпизода некоторые исследователи обратили внимание на гимн «Ригведы», в котором Кришна представлен как сын рабыни.

Это восклицание из трех звуков выражает три аспекта верховного божества.

Этот эпизод дополняет сведения о Кришне как божестве неарийского населения Северной Индии, первоначально чуждом брахманизму. Давая ему в отцы Васудеву, потребовалось и обучить Кришну ведам.

Гандхарвы — полубоги, демоны, выступающие в некоторых местах «Ригведы» как противники Индры, — в эпосе и пуранах они выступают как певцы и музыканты, услаждающие богов. Гандхарвов по сходству теонимов сближают с греческими кентаврами, конноголовыми полубогами. В связи с этим приводятся сведения об изображении Вишну с конской головой, сказание о явлении Нараяны как конноголового бога и об отождествлении Кришны с первоконом Уччайшравой.

Пракрити — в индийской мифологии и философии первоначальная субстанция, воплощающая высшую волю творца, идентифицируется с *майей* — иллюзией и *шакти* — божественной женской энергией.

Маркандея — в постведийской мифологии воплощение (аватара) Вишну, легендарный мудрец, связанный с многочисленными сюжетами. Его погружение в божество мыслится как волшебная греза, однако оно выражает эсхатологические представления индуизма. Будущее встает как время природных катастроф, которым предшествует деградация человеческого общества в форме нарушения законов социальной жизни и установлений религии.

Сюжет изложен по «Маркандея-пуране» и «Матсья-пуране». Последняя более поздняя по времени, как это можно заключить по отождествлению Вишну со вселенной и всеми богами.

Юга в принципе соответствует векам или поколениям греческого мифа, изложенного поэтом Гесиодом. В индийском мифе отсутствует символика металлов — золото, серебро, медь, железо. Сами названия юг заимствованы из терминологии азартных игр. *Кали* — злосчастный бросок кости (то, что римляне называли «собакой»), Калиюга, в которой, согласно представлениям индийцев, мы обитаем, в пересчете на наше летосчисление наступила 18 февраля 3102 г. до н. э.

Воровство в индийской мифологии — порок древнейшей поры. В «Атхарваведе» имеется такое заклятие против воров, такого же зла человеческого рода, как дикие звери и колдуны: «Первым из зубастых мы разгрызаем тигра, затем и вора, потом змею, колдуна — потом. Тот вор, что приходит сегодня, уходит раздавленным. Пусть убьет его Индра дубиной грома».

Баньян, увиденный Маркандеей, — мировое древо, присутствующее в большинстве известных нам мифологий мира как образ, воплощающий универсальную концепцию вселенной. В мифе о Маркандее древо не просто ось мира, но и место обитания верховного божества. Упоминаемые в тексте боги отнесены на периферию.

Миф о Випашите отражает представления о смерти и загробной участи в постведийскую эпоху. Уже в «Атхарваведе» среди мифологических персонажей, богов и демонов присутствуют живущие в царстве Ямы души умерших предков, подобные римским манам, славянским дзядам и дедам, которые пользуются почитанием и требуют жертв. В постведийских текстах картина загробного мира приобретает завершенность. Он мыслится местом, где души несут наказание за преступления в земной жизни — проступки, неповиновение. Рассказы о существующих в этом мире порядках вкладываются в уста мудрецов, побывавших там, где терпят муки мертвые. Один из них, Випашита, — фигура, родственная шумероаккадскому Гильгамешу, греческому Орфею, Энею Вергилия и герою «Божественной комедии» Данте. Его извлеченная из тела душа, пройдя через жертвенный дым, встречается с самим Ямой, освобождающим ее от наказаний.

Отделение души Випашиты от тела и его загробное путешествие настолько близко представлениям о смерти этрусков, что могло бы быть проиллюстрировано фресками этруских гробниц.

Обещание Ямы не может служить указанием на существование особого места для избранных душ, избавленных от кары богов, подобного греческому Элизию. Души праведников, как и питары вед, живут вместе с богами в горних сферах.

Меру— гора, проходящая в центре Земли и мыслимая ее осью. Жилище богов наподобие греческого Олимпа.

Вайтарани («переносящая», «переправляющая») — подобная по функциям греческому Стиксу. Но в индийских мифах нет персонажа, подобного этрусскому Хару и греческому Харону. Преодолеть ее мог тот, кто при жизни подарил брахману корову, — в этом случае он мог держаться за ее хвост.

Шарбара («пятнистый») — по имени это соответствие Керберу греческих мифов. В текстах сохранилось имя лишь одного из этих адских псов — Удумбала.

Сиддхи считалась олицетворением искусства и колдовства (майи).

Джамбудвиппа — материк, примыкающий к горе Меру и включающий девять областей, в том числе Вхаратаваршу (Индию). Он получил название от фантастического дерева «джамбу», чьи плоды при падении на землю образуют реку целебного сока, исцеляющего от старости и болезней.

Киннары — прислуживающие Кубере существа то в облике людей с конскими головами, то птиц с человеческими головами.

Кальпа (доел, «порядок», «закон») — согласно индуистским мифам, сутки (день и ночь) Брахмы, 24 тысячи божественных лет, 4 320 000 000 — человеческих.

В более поздних мифах Шеша рассматривается как иллюзия Вишну или как часть его самого. Инкарнацией Шеши считается старший брат Кришны Баларама.

Амрита («бессмертная») уже в «Ригведе» помещалась среди вод и считалась напитком или пищей богов. Сходный мотив имеется в германской мифологии. У греков Амброзия также дочь Океана.

Белому коню, родившемуся из океана, соответствует греческий Пегас (отгреч. реде — «источник», «поток»), родившийся у истока океана от Посейдона и Медузы. Согласно другому варианту мифа, родился не конь, а слон Айравата.

Дханвантари (доел, «двигающийся по дуге») — первоначально — солнечное божество. В некоторых мифах он — воплощение Вишну. Дханвантари приписывался древнейший индийский трактат по медицине.

Повествование о жертвоприношении змей выходит за рамки главного сюжета «Махабхараты» — войны Пандавов и Кауравов — и имеет в своей основе конфликт между брахманизмом и арьями, с одной стороны, и местными племенами с их магическими культами — с другой. Наги представлены в образах змей, подобно тому как в «Рамаяне» принявшие брахманизм племена Южной Индии изображаются не иначе как в виде обезьян и медведей. Главный герой сюжета о жертвоприношении змеи брахман Астика, по отцовской линии арий, отшельник, поселившийся в местах обитания нагов, а по материнской — исконный житель, добивается прекращения жертвоприношений и тем самым примирения между враждующими сторонами. Время действия сюжета совпадает с эпохой проникновения ариев в Восточную Индию, когда большая часть местного населения обитала в джунглях, а арьи в прибрежных долинах. Отождествление нагов со змеями, возможно, связано с тем, что змея была их тотемом. Не исключено, что результатом примирения пришельцев с местными племенами было проникновение в мифологический мир последних змеиных образов Шеши, служившего ложем для Вишну, благого змея Васуки, «дяди» Астики, использовавшегося в качестве мутовки при пахтанье океана. Змея также обвивает шею Шивы и служит оружием его сыну — богу Ганешу.

Заговорам против змей посвящена целая книга «Атхарваеды». Стихотворные строки написаны по их мотивам.

Урваши (санскр. «рожденная из бедра»), впервые упомянутая в «Ригведе», — в постведийских мифах, как и другие апсары, дочь Брахмы; по другой версии — дочь мудреца Нараяны, аватары Вишну. Вступив в спор с самим Индрой, мудрец Нараяна решил доказать, что может порождать самые прекрасные существа. Он посадил себе на бедро лотос, из которого вырастил Урваши и подарил ее Индре.

В этом сюжете соединены миф о добывании священного огня с рассказом о судьбе второго царя Лунной династии, полюбившего прекрасную небесную нимфу. К нему и Урваши мифологическая традиция возводила шестерых сыновей, ставших царями.

Духшанта — царь из рода Пуру.

Канва — легендарный риши, которому приписываются некоторые гимны «Ригведы».

Вишвамित्रа — легендарный мудрец, упоминаемый в «Ригведе». Он родился кшатрием, но ценою суровых подвигов достиг положения брахмана.

Менака — небесная апсара, посланная Индрой, чтобы отвратить Вишвамитру от подвижничества.

Брак по способу гандхарвов был основан на взаимной любви и совершался втайне, без ведома родителей и совершения обряда.

Бхарата (букв. «воспитанный», «взлелеянный») — родоначальник рода, истории которого посвящена «Махабхарата».

Маричи («мерцающий огонек») — звезда из созвездия Большой Медведицы.

Прачутасы погрузились на дно Океана для молитв об увеличении рода человеческого и вернулись на землю после того, как Вишну обещал им выполнить их пожелание. От брака десяти царевичей с Маричи родился Дакша, который иногда отождествляется с Праджапати.

Кришна посещает Пандавов дважды. Клятва отомстить Кауравам им дана во время первого посещения леса вскоре после злосчастной игры.

Кришна представлен в «Махабхарате» двойко — как бог, воплощавший на земле Вишну, и как вождь ряда племен.

Колесница или упряжка в индийской религии — это символ жизни. Возница (сута) тем самым — духовный руководитель.

За этими намеками стоят давние, свойственные уже «Ригведе», представления о «тайном», «сокрытом», «сокровенном», «непонятном» языке богов, раскрываемом при их общении с людьми. Но это также язык откровений, используемый самими певцами гимнов.

Колебания Арджуны благодаря вмешательству Кришны и его философии действия были недолгими. Но насколько же выше и достойнее героя причина этих колебаний, чем у отказавшегося от сражения гомеровского Ахилла. Это не личная выгода или обида, а соображения гуманности, благодарная человеческая память.